

Пленённые В

ИРАНЕ

Неимоверная и
правдивая история
надежды и триумфа в
застенках жестокой
тегеранской тюрьмы «Эвин»

МАРЬЯМ РОСТАМПУР И МАРЗИЕ АМИРИЗАДЭ

Предисловие Энн Грем Лотц

Пленённые В ИРАНЕ

Неимоверная и правдивая история
надежды и триумфа в застенках
жестоким тегеранской тюрьмы «Эвин»

МАРЬЯМ РОСТАМПУР И МАРЗИЕ АМИРИЗАДЭ

Предисловие Энн Грем Лотц

eBooks for download
east.om.org/ebooks

Originally published in the U.S.A. under the title:
Captive in Iran, by Maryam Rostampour and Marziyeh Amirizadeh

Copyright © 2013 by Maryam Rostampour and Marziyeh Amirizadeh
Russian edition © 2020 by OM East with permission of Tyndale House Publishers, a division
of Tyndale House Ministries. All rights reserved.

Первоначально опубликовано в США:
Captive in Iran, Maryam Rostampour, Marziyeh Amirizadeh

© 2013 Maryam Rostampour, Marziyeh Amirizadeh
Русское издание © 2020 «ОМ East» с разрешения издательства «Tyndale House Publishers», которое входит в состав «Tyndale House Ministries».
Авторское право защищено.

ISBN: 978-1414371207

Перевод Маргариты Тучковой
Редакторы: Светлана Фотина, Пётр Никитин
Graphics & Layout: OM EAST

eBooks for download: east.om.org/ebooks

Библейские цитаты приведены из Синодальной Библии.

Книга создана на пожертвования христиан и не предназначена для продажи.

Из-за деликатного характера историй, рассказанных о женщинах, содержащихся в Центре предварительного заключения «Возара» и в тюрьме «Эвин» в Иране, многие имена изменены с целью защиты неприкосновенности частной жизни и достоинства вовлечённых лиц.

Книга посвящена памяти нашей дорогой подруги
Ширин Алам Хули, чьи смелость, доброта и любовь
живут в сердцах всех, кто знал её;
всем драгоценным женщинам, разделившим
с нами тяготы заключения в тюрьме «Эвин»
(некоторые из них уже вышли на свободу);
всем женщинам, до сего дня ожидающим
справедливости и правосудия,
которые им может дать только свободная страна

Предисловие

Через тридцать шесть часов после возвращения из поездки в Индию я снова была в пути. На этот раз я направлялась на женскую конференцию, которая проходила в девяносто минутах езды от Атланты, в штате Джорджия. Вечером я выступила перед присутствующими, а на следующее утро одна из организаторов конференции пришла ко мне в номер с двумя иранскими девушками, с которыми, по её мнению, мне было бы интересно познакомиться. Мне представили их по новым, американским, именам: Мерси и Мириам.

Мы немного поболтали, а потом, зная, что они обе из мусульманской страны, я попросила каждую из них рассказать о том, как они уверовали в Иисуса Христа. Однако, попросив об этом, я и понятия не имела, каким огромным благословением станет для меня свидетельство об их пути веры. Они не просто получили спасение от грехов. Они не просто обратились в христианство. Они обе были глубоко влюблены в Иисуса! В течение часа девушки изливали передо мной свои сердца. Так я узнала об их любви, выкованной и закалённой в пламени гонений, страданий и боли.

Ближе к концу нашей встречи, со слезами на их прекрасных лицах, девушки произнесли слова, которые я не могу забыть до сих пор. Они сказали, что им легче было ощущать Божий мир, Его присутствие и Его силу в тюрьме «Эвин», чем здесь, в Соединённых Штатах Америки. Тюрьма «Эвин» — тегеранская тюрьма особо строгого режима, которая имеет худшую репутацию, чем пресловутые американские тюрьмы «Алькатрас» и «Ангола». Место, которое заставляет вздрогнуть даже самых сильных! Как такое возможно?!

Поскольку мне нужно было успеть на самолёт, у меня совершенно не было времени ни на то, чтобы выяснить, что заставило их произнести эти слова, ни чтобы услышать их свидетельство о заключении за веру в тюрьме «Эвин», ни чтобы расспросить, как они ощущали там Божье присутствие и мир, ни чтобы понять, как их вера не только выдержала это испытание, но и выстояла «на отлично»! Поэтому, несколько недель спустя, когда я получила от девушек письмо, в котором они просили меня разрешить им отправить мне рукопись их недавно законченной книги и написать к ней предисловие, я согласилась не

раздумывая. Я не могла дожидаться, чтобы поскорее узнать подробности их свидетельства. И оно не разочаровало меня!

Перечитывая страницу за страницей, я восторгалась каждой главой книги. Однако больше всего меня поразили не слова, которые они использовали для описания жизни в тюремных застенках, а то, что было ясно написано между строк. Я до сих пор поражаюсь их смелости, силе, стойкости и непоколебимости в провозглашении имени Иисуса — Сына Божия, Спасителя мира, воскресшего Господа и Царя. Они с любовью и бесстрашием проповедовали Его заблудшим женщинам, которые реагировали на услышанное слезами. Они проповедовали его женщинам, которые пытались манипулировать ими и использовать их в своих целях. Проповедовали враждебно настроенным чиновникам — сотрудникам службы безопасности, правоохранительных органов и тюрем, которые имели право наказывать и пытаться их. Они проповедовали судьям, которые предлагали освободить их в обмен на то, что они отрекутся от своей веры.

В тёмном аду тюрьмы «Эвин» Мерси и Мириам излучали свет Христов! Их любовь к наименее значимым, их доброта к наиболее злобным, их нежность к самым грубым и готовность служить в страшнейшем месте, которое только можно себе представить, — вот истинные потрясающие чёткое отражение Господа Иисуса, Которого они любят и о присутствии Которого не прекращали свидетельствовать внутри этих ужасных стен. Иисус не просто провёл их через эти ужасные испытания — Он сделал их шестие победоносным!

Читая свидетельство Мерси и Мириам, я размышляла о том, что, возможно, Бог привёл их сюда, в США, чтобы с помощью их замечательных историй подготовить Свой народ к тому, что грядёт? Чтобы ещё раз напомнить нам, что наш Бог истинен и верен, независимо от того, где бы мы ни оказались? Потому что каждый из нас пережил или же переживает в настоящий момент тюремное заключение, не так ли? Будь то тюрьма физической боли, финансового краха, эмоционального расстройства, супружеского насилия или предательства, отвержения родными.

Книга «Пленённые в Иране» укрепила мою веру. Прочтите её! Я уверена, что она укрепит и вашу веру.

Энн Грэм Лотц

Не о чем беспокоиться

Марьям

Я вернулась от стоматолога и вошла в пустую квартиру. В челюсти пульсировала острая боль. Я налила в стакан воды, чтобы принять обезболивающее, но тут зазвонил телефон. На другом конце зазвучал голос моей сестры, Ширин.

— Как хорошо, что я застала тебя дома, — взволнованно сказала она. — Прошлой ночью мне приснился ужасный сон. Мне снилось, что ты исчезла, и голос сказал, что ты будешь в тёмном и ужасном месте, где тебе будет очень страшно. Потом над твоей головой внезапно открылось небо, и тебя подняли вверх. Там ты оказалась на красивом зелёном лугу. Затем голос сказал: «Вот что происходит с твоей сестрой...»

— Не обращай внимания, — ответила я, стараясь казаться как можно более спокойной. — Ты всегда делаешь из мухи слона. Всё в порядке. На новогодние праздники мы с Марзие едем в отпуск на две недели. Когда выедем, я позвоню тебе и в дороге смогу поговорить с тобой подольше.

На самом деле мы с Марзие собирались в дорогу, но только не в отпуск. Легенду об отпуске мы придумали для друзей и родных, ради их же безопасности. На самом деле мы ездили в другие города Ирана, чтобы распространять Новый Завет.

Откровенно говоря, сон Ширин обеспокоил меня больше, чем я хотела показать ей, потому что недавно и мне самой приснился тревожный сон, в котором мы с Марзие стояли на холме с группой других девушек и парней. И старик в сияющих одеждах пророчествовал о каждом из нас. Посмотрев на меня и Марзие, он произнёс: «Вас двоих заберут».

Принимая во внимание нашу предстоящую поездку и два этих тревожных сна, которые почти одновременно приснились мне и моей сестре, я начала волноваться.

Однако я старалась постоянно напоминать себе о том, что *всё будет так, как запланировал Бог*.

Размышляя над сном, я прилегла на диван и задремала. Вдруг раздался звонок в дверь. Я услышала в коридоре голос Марзие и другие голоса, незнакомые мне.

«Странно. Почему она просто не откроет дверь своим ключом? Может, забыла его».

Посмотрев в глазок, я увидела Марзие, молодую женщину в исламской одежде, и двух молодых мужчин.

— Откройте дверь! — потребовала женщина.

Я только что приняла обезболивающее, чтобы унять острую зубную боль, и из-за него мне очень хотелось спать, а мои мысли путались. Мне нужно было время, чтобы подумать.

— Подождите, пока я переоденусь, — ответила я через дверь, решив воспользоваться тем, что исламский закон требовал, чтобы я соблюла строгий дресс-код, предписанный Кораном, прежде чем впустить в квартиру мужчину, который не был моим родственником. За дверь же их стояло двое...

— Не волнуйся, — снисходительно ответила женщина, — они не будут входить. Войду только я.

Когда я повернула ключ в замочной скважине, женщина сильно толкнула дверь и приказала мне идти и надеть приемлемую одежду. Сама же она последовала за мной в мою комнату. Когда мы вернулись в гостиную, Марзие сидела на диване с покрытой соответственно исламскому закону головой, а двое молодых людей обыскивали нашу квартиру. В шоке и ужасе мы наблюдали за тем, как они последовательно роются в каждом углу каждой комнаты, опустошая ящики, шкафы и полки, и копаются в наших книгах и компакт-дисках. Они даже обыскали кладовую на кухне.

Конечно же, у них не было ни ордера на обыск, ни каких-либо письменных документов. Это были *басиджи*¹, члены Революционной

¹ *Басидж* (перс. «мобилизация») — иранское полужоное ополчение, одна из пяти так называемых «сил» в составе Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Основан в 1979 году, после Исламской революции в Иране, по инициативе тогдашнего Высшего руководителя Исламской Республики Иран — Рухоллы Хомейни. Басидж подчиняется Корпусу Стражей Исламской революции и действующему Верховному правителю аятолле Хаменеи. Однако в ряде источников басидж описывается как союз разрозненных организаций, включающий локальные группировки, подконтрольные местным властям. — *Прим. пер.*

гвардии, и им не нужно было разрешение на какие-либо действия. Как и большинство *басиджи*, эти двое были молоды и высокомерны — бандиты в возрасте примерно до 20 лет или же ненамного старше, одетые в одежду, соответствующую их полуофициальному статусу, — чему-то среднему между милиционерами и обычными боевиками. Они не носили форму, потому что хотели слиться с толпой. Они не носили даже *чафии*, чёрно-белые клетчатые шарфы, неизменный атрибут *басиджи*, символ следования за верховным руководителем Ирана, аятоллой Али Хаменеи. Их одежда была такой же грязной, как и они сами.

Год тому назад мы с Марзие сняли эту скромную квартиру, расположенную к северу от центра Тегерана. Это жильё — в тихом месте, с камином в гостиной, белыми стенами, темно-красными шторами и современной мебелью, обтянутой яркой тёмно-оранжевой тканью и с большими пушистыми подушками. Окна обеих спален выходят на прекрасные горы Дарке, популярное место среди альпинистов. С кухонного балкона видна улица и высокие стены суровой тюрьмы, расположенной неподалёку.

Эта квартира стала нашим домом, нашим пристанищем, а также местом встречи подпольной церкви, состоявшей в основном из молодых людей, а также нескольких людей чуть постарше, которые готовы были рисковать заключением и смертью ради того, чтобы поклоняться Иисусу Христу, вместе с нами став преступниками в глазах иранского законодательства. В каждой спальне стояла стопка пластиковых стульев, а также коробки с Новыми Заветами и другой христианской литературой. Квартира стала «базой», из которой мы тайно распространяли Евангелие Иисуса Христа в этом огромном городе, насчитывающем более семи миллионов жителей. А теперь сюда без предупреждения ворвались эти незнакомцы и командовали нами.

— Сядьте на диван, — прервал нас с Марзие один из *басиджи*, — и не разговаривайте!

Он был худым и нервным, скорее мальчик, чем мужчина, с широкими мохнатыми бровями, копной густых чёрных волос и редкой, пушистой бородкой. Он гордился своим положением и проявлял ревность в исполнении исламского закона (согласно которому лица женского пола, начиная с девятилетнего возраста, вступив в который они считаются достаточно взрослыми для заключения брака, беспрекословно

подчиняются всем мужчинам). Его вид не оставлял сомнений в том, что нам лучше подчиниться и держать рты на замке.

Другой *басиджи* — постарше и повыше ростом, светлокожий, с зелёными глазами, который, казалось, был главным, — вёл себя более сдержанно.

— Не волнуйтесь, дамы, — сказал он. — Сидите тихо и сохраняйте спокойствие.

Хотя из всех пришедших явно наделены властью были эти двое, но, согласно исламскому закону, чтобы войти в наш дом, им необходимо было иметь с собой сопровождающую женского пола, потому что мы не были их родственницами. Молодая женщина была облачена в *чадру* — длинное свободного кроя одеяние, которое женщины-мусульманки обязаны носить в общественных местах или в присутствии мужчин, не являющихся их родственниками. Из-под *чадры* виднелась зелёная форма. Может быть, она была сотрудницей правоохранительных органов.

К счастью, пока *басиджи* проводили обыск, мы с Марзие нашли возможность спрятать свои мобильные телефоны. Наши адресные книги, текстовые сообщения и фотоархивы могли быть использованы как доказательства связи с нашими друзьями, что, несомненно, подвергло бы их опасности. На компьютере хранились фотоотчёты о наших миссионерских поездках в Индию и Южную Корею. К сожалению, перед тем, как открыть дверь, я не успела выключить телевизор. В Иране пользование спутниковым телевидением являлось противозаконным, потому что программы, транслируемые из-за рубежа, не подвергались цензуре и, следовательно, «представляли угрозу чистоте исламского государства».

Марзие

Медленно минуты перетекали в часы. Молодая женщина пристально следила за нами, в то время как двое мужчин сбрасывали наши вещи в ящики, стоявшие на полу в гостиной. Они нашли сотни компакт-дисков с христианскими записями и Новых Заветов на фарси, официальном языке Ирана, а также обратили внимание на карточки со стихами из Библии, висевшие на холодильнике.

— Вы стали христианками? — строго спросил Марьям старший *басиджи*, по имени Мохаммади, как мы узнали позже.

— Да! — ответила она громким уверенным голосом. — Я христианка уже в течение одиннадцати лет.

Он повернулся ко мне.

— А ты, почему ты стала христианкой?! Почему отвернулась от ислама?! Что плохого сделал тебе наш имам Хусейн?! — раздражённо воскликнул он, имея в виду одного из исламских религиозных лидеров нашей страны.

— Я стала христианкой, потому что встретила Иисуса, — объяснила я. — Я ни от чего не отворачивалась. А лишь повернулась к Иисусу, потому что Он вошёл в моё сердце и призвал меня к Себе!

— Так ты встретила Иисуса? — саркастически скривился Мохаммади. — И как же он выглядит? Черноволосый или светловолосый? У него есть борода?

Я не ответила. Наблюдая за безостановочным разрушением *басиджи* нашей квартиры, я вспомнила сны, которые мне снились о том, что когда-то я окажусь в тюрьме за веру. Об этих снах я рассказала только Марьям и нескольким другим ближайшим подругам.

— А тебя не пугают мысли о тюрьме? — спрашивали они. — Ты не боишься, что там тебя будут пытаться и насиловать?

Мой ответ всегда был неизменным.

— Бог — мой Отец, и Он никогда не допустит, чтобы со мной так поступали. А если Он и допустит это для исполнения Своей воли, даже если я не смогу этого понять, я всегда буду доверять Ему.

Шёл седьмой час вечера. Обыск *басиджи* длился уже более двух часов. Попросив разрешения встать с дивана, мы с Марьям принесли им Новые Заветы и компакт-диски, которые они не нашли, и помогли их сосчитать: 190 Новых Заветов и 500 компакт-дисков.

Не поддаваясь на запугивания, Марьям потребовала:

— Но помните, вы обязаны вернуть нам всё это!

— Я уверен, что вы получите всё обратно, — насмешливо пообещал Мохаммади.

Марьям взяла с кучи один Новый Завет и протянула ему.

— Возьмите и прочтите.

— У меня уже есть, — ответил он. — Но я предпочитаю читать настоящую, правдивую святую книгу, а не искажённую, как эта.

Он, вероятно, имел в виду, что прочитал так называемое «Евангелие от Варнавы»², ложную версию Писания, в которой Иисус изображён не как Сын Божий и Спаситель мира, а как малый пророк, в соответствии с описанием Корана. Многие мусульмане думают, что это — христианское Евангелие, потому что у них не было возможности прочесть настоящее.

Он поднял с пола книгу «*Исповедь*» святого Августина.

— Что это за книга? — грозно спросил он.

— Эту книгу можно купить в книжных магазинах по всей стране, — ответила я. — Мы просто хотели почитать, думали, что это интересная книга.

Мохаммади продолжал перелистывать наши книги, и, наблюдая за ним, я задавалась вопросом, умеет ли он читать вообще. Если он умел читать, его познания в области литературы были в лучшем случае отрывочны — это типично для недалёких, малообразованных людей, которые тысячами состояли на службе у правительства. Он не мог отличить христианские книги от остальных и не узнал даже диски одной из лучших музыкальных групп страны.

— Кажется, ваш Господь повсюду в этом доме, — минуту спустя произнёс Мухаммади.

— Здесь вы не найдёте ничего, кроме Господа, — ответила я, — потому что мы живём с Господом.

Мы находились на волоске от ареста. *Басиджи* обыскали нашу квартиру без ордера. Однако они имели право арестовать нас без предъявления каких-либо обвинений. Быть христианином в Иране — не является нарушением закона. Тем не менее, с практической точки зрения, сотрудники правоохранительных органов, члены Революционной гвардии, судьи и представители всех остальных органов власти толкуют закон, как им заблагорассудится, и не подотчётны никому. Эти двое юношей и молодая женщина, пришедшая вместе с ними, могут обвинить нас в чём угодно или же задержать, вообще не предъявив никаких обвинений. И хотя быть христианином само собой не является преступлением, обращение из ислама в другую

² «Истинное Евангелие об Иисусе, называемом Христом, новом пророке, посланном Богом в мир, по описанию Варнавы, Его апостола» — апокриф, написанный от имени апостола Варнавы и повествующий о жизни Иисуса. «Евангелие от Варнавы» является средневековой подделкой, примерно XV века, написанной с мусульманской точки зрения (псевдоапокрифом). — *Прим. пер.*

веру и евангелизация считаются преступлением вероотступничества и наказываются смертью.

Невзирая на то, что мы с Марьям выросли в мусульманских семьях и имели исламские имена, мы не приняли ислам ни в детском возрасте, ни в юношестве. По нашему мнению, мы никогда не «обращались» из ислама, потому что никогда не принадлежали ему — мы никогда не были последователями ислама. Мы познакомились на конференции, организованной евангельской церковью в Турции, решили нести служение вместе и провели последние три года в Тегеране, проповедуя Благою Весть всем, кто интересовался ею. В течение этих лет, разделив город на квадраты на нашей огромной настенной карте, каждый вечер с восьми часов до полуночи мы посещали один сектор за другим. Там мы раздавали Новые Заветы в кафе, дарили их таксистам и оставляли в такси, магазинах и в почтовых ящиках жилых домов. Закончив раздавать в этом квадрате, мы отмечали его крестиком. Всего за три года мы распространили около двадцати тысяч Новых Заветов.

Мы также путешествовали за пределы Тегерана, чтобы привезти Слово Божье в другие города. Нам удалось даже оставить несколько экземпляров Нового Завета в мечети недалеко от Куме (мечеть Джем-каран. — *Прим. ред.*), одном из самых священных мест ислама, куда вход христианам строжайше запрещён. Но что может быть лучше, чтобы познакомить людей с истиной Иисуса Христа! За эти годы мы научились быть осторожными и полагаться на Бога, Который защищал нас, куда бы мы ни шли.

Тем не менее у властей возникли официальные подозрения относительно нас. И теперь, когда власти наблюдают за нами, мы, ни при каких обстоятельствах, не собираемся отрицать свою веру или же скрывать её. Ныне наша задача — оставаться верными Христу, продолжать своё служение и стараться не быть пойманными.

Эти размышления и воспоминания вихрем проносились у меня в голове, пока мы с Марьям помогали *басиджи* собирать всё, что они хотели: Новые Заветы, компакт-диски, наши дневники, личные вещи, документы, удостоверяющие личность, и многое другое. Они приказали нам следовать за ними, не разрешив взять с собой ни сменную одежду, ни еду. Мы понятия не имели, куда нас везут и когда мы вернёмся домой.

— Какую одежду брать — зимнюю или летнюю? — попыталась пошутить Марьям. Однако ответа не последовало.

Молодая женщина провела нас к маленькой грязно-белой машине и села между нами на заднем сиденье. За нами следовали мужчины с коробками, набитыми нашими вещами. Смеркалось. Дул холодный ветер. На улице возле нашего дома было тихо. Когда же мы выехали на соседнюю улицу, то увидели, что она полна людьми, которые в суматохе бегали по магазинам, готовясь к празднованию иранского Нового года, до наступления которого оставалось чуть более двух недель. Проезжая часть узких дорог всё ещё была забита машинами, а тротуары — пешеходами.

Мы проехали мимо стен тюрьмы, которые каждый день видели из окон своей кухни. Это — тюрьма «Эвин», печально известная крепость, построенная ещё во времена правления шаха, в которую заточали тех, кто выступал против его правления. Со времени потери шахом власти в 1979 году тюрьму стали использовать для содержания политических заключённых. В её одиночных камерах пытаются тех, кого считают врагами исламского государства. Мы проезжали мимо её высоких стен из красного кирпича почти каждый день, задаваясь вопросом, кто отбывает там заключение и каково им приходится. Возможно, именно это вот-вот придётся выяснить и нам...

Наконец, мы подъехали к полицейскому участку в районе Гиша, трёхэтажному кирпичному зданию, куда весь день приходили и уходили те, кому нужно было оформить документы на транспортное средство. Как обычно, у главного входа стояла очередь. Однако вместо того, чтобы ввести нас через входную дверь, *басиджи* приказали нам выйти из машины и повели в тихий переулок, подальше от посторонних глаз, к входу, у которого стояла охрана. Это был вход на Базу 2, объект полиции безопасности, которая занимается преступлениями против государства.

Наше невероятное, пугающее путешествие началось рано утром 5 марта 2009 года. Когда мы с Марьям собирались отправиться каждая по своим делам, я получила странный телефонный звонок. Вежливый голос на линии сообщил мне о проблеме с регистрацией моей машины и попросил явиться в полицейский участок Гиша до двух часов, чтобы разобраться с документами. Я сразу же позвонила бывшему владельцу машины, чтобы узнать, не известно ли ему о какой-либо проблеме,

однако он не ответил на звонок. Затем я позвонила другу-адвокату, чтобы узнать, стоит ли мне беспокоиться.

— Нет, — заверил меня друг. — Такие проблемы возникают постоянно. Не беспокойся.

Несмотря на это, я не могла не думать о том, что произошло несколькими днями ранее, когда я пошла получать свой паспорт. В одном из бланков меня попросили указать свою религиозную принадлежность, и я поставила галочку напротив «христианство». Когда подошла моя очередь, клерк был возмущён.

— Это невозможно! — протестовал он. — У тебя исламское имя. Твои родители — мусульмане. Как ты можешь быть христианкой?!

— С Господом возможно всё, — ответила я. Клерк бросил на меня сердитый взгляд, но больше не произнёс ни слова.

Я всё время только об этом и думала, бегая по городу по делам, а затем навещая свою сестру, Елену. Около 11:30 я отправилась в полицейский участок.

Меня остановил охранник у двери.

— Что вам надо? — спросил он.

— Мне позвонили и сказали, что возникла проблема с регистрацией моего автомобиля, — объяснила я.

— Вы не можете войти сюда в такой одежде.

Я была одета скромно, волосы — полностью покрыты, как того требовало присутствие в общественном месте, но на мне не было исламской *чадры*, потому что я — не мусульманка.

— Но я покрыта, — попыталась поспорить я.

— Я уже сказал то, что должен был сказать, — ответил охранник. — Как хотите. Но если войдёте в такой одежде, на вас никто не обратит внимания, вас просто не примут.

Желая как можно скорее решить проблему с документами, я вернулась домой и переоделась, а затем снова поехала в полицейский участок. К тому времени учреждение было закрыто на обед и одну из ежедневных пятикратных молитв, предписываемых исламским законом.

Я объяснила охраннику, что мне сказали явиться в участок не позднее двух часов. Охранник настаивал на том, что сейчас обед и меня никому будет принять. После нескольких минут спора я, наконец, убедила его впустить меня внутрь, где я рассказала дежурному за стойкой о телефонном звонке.

— Не может быть, — ответил он. — Мы вам не звонили. Вы, должно быть, ошиблись. — Он вручил мне карточку с адресом. — Обратитесь туда. Возможно, это они вам звонили.

В этот момент вошёл тучный мужчина средних лет в полицейской форме.

— Я — господин Хагигат, — сказал он вежливо. (На фарси *хагигат* означает «истина». Полицейские, судьи и другие высокопоставленные лица в иранском правительстве не используют свои настоящие имена. И со временем мы убедимся в ироничности этого псевдонима). — Думаю, я могу вам помочь. Пройдём со мной.

Он повёл меня по коридору в скудно обставленный кабинет, где за столом сидел мужчина с хриплым голосом и большим квадратным лицом, покрытым густой чёрной щетиной. Его тёмные, глубоко посаженные глаза казались слишком маленькими для его большой головы. Он постоянно морщил лоб.

К моему удивлению, мужчина улыбнулся и сказал:

— А вот и ты. Ты пришла в нужное место. Это я звонил тебе сегодня утром. Меня зовут господин Расти. (*Расти* — другое слово на фарси, которое означает «истина».) — Пожалуйста, присаживайся, — предложил он.

Господин Хагигат вышел из кабинета и закрыл за собой дверь, оставив меня наедине с господином Расти.

— Где твои документы?

Я протянула ему удостоверение личности, водительские права и регистрацию транспортного средства. Господин Расти долго рассматривал их, а затем, не поднимая глаз, начал задавать вопросы.

— Ты замужем?

— Нет, не замужем.

— Живёшь одна или с родителями?

— Я живу с подругой.

Он спросил мой адрес и некоторые другие личные данные. Потом наступила пауза.

— Ты — христианка?

«Ага! Вот что было причиной моего вызова в полицию. Машина не имела к этому никакого отношения. Меня вызвали из-за моей религиозной принадлежности, указанной в паспорте».

— Да, я христианка уже в течение одиннадцати лет. А почему вы спрашиваете?

— Ты читаешь Библию?

— Конечно! Естественно! Я христианка и читаю Библию. А в чём проблема?

Господин Расти не ответил; вместо этого он спросил, была ли я в одном ресторане в названное им время. Это был популярный ресторан в традиционном, национальном стиле, в котором посетители могли отдохнуть, расслабившись на диванах за столами, расположенными на низких платформах. Еда и музыка также были традиционными. Это было любимое место для молодёжных тусовок, поэтому оно кишело и сотрудниками службы безопасности, одетыми в штатское, которые следили за посетителями.

— Я не помню, — ответила я. — Я даже не помню, что ела вчера. Я знаю этот ресторан, но я не помню, была ли там в тот день или нет.

Господин Расти, наконец, поднял голову и впился в меня взглядом.

— В прошлом месяце наши сотрудники видели тебя и твою подругу в этом ресторане, и вы раздавали там Библии. Они записали номерные знаки твоего автомобиля, и теперь мы нашли тебя. Ты раздавала Библии людям в этом ресторане?

— Я — христианка, — лишь повторила я, — и верю в Библию. Если кто-то задает мне вопросы о Библии, я отвечаю на них. Если кто-то попросит у меня Библию, я даю им её. Возможно, я и дала кому-то Новый Завет в этом ресторане. Но в чём проблема?

Настроение и выражение лица господина Расти мгновенно изменились. Он вскочил со стула и разъярённо закричал:

— Я расскажу тебе, в чём проблема! Охрана! Немедленно сюда двух женщин-офицеров!

Внезапное изменение атмосферы было поразительным и на мгновение напугало меня. Однако я сразу же вспомнила обещание, которое когда-то, давным-давно, дала Господу: *«Я никогда не отрекусь от Тебя. Я верю, что Ты всегда будешь со мной и поможешь мне преодолеть страх»*.

В помещение поспешно вошли две женщины в *чадрах* и длинных покрывалах.

— Ты арестована, — объявил господин Расти, и одна из женщин одела на мои запястья наручники. Он вышел из кабинета и вернулся с двумя другими мужчинами: один молодой и долговязый, другой немного старше и со светлой кожей.

— У нас есть ордер на обыск твоей квартиры, — заявил господин Расти. — Пойдѐшь с этими двумя, они проведут обыск. А где сейчас твоя соседка?

— У стоматолога, — ответила я.

— У дантиста или где-то раздаѐт Библии? — ухмыльнулся господин Расти.

Прямо в наручниках меня затолкали в небольшую белую полицейскую машину. За мной последовали двое молодых мужчин и молодая женщина по имени Захра, которая то и дело бросала на меня исполненные высокомерия взгляды. По дороге на квартиру я наклонилась к Захре и прошептала: «Я — христианка. Меня арестовали за веру, а не за преступление. Для меня большая честь — служить Христу, тем более таким образом, и я хочу, чтобы вы знали, что я не сержусь на вас за то, что вы сделали». Улыбка Захры быстро исчезла, и она больше не смотрела на меня до самого конца поездки.

Марьям

Прежде, чем пойти к стоматологу, я потратила часть утра на походы по магазинам и покупки к предстоящему новогоднему празднику. Толпы на улицах были настолько многочисленными, что к заваленным товарами витринам магазинов едва можно было протолкнуться. Некоторые продукты, такие как крашеные яйца, появлялись в продаже только в праздничные дни.

Пробираясь по многочисленным улицам, я подумала: «*А может, после того как полечу зубы, купить пару традиционных новогодних золотых рыбок: красную — для Марзие и чёрную — для себя?*»

Утром я слышала, как Марзие звонили относительно регистрации машины и как потом она звонила другу-адвокату, чтобы проконсультироваться. Вызов в полицию показался мне подозрительным, и я волновалась. Но я напредила себе: *с нами произойдѐт только то, что Бог запланировал в наших жизнях для исполнения Его воли. И ни один человек, ни один режим не в силах изменить этого.*

Проведя тридцать минут в стоматологическом кресле, я записалась на приём через несколько дней. Тайственный звонок Марзие всё ещё не выходил у меня из головы. Я очень переживала и решила позвонить ей на мобильный телефон.

— Я дома, — сказала Марзие, — но буду здесь недолго, только переоденусь и вернусь в полицейский участок, потому что иначе меня там не принимают.

— Подожди, пока я приеду, — попросила я. — Здесь что-то не так. Давай ещё раз всё обсудим и вместе подумаем, что делать.

— Ты права, нам следует быть осторожными, — ответила Марзие, — но мне нужно вернуться в участок до двух часов, а потом ещё успеть по другим делам.

Я записала адрес и спрятала его, чтобы не потерять. Откуда мне было знать, что Марзие идёт прямо в ловушку и вернётся домой уже арестованной, а наша вера в Бога вот-вот подвергнется нелёгкому испытанию.

Всего два дня тому назад мы с Марзие беседовали об апостоле Луке, который стал учеником Иисуса в опасное время и верно следовал за апостолом Павлом до самого момента его мученической смерти. Можем ли и мы быть такими же верными, такими же сильными? «Да, мы можем», — единодушно согласились мы. Мы пойдём за Христом куда угодно — в Саудовскую Аравию, в Москву или куда бы то ни было, где Господь преследуем больше всего.

Но сможем ли мы на самом деле сделать это? Действительно ли пойдём за Господом туда, куда Он призвёт нас выполнять Его работу? Когда рассуждаешь об этом наедине в своей квартире, дать подобное обещание казалось делом нехитрым. Сейчас же мы были арестованы и находились под охраной в отделении полиции, и теперь эта перспектива казалась нам куда более серьёзной. По выражению лица Марзие я видела, что она испытывает те же чувства, которые переживаю и я: пытаюсь казаться уверенной снаружи, она была очень испугана внутри. Меня уже начало тошнить и сводить желудок, а во рту внезапно стало так же сухо, как в пустыне Даште-Лут. В моих венах, как будто электрический разряд, пульсировал адреналин.

Изо всех сил борясь с охватывающей нас паникой, мы понимали, что мы слабы и совсем не смелы. Даже Пётр, ближайший друг Иисуса, подвергнувшись опасности, трижды отрёкся от Господа. Отречёмся ли мы от Христа ради своего спасения? И если потерпим неудачу и поступим как Пётр, как мы сможем простить себя? Я молилась, чтобы Господь помог нам быть сильными. Чтобы Он помог нам быть смелыми и выстоять только благодаря Его силе, а не нашей

собственной. Без Христа мы — ничто, а с Ним — под Его защитой и наделены Его силой.

Эти мысли утешали меня, когда нас с Марзие вели через то же многолюдное здание, куда она добровольно пришла всего несколько часов назад. Люди, которые обыскивали нашу квартиру, привели нас к лестничному пролёту, на котором был вход в небольшой кабинет с голыми стенами, огромным столом с четырьмя стульями и окном, расположенным за ним. То, что они называли «конфискованным имуществом», было разбросано на столе и по всему полу. Мы сели и смотрели, как в кабинет приносят то, что забрали из нашей квартиры. Горы на столе и на полу постоянно росли.

— Сидите тихо и никаких разговоров, — приказала женщина-охранник.

Мы сделали так, как нам было приказано. Затем мы услышали шаги в коридоре...

ВИНОВНЫЕ

Марзие

В кабинет вошёл господин Расти. Он обвёл нас взглядом своих тёмных маленьких глаз и начал копаться в куче вещей на столе. Он поднёс Новый Завет к свету, рассмотрел его, а затем начал рыться в стопке компакт-дисков. Внезапно он нахмурился. Он посмотрел на Мохаммади.

— Вы собрали все доказательства? — строго спросил он. Мохаммади и его напарник, переминаясь с ноги на ногу, закивали.

— А что, у них нет ноутбука?

Мохаммади на миг замер, его глаза расширились. Он опустил голову и тихо произнёс:

— Простите. Я думал, что мы его взяли. Должно быть, он остался в квартире.

— Возьми одну из виновных и съезди за ним. Немедленно!

Мы пробыли здесь всего несколько минут, а уже успели стать «виновными». На Марьям всё ещё были наручники, а теперь, когда болеутоляющее средство перестало действовать и зубная боль вернулась, Мохаммади и молодая женщина-полицейская потянули её обратно на квартиру за ноутбуком.

Меня оставили ждать в кабинете в наручниках и под охраной. Я ничего не ела и не пила с самого утра, поэтому чувствовала себя очень ослабленной, и у меня начали дрожать руки и ноги. Я попросила воды, желая показать, что дрожу от усталости и голода, а не от страха. Господин Расти ненадолго вышел из кабинета, затем он вернулся и с грозным выражением лица уселся за стол.

— А *теперь* ты скажешь мне правду! — потребовал он.

— Я всё это время говорила правду, — отрезала я. — А вот вы — нет! Утром вы солгали мне о проблемах с документами на машину, чтобы заманить сюда. Я сказала вам, что я христианка уже в течение

одиннадцати лет. Я дарила людям Новые Заветы в ресторане, о котором вы спрашивали. Я могла отрицать всё это, но была честна с вами. И теперь вы приказываете мне говорить правду? — Я чувствовала, что мой голос становится всё громче.

— Я вынужден был солгать, — начал оправдываться господин Расти.

— Вы обыскали мою квартиру без ордера, — продолжала я. — Без всяких на то разрешений! Это правильно? Это законно?

— У нас есть ордер, — попытался убедить меня господин Расти. — Вот он.

Он бросил через стол лист бумаги. Взглянув на него, я поняла, что этот документ не имеет ничего общего с нашим делом. В нижнем его углу кто-то лишь написал от руки, что в нашей квартире был проведён обыск, и добавил подпись и печать.

— Это — не официальный ордер, — возразила я. — Это ваша подделка!

Ошеломлённому моим сопротивлением, господину Расти потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

— В некоторых ситуациях достаточно получить разрешение по телефону, — оправдывался он дальше. — У нас нет времени печатать! — Очевидно, расстроенный ходом допроса, он вскочил и вышел из кабинета.

Когда Марьям вернулась под охраной с ноутбуком, нас отвели в маленький кабинет, окна которого выходили в небольшой, но красивый внутренний дворик, посадили на стулья в противоположных углах, чтобы мы не могли разговаривать, и приказали ждать.

Три молодые женщины, которые охраняли нас, оживлённо заговорили.

— Они стали христианками! — сказала одна из них. — В их квартире обнаружена куча Библий и другой христианской пропаганды. У них большие проблемы. И поскольку они всё ещё здесь, сегодня у нас, похоже, не будет обеденного перерыва!

— Что заставило тебя стать христианкой? — сердито спросила Марьям одна из охранниц. — Разве ты не знаешь, что это делает тебя *кафаром*? — добавила она, используя исламское слово, которое означает «неверный».

Другая женщина начала читать вслух из Корана. Потом она оторвала взгляд от страницы и сказала:

— Я тоже хочу знать, почему вы стали христианками. Мы ведь также верим в Иисуса.

Хотя Марьям была голодна, явно измотана и, несомненно, её всё ещё мучила зубная боль, она собралась с силами и кратко объяснила убеждение христиан, что Иисус — Спаситель человечества.

— Он был не просто пророком, как утверждает Коран. Он был Богом во плоти, который принял грехи мира. Он был распят, чтобы заплатить цену, которую мы должны были заплатить за свои грехи. Через три дня после смерти Он воскрес из мёртвых и вознесся на небо, чтобы быть с Богом Отцом.

Женщина с Кораном, прервав Марьям, воскликнула:

— Согласно Корану, ты — *кафир*! Иисус никогда не был распят. Он просто сбежал. Он — пророк, а никакой не спаситель, и любой, кто верит, что он — сын Божий, является *кафиром*, и его нужно казнить! Мне очень жаль, что тебя так сильно сбили с толку.

Женщины-охранницы оживлённо начали насмехаться над нашими словами и тем, что мы готовы сидеть в тюрьме ради того, чтобы отстаивать такие нелепые убеждения.

В этот момент в дверях показалась ещё одна охранница, которая назвала моё имя.

— Идём со мной, — приказала она. Я последовала за ней наверх по лестнице и снова оказалась в кабинете господина Расти.

— Присаживайся, — сказал он. Я села перед его столом, всё ещё заваленным нашими Новыми Заветами и компакт-дисками. Наручники натёрли запястья, а я была ужасно голодна. Я произнесла про себя краткую молитву и была полна решимости сохранять спокойствие. — Как долго ты христианка?

— Одиннадцать лет.

— А как ты обратилась в эту религию?

— Благодаря Духу Святому, который вошёл в моё сердце, и чтению Библии и других книг.

— Имеешь ли ты отношения с кем-нибудь из церкви в Иране?

— Нет.

— С кем из христиан ты знакома?

На самом деле, я знала многих других христиан. Но если бы я призналась в этом, этот человек потребовал бы их имена и адреса. И тогда их безопасность, свобода, их семьи и даже сами их жизни

внезапно подверглись бы опасности. К тому же мы с Марьям совершенно не имели возможности предупредить их. Я никогда не лгу о своей вере во Христа, независимо от того, чего это будет стоить. Но я считаю себя обязанной защитить невинных людей от того, пройти через что сейчас предстояло нам с Марьям.

— Ни с кем, кроме Марьям.

— Где ты обратилась в христианство?

— В Турции. — Опять же, это было не совсем так. Я приняла крещение в Турции через семь лет после того, как уверовала в Иране. Однако я знала, что, если признаюсь в том, что я стала христианкой в Иране, это породит новые расспросы и доставит огромные проблемы другим христианам. — Мы с Марьям встретились тоже в Турции.

— Там ты ходила в церковь?

— Я жила там в течение года и иногда ходила в церковь.

— Почему ты ходила в церковь?

— Чтобы молиться и познакомиться с другими иранцами, которые живут в Турции.

— Скольким людям ты раздала Библии?

— Моим друзьям, которые задавали вопросы о христианстве, и всем, кто, по моему мнению, хотел знать о вере во Христа.

— Ты раздаёшь Библии, когда путешествуешь?

— Я всегда ношу с собой несколько экземпляров Нового Завета и, если меня просят, всегда дарю их всем желающим.

После этого последовала ещё масса вопросов: почему я живу одна, а не с родителями? Сколько денег я зарабатываю? Как Библии попадают в страну и кто передаёт их нам? Кто люди на фотографиях, хранящихся на нашем ноутбуке? Наконец господин Расти бросил через стол пачку документов.

— Подпиши, — приказал он.

Я не успела их прочитать и была слишком уставшей, чтобы спорить с ним. После того как я подписала их, меня под охраной отвели обратно в кабинет, где ждала Марьям, а её забрали наверх, на допрос к господину Расти.

Марьям

Когда меня привели в кабинет господина Расти, он начал с того же перечня вопросов, которые, как я позже узнала, он задавал Марзие.

— Как долго ты уже христианка?

— Одиннадцать лет.

— Твои родители тоже христиане?

— Нет.

— Почему ты веришь в Иисуса? Значит ли это, что ты больше не мусульманка?

— Я верю в Иисуса, потому что Святой Дух вошёл в моё сердце, — объяснила я. — Я знаю, что Он — Сын Божий и мой Спаситель.

— Кто обратил тебя в христианство?

— Никто. Я изучала Библию, и Сам Иисус открыл мне истину о Себе.

— С кем ещё из христиан ты связана, кроме своей соседки по квартире?

— Ни с кем.

— Кто предоставляет вам Библии, компакт-диски и другую религиозную литературу?

— Никто. Они — моя собственность. Я лично привезла их в Иран.

— После обращения в христианство занималась ли ты его пропагандой?

— Да. Я рассказывала об Иисусе своей семье, друзьям и всем, кто меня спрашивал об этом.

— Ты давала им Библии или компакт-диски?

— Да, если они просили.

— По словам Марзие Амиризадэ, сегодня вы вместе ездили на машине по городу и раздавали Библии. Ты это отрицаешь?

Какой неуклюжий шаг! Это распространённый метод допроса — лгать о том, что сказал другой человек, и надеяться, что подозреваемый признается в чём-либо, в чём он не признался бы иначе, думая, что властям уже известно об этом. Мы с Марзие слишком хорошо знали друг друга и слишком доверяли друг другу, чтобы этот их трюк сработал в отношении нас.

— Нет, мы не раздавали Библии. Я была у стоматолога.

— Твоя подруга призналась, что вы ездили в разные города на севере Ирана, чтобы распространять там Библии.

— Неужели она на самом деле такое сказала?

— Да, — начиная сердиться, заверил меня господин Расти. — У меня всё это записано вот здесь. — И он указал на бумаги, которые лежали перед ним.

— Но на самом деле она не могла такое сказать, — не сдавалась я.

— Тебе известно, что говорить об Иисусе и раздавать Библии — противозаконно?

— Нет, — ответила я. — Я не знала, что разговоры о Боге являются правонарушением.

— Со сколькими людьми ты говорила об Иисусе с тех пор, как обратилась в христианство?

«С неисчислимыми тысячами», — подумала я про себя. Но вслух этого не произнесла.

— Возможно, десять-двенадцать человек в год, и раздала примерно такое же количество Новых Заветов.

Мне задавали много вопросов. Отвечая на некоторые из них, я могла недоговаривать и умалчивать то, что навредило бы другим. Однако некоторые вопросы влекли за собой ещё больше расспросов, а это могло привести к трагедии других людей. Поэтому я решила не говорить ничего, что подвергло бы опасности братьев и сестёр по вере. Ни Марзие, ни я не лгали о своей личной вере, однако мы твёрдо решили не выдавать других. Сама того не зная, во время своего допроса я заняла такую же позицию, как и Марзие во время своего.

— Почему ты делаешь это? — закричал господин Расти. — Зачем отворачиваешь молодёжь от её веры и убеждений?

— Я никогда не ставила перед собой такой цели, — спокойно ответила я. — Я никогда не пыталась отвратить кого-либо от его убеждений. Только когда мне задавали вопросы, я отвечала на них. Если человек хотел знать больше, я рассказывала, потому что желала, чтобы он знал правду о любви Господа и об Иисусе, его Спасителе.

— Разве ты не веришь в пророка ислама, в руководящую роль имамов и в тот факт, что ислам является самой совершенной религией?

— Нет, не верю. В Библии написано, что Иисус Христос — единственный Спаситель человечества. Иисус говорит: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня»¹.

¹ Евангелие от Иоанна 14:6.

— Тебя ввели в заблуждение! — нахмурился господин Расти. — В настоящей Библии нет таких слов. Иисус сам заявлял, что последний пророк придёт после него, и этот пророк — Мухаммед. Тебя сбила с пути истинного искажённая версия Библии. Ты должна прочитать подлинную версию, которая продаётся в книжных магазинах по всему Ирану.

— Господин Расти, — ответила я, — я уверовала в Иисуса не из-за какой-либо книги, мнений других людей, рекомендаций церкви или своих собственных исследований. Иисус Сам говорил со мной в моём сердце. Я пережила это наяву. Я ощутила Его присутствие, почувствовала Его, мой дух коснулся Его и знает, что Он жив. Прежде чем я уверовала, прежде чем стала частью церкви, я услышала, как Его голос зовёт меня, и ответила на этот призыв.

Господин Расти указал на стопку заметок, которые он сделал во время допроса. Вопросы были записаны красными чернилами и ответы — чёрными.

— Поставь подпись и отпечаток пальца рядом с каждым ответом, — приказал он.

— Но я не читала ни одного из них, — возразила я.

Лицо господина Расти перекошилось.

— Я бы не рискнул навредить своей жизни после смерти, записывая здесь ложь! Уверяю, я честный человек.

Был уже одиннадцатый час. Меня допрашивали более двух часов. Я находилась в полицейском участке с позднего вечера и к этому моменту была слишком истощена и измучена зубной болью, чтобы спорить. Я поступила, как мне было приказано, после чего меня отвели обратно в кабинет, где ждала Марзие. Нам всё ещё было запрещено разговаривать, но мы знали друг друга настолько хорошо, что могли общаться при помощи одних лишь взглядов.

— *С тобой всё в порядке?* — спросили глаза Марзие.

— *Да,* — заверили её мои.

Была почти полночь, когда вошла конвоир и сказала:

— Вы остаётесь под арестом. Я доставлю вас в Центр предварительного заключения.

В полицейском участке не держали заключённых. Нам предстояло пересечь весь город лишь для того, чтобы быть запертыми в камеру. Сначала нас провели в кабинет для оформления документов. За стойкой сидел скучающий полусонный дежурный.

— Какое обвинение выдвинуто против вас? — спросил он, ища подходящий бланк.

— Христианство, — в один голос ответили мы.

— Обращение в христианство и прозелитизм, — уточнила наша конвоир, надевая на нас с Марзие одну пару наручников на двоих.

Почему-то нам показалось смешным, что нас приковали друг ко другу наручниками, и мы рассмеялись. Марзие подняла наши скованные руки и сказала:

— Мы гордимся этими наручниками, потому что скованы ими за веру в Иисуса Христа!

— Я тоже верю в Иисуса, — тихо сказал дежурный, — но на вашем месте я не попытался бы обращать в свою веру других. Вы находитесь под стражей не за веру в Иисуса, а за то, что пропагандировали Его другим.

Нас посадили в другую грязную белую машину и повезли в Центр предварительного заключения «Возара». Там офицер спросил нашего конвоира, в чём нас обвиняют.

— В обращении в христианство и прозелитизме, — ответила она. Офицер расхохотался.

— Серьёзно?! Неужели существует такая статья?! — Конвоир ничего не ответила. Другой офицер, грубоватый и полный, который, как нам показалось, превосходил первого в звании, просмотрев наши документы, начал задавать те же вопросы, на которые мы отвечали весь день: как давно вы стали христианками? Почему вы живёте отдельно от родителей? И тому подобное.

— Является ли принадлежность к христианству правонарушением? — не сдавалась я.

— Ведь именно в этом нам предъявлено обвинение, — поддержала меня Марзие.

— Нет, — настаивал старший офицер, — вас обвиняют не в том, что вы — христиане. Скорее всего, это будет политическое дело. Если суд докажет, что в пропаганде христианства вас поддерживал кто-то из-за рубежа, обвинение будет в шпионаже.

Нас провели по длинному лестничному пролёту в подвал, через ряд стальных дверей и мимо маленькой комнаты с красной ковровой дорожкой и масляным обогревателем. Пол был завален пищей из фастфуда. «Это здесь мы будем?» — поинтересовалась я. Ни одна из нас никогда раньше не бывала в тюрьме, и мы понятия не имели, что

это была комната персонала, ничем не похожая на те «комнаты», где «жили» заключѣнные.

Нас с Марзие проводили в помещение, где нас уже ждали две сонные, раздражѣнные женщины-надзирательницы.

— Сдать все вещи! — приказала одна из них. Мы отдали им на ручные часы и всё остальное, что у нас было.

— Теперь снимите всю одежду. Нижнее бельѣ тоже.

Затем нас подвергли унижению полного обыска. Нам сообщили, что это необходимо для предотвращения контрабанды заключѣнными наркотиков. Нам разрешили одѣться, однако не вернули ботинки, носки и шарфы, чтобы мы не могли использовать шнурки и другие предметы, если захотим повеситься. У нас не было тёплых вещей, а поздно ночью было очень холодно. Бетонный пол в коридоре казался ледяным под нашими босыми ногами.

Нас провели через ещё одну металлическую дверь в коридор, с обеих сторон которого были камеры.

— Возьмите по одеялу и найдите себе место, — приказала конвоир и захлопнула за нами дверь с решѣтчатым ограждением.

В тусклом свете мы едва могли разглядеть тела, лежащие на полу в камерах. Хотя в этот поздний час большинство женщин уже спали, несколько пар глаз наблюдали за тем, как мы бродили по коридору, размышляя, в какую камеру войти. Нам не нужен был свет, чтобы понять, что здесь невообразимо грязно: об этом нам быстро сообщили наши носы. Зловоние от пота, рвоты и затхлых туалетов было невероятным. Нам потребовалось немало самоконтроля, чтобы удержаться и не вырвать — в этот момент наши пустые желудки были огромным благословением. Пол в туалете был полон испражнений, вытекавших из двух переполненных унитазов, а мусорное ведро — завалено вонючими использованными гигиеническими прокладками.

Найдя камеру, которая выглядела наименее людной, мы вернулись к полке, которая стояла у двери, чтобы взять одеяла. Они были отвратительные — грязные, мокрые и сильно воняли мочой. Все они были в примерно одинаковом состоянии, но было так холодно, что без них невозможно было бы согрѣться. Мы схватили сразу несколько, выбрав наиболее сухие, вошли в камеру и, закутавшись в них, как могли, сели у двери на ледяной пол, прижавшись друг к другу и держась за руки.

Такого наплыва эмоций ни одна из нас никогда раньше не испытывала: усталые, растерянные, голодные, испытывающие жажду и отвращение к грязи и вони, царившим вокруг. Как же наши сёстры и друзья-христиане узнают, что с нами произошло? Как долго мы пробудем здесь? День? Год? Нет ли угрозы для наших жизней? Однако в тот миг мы были слишком уставшими, чтобы бояться; обстоятельства, в которых мы оказались, были новыми, а наше будущее — совершенно неизвестным. Переполюнявшие нас эмоции были сильнее, чем мы в силах были пережить, и всё, что мы могли сделать в этой ситуации, это передать её Господу.

Мы обсудили допрос каждой из нас господином Расти, помолились Иисусу, прося у Него защиты, и, изнурённые, погрузились в чуткий, прерывистый сон. Так началась наша первая из более чем 250 ночей за решёткой.

Дорога в «Возару»

Марзие

— Ради Бога, кто-нибудь, дайте мне чёртову сигарету! — Разбудивший нас звук был наполовину криком, наполовину животным воплем, смешанным с раздражающим грохотом, — кто-то тряс решётку двери камеры, расположенной в конце коридора. Крик сливался с громким стоном и чем-то похожим на рыдание двух женщин. — Дайте же мне сигарету! Я знаю, что у вас есть. Сжальтесь надо мной!

Проснувшись, я не могла понять, где я и что со мной. Я испытывала жжение и боль в спине от сна на холодном полу и была растеряна от пребывания в незнакомом месте. Мне потребовалось с минуту, чтобы вспомнить, что мы с Марьям арестованы и провели ночь в Центре предварительного заключения и что это не какой-то безумный, ужасный сон, а реальность. Мы забрались с головами под одеяла, чтобы согреться. Кроме ужасающих звуков, которые тревожили наше сознание, нас донимал сильный, кислый смрад несвежей мочи, смешанный с тошнотворной вонью недействующей канализации.

— Дайте! Мне! Сигарету!

Вой и попрошайничество продолжались, сопровождаемые при каждом слове громом решётки. Мы с Марьям тихо заговорили. Мы обсуждали события предыдущего дня и удивлялись тому, как вообще могли спать в таких условиях.

Вдруг кто-то начал бить ногами по нашим одеялам. Мы выглянули из-под них и увидели стоящую перед нами дикую женщину. Она снова пнула нас.

— Эй, вы! Дайте мне сигарету!

Это, вне всяких сомнений, был тот самый голос, который разбудил нас. Теперь она нашла нас и сделала нас объектом своих настойчивых требований.

Она была совсем молода, но выглядела совершенно пугающе: её грязное платье было наполовину расстегнуто, обнажая одну из грудей,

а длинные чёрные спутанные волосы падали ей на лицо. Зубы у неё были гнилые, некоторые сломаны, а некоторых не было вообще. Она была похожа на ведьму из фильма ужасов. Когда мы заверили её, что у нас нет сигарет, к нашему счастью, она обернулась и ушла.

Центр предварительного заключения находился в подвале на глубине примерно метров двадцати. Стены камер — из тёмных, влажных и грязных каменных блоков. Наша камера была одной из десяти или около того, двери которой выходили в узкий коридор. В конце коридора мы с Марьям увидели решётчатое ограждение с дверью, через которую вчера нас ввели сюда. Эта дверь вела в следующий небольшой коридор ещё с одним решётчатым ограждением на противоположном конце, в котором была ещё одна дверь, открывающаяся в ещё один длинный коридор. Слева в холле был вход в клеточный блок со ступенями, которые вели наверх; справа была комната отдыха надзирателей. На данный момент двери в камеры были открыты. Позже мы узнали, что на ночь их запирают и оставляют запёртыми до утра. Это объясняло тайну ужасных мокрых одеял. Если женщина вынуждена ответить на зов природы ночью, у неё не было выбора, кроме как сделать это в своё постельное бельё.

Дверь в конце коридора с грохотом открылась, и в неё вошли две женщины-надзирательницы в масках для защиты от ужасных запахов и приказали нам сложить одеяла и положить их в угол. Теперь мы увидели, что в нашем блоке заперто около пятнадцати женщин, от подросткового до среднего возраста. Некоторые были хорошо одеты, в то время как другие были облачены в лохмотья. В течение следующих нескольких дней мы наблюдали за тем, как бесчисленное количество женщин приходило и уходило, когда их переводили в тюрьму или оправдывали и выпускали на свободу.

В тюрьме не давали завтрак, и, конечно же, мы оказались к этому не готовыми. К счастью, одна из заключённых любезно поделилась с нами своим печеньем. Поев, мы заняли очередь в туалет. Их было четыре, но два не действовали, поскольку были забиты. Там не было ни мыла, ни салфеток, ни полотенец, ни даже проточной воды. Полы были настолько грязными, что сливы в них также были забиты, и это привело к состоянию, которое я не желаю даже описывать. Ко всему прочему, все мы были босые.

Немного придя в себя, мы решили познакомиться с другими заключёнными женщинами и разузнать больше о центре заключения.

Мы увидели, что женщина, оравшая на нас и пинавшая нас ногами, теперь сидит на полу в коридоре и курит сигарету, которую ей дали надзиратели. Рядом с ней сидит очень красивая молодая девушка. Они обе плачут, время от времени выкрикивая имена исламских пророков и взывая к ним о помощи.

Мы молча сели рядом с ними. Это поразило их. Центр заключения «Возара» был не тем местом, где незнакомцы дружелюбно относятся друг к другу, а особенно к безумным, которые каждое утро будят всех вокруг своими криками и мольбами о сигарете. Мы представились и спросили женщин, почему они здесь. Женщина, кричавшая утром, рассказала нам свою историю, первую из множества душераздирающих историй о насилии и отчаянии, которые нам предстояло услышать за решёткой.

Её звали Лейла. Она была арестована два дня тому назад за приобретение наркотиков на улице. У неё были муж и малолетний сын. Об опиумной зависимости мужа Лейла узнала лишь после того, как вышла замуж, и муж заставил её принимать опиум вместе с ним. Вскоре она также стала зависимой. Затем он перестал употреблять наркотики и начал угрожать развестись с ней, если она тоже не прекратит делать это. Когда её зависимость усилилась, она пристратилась ещё и к кокаину и героину. Отчаянно нуждаясь в деньгах для приобретения наркотиков, Лейла бросила семью и занялась проституцией. Этим «ремеслом» она зарабатывала четыре тысячи туманов (около двух долларов США) на клиенте. Она жила в центральном парке и ночевала в картонной коробке.

— Я молюсь к Аллаху о помощи, — подвела итог своего рассказа Лейла, — но он не отвечает на мои молитвы. — И она снова зарыдала.

Сефидэ, девушке с сияющими глазами и красивыми золотыми волосами, сидевшей рядом с ней, было девятнадцать. После того, как её родители развелись, мать исчезла, а отец предоставил её самой себе и проводил всё время с друзьями. Сефидэ ушла из дома к своему парню, который дал ей попробовать кокаин и опий. Она была задержана, когда в парке покупала опиум. И это было уже второе её правонарушение.

Лейла и Сефидэ поинтересовались, почему мы попали в тюрьму.

— За веру в Иисуса Христа, — ответили мы.

Они понятия не имели, что христианство является преступлением, и попросили нас рассказать больше об Иисусе. После того, как

мы поделились с ними своими свидетельствами, Сефидэ спросила, может ли Христос помочь и ей. Со слезами на прекрасных глазах она умоляла:

— Пожалуйста, помолитесь, чтобы меня освободили. Если это произойдёт, я откажусь от наркотиков, закончу школу и найду хорошую работу.

Следующие полчаса мы с Марьям провели в молитве за Лейлу и Сефидэ. Когда мы молились за них, они тихо плакали, а когда мы закончили, они обняли нас.

— Вы — ангелы от Бога, — благоговейно и с благодарностью произнесла Лейла. Казалось, они искренне ценили то, что мы сделали для них, и после нашей молитвы стали намного спокойнее. Этот случай дал нам повод думать, что и другие женщины в этом тюремном блоке также могут позволить нам молиться за них. Мы попросились со своими новыми подругами и пошли прогуляться по коридору.

Мы подошли к двери камеры, в которой всё ещё было темно. На полу, завернувшись в одеяла, лежало два тела. Услышав звук наших шагов, они сели — две девушки в возрасте 20–25 лет. Одна с длинными чёрными прямыми волосами, а другая с короткой отбеленной стрижкой. Мы поздоровались и представились. Они были удивлены нашим жестом дружбы и спросили, почему мы оказались в тюрьме. Мы снова поделились своими свидетельствами, что помогло девушкам расслабиться и относиться к нам с большим доверием. Они были здесь уже три дня и пребывали в ужасе от грубости и жестокости других заключённых, многие из которых были подобны Лейле.

Девушка с отбеленными волосами, Асиэ, пошла на свидание с неизвестным парнем и взяла с собой подругу Сару, потому что не хотела встречаться с ним одна. Когда девушки пришли в его квартиру, он сказал, что ещё не одет, но пригласил их войти. Пока они ждали, появились *басиджи* и арестовали их. Парень использовал квартиру для встреч с девушками, и это стало известно хозяину, который и отправил туда *басиджи*. Они были задержаны за ненадлежащий контакт с мужчинами, не состоящими с ними в родственных связях. Девушкам не разрешили даже позвонить своим семьям, поэтому их родители до сих пор не знали, где они находятся. Девушки были в ужасе от того, что с ними могут сделать, а также от того, что подумают их семьи, когда узнают об этом.

Мы взяли их за руки и помолились вместе с ними. Наше предложение довериться Богу, казалось, успокоило их. Мы уверили обеих, что, хотя они не могут видеть выход из своего затруднительного положения, Бог может, и рассказали им о том, что Иисус любит их безусловной любовью и всегда находится рядом с ними. Они спросили, могут ли они перейти в нашу камеру, и, прежде чем мы успели ответить, собрали свои одеяла и перенесли их к нам.

После этого мы пошли в другую камеру, которая была самой большой в блоке. Там сидели шесть-семь женщин среднего возраста, хорошо одетые и явно не принадлежавшие к остальной когорте. Марьям поприветствовала их и спросила, почему они здесь. Женщины казались очень испуганными и не решались заговорить с нами, пока одна несмело не поинтересовалась, за что арестовали нас. Как только мы объяснили, их молчание нарушил поток вопросов.

— Действительно ли исповедание христианства является преступлением?

— Как долго вы уже христианки?

— Как полиции стало известно о вас?

— Что будет с вами теперь?

Им было крайне интересно узнать о религии, которую власти так резко осуждали и за которую так жестоко преследовали.

После того, как мы рассказали им о христианстве, дамы немного расслабились, и, наконец, одна из них поведала нам историю их ареста. Они делали покупки в хлебном магазине, когда начался флешмоб протеста против высоких цен на хлеб. Он был организован инициативной группой под названием «Мы есть!», члены которой не знакомы друг с другом, а собираются в указанном в интернет-сообщениях месте для протеста. Они прибывают на место в заранее установленное время и по сигналу начинают петь и хлопать в ладоши, высказывая своё мнение, а затем растворяются в толпе. Когда появились *басиджи*, чтобы разогнать акцию протеста, они арестовали всех, кого смогли схватить, включая эту женщину и её подруг. Прежде чем этих ни в чём не повинных покупательниц хлебного магазина доставили в «Возару», они провели всю ночь запертыми в забитом людьми кузове полицейской машины. Одна из них к тому же была избита подростком-*басиджи*, но в течение трёх дней, пока она находилась в тюрьме, ей не предоставили никакой медицинской помощи. Каждая из женщин боялась реакции

своей семьи. Мы вместе помолились о том, чтобы их как можно скорее освободили и чтобы их семьи поверили в их невиновность.

В обеденную пору решётчатую дверь отперли и по грязному полу надзиратели затащили в коридор огромную кастрюлю. Это был обед.

Женщины, во главе с Лейлой и Сефидэ, набросились на кастрюлю и начали черпать чечевицу и рис руками. А некоторые лезли в кастрюлю прямо лицом и хватали еду, как собаки. Мы с Марьям замерли от удивления, уставившись на это жалкое унижительное зрелище. Лейла заметила наше недоумение. Кусочки пищи запутались в её волосах и прилипли к лицу.

— Вот так нас кормят, — объяснила она с набитым ртом в перерывах между проглатыванием пищи. — Нет ни тарелок, ни ложек. Но если не будешь так есть, то не будешь есть вообще.

Я посмотрела на Марьям и беззвучно, одними только глазами, сказала: *«Мы не будем так есть. По крайней мере, пока. Мы ещё не пребываем на том уровне отчаяния, чтобы нас кормили, как животных»*. Эта «трапеза» хорошо демонстрирует отношение сотрудников Центра предварительного заключения ко всем, кто находится по ту сторону решётчатой клетки. В них видят недочеловеков, недостойных какого-либо уважения, которых можно безнаказанно запереть в грязные «вольеры» и обращаться с ними, как с дворнягами.

Моё внимание привлёк шум в конце коридора. Две молодые девушки, арестованные за участие в вечеринке, на которой присутствовали мужчины, стучали по дверной решётке тюремного корпуса и отчаянно звали надзирателей. Одна из них нуждалась в гигиенической прокладке. Её одежда уже насквозь промокла. Прежде чем надзиратель, наконец, появилась, прошло много времени. Когда девушка объяснила, что ей нужно, та безразлично произнесла:

— Воспользуйся одеялом.

— Пожалуйста, помогите! — умоляла девушка. — Я истекаю кровью!

— Тогда умирай! — ответила надзиратель. — Мне-то какое дело.

— Пожалуйста, помогите мне!

— Замолчи! Тебе сказано молчать! — закричала надзиратель, развернулась и ушла.

Через час она вернулась с одной прокладкой и бросила её в девушку прямо через решётку.

— Держи! И перестань вопить.

Позже тем же вечером в блоке произошло ещё одно волнение. К нам затолкали около пятнадцати молодых женщин. Все они были привлекательны и очень модно одеты. *Басиджи* арестовали их на выходных во время семейной вечеринки по обвинению в неисламских отношениях с мужчинами. Хотя они были иранками, друг с другом они говорили по-английски, желая таким образом отделить и защитить себя от окружающих. Через пару минут несколько из них подошли ко мне и Марьям, потому что, как они сказали, мы выглядели и вели себя не так, как остальные заключённые. Когда мы рассказали женщинам, в чём нас обвиняют, они попросили помолиться за них, особенно за ту, которая была беременна. Все они не помещались в нашу крошечную камеру, поэтому толпились у двери, когда мы молились о том, чтобы их как можно скорее освободили и чтобы из-за того, что произошло с ними, не пострадали также их семьи.

Заключённые приходили и уходили весь день. К концу вечера камеры были набиты значительно больше, чем утром. Мы перешли в чуть большую камеру, чтобы нам и двоим нашим новым подругам было место лечь на полу. Надзиратели, которые работали днём, ушли, а на дежурство заступила ночная смена. И хотя они большую часть ночи спали, им всё же приходилось вставать, когда приводили новых заключённых или когда начинались беспорядки. Свет выключили, и мы остались наедине со своими мыслями и стоном, который, не переставая, звучал в Центре предварительного заключения.

Когда я погружалась в сон, разговоры, ругательства, кашель и плач начали постепенно растворяться в темноте. Вдруг над всем этим зазвучал один голос — я узнала в нём голос Лейлы. Однако на этот раз она не кричала, а пела, и пение её было прекрасно. Голос у неё был мягкий, нежный и сладкий. Мне было трудно представить, что такое чудесное пение издаёт рот, полный ужасных гнилых зубов. Возможно, пение олицетворяло ту часть её, находящуюся глубоко внутри, которая оставалась чистой и нетронутой жизненными испытаниями и трагедиями.

Что за день! На первый взгляд, наша ситуация была полной катастрофой; но, с другой стороны, она была невероятным благословением. В каком-то смысле мы с Марьям долго готовились к этому дню. Сначала каждая отдельно, а затем вместе мы потратили годы на то, чтобы свидетельствовать истину об Иисусе в стране, где евангелизация мусульман карается смертью.

Марьям

Сам тот факт, что мы услышали христианскую истину в Иране, уже сам по себе является чудом. Мы выросли в стране, где детей воспитывают верными государственной религии с самого раннего возраста, когда они наиболее восприимчивы к влиянию. Как и всем иранским детям, нам говорили, что ислам — это единственная истинная религия. В школе нас учили, что Иисус — один из многих пророков, пророк любви и мира, но не более того. Перед уроками каждое утро нас выстраивали в ряд, и мы слушали, как один из учеников старших классов читает Коран на арабском языке. Затем мы скандировали: «Смерть Америке! Смерть Израилю!», хотя сами понятия не имели, что такое «Америка» и «Израиль». Всё, что мы знали о них, это то, что они — несказанно злы и желают зла Ирану.

Каждый год в годовщину падения шаха и возвращения аятоллы Хомейни ученики школ до сих пор принимают участие в массовых демонстрациях, которые проходят по всей стране. Мы также принимали в них участие, потому что в этот день в школах отменяли уроки, а учеников принудительно сгоняли для участия в этом мероприятии. И если мы не исполняли *намаз*, ежедневную пятикратную исламскую молитву, нам не ставили хорошие оценки. Девушек заставляли полностью покрывать волосы. И если учительница видела хоть одну прядь, выглядывающую из-под платка, она изо всех сил дёрнула за неё.

И я, и Марзие, мы обе родились в иранских мусульманских семьях, однако с раннего детства каждая из нас жаждала истины и познания Бога. И Господь провёл удивительную работу, чтобы привести каждую из нас к Себе, а затем объединить нас в одну команду.

С детства в моей голове роилось множество вопросов. Что такое истина? Кто такой Бог и как я могу иметь близкие отношения с Ним? Почему я должна разговаривать с Богом на языке, которого не знаю, и молиться словами, которые сама не понимаю? У меня было и много других вопросов относительно ислама и его правил, отсутствие ответов на которые расстраивало и смущало меня.

Мне не терпелось узнать правду, поэтому я пыталась самостоятельно исследовать и изучать другие религии. Я прочла персидский перевод Корана и некоторых других книг — но не Библии, потому

что эту книгу я даже не могла найти. Иногда я исполняла *намаз*, но время от времени посещала и собрания других религий. Однако ничто не могло утолить мою жажду.

В семнадцать лет я была полностью разочарована и думала, что лучше не следовать ни одной религии. Я устала от бессмысленных правил и религиозных законов, а также от почитания бога, который так далѣк, что я никогда не слышу его голоса. Я всегда мечтала о двустороннем личном общении с Ним, хотя никогда такого не испытывала.

В конце концов я решила полностью прекратить свои исследования религий. Но даже тогда ночами я смотрела в небо и просила Бога явить мне Себя и поговорить со мной. Иногда я разговаривала с Ним на своём родном языке фарси в течение часа или двух, и мне это очень нравилось.

Однажды сестра предложила мне прочесть небольшой буклет под названием «*Его имя чѣдно*». Он состоял из библейских отрывков из Евангелия от Луки. Ширин сказала, что буклет дали ей в церкви, которая находится недалеко от её университета. Она знала, что поскольку я ишу Бога, то должна прочитать и этот буклет. «Только не читай последнюю страницу! — предупредила она. — Потому что там молитва для тех, кто хочет стать христианином».

Я взяла буклет, побежала в свою комнату, закрыла дверь и начала читать. Его послание глубоко коснулось моего сердца с первой же страницы. Я ощутила присутствие Христа прямо перед собой и начала плакать. Когда я читала Евангелие от Луки, мне казалось, что я уже слышала слова, записанные там, и только что нашла то, что так долго искала — любовь Христа.

В те часы, проведѣнные в одиночестве в своей комнате, я поняла, почему всегда ощущала такой непреодолимый барьер между собой и Богом. Читая о любви Христа и о Его жертве, которую Он принѣс на кресте за мои грехи, я сказала себе: *это именно то, что я искала все эти годы: безусловную любовь*. Ни одно из слов Евангелия не было для меня странным или неправдоподобным, даже когда я читала, что Иисус — Сын Божий. Я всегда говорю, что Сам Иисус засвидетельствовал мне и поведал мне Благоую Вѣсть о даре спасения ещё задолго до того, как кто-либо рассказал мне о Нѣм или я пошла в церковь. Он Сам открыл мне Свою истину и подготовил моѣ сердце к тому, чтобы принять её.

Проведя два-три часа в своей комнате, я поняла, что нашла то, что искала; мне казалось, что я знаю Иисуса уже много лет. А дочитав до последней страницы буклета, помолилась записанной там молитвой и, ничуть не сомневаясь, отдала своё сердце Иисусу.

В течение двух лет я посещала еженедельное изучение Библии в доме женщины, которая жила в Тегеране, каждый раз преодолевая часовой путь на такси из моего дома в Карадже. Однажды, когда мы изучали Книгу Деяния, она прочитала о верующих из ранней церкви, которые получили дар Святого Духа и говорили на языках. Она рассказала и о своём собственном даре. Я была заинтригована тем, что Бог даёт людям такой особенный духовный дар, и также очень захотела получить его.

Позже в тот же день, читая Библию в своей комнате, я получила этот дар и способность говорить на языках. Я была удивлена и исполнена радости. Никогда раньше со мной не происходило ничего подобного. Когда я молилась, то понимала, что говорю, и знала, что Бог также понимает меня.

Я отдаю себе отчёт в том, что не каждый христианин имеет такой дар. В Библии написано о множестве разных даров, но я получила именно этот. Я верю, что в Своей мудрости наш Бог использует все имеющиеся у Него орудия, чтобы донести Евангелие до сердец людей.

Я очень хотела принять крещение в официальной церкви в Тегеране, которую посещала. Однако власти пристально следили за церквями и запрещали преподавать крещения. Вместо этого в 2002 году я была в полночь тайно крещена в подвале другой, маленькой, церкви. Хотя мне было всего девятнадцать, меня сразу же попросили начать служение в церкви: работать с новообращёнными и с группой пожилых женщин. Пасторы восхищались моим рвением к благовестию, хотя, когда я смело свидетельствовала о Христе в метро или в такси, они с осторожностью просили: «Оставь это для церкви, это опасно».

После того, как я прослужила в этой церкви полтора года, пастор рассказал мне об организации «Elam Ministries» и её служении. Во время прохождения библейских курсов, спонсируемых этой организацией в Турции в 2005 году, я познакомилась с Марзие.

Марзие

Я с раннего детства любила Бога и всегда хотела узнать о Нём как можно больше. Я делала всё, что могла, чтобы попытаться приблизиться к Нему. Поскольку моя семья исповедовала ислам, единственной возможностью познать Бога было мусульманское религиозное учение, которое мне преподавали в школе. Однако у меня всегда было слишком много вопросов о Боге, на которые ни мои учителя, ни имамы в мечети, ни исламские богословы, ни знатоки закона шариата не могли дать ответ.

Раньше Бог в моём понимании был добрым отцом, который ближе нам, чем члены нашей семьи, потому что я верила, что Тот, кто создал моё тело, ближе к моему сердцу, чем моя собственная плоть и кровь. Меня учили исламской вере, мы обсуждали разные её аспекты с друзьями и учителями. Я никак не могла принять учение Корана, поскольку оно не казалось мне достоверным и благонадёжным. Я не могла принять образ Бога, в которого веруют мусульмане. Для них он — тот, кто жестоко правит человеческой расой и наказывает нас за малейшие прегрешения. Это ужасающий образ Бога!

Я считала пятикратное соблюдение *намаза* и отбывание по несколько раз в день поклонов ненужными, пустой тратой времени и не понимала их смысла. У меня также возникало много вопросов. *«Почему я должна разговаривать с Богом по-арабски, а не на фарси, родном для меня языке? — недоумевала я. — Разве Бог, который дал мне мой родной язык, Сам не знает его? Зачем мне молиться Ему так, как будто Он великий лидер или правитель, недостижимый для меня? Почему я не могу говорить с Ним как с отцом?»* Эти и другие подобные этому вопросы долго занимали мой разум. Однако ответы на них, которые мне давали в школе, не были убедительными.

Несмотря на все свои сомнения, я прилагала все усилия, чтобы выполнять свои религиозные обязанности. Я говорила себе, что могу ошибаться и что однажды истина явит мне себя сама. В течение двух лет в обязательном порядке я продолжала соблюдать *намаз*. Я читала Коран и даже среди ночи вставала на молитву. Но, к сожалению, ни эти молитвы, ни такое поклонение так и не помогли мне приблизиться к Богу ни на шаг. Напротив, они ещё более отвратили меня от Него и стали рутиной, которую я вынуждена была заставлять себя соблюдать, а не тем, чего желала.

Ещё до того, как я познала Христа, я была уверена, что Бог говорил со мной во сне. Однажды мне приснилось, что я посылая свои молитвы в небо и оно открылось. С него спустился белый конь и сказал мне: «Садись мне на спину». Когда я повиновалась, он отвёз меня в город, где верующие, выходявшие из мечети, совершали исламские церемонии *ашура* и *тасуа*, пели скорбные песни и истязали себя. Сначала они не замечали меня и коня. Но вдруг они превратились в диких животных, совсем не похожих на людей. Они увидели меня и погнались за мной, чтобы убить. Конь помчал как ветер, спасая меня. Крепко держась за его шею, я почувствовала, как его любовь проникает в меня с огромной силой и невиданной чистотой. После того, как мы спаслись от преследователей, конь вышел на развилку дороги, где одна тропинка сворачивала в небо. Когда же усталое животное начало подниматься вверх, я проснулась.

В течение недели после этого сновидения я не могла думать ни о чём другом, только о глубочайшей любви, которую я испытала во сне. С тех пор в этом мире я никогда больше не испытывала такой любви. *Боже, почему Ты позволил мне проснуться? Я так хотела бы остаться в этом сне навсегда!* (Этот же конь снова являлся мне во сне с посланием каждые несколько лет).

Поразмыслив, я пришла к выводу, что наиболее важной частью верующего человека является сердце, и решила оставить свою исламскую религию. Я начала разговаривать с Богом всем сердцем. Наши отношения напоминали отношения между отцом и его дитём. Однажды подруга, принявшая христианство, рассказала мне, что в её религии Иисус Христос — Сын Божий и Спаситель человечества, пришедший на землю, чтобы спасти людей от греха. Мне стало очень любопытно. Я никогда не слышала ничего подобного об Иисусе. Раньше я думала, что Он — всего лишь один из пророков, поскольку таким Он представлен в наших школьных учебниках. Я сказала себе: *«Откуда мне знать, что Он на самом деле — истина?»*

Таким образом, в поисках истины я решила изучать разные религии и начала читать Библию. Через некоторое время я поняла, что даже за несколько лет не смогу изучить все религии мира и что в мире может быть какая-то вера, о которой я никогда не узнаю. Поэтому я встала на колени и помолилась Богу, прося Его указать мне правильный путь к истине. Я сказала: *«Если Иисус — истина, то*

Ты должен вести меня по пути, который приведёт к истине и спасёт от заблуждения».

То, что произошло далее, было настоящим чудом. Примерно в это же время подруга пригласила меня в церковь. В тот день я была записана на приём к врачу. Посещение церкви было невероятным событием. Люди поклонялись с радостью и свободно молились Богу. Внезапно в сердце своём я услышала голос: «*Марзие, ты исцелена!*» Я не придавала этому должного значения, но, когда рассказала подруге, она сказала, что это был Иисус и что Он мог исцелить меня.

Позже, когда я была на приёме у врача, он взял ручку, чтобы выписать мне новый рецепт. Затем он остановился. Я ждала, задаваясь вопросом, почему он колеблется. Наконец он произнёс: «Не знаю почему, но я не могу выписать вам рецепт. Придите в другой раз». Я чувствовала, что это Бог напоминает мне о Своём послании в церкви и призывает доверять Ему.

Симптомы моих недугов исчезли бесповоротно. Но даже после того, как Иисус исцелил меня, я не полностью уверовала в Него. Исцеление не было для меня достаточным доказательством и веской причиной для обращения в христианство, поэтому я попросила Бога показать мне ещё и другие причины. В глубине души я начала верить в Иисуса, но меня всё ещё глодали сомнения. Я читала о Святом Духе, но не могла всё понять до конца.

В Библии я читала о том, что испытывали апостолы, когда говорили на языках, а также слышала об этом от своей подруги, которая привела меня ко Христу. В то время я не могла этого понять. Были времена, когда я присутствовала во время молитвы подруг, некоторые из которых молились на языках. Сначала я думала, что они немного тронулись разумом или что пытаются подражать армянским христианам, которых они знали и которые молились на своём родном языке. Потом мне стало любопытно. Но я и подумать не могла, что когда-нибудь это станет возможным и для меня.

Я никогда не молилась вслух в присутствии других людей. Однажды подруги предложили мне помолиться вместе с ними. Руководитель группы спросила, хочу ли я молиться вслух, но я стеснялась. Я молилась молча, в своём сердце, и говорила Богу, что люблю Его и хочу говорить с Ним вслух. В этот момент на меня сошёл Святой Дух, и я начала молиться на языках, да так громко, что все могли слышать.

Несмотря на то, что я не знала значения своих слов, я полностью понимала, что говорю Богу. Впервые я ощущала присутствие Бога так близко, что мне казалось, что я могу дотронуться до Него.

Когда я молилась, в течение нескольких секунд я видела Иисуса перед собой. Он стоял рядом с огромным престолом, покрытым сияющим золотом. В тот момент меня не было на земле. Мой лоб посредине горел от жара, как будто кто-то заклеил его. Внезапно все мои сомнения исчезли, и я почувствовала, что Бог убрал с моих глаз занавес: теперь я ясно увидела истину. Я не могла контролировать свой язык, он просто продолжал поклоняться Ему.

Вернувшись домой, я хотела поблагодарить Бога за Его дар. Я была удивлена, что Святой Дух снова был со мной. Я молилась и пела песни хвалы на языках без остановки всю ночь до раннего утра. У меня болела челюсть, но я не хотела, чтобы это закончилось. Чувство Божьей любви было настолько сильным, а то, что произошло со мной, — просто невероятным! У меня просто нет слов, чтобы всё это описать.

Никто ни к чему не принуждал меня и не гипнотизировал. Никто не заколдовал меня. Единственное объяснение, которое я могу логически извлечь из этого, это то, что я встретила с Богом через Его Сына, Иисуса Христа. С того дня, когда я посвятила жизнь Иисусу, я всегда ощущаю присутствие Божье и вижу Его бесчисленные чудеса и сны, которые Он мне даёт. Иисус — единственный, кто верно идёт рядом со мной по жизни каждый день. Даже когда я переживала крайне трудные времена и была очень одинока, Он был рядом, был моим проводником по жизни. Я никогда не отрекусь от Божьей любви и жизни, к которой Он меня призвал; ведь сделать это означало бы отрицать само моё существование.

Со временем я выучилась на парикмахера и даже стала инструктором. Работа с учениками в салоне была хорошей возможностью каждый день проповедовать Благоую Весть об Иисусе Христе. Многие женщины хотели узнать больше и с радостью принимали от меня Библию. Подруги предлагали мне открыть свой собственный салон, но меня это не интересовало, ведь моё призвание — это сердца людей, а не их волосы.

Несмотря на то, что я преуспевала и уверенно совершенствовалась в своей профессии, я была уверена, что Господь хочет, чтобы я стала служителем и служила Ему «на полную ставку». Живя в Тегеране, я мечтала о финансовой независимости и собственном бизнесе. Однако

теперь, когда у меня появилась такая возможность, эта мечта больше ничего не значила для меня по сравнению с тем, чтобы нести миру Благую Весть об Иисусе.

Когда друг-пастор предложил мне изучать богословие, я бросила работу и обменяла определённое будущее на неизвестное. В Тегеране я начала жизнь с нуля и через пять лет добилась мирского успеха. Теперь же я опять начинала всё заново.

Я планировала изучать богословие в Лондоне, однако не смогла получить визу. Тогда я отправилась на учёбу в Турцию, спонсируемую организацией «Elam Ministries». Именно там я и познакомилась с Марьям.

Марьям

Бог объединил нас в команду и вернул обратно в Тегеран, где мы трудились в течение трёх утомительных, но вдохновлённых лет, раздавая точный современный перевод Нового Завета на фарси, в противовес распространённым исламским версиям, которые продают в магазинах и которые переписаны, чтобы соответствовать Корану. Мы постоянно находились в поиске новых возможностей проповедовать Евангелие.

Ежедневно Бог защищал и направлял нас. Однажды друг предложил нам помочь отвезти в нашу квартиру три тысячи Новых Заветов. Мы ехали ночью, потому что думали, что так будет безопаснее. Подъехав к мосту, который нам предстояло пересечь, мы увидели, что полиция останавливает и обыскивает каждую машину. К тому времени, когда мы поняли, что происходит, за нами уже выстроилось множество других автомобилей, и мы не могли развернуться и уехать. Всё, что мы могли сделать, — это звать к Господу, умоляя, чтобы Он защитил нас. Когда мы начали молиться, между полицией и водителем одной или двух машин, стоявших впереди нас, произошла драка. Пока конфликт разрешался, полиция перестала обыскивать машины и позволила оставшейся части очереди быстро пересечь мост. Оказавшись на другой стороне, мы с благодарностью обратились к Богу и прославили Его за то, что Он Своей рукой провёл нас через эту опасность.

Всякий раз, когда мы с Марзие гуляли по городу, у нас в рюкзаках лежали по десять-пятнадцать Новых Заветов на случай, если появится возможность их раздать. Однажды в книжном магазине я

услышала, как клиент спрашивает, есть ли у них Библия. Продавец ответил, что такой литературы у них не бывает, и клиент ушёл. Я последовала за ним на улицу и предложила ему экземпляр в подарок. Мужчина рассказал, что ему приснился сон, в котором Иисус сказал ему взять Библию и отправиться в тихое место в горах, где Он сможет поговорить с ним. За спиной у него был походный рюкзак, и он был готов отправиться на встречу с Иисусом!

Мы часто посещали места в Тегеране, где любили собираться молодые люди. Однажды Марзие подарила Библию молодому человеку, который сказал, что ищет истину. В другой раз, там же, мы снова встретили этого человека. Чтобы поблагодарить Марзие за Библию, он вручил ей красивый деревянный крест, украшенный изображениями Иисуса и четырёх апостолов, который он хранил в течение многих лет. Теперь этот крест лежит здесь, рядом с нами, когда мы пишем эту книгу.

В Тегеране есть два вида такси. Более дорогое заедет за вами в заранее оговорённое место и доставит, куда вы хотите. Другие, маршрутные такси, забирают и высаживают клиентов на автобусных остановках. Водитель такого такси всегда старается набрать полную кабину — четыре пассажира. Таксисты маршрутных такси хорошо знали нас, потому что мы ездили в течение дня и раздавали Новые Заветы другим пассажирам. Однажды я ехала с *саййидом*, человеком, который утверждал, что он — потомок Мухаммеда, который также был и *хаджи*, то есть совершил паломничество в Мекку. Такие люди считают всех христиан грязными, а особенно тех, кто обратился в христианство из ислама. Обычно они не дотрагиваются до христиан и не берут ничего из их рук. К моему удивлению, этот человек задал мне многочисленные вопросы о христианстве, а затем пригласил посетить исламскую благотворительную организацию и пройти из комнаты в комнату, благословляя её христианскими молитвами!

Тем не менее, несмотря на нашу преданность делу благовести, за последние несколько месяцев до ареста мы по непонятным нам причинам не могли проповедовать. Мы не благовествовали в городе, как раньше, у нас было меньше встреч, и мы не раздали ни одного Нового Завета. Что-то сдерживало нас. И теперь, в окружении тёмных, мрачных стен Центра предварительного заключения «Возара», мы осознали, что всё это время Господь защищал нас и наших друзей.

Мы не знали, что *басиджи* вели за нами наблюдение, которое было установлено как раз тогда, когда наши усилия начали ослабевать. Если бы мы продолжали наше служение, как обычно, но с полицией на хвосте, мы могли подвергнуть опасности тех, кто встречались с нами или приняли от нас Новые Заветы. Бог спас всех этих людей от ареста и всего остального, что теперь переживали мы.

Самым же удивительным было то, что теперь мы находились в наилучшем месте, о котором только может мечтать благовестник, — месте, переполненном людьми, жаждущими услышать Евангелие Иисуса Христа. Мы прикладывали массу усилий и тратили ресурсы, путешествуя по стране с посланием спасения, и подвергали себя опасности в случае, если кто-то проследит за нами и донесёт властям. Теперь же мы были в тюрьме, и Бог Сам приводил к нам множество духовных искателей. Условия жизни здесь не очень хороши, однако теперь нам не приходится совершать длительные поездки и сидеть в пробках, чтобы иметь возможность благовествовать! К тому же теперь мы можем свидетельствовать своим сокамерникам об Иисусе открыто, потому что никто не войдёт в эту крысиную нору, чтобы здесь шпионить за нами.

Мы долго и усердно молились о том, чтобы иметь возможность рассказывать о своей вере окружающим. И теперь Господь ответил на наши молитвы, выйдя за пределы наших самых смелых ожиданий. Мы, конечно же, и представить себе этого не могли. Ситуация, в которой мы оказались, настолько неожиданна, нова, странна для нас и отлична от всего того, что мы переживали ранее. Что ожидает нас в будущем? Как будет здесь, в тюрьме? Какие здесь правила? Что поможет нам оставаться в относительной безопасности, а что, наоборот, навлечёт неприятности? Всё это напоминает погружение в совершенно чужую культуру без подготовки и без путеводителя. Наш единственный проводник — Иисус Христос. Какие благословения и возможности Он подарит нам завтра?

Огромная честь

Марьям

В четверг нас доставили в «Возару» слишком поздно, чтобы предстать перед судом. В пятницу, мусульманский субботний день, все суды закрыты. Итак, суббота была ближайшим днём, когда наше дело могло быть рассмотрено. В то утро мы снова проснулись от криков Лейлы, которая умоляла о сигарете. Мы сходили в туалет и получили на завтрак печенье от той же щедрой женщины, которая покормила нас завтраком и накануне. Вечером мы ничего не ели из общего ужина, который принесли в общей кастрюле, и теперь были очень голодны.

Каждое утро надзиратели оглашали имена женщин, которых в тот день повезут в суд. Когда называли имена заключённых, их сгоняли в отдельные группы у дверей блока, в зависимости от того, в какое отделение суда повезут. Затем их гнали наверх, на уровень, который соответствовал уровню земли. И если группа была небольшая, конвой отвозил их в суд на легковом автомобиле или такси. Большие группы перевозили в фургоне. Поскольку все, кого содержали в «Возаре», прибыли непосредственно после ареста, ни у кого не было ни багажа, ни личных вещей, кроме того, что в тот момент было при них. И всё это они забирали с собой в суд на случай, если их освободят.

Во время заседания судья решал, освободить женщину, вернуть под стражу или же отправить в тюрьму. По закону задержанных не должны оставлять под арестом в течение более трёх дней. Поскольку нас привезли поздно в четверг, это был наш третий день с момента задержания (хотя только второе утро в «Возаре»), и мы ожидали, что нас вызовут, рассмотрят наше дело и отпустят. Сначала рассматривалось дело стильных молодых тусовщиц, которые говорили по-английски, потом — женщин, арестованных в хлебном магазине. Уходя, многие из них просили нас молиться за них. Мы заверяли каждую

из них, что Господь никогда не оставит её и имеет власть изменить её жизнь так же, как Он изменил наши.

Через некоторое время в камере не осталось никого, за исключением Лейлы, Сефидэ и нас с Марзие. Пока мы бродили вперёд-назад по коридору, чтобы хотя бы немного размяться, в дверном проёме показались две сотрудницы с инструментами для уборки. Они вручили нам две метлы, швабру и ведро и приказали мыть камеры. Нашей первой реакцией было отвращение. Как справиться с грязью и бардаком, царившими вокруг нас? Но потом мы подумали: *«Какая чудесная возможность! Уборка позволит нам не только скоротать время, но и сделает это место более приличным и гуманным»*. Мы попросили у них ещё жидкого мыла. Они очень удивились, но принесли. Мы с Марзие подмели и вымыли полы во всех камерах и коридорах, включая проход к посту дежурного, а потом и все туалеты. Через несколько часов все поверхности были чисты, и, хотя запах полностью не исчез, он стал более терпимым. Единственным недостатком в нашей работе было то, что от неё мы проголодались ещё больше. К тому же нам очень хотелось пить; за два дня заключения мы ни разу не пили даже воды.

Прилёгши подремать, мы услышали пение Лейлы. Её прекрасный голос эхом разносился по пустым камерам. Потом она начала танцевать, и грациозность её движений удивляла так же, как и чистота её голоса. Мы уснули. Но вскоре Лейла и Сефидэ разбудили нас грохотом в дверь и криками с требованием сигарет.

Чуть позже с судебных заседаний начали возвращаться другие женщины. Арестованных у пекарни доставили в Революционный суд, где рассматривались политические дела, но слушание по их делу отменили, поэтому их вернули под стражу ещё на день. Некоторые из них плакали от разочарования и бессилия, беспокоились о своих детях и хотели каким-то образом сообщить своим семьям, где они находятся. Мы узнали, что большую группу тусовщиц освободили, и с них сняли все выдвинутые против них обвинения. А двух молодых девушек с красивыми длинными волосами, которых задержали по обвинению в нарушении кодекса одежды и привезли накануне, — вернули обратно. Одна из них призналась, что у неё есть парень. Когда её привели в суд, там были её родители. Мать девушки знала о парне, а отец — нет. Его неодобрительный и стыдящий взгляд ещё больше

ранил её, и теперь она горько рыдала. Мы попытались утешить её, но на тот момент это не очень удавалось.

Прибыли также новые задержанные, в том числе привлекательная девушка шестнадцати-семнадцати лет с коротко стриженной, как у мальчика, головой. Её звали Сахár. Она казалась счастливой, энергичной, жизнерадостной и очень дружелюбной. Все старшие женщины сразу же окружили её заботой и начали относиться к ней, как к дочери. Сахár сбежала из дома и была арестована за то, что остригла волосы. Как оказалось, она зарабатывала на жизнь проституцией. Когда девушка начала рассказывать о своём сексуальном опыте, она говорила, как женщина лет сорока.

Другая вновь прибывшая — высокая женщина с мужским телосложением, очень грязная и вонючая. Она выглядела такой отвратительной, что никто не желал даже приблизиться к ней. Мы с Марзие подошли и сели рядом. Её звали Саэ.

— В чём вас обвиняют? — спросила она.

— Мы верим в Иисуса, — ответила я.

Она громко рассмеялась, обнажив пожелтевшие зубы, и запах из её рта стал ещё сильнее.

— А в чём обвиняют тебя? — поинтересовалась я.

— В том, что я бездомна и одинока, и меня некому защитить. Меня арестовали за то, что я спала в парке. В полиции сказали, что мне следовало зарегистрироваться в социальных службах.

Бехзисты, государственная служба социальной защиты Ирана, печально известна жестоким обращением с людьми, которые обращаются туда за помощью. Я не виню её за то, что она решила держаться от них подальше.

— Как бы я хотела, чтобы у меня было место для сна, — вздохнула Саэ, — или просто кто-то, кто мог бы мне помочь. Кто угодно...

— Бог всегда с тобой, Саэ, где бы ты ни была, — заверила я её. — Ты когда-нибудь просила Его помочь тебе?

— Мне никогда не помогал бог мусульман. Кто знает, возможно, твой Бог поможет мне. Пожалуйста, помолись за меня!

Когда я начала молиться, в глазах Саэ заблестели слёзы. Затем она внимательно слушала, как я рассказывала ей об Иисусе и Его плане её личного спасения. Она продолжала расспрашивать меня о моих убеждениях и попросила адрес церкви. После того, как я за-

писала его, она пообещала: «Если меня когда-нибудь выпустят и мне удастся утрясти проблемы с *бехзисты*, я пойду в церковь». Несмотря на дикую внешность, у Саэ было чуткое и открытое сердце. И по промыслу Господа Марзие и я оказались рядом в нужный момент, чтобы поведать ей Благую Весть о любви Христа, когда она была наиболее готова принять её.

Марзие

На следующее утро, после обычного «будильника», — криков Лейлы, просящей сигарет, — мы с Марьям сходили в туалет, который теперь был значительно чище. В блоке началась переключка, по окончании которой стали объявлять имя за именем, и мы наблюдали, как женщин, одну за другой, уводят, чтобы везти в суд. Через некоторое время забрали всех заключённых, и мы остались одни. Раньше в камерах было слышно болтовню, вокруг сутились женщины; теперь же наступила жуткая гробовая тишина. Когда мы собирались вернуться в свою камеру, то услышали, что нас зовут.

— Марьям Ростампур и Марзие Амиризаде?

— Да?

— Готовьтесь к суду.

Нас отвели в помещение, где уже ждала Саэ, сковали всех троих наручниками — Саэ посередине, а потом погнали вверх по лестнице. Когда мы вышли на улицу и направились к полицейской машине, солнечный свет почти ослепил нас. Мы не видели солнца с тех пор, как попали в «Возару». Вокруг было так красиво! Нам было так приятно ощущать на лицах солнечное тепло. Какое облегчение от холода в центре заключения! Мы не могли надышаться свежим воздухом. Какое благословение снова оказаться в этом мире, хотя бы на мгновение!

Мы услышали свои имена и оглянулись. К нам бежали моя сестра Елена и сестра Марьям, Ширин. Как невероятно радостно было снова видеть их! Нам приказали не обращать на них внимания и продолжать двигаться вперёд; однако мы проигнорировали приказ и бросились в объятия сестёр. Их было неудобно обнимать в наручниках. Мы все плакали от радости и чувства облегчения. Сёстры были потрясены тем, какими голодными, бледными и грязными мы были.

— Вас пытаются? Вас пытаются? — снова и снова переспрашивали они. Мы заверили их, что нет. Мы шёпотом рассказали им о партии Новых Заветов, которые полиция пока ещё не нашла, и попросили перепрятать их. Сёстры ответили, что сделают всё, что смогут, и вручили нам шоколад и фруктовый сок. Эти лакомства выглядели и пахли так чудесно!

— Вам это не положено! — рявкнула на нас конвоир. — Принимать передачи запрещено!

Мы были так голодны, что, казалось, чувствовали вкус этого угощения на расстоянии.

— Быстро в машину! — прозвучал приказ.

Мы вернули угощения сёстрам, в последний раз обняли их и вместе с Саэ забрались на заднее сиденье. Конвоир сел на переднее сидение рядом с солдатом, который вёл машину. Они оба зажали носы и так ехали до самого здания суда.

Доставив Саэ в суд по семейным делам, нас с Марьям повезли в Революционный суд, огромное кирпичное здание, хорошо известное в Тегеране. Мы вошли через чёрный вход, через который заводят заключённых, чтобы их не видели посторонние, и прошли в небольшую комнату, где нас обыскали. Потом нас провели через двор и ещё через одну дверь. Внутри здание Революционного суда представляло собой лабиринт из комнат, длинных коридоров и лифтов. Всё ещё скованные наручниками, мы поднялись наверх, в зону ожидания 2-го отделения Ангелабского суда службы безопасности. Там вместе со своими семьями уже ожидали женщины, арестованные в хлебном магазине во время флешмоба «Мы есты!». Они были рады видеть нас и хотели познакомиться со своими детьми и родственниками. Нам приказали сидеть тихо и ни с кем не разговаривать.

— Это помещение напичкано камерами наблюдения, — предупредила одна из конвоиров с «Возары», которая сочувствовала нам и пыталась нас защитить. — Если вас поймают на разговорах, будет ещё больше проблем.

Мы обменялись короткими приветствиями с женщинами и сели.

Рядом с нами присели вновь подошедшие два привлекательных молодых человека в красивых костюмах. Услышав наш разговор с юристами о выдвинутых против нас обвинениях, они начали живо интересоваться нами.

— Почему вас арестовали?

— Потому что мы христиане, — ответила я.

— В самом деле! — воскликнул один из них. — Какое обвинение! Они никого не щадят. Как они узнали, что вы христиане? Вы участвовали в деятельности церкви?

В этот момент вернулась конвоир из «Возары», которая ненадолго отлучалась, приказала мужчинам встать, а сама села на их место рядом с Марьям, наклонилась к нам и, когда они отошли, прошептала:

— Это агенты служб безопасности, *басиджи*. Они пытаются неофициально собрать о вас информацию.

Потом привели группу мужчин, некоторые из них шли с трудом. Их арестовали у хлебного магазина вместе с женщинами и жестоко избивали. Как оказалось, избивали их два красивых молодых человека, которые только что расспрашивали нас о нашей вере.

Женщины прошли в зал суда, где они заявили о своей невиновности и сообщили судье, что хотят подать на *басиджи* жалобу. Судья ответил, что, если они не будут подавать жалобы, их выпустят под залог. Если же они будут настаивать на предъявлении обвинений, то останутся под арестом. Перспектива освобождения настолько обрадовала женщин, что они быстро согласились на сделку. Однако, как это часто бывает в иранской судебной системе, судья не выполнил обещания, и предъявленные им обвинения так официально и не были сняты. После внесения залога женщин отпустили, а обвинения против них оставались в силе на случай, если в будущем правительство опять захочет оказать на них давление.

Каждый судья в Революционном суде занимает высокую впечатляющую должность. Нас вызвали в кабинет толстого, напыщенного мужчины с тёмной бородой, господина Собхани, судьи Революционного суда, которому наше дело передал господин Расти из полицейского управления. У него на лбу была красная отметина, появляющаяся у набожных мусульман, которые подолгу молятся с приставленным ко лбу *мохром* — кусочком почвы или глины, часто привезённым из святых мест. Однако я могу сказать, что господин Расти, как и многие другие, кого мы знали, нагревал камень перед использованием, чтобы он сразу же делал красную отметку на лбу, которая должна была свидетельствовать о благочестии и молитвенном посвящении своего обладателя, и, таким образом, избегал необходимости молить-

ся в течение длительного времени. У него на пальце был массивный перстень со стихом из Корана. На стене висели фотографии залитых кровью сражающихся и умирающих иранских солдат; портреты аятоллы Хомейни, который захватил власть в 1979 году; аятоллы Хаменеи, нынешнего верховного руководителя Ирана, и даже самого Собхани. Весь зал суда был памятником исламским мученикам. Судья написал каждой из нас список вопросов и приказал письменно ответить на них, запретив разговаривать друг с другом. Это были всё те же вопросы, на которые мы отвечали уже много раз, и наши ответы были практически идентичны:

Принимаете ли вы обвинения в антигосударственной деятельности и оскорблении религиозных властей? — *Нет.*

Принимаете ли вы обвинение в пропаганде христианства в Иране? — *Нет.*

Принимаете ли вы ответственность за распространение Библии и прозелитизм в ресторане Тегерана? — *Нет. Мы дарили Новые Заветы только тем, кто просил их у нас. Мы ни с кем не говорили об Иисусе в ресторанах.*

Какую церковь вы посещаете? — *В Иране мы не посещаем никакую церковь.*

В какой церкви вы приняли крещение? — *В церкви «Ассамблея Бога» (Марьям) и в пятидесятнической (я).*

Мы ответили на все вопросы и поставили подписи, а затем у нас сняли отпечатки пальцев.

Потом нас вывели из здания и посадили в машину. Пока мы стояли в плотной полуденной пробке, я размышляла над тем, что нас, скорее всего, везут обратно в Центр заключения. Однако, как потом оказалось, нас доставили в полицейский участок Гиши, и вскоре мы снова предстали перед своим старым знакомым, господином Расти.

— Надеюсь, вы хорошо подумали, — сказал он, откусывая ароматный кусок хлеба. — Не так ли?

Мне было интересно, он ест перед нами, потому что знает, насколько мы голодны, или он всегда ест перед допрашиваемыми.

— О чём мы должны были подумать? — переспросила Марьям.

— О том, чтобы рассказать нам всё, что мы хотим знать о вас и вашей религиозной деятельности, о людях, вместе с которыми вы её вели. У нас есть и другие способы заставить вас заговорить. Сообщите нам то, что мы хотим, или вас будут бить. Сейчас мы даём вам шанс говорить и тем самым спасти себя.

В этот момент вошёл Мохаммади, который проводил обыск в нашей квартире, с небольшими табличками и фотоаппаратом. Нам пришлось повесить таблички на шею и сфотографироваться. На табличках было написано: «Марзие Амиризадэ, обвиняемая в распространении христианства в Иране» и «Марьям Ростампур, обвиняемая в распространении христианства в Иране». Каждая из нас подумала о том, какая огромная честь для нас быть идентифицированными таким образом, и мы обе широко улыбнулись в объектив фотоаппарата, что очень рассердило господина Расти. Он хотел, чтобы мы испытывали страх, однако его тактика не привела к желаемому результату.

— Я проверил ваш ноутбук и нашёл множество улик против вас, — строго заявил господин Расти. — Вы должны рассказать нам обо всех, с кем вы общаетесь, с какими организациями сотрудничаете. В противном случае мы свяжем вам руки и ноги и будем избивать до смерти. Подумайте об этом, готовясь к следующему допросу.

Резко откатившись в офисном кресле от стола, господин Расти вышел, оставив нас на растерзание «Господину Истине» — первому полицейскому, который допрашивал нас в Гише в день нашего ареста.

Господин Хагигхат отвёл нас в подвал полицейского участка, чтобы мы там ожидали допроса. Нас поместили в тёмную, сырую, грязную камеру, в которой стоял зловонный тошнотворный и такой знакомый нам запах неисправного санузла. Как выяснилось, канализации там вовсе не было, а туалетом служила дыра в полу. Вокруг дыры сновали тараканы, которые потом расползались по стенам. Было холодно, поэтому мы схватили пару грязных одеял и, укутавшись в них, прижались друг к другу, сидя на полу, чтобы согреться. Кто бы мог подумать, что в таком большом, впечатляющем здании такая убогая уборная комната? Из всех мест заключения, в которых нас содержали в течение последних дней, это было наихудшим.

Несмотря на браваду, с которой мы пытались держаться, мы были крайне напуганы. Насколько нам было известно, каждый день теперь мог стать нашим последним днём на земле. Мы держались за руки и молили Господа, чтобы Он успокоил наши взволнованные сердца. Самым большим нашим страхом было то, что мы сломаемся и скажем что-либо, что не соответствует Божьей воле. Мы молились о силе и мужестве. Мы желали, чтобы тюремщики видели нашу уверенность и храбрость. *И если нас будут пытаться, дай, Господи, нам силы выстоять.*

Мы помолились, и молитва помогла нам чувствовать себя спокойнее. Измученные и изнурённые, мы уснули, несмотря на то что за нашей дверью могла стоять смерть.

Меня разбудил звук ключа, который поворачивали в замке коридорной клетки. Мы с Марьям молча прижались друг к дружке, прислушиваясь к приближающимся шагам. Однако вместо палача, которого мы ожидали, вошли две молодые плачущие женщины в сопровождении надзирательницы. Женщины были сёстрами, арестованными за пользование запрещённым в Иране интернет-сайтом бизнес-сети «GoldQuest». После того, как женщины позволили нам помолиться за них, одна из них сказала:

— Вы среди нас как ангелы. Как вам удаётся оставаться такими спокойными и сильными?!

— Это — не наша заслуга, — объяснила я. — Только Господь имеет власть и силу, чтобы провести нас через всё это.

А через час-второй мы уже разговаривали как давние подруги. В конце разговора мы взялись за руки и вместе помолились. Когда мы закончили молиться, сёстры всё ещё продолжали звать к Богу.

Потом в замочной скважине снова повернулся ключ, и мы услышали знакомый голос. *Лейла!* Она, как обычно, кричала и задиралась с надзирателями, и её вид ошеломил сестёр. Я успокоила их и сказала, что волноваться нечего.

— Мы знаем её. Она выглядит грубой, но у неё доброе сердце. Она рассказывала, что у неё есть муж и сын.

Увидев нас, Лейла очень обрадовалась. Понятия не имею, как ей удалось добраться до камер, размещённых на самом нижнем этаже, в подвальном помещении, с целой коробкой мандаринов. Она поделилась ими с нами и с сёстрами. За несколько минут мы съели их все.

— А мы думали, тебя освободят, — сказала я. Ведь утром, уходя на суд, она сама была уверена в том, что муж внесёт залог и вытащит её из тюрьмы.

— Я тоже так думала, — уныло ответила она. — Но эти ублюдки не выпустят меня, пока муж не предоставит им свидетельство о браке, подтверждающее, что он несёт ответственность за меня. Он сказал, что не может найти его и привезёт его после обеда. Но его всё ещё нет, чёрт бы его побрал! Дали бы хоть сигарету! — крикнула она в сторону двери. Однако ответа не последовало, и она снова закричала. Наконец появилась надзирательница и прошипела:

— Заткнись! Ты выйдешь отсюда только тогда, когда за тобой явится твой муженёк.

Замужнюю женщину по закону могли отпустить только под ответственность мужа.

— Иди ты к чёрту! — на всё горло заорала Лейла. — К чёрту тебя и твой ислам! Смерть тебе и режиму!

Надзиратель молча ушла.

Вечером Лейле сказали, что её выпустят, если она сможет внести залог в размере 30 тысяч томанов (пятнадцать долларов). Часть денег была у неё с собой, а когда я предложила ей остальные, она сразу же начала звать надзирателей и требовать, чтобы её освободили. Однако это оказалось жестокой шуткой, и все её мольбы так ни к чему и не привели. Позже Лейле сообщили, что муж уже едет за ней, и, узнав об этом, она расплакалась от счастья. Но это тоже была шутка. Наконец, женщине разрешили позвонить мужу. Мы слышали, как они ругались, а затем Лейла обложила его матом и бросила трубку.

От эмоционального истощения Лейла уснула, положив голову мне на колени. Мы с Марьям гладили её по волосам, как будто она была ребёнком. Бог знает, сколько времени прошло с тех пор, как кто-нибудь прикасался к ней с добротой и состраданием. Сёстры изумленно наблюдали за Лейлой, пока она спала. Умиротворённый сон женщины был огромным контрастом с её диким поведением.

Вечером, когда у надзирателей закончилась смена, они не могли уйти, оставив нас одних, поэтому нас отправили обратно в «Возару». Нас пятерых сковали друг с другом наручниками. И когда одна из нас спотыкалась, падали все. Каждое такое падение вызывало очередную волну проклятий Лейлы. Была почти полночь, поэтому дороги

были пустынные, и тюремный фургон, как ветер, летел по улицам города, на поворотах бросая нас в кузове со стороны в сторону, как ящики с овощами.

Несмотря на поздний час, Елена и Ширин ждали нас в «Возаре» с очередной партией шоколада и соков. На этот раз мы спрятали их под одеждой, чтобы поесть потом. В тот вечер мы впервые узнали, что о нашем аресте стало известно общественности и незнакомые люди пытаются помочь нам. В последующие дни наши сёстры стали нашим спасательным кругом и нитью, которая связывала нас с внешним миром. Когда наше дело стало достоянием гласности, мы обрели надежду, что известие о христианах, которым исламский режим угрожает пытками и смертью, побудит верующих молиться за нас и ходатайствовать о нашем освобождении. Мы надеялись, что это поспособствует обретению нами такой желанной свободы.

В «Возаре», прежде чем нам позволили вернуться в камеру, нам задали серию уже знакомых вопросов. На этот раз допрос проводил начальник изолятора. «Родились ли мы христианками или обратились из ислама? Почему мы отвергли ислам? Почему мы раздавали Библии?»

После следующих нескольких вопросов он спросил Марьям:

— Кто ты?!

— Я дочь Бога, — ответила она.

— Тогда я, должно быть, его сын, верно? — саркастически произнёс он.

— Правильно! — торжествующе воскликнула Марьям.

Чиновник, поблуднев от ярости, вскочил.

— Богохульство! Прекратите богохульствовать! Прекратите немедленно! Прекратите!

Такой реакции не ожидал никто, и одна из присутствующих при допросе надзирателей шёпотом посоветовала Марьям прекратить спорить.

— Это опасный человек, — прошептала она. — Рассердив его, ты ничего не добьёшься.

— Скоро будет суд, — продолжал чиновник. — Тогда вы увидите, что к чему!

Нас повели в знакомый тюремный корпус, где выдали пару вонючих одеял. Мы завернулись в них и легли на пол. Мы обе были слишком измотаны, чтобы о чём-либо думать. Мысли о пережитом

в течение дня хаотично носились в моей голове, как сумасшедший калейдоскоп. Но пока мы живы, и это главное! Без кровати, без еды, даже без намека на справедливость, мы выживали исключительно благодаря Божьей милости. Мы и понятия не имели, что Господь запланировал для нас на следующий день. Мы знали только то, что в любом случае Его милости будет достаточно!

Новые друзья, старые вопросы

Марзие

Понедельник, 9 марта, начался с обычных попыток Лейлы «выбить» у конвоя сигарет, хотя с каждым днём её крики вымогательства шокировали нас всё меньше, потому что мы привыкали к ним и из-за недостатка еды и физических упражнений слабее реагировали на внешние раздражители.

Надзиратель выкрикивала имена женщин, которых повезут на суд. Сестёр, арестованных за пользование «GoldQuest», вызвали вместе с Саэ. Они всё ещё были растрёпаны и не умыты. Саэ попросила нас молиться Иисусу, чтобы Он помог ей решить вопросы с социальной службой и ей предоставили чистое место для сна.

Потом вызвали Лейлу. Ей сообщили, что, поскольку её муж не явился за ней, её отправляют в тюрьму «Эвин». Эта новость привела женщину в ярость. Тюрьма «Эвин» печально известна как место содержания людей, совершивших преступления против ислама — а значит, против режима, — куда их бросают на неопределённый срок, часто пытаются, а нередко и убивают. Лейлу же отправляли туда только потому, что трое суток, определённые на пребывание в следственном изоляторе, уже истекли. Теперь на всю оставшуюся жизнь у неё будет запись о том, что она отбывала тюремное заключение. Уходя, Лейла на миг перестала поливать оскорблениями и ругательствами надзирателей, чтобы попрощаться с нами. Мы пожелали ей всего самого хорошего.

Трое суток с момента нашего задержания уже давно истекли. Если Лейлу отправили в «Эвин», нас тоже могут отправить туда. Но поскольку нам ничего не сообщали о нашем будущем, мы понятия не имели, что с нами будет дальше.

После переключки осталась лишь горстка заключённых, в их числе и Сахár, привлекательная молодая беглянка с коротко стриженными

волосами, и вновь прибывшая, с которой мы очень хотели познакомиться, по имени Масоме, — невысокая красивая женщина с приветливым взглядом. Пока другие женщины разговаривали, мы с Марьям начали убирать камеры и туалеты. Мы решили каждое утро брать эту работу на себя. Мы спросили надзирателей, можно ли убрать и в их комнате отдыха. Они были шокированы нашим предложением, но приняли его с радостью. Если мы выполним эту работу, им не придётся делать её самим. Надзиратели пошли на кухню набрать себе питьевой воды, к которой заключённые не имеют доступа. Мы попросили разрешения также пойти на кухню попить. Получив разрешение, мы обрадовались и побежали пить прямо из-под крана, потому что у нас не было своего стакана. Это была первая вода за четыре дня. Каждая из нас выпила не меньше кувшина!

— Вы двое не похожи на других заключённых, — сказала нам одна из надзирателей. — Как вы здесь оказались? В чём вас обвиняют?

После того, как мы объяснили, она вздохнула:

— Вы слишком хороши, чтобы быть здесь. Это позор для таких ни в чём не виновных людей, как вы. Надеюсь, вас скоро освободят!

Другая надзирательница, которая услышала часть нашего разговора, спросила:

— А почему они здесь?

Когда первая объяснила, та пришла в ярость и закричала, размахивая руками:

— Они заслуживают заключения!

Применяя силу, она грубо начала толкать нас по коридору и заперла в камере.

Немного погодя нас вывели из корпуса в кабинет для допросов, где ждали два инспектора-мужчины и две охранницы.

— Какое против вас выдвинуто обвинение? — спросил один из мужчин.

— Христианство, — ответила Марьям.

Он недоверчиво покосился на нас.

— Христианство не является преступлением!

— Мы не родились христианками. Мы обратились одиннадцать лет тому назад.

— Ах, вы обратились! И вы проповедуете христианство?

— Да, друзьям и семье, которые хотят больше узнать об Иисусе.

За этим последовали всё те же знакомые вопросы, которые нам задавали уже много раз. Потом один из мужчин сказал, что хочет больше узнать об Иисусе и Библии, потому что он, возможно, также захочет обратиться.

— Вы знаете об Иисусе? — спросила Марьям.

— Да, — ответил мужчина. — Он один из пророков.

— Мы верим, что Иисус — Сын Божий и Спаситель человечества, а не просто пророк. Он принёс Себя в жертву за наши грехи и воскрес из мёртвых.

— Значит, вы не верите в Мухаммеда и других пророков?

— Нет, но я уважаю точку зрения других людей.

К моему удивлению, на глазах этого человека появились слёзы. Взглянув на лежащие перед ним бумаги, он тихо произнёс:

— Не нужно никому рассказывать то, что вы только что сказали мне. Это причинит вам множество проблем.

Затем он начал расспрашивать о нашей поездке в Революционный суд и о том, в каких условиях нас содержат в тюремном корпусе «Возары». Мы рассказали ему о том, как там всё плохо.

— Но куда бы нас ни послал Господь, это лучшее место для нас, даже если Он поместил нас сюда, — добавила я.

— Будьте сильными и держитесь своей веры, — прошептал он. — Надеюсь, вас скоро освободят.

Вернувшись в камеру, мы познакомились с новыми заключёнными. Одна из них была невысокая, пухленькая женщина, арестованная за мошенничество — пыталась воспользоваться неплатёжеспособным чеком. Когда мы начали рассказывать о себе, она заплакала.

— Я тоже верю в Иисуса, — тихо произнесла она, чтобы никто не услышал. — Несколько лет назад в Швеции я пошла в церковь и приняла крещение. Я знаю об Иисусе и Его учении, но никогда не читала Библию. — Она попросила нас помолиться за неё, чему мы были очень рады.

Масоме, приветливая на вид женщина, с которой мы уже давно хотели познакомиться, оказалась жестокой и гордой. Удивительно, насколько ошибочным может быть первое впечатление. На её примере Бог напомнил нам о том, как трудно иногда судить о человеке по его виду. Представление о ней сформировалось у нас по её внешности, и сначала мы доверяли ей, но, когда узнали её получше, то увидели более

правдивую картину. Масоме поведала нам о том, что её отец был мучеником, погибшим в боях против Ирака. Ей не нравился её новый отчим, и она переехала жить одна на средства, которые получила в наследство от отца. Она вступила в лесбийские отношения с двумя женщинами, которые потратили её деньги и разбили её сердце. Позже она завела отношения с мужчиной, которого одаривала такими подарками, как мебель и машины. Однажды ночью к ним в спальню ворвалась полиция. Остальную часть истории мы узнали позже: Масоме подставила этого человека, потому что он был богат. Она сообщила полиции, когда они будут вместе, и использовала свое влияние дочери мученика, чтобы убедить судью приказать мужчине жениться на ней. Когда позже в тот же день он предстал перед судом, то был жестоко избит.

Выслушав рассказ Масоме, Сахár посвятила нас в подробности своей жизни. Она сказала, что ей шестнадцать лет и у неё есть парень, который отправляет девушек на работу в сфере секс-индустрии в Дубае. Масоме тоже хотела поехать, но брат узнал об этом, побрил ей голову и избил. Она сбежала из дома и была арестована за это. После освобождения девушка планировала вернуться к своему парню и уехать на работу в Дубай. Мы попытались отговорить Масоме, однако она видела в этой возможности билет к свободе и финансовой независимости.

Очень популярной темой в тюрьме был секс. Однако понять, какая часть из того, что мы слышали, была правдой, а какая — бахвальством, было невозможно. Другая заключённая, Танназ, шестнадцатилетняя девушка из города Мешхед, одетая в узкие джинсы и откровенный чёрный топ, была арестована во время занятия сексом в парке. Она хвасталась, что в полиции на неё по всей стране заведены файлы. Услышав нашу историю, она заявила, что нас нужно казнить за измену исламу.

— Мои грехи будут мне прощены, — подытожила она, — но вы согрешили против Аллаха, и это никогда вам не простится!

Ближе к обеду нас подозвала к коридорной решётке одна из надзирателей, женщина лет двадцати пяти, и через решётку заговорила с нами. Вместо того чтобы называть нас по фамилии, она называла нас «христианскими девушками». Она с самого начала относилась к нам с добротой, гораздо более мягко, чем другие. Во время разговора она выглядела испуганной и всё время оглядывалась по сторонам.

— Я слышала от других заключённых, что вы молитесь за них и на ваши молитвы всегда приходит ответ, — начала она. — В моей жизни случилось что-то ужасное. Вы не могли бы помолиться за меня?

Марьям ответила, что мы будем рады помолиться за неё. Мы протянули к ней через решётку руки и начали громко молиться. Она тихонько заплакала. А когда мы закончили, вместе с нами сказала: «Аминь». Мы коротко рассказали ей об Иисусе, но она побоялась остаться в нашем коридоре на дольше.

— Если ваш Бог ответит мне, я пойду в церковь и буду читать Библию, — пообещала она. — Мне не нравится эта работа, но очень нужны деньги.

— Я тоже заключённая, только в другом понимании этого слова. Задержанные приходят и уходят, а я гнию здесь, в этой ужасной подземной яме, день за днём, месяц за месяцем!

Женщина ушла в комнату отдыха надзирателей, но вскоре вернулась с тарелкой макарон и двумя ложками.

— Я знаю, что вы двое не едите вместе с другими, — сказала она. — Вот, съешьте хоть это.

Мы с благодарностью приняли макароны и быстро опорожнили тарелку. Когда мы закончили, она принесла нам целый кувшин воды. Какое чудо — впервые за несколько дней не испытывать голод и жажду.

К вечеру из суда начали возвращаться заключённые. Мы слышали, что сестёр, которые использовали «GoldQuest», освободили под залог, а Саэ передали на попечение социальным службам. В наш тюремный блок вернулись только некоторые из наших знакомых. О судьбе остальных мы так и не узнали. В блок постоянно поступали новые женщины.

Каким бы невероятным ни был наш неожиданный обед, за ужином нас ждал ещё один огромный сюрприз. Когда, как обычно, вошла надзиратель с кастрюлей чечевицы и риса, вместо того чтобы протаскать её по полу туда, где ожидали заключённые и позволить им наброситься на еду и копаться в ней руками, она приказала женщинам отойти.

— Никто не прикасается к еде, кроме Марзие, — рявкнула она, — потому что у неё чистые руки. Марзие будет накладывать еду всем остальным.

Я была ошеломлена — «нечистую» христианку выбрали раздавать еду. Я быстро шагнула вперёд, чтобы выполнить приказание надзирательницы. Используя один кусок хлеба вместо черпака, а другой —

вместо тарелки, я зачерпнула порцию и передала её стоящей ближе всего ко мне женщине, продолжая раздавать всем по очереди, пока не обошла весь круг. После обеда Марьям вымыла сковороду, чтобы убедиться, что завтра нам будут готовить в чистой посуде. Это было непросто, но мы сделали открытие, что даже в этой адской дыре можно создать небольшой островок чистоты.

На следующее утро кулинарные сюрпризы продолжились, когда нам принесли индивидуально запакованные завтраки: по небольшому пакету с хлебом и сыром на двух заключённых. Мы никогда не узнаем о том, что спровоцировало такие внезапные изменения в режиме питания, однако я надеялась, что это произошло из-за того, что в нас стали видеть людей. Мы отказались вести себя как животные, поэтому, возможно, к нам и начали относиться соответствующим образом, как к людям.

Марьям

После завтрака наши с Марзие имена огласили первыми. Вместо того, чтобы, как мы ожидали, вернуться в Революционный суд, нас снова отправили в полицейский участок Гиши. Там нас разлучили, и Марзие приказали ждать, а меня повели на очередной допрос господина Расти. В комнате присутствовала также молодая женщина-охранник.

Господин Расти широко улыбнулся, пригласил меня войти и даже предложил сесть. Не может быть, что это тот же полицейский, который раньше относился к нам так грубо и угрожал и который приказал доставить нас в Революционный суд в наручниках!

— Надеюсь, у тебя всё хорошо, — приветливо поинтересовался он. — Возможно, у вас с подругой возникли какие-нибудь проблемы?

— Нет, — ответила я. — У меня всё хорошо. У нас нет никаких претензий.

Господин Расти попытался скрыть удивление и продолжил:

— Жаль, что тебя упрятали в такую яму, как «Возара». Там мы держим жестоких людей, преступников, у которых много проблем.

— Я совсем не против, — возразила я. — Все они люди, и у них не всегда были проблемы. Необходимо лишь взглянуть на их прошлое и понять, что заставило их стать такими.

Господин Расти улыбнулся.

— Ты и там проповедуешь христианство?

— А как же! Мы рассказываем о Христе каждому, кого вы к нам присылаете, особенно девушкам. Они отчаянно нуждаются в помощи, поэтому мы помогаем им и молимся за них.

— Думаю, тебе там на самом деле не так уж плохо, — удивлённо произнёс господин Расти. Он пролистал содержимое папки с документами, которая лежала перед ним, и взял из неё лист. Я видела, что он исписан моим почерком.

— Это список людей, с которыми ты сотрудничаешь? — строго спросил он. — Откуда ты всех их знаешь?

— Это люди, за которых я молюсь каждый день. Я составила его, чтобы никого не упустить. С большинством из них ни я, ни Марзие даже не знакомы.

— Здесь написано «в больнице». Вы с подругой посещали этого человека в больнице?

Я навещала этого человека, однако не собиралась признавать этого. Допрос продолжался.

— Вы объездили все города, указанные в списке?

— Нет, мы составили список, чтобы молиться за эти города.

— Вы готовили людей к тому, чтобы они стали христианами?

— Нет. Если они задавали вопросы — мы отвечали на них. Мы — христиане и хотим рассказывать истину о Господе Иисусе каждому, кто желает её узнать.

По мере того, как одни и те же уже известные нам вопросы повторялись, мысленно я отвлеклась и начала наслаждаться видом, который открывался из огромного окна позади стола господина Расти.

Он поднял блокнот.

— В этой записной книжке — имена, адреса и телефоны. Эти люди — христиане?

Да, все эти люди были христианами, но я не собиралась сообщать это полиции, подвергая риску их жизни.

— Нет. Это наши друзья, и большинство из них — мусульмане. Можете проверить, если хотите.

— Использовалась ли ваша квартира для церковных собраний? Или как база для занятий религиозной деятельностью?

Если бы вы только знали. Мы с Марзие провели там сотни часов в молитвах и чтении Библии с нашими друзьями. Мы организовали

две домашние церкви, одну для молодёжи, а другую — специально для проституток. Часто мы встречались даже дважды в день, чтобы ободрить и поддержать друг друга. Когда же мы не кормили людей духовно, мы кормили их физически, каждый вечер накрывая стол вкусной едой, которой мы делились с теми, с кем говорили об Иисусе и Его силе в нашей жизни. В этой нашей скромной маленькой обители так много людей посвятили сердца Иисусу. Если бы только режим знал, как сильно молодые иранцы жаждут познать Христа! Многие отчаянно пытаются бежать от безысходности, но понимают, что выхода нет. Ислам навязывает им свои законы против их воли. Некоторые из этих молодых людей, впервые придя на встречи, которые мы проводили с Марзие, с трудом могли представить себе Господа в человеческом облике, который принёс Себя в жертву ради них, Спасителя, который любит их безусловной любовью. Осознание этого привело их в восторг и исполнило благодарностью. Они полюбили Иисуса, потому что Он первым полюбил их, и охотно предпочли христианство исламу. Однако принять новую систему убеждений было не так легко. Оставить ислам в пользу христианства означало рисковать подвергнуть себя пыткам и смерти.

— Нет, — уверенно ответила я. — Наша квартира никогда не использовалась как церковь.

— Вам не кажется, что вы отвращаете нашу молодёжь от ислама?

— Нет. Я никого не отвращаю от веры. Я не принуждаю никого покинуть ислам. Я только хочу дать молодым людям возможность самим выбрать себе религию. В чём, собственно, здесь проблема?

Господин Расти проигнорировал мой вопрос и продолжил допрос.

Марзие

Пока Марьям подвергали допросу, я, скованная наручниками, ждала и молилась. Ко мне нерешительно подошёл один из двоих моих охранников.

— Я знаю, почему ты здесь, — прошептал он. — И хочу знать, почему ты стала христианкой.

Я узнала в нём офицера, которого видела в день ареста. Он сказал мне, что, должно быть, произошла ошибка, и с регистрацией моей машины проблем не было. Очевидно, он ничего не знал о

схеме, которую использовали, чтобы обманом заставить нас прийти в ловушку. Я рассказала молодому человеку своё свидетельство. Он внимательно выслушал.

— Я каждый день молюсь исламскими молитвами, — прошептал он. — Я верю в Господа и во Христа, но не так, как ты.

— Именно это Господь и пытается вам открыть, — ответила я. — И если вы попросите Его, Он поможет вам всё понять.

— В самом деле?

— Да. Иисус говорит: «Ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам»¹. Позвольте своему сердцу искать истину, и Господь откроет ему её.

К нам подошёл второй охранник.

— Я слышал всё, о чём вы говорили. Если вы ответите на мои вопросы, я поверю в Иисуса. Как это возможно, чтобы человек мог быть Сыном Божьим? Как человек может быть Господом?

Я объяснила ему христианское понимание Бога во плоти, но он был настроен скептически и продолжал спорить со мной.

— Вы верите, что Господь может сделать всё, что захочет? — спросила я.

— Да, верю.

— Тогда попросите Его Самого объяснить вам это, поскольку мои слова кажутся вам неадекватными. Такие истины может открыть людям только Сам Господь. Их не познают в спорах или через чтение книг. Если вы действительно хотите получить ответ, молитесь Господу на своём родном языке (необязательно молиться только на арабском) и просите Его открыть вам истину. — Первый охранник был в восторге от моего совета, но его напарник всё ещё сомневался. — Если вы искренне хотите познать истину и молитесь об этом, — заверила я, — Господь откроет её вам. Но если просто хотите поспорить, то только зря тратите время, и моё, и своё.

В этот момент вошёл господин Хагигхат, и разговор внезапно прервался.

Спустя более двух часов пришёл другой охранник, который повёл меня на допрос. Мы с Марьям встретились на лестнице.

— Всё в порядке, — успокаивающе произнесла Марьям. — Меня не пытали. Просто говори правду.

¹ Евангелие от Матфея 7:7.

Какие странные слова. Одна из моих наибольших проблем в жизни заключается в том, что я не могу лгать, даже когда это необходимо.

Когда я вошла в кабинет, господин Расти предложил мне сесть.

— Мне очень жаль, что я снова вынужден заставить тебя пройти через всё это, — сказал он извиняющимся тоном. — Но таковы правила.

Я не могла поверить своим ушам. Что случилось с резким, непочтительным и грубым господином Расти, которого я знала раньше?

— Мы нашли в твоём ноутбуке фотографии, сделанные в Корее, — начал господин Расти. — Каковы твои отношения с корейской церковью?

— Мы с Марьям были в Корее в гостях у подруги. Там мы присутствовали на празднике, организованном церковью для женщин.

— Вы бывали там в других церквях?

— Во время путешествий христиане часто посещают разные церкви.

— Нам известно, что у вас есть домашняя церковь, потому что мы нашли в вашей квартире эти записи проповедей.

— Это мои личные записи, которые я делаю, когда изучаю Библию, — ответила я. — Видите, я пишу о разочарованиях и трудностях, а также о том, что в трудные времена непросто полагаться только на Господа, но наша вера — это ключ к успеху. Что-нибудь из этого неверно?

Господин Расти проигнорировал мой вопрос и продолжил длинную серию вопросов о фотографиях, именах и другой информации, которую он почерпнул из моих личных записей и носителей информации.

К счастью, полиции не удалось обнаружить никакой другой информации о поездке, которую мы с Марьям предприняли в Южную Корею, где процветает христианство. Благодаря серии дружеских отношений мы были приглашены на проводившуюся там конференцию служителей. Остальными участниками этой конференции были жёны пасторов и другие женщины — руководители различных служений. Мы оказались там чудом и были единственными девушками из Ирана!

Южная Корея — чистая и процветающая страна, а христиане, которые там живут, полны энтузиазма и сострадания. Свою веру они демонстрируют не только на словах, но и на деле. Каким же контрастом это было с Индией, куда мы поехали, чтобы проповедовать послание Христа проституткам и учиться служить им. К счастью, иранские

власти не обнаружили никаких свидетельств этого нашего служения. В Индии мы были по приглашению членов христианской организации, которая, кроме прочего, занимается выкупом девочек-проституток, чтобы спасти их от рабства. Когда мы посещали кварталы красных фонарей, где жили молодые проститутки, нам приходилось ехать туда с телохранителями. Это было опасное и грязное место. Многие проститутки были больны СПИДом. Некоторые из них просили нас помолиться за них, что для нас было огромной честью. Мы также свидетельствовали в христианских собраниях и раздавали Библии на местных языках возле магазинов.

После допроса я снова встретилась с Марьям, и мы сравнили вопросы, которые нам задавали, и наши ответы на них. Мы обе задавались вопросом, почему господин Расти сегодня вёл себя по отношению к нам совсем не так, как раньше. Нас отвели в грязную тёмную камеру под лестницей и заперли.

Позже к нам посадили невысокую молодую красивую девушку. Когда мы объяснили ей, какие против нас выдвинуты обвинения, она попросила нас помолиться за неё. Она была замужем всего шесть месяцев. Каждый раз, когда она не хотела заниматься сексом с мужем, он связывал ей руки и ноги и насиловал её. Она сбежала в дом родителей и подала на развод. Однако в соответствии с исламским законом подать на развод имеет право только муж. Поэтому развестись без согласия мужа она не могла. Тем не менее, она осталась жить у родителей и нашла работу.

Однажды она согласилась на предложение коллеги-мужчины подвести её на работу. Муж, который следил за ней, сообщил *басиджи*, и её арестовали, заявив, что она изменяет мужу с человеком, который подвёз её. Несмотря на то, что у мужа не было никаких доказательств, подтверждающих обвинение, в исламском суде показания мужчины по закону являются вдвое более вескими, чем показания женщины. Эта женщина будет оставаться в тюрьме до тех пор, пока не согласится вернуться к жестокому мужу (если он захочет принять её обратно) или пока он не согласится на развод.

Затем привели худенькую девушку с короткими волосами по имени Шарарэ. Она была арестована за выпивку и танцы с парнями в парке развлечений. На её теле были раны и ссадины от избиений *басиджи*. Один из *басиджи* всю дорогу в машине держал её голову

прижатой к коленям, чтобы прохожие не могли увидеть её через окно. Другой держал её за руки и ноги. «У тебя такое красивое тело, — говорил он. — Почему ты вынуждаешь нас бить тебя? Почему бы тебе не расслабиться и не дать мне спеть тебе колыбельную, чтобы ты уснула в моих объятиях?» Для девушки было запрещено флиртовать с мужчинами в парке развлечений, однако для *басиджи*, арестовавших её, очевидно, флиртовать с ней было позволительно, даже когда они её избивали.

Марьям

Была уже почти полночь, когда конвоир по имени госпожа Надзими пришла забрать нас обратно в «Возару». Впервые я столкнулась с ней во время допроса Марзие. После моего допроса я так беспокоилась о подруге, что начала молиться за неё вслух. Услышав молитвы, госпожа Надзими влетела в камеру с криками:

— Заткнись! Я больше не хочу слышать твой голос! Если я ещё раз услышу хоть писк, то приду и задушу тебя! — Потрясённая и усталая, с нервной системой уже на пределе, я залилась слезами.

Теперь, когда госпожа Надзими увидела меня, она сочувственно поинтересовалась:

— Марьям, с тобой всё в порядке?

Я заверила её, что у меня всё хорошо.

— Мы возвращаемся в «Возару», — продолжила госпожа Надзими примирительным тоном, — но не торопись, дорогая, и не волнуйся.

Как и в случае с господином Расти, отношение к нам и тон госпожи Надзими теперь были совершенно иными, чем ранее. Она старалась следовать правилам, но относилась к нам с состраданием и вежливостью. Она приковала меня наручниками к Марзие и повела к машине. Когда мы ехали, она спросила:

— За что вас арестовали?

— За то, что мы — христианки.

— А что в этом плохого, мои дорогие?

— Спросите господина Расти...

— Сегодня у меня неприятности, — запинаясь, тихо произнесла она. — Утром у меня был конфликт с начальником, и он очень унизил меня. Остаток дня я проплакала. — Она умолкла на минуту, а затем

снова повернулась ко мне. — Моя дорогая, пожалуйста, прости меня, что я так к тебе относилась. Я вела себя ужасно по отношению к тебе, но я не имею ничего против тебя.

И она начала расспрашивать нас с Марзие о нашей вере. Мы отвечали на её вопросы всю дорогу до центра заключения.

Снова и снова я понимала, что даже те, кто служат иранскому режиму — охранники, надзиратели, конвоиры, солдаты, полицейские, судебные чиновники — в своих сердцах жаждут истины об Иисусе Христе, но боятся спросить о Нём из-за сурового наказания, которое ожидает тех, кто ищет истину.

Когда мы прибыли в «Возару», нас не принимали, потому что конвоиры забыли в суде какие-то документы. Пока водитель возвращался за ними, госпожа Надзими ждала вместе с нами. Она рассказала нам, что жила в бедном районе города и каждый день преодолевала путь на работу по несколько часов в каждую сторону. Ей не нравилась её работа, но её отец был болен раком, и для неё это был единственный способ заработать деньги, чтобы заботиться о нём. Она попросила нас помолиться за неё и за её отца.

— Я надеюсь, что вас скоро освободят и вы добьётесь большого успеха в жизни, — сказала она и крепко обняла нас.

Когда водитель вернулся, нас отвели в наш тюремный блок, где все с нетерпением ждали, чтобы узнать, что с нами произошло: Масоме, дочь мученика, коротковолосая Сахár, Танназ, кокетливая девушка из Мешхеда и другие, а также несколько новых заключённых, в том числе и кореянка, у которой истёк срок действия визы. Она не говорила на фарси, но немного говорила по-английски и по-турецки, как и мы, поэтому мы могли общаться. Она была христианкой, и когда узнала, что мы тоже христиане, её лицо озарила счастливая улыбка. Она попросилась спать в нашей камере, которая уже и так была забита женщинами, среди которых были и Масоме, и Сахár. Все они хотели быть рядом с нами и сгрудились вокруг нас, как маленькие напуганные девочки вокруг своих матерей. Мы освободили место для нашей новой подруги из Кореи и пожелали ей спокойной ночи.

Свидетельство на стенах

Марьям

Следующие два дня, вчетверг и пятницу, суд был закрыт, а это означало, что «Возара» была переполнена, поскольку новые сокамерницы продолжали прибывать, а не увозили никого. Первой новоприбывшей была молодая женщина, очень хорошо одетая. Она, казалось, боялась всех вокруг. Впервые увидев, как Лейла, которая как раз вернулась после короткого пребывания в тюрьме «Эвин», выполняет свой утренний обряд, требуя сигарету, неудивительно, женщина испугалась. Когда к ней подходили другие женщины, она отворачивалась и молчала. Мы с Марзие представились ей и ответили на её вопросы о том, за что мы здесь.

— Какое облегчение! — воскликнула она. — Я никогда не думала, что здесь могут оказаться такие люди, как вы.

Она была студенткой юридического факультета и зарабатывала на учёбу, трудясь косметологом. Владелец арендованного ею салона начал помогать её. Когда она ему отказала, он обналичил её чек с датой внесения депозита раньше срока, о котором они договорились. Когда же чек был отклонён, домовладелец обратился в полицию с требованием арестовать девушку. Она была помолвлена, и, к счастью, жених и её семья поддерживали её и добивались её освобождения. Несмотря на это, она была ужасно смущена и напугана тем, что может произойти дальше. Мы начали за неё молиться. До сих пор наши сокамерницы уже привыкли к звучанию наших молитв и не обращали на них особого внимания, однако на этот раз почему-то всё было по-другому. Когда мы начали молиться, они, одна за другой, перестали разговаривать и стали слушать. Наступила такая тишина, что наши голоса эхом отбивались от стен камеры. Когда мы закончили молиться и сказали: «Аминь», все остальные тоже повторили: «Аминь». Так Центр заключения «Возара» превратился в церковь.

Единственной заключённой, которая всё ещё избегала нас, была Танназ. Это она как-то сказала, что Бог простит беспорядочные половые связи, но никогда не простит поклонение Иисусу. Я видела, как она наблюдает за нами, когда мы молимся и разговариваем с другими женщинами. Теперь она впервые подошла к нам. Она плакала.

— Что произошло? — поинтересовалась одна из заключённых, когда девушка приблизилась.

— Как вы думаете, Бог слышит их молитвы? — спросила она и молча села рядом с нами.

— Хочешь, чтобы мы помолились за тебя? — предложили мы.

— Да, пожалуйста, — ответила она. — Помолитесь, чтобы меня скорее освободили и я смогла жить хорошей жизнью.

Мы взяли Танназ за руки, которые она протянула нам, и молились за неё до обеда, пока не прибыла надзиратель с большим блюдом, и все начали терпеливо ожидать, пока Марзие раздаст еду на маленьких «тарелках» из хлеба.

Я заметила плачущую в углу кореянку и спросила, могу ли я помочь ей. Пытаясь побороть языковой барьер, она объяснила, что недавно родила и её груди полны молока. А поскольку кормить грудью она не могла, они очень болели. К тому же боль напоминала ей о том, что она сильно скучает по своему ребёнку и что он, должно быть, сейчас голоден. Она также жаловалась, что сама очень голодна. Марзие ещё не успела съесть свою порцию и отдала её молодой матери.

Трудно представить себе систему правосудия, которая считает важным для национальной безопасности разлучить мать с её новорожденным ребёнком из-за возникших у неё проблем с визой. Режим, который боится таких людей, стоит на очень шаткой почве.

Около полуночи меня разбудила привлекательная девушка с атлетическим телосложением. Её привели к нам в камеру, чтобы она не боялась. Она была задержана *басиджи*, когда каталась в горах на лыжах вместе со своим парнем. Её обвинили в том, что, согласно исламскому закону, её волосы не были покрыты должным образом. Когда же парень попытался защитить её, их обоих арестовали. К тому же девушка ударила одного из *басиджи*, который, в дополнение к основному обвинению, подал на неё ещё и иск личного характера.

С наступлением рассвета заключённые начали поступать и уходить ещё более интенсивно. За Лейлой, наконец, приехал муж, и

сообщение об этом вызвало радостные визги. От радости она прыгала до потолка едва ли не в буквальном значении этого слова. Когда она была уже на пути к свободе, мы с Марзие напомнили ей об обещании посетить церковь.

Потом поступила группа женщин, полдюжины или около того, одетых очень вызывающе и с ярким макияжем. Это были бандерши, или мамки, как их ещё называют, арестованные на улице за то, что они заманивали клиентов для своих девочек. Одной из них была очень агрессивная лесбиянка, которой сразу же понравилась Марзие. Она начала коситься на неё, когда та ходила вперед-назад по коридору, пытаясь немного размяться.

— Вот это да! Какой кусок мяса! — воскликнула она, обращаясь к подругам. — Милая, сегодня вечером я сплю с тобой.

Марзие пыталась не обращать внимания на её пошлые замечания, однако женщина начала делать соблазнительные движения в её сторону, которые вскоре перешли в небольшой танец.

К счастью для нас, ни одна из бандерш не осталась на ночь в нашей камере, хотя той ночью я не раз просыпалась от криков женщин, страдающих от лесбийской страсти. Это были люди, отчаянно нуждающиеся в Боге.

К сожалению, большинству как разведённых, так и овдовевших женщин в Иране уготована ужасная участь. Они лишены каких бы то ни было прав. От них отворачиваются их родные, а правительство не оказывает им никакой поддержки и никакой помощи. Их присутствие напомнило мне наше служение проституткам в Индии, где индуистская религия также порабощает женщин. Одна из двух наших домашних церквей, группа, которую мы назвали «Марией Магдалиной», была организована специально для бедных, разведённых и овдовевших женщин, которым в отчаянии пришлось стать проститутками, чтобы выжить. Их жизнь очень сложна, потому что многие имеют маленьких детей и крайне мало шансов найти работу. А режим, вместо того чтобы предложить им помощь, только лишь усугубляет ситуацию, заставляя женщин выходить замуж за мужчин, которых они не любят и которые не любят их; вынуждая их мириться с жестоким отношением, делая развод практически невозможным. Правительство использует религию для оправдания своего обращения с женщинами как с игрушками, как с вещами, например, офи-

циально санкционируя «временный брак» или *сигхе*, который может длиться всего час.

В субботу, как обычно, большинство заключённых на суд не повезли. Лыжницу выпустили под залог. Шарарэ и Танназ увели, и больше они так и не вернулись. Потом вызвали двух бандерш. Остальные остались с нами. Познакомившись с ними немного, мы узнали, что одни занимались секс-бизнесом, потому что это им нравилось, другие копили деньги, чтобы в один прекрасный день перестать этим заниматься, а у третьих были на то свои личные причины. Агрессивная лесбиянка оказалась транссексуалом, который родился мальчиком и продал себя в секс-индустрию, чтобы заработать денег на операции по смене пола. Теперь, когда он стал женщиной, он казался очень доволен своей новой ролью. Другая женщина из группы в подростковом возрасте была изнасилована в доме, где служила горничной. Когда она поняла, что за секс можно получать деньги, сначала полюбила это занятие, но со временем возненавидела себя за то, чем занималась.

— Я так устала от всего этого! — вздохнула она. — Но как же ещё мне выжить в этой стране?

Всё, что мы могли сделать, — это помолиться за неё.

После того, как Масоме и транссексуал вернулись со двора, между ними разразился громкий спор. Мы всё ещё не были уверены, что располагаем подлинной информацией о жизни Масоме, дочери мученика, которая подставила своего парня, чтобы его арестовали и избили *басиджи*. Она начала рассказывать транссексуалу о своих отношениях с парнем и о том, как сильно она любит его. Выслушав, транссексуал спросил, находится ли квартира, где их поймали, по такому-то адресу. Масоме ответила, что да.

— Шесть месяцев тому назад твой парень был одним из моих клиентов! — воскликнул транссексуал. — Мы пошли к нему на квартиру, и он заплатил мне за секс с ним 100 тысяч томанов! — Ранее Масоме хвасталась, что подарила парню машину и дарила другие дорогие подарки. Теперь же наступил момент истины. Масоме умолкла и стала белой как стена. — Всё, что у него было, включая машину, принадлежало ему. А ты ничего ему не дарила! — продолжал транссексуал. — Ты не богата и не щедра. Это он богат, а ты — подлая. Ты подстроила его арест, чтобы отобрать у него всё!

Обычно нахальную и дерзкую Масоме разоблачение застало врасплох.

— Мне нужно в туалет, — сказала она и вышла из камеры. Позже мы узнали, что Масоме была вовлечена в сексуальные отношения с судьёй, который вёл её дело. Он знал, что она виновна в том, что подставила своего любовника; в обмен на сексуальные услуги судья заставил парня жениться на Масоме, а затем отправил его в тюрьму, чтобы его имущество досталось ей, а она и судья могли продолжать свои отношения. Такие ситуации не являются редкостью. Другой судья предложил освободить под залог одну из бандерш, если она позволит ему посещать её.

Марзие

Мытьё полов и туалетов стало для нас повседневной рутиной. Улучшения в соблюдении гигиены и подаче пищи, какими бы незначительными они не были, существенно повлияли на нас и сделали наше временное жилище хоть немного более терпимым. Однажды мне удалось даже убедить одну из наших надзирательниц взять у меня немного денег, чтобы купить всем торт и соки. Это было единственное разнообразие, доступное нам, привыкшим к хлебу и сыру по утрам и к чечевице и рису на обед и ужин.

Каждое утро мы также убирали коридор перед комнатой отдыха надзирателей. Однажды, когда мы убирали, пришла приятная женщина средних лет и спросила, почему мы в «Возаре».

— Мы здесь за веру во Христа, — объяснила я.

Она была уборщицей, которая должна была убирать весь центр заключения. Она, с оттенком вины, призналась, что до этого момента никогда даже не бывала в нашем блоке. Она взмахнула несколько раз метлой по полу и произнесла:

— Я слышала, что вы молитесь за всех. Не могли бы вы помочь и за меня?

— А вы уверены, что хотите, чтобы мы помолились? — спросила Марьям.

— А как вы молитесь?

— Мы — христиане. Мы молимся Иисусу Христу, нашему Господу и Спасителю.

— Я понимаю, что вы христиане, — ответила она. — Какая разница? Я верю также и в Иисуса. Просто помолитесь за меня.

Мы пообещали, что будем за неё молиться.

Поздно ночью вошла молодая девушка, очень худая, она имела наркозависимость к крэку. Девушка была ранена или больна и кричала от ужасной боли. Хотя было уже за полночь, я пошла в её камеру.

— Почему ты пришла? — спросила девушка. — Почему не спишь?

— Потому что я хочу побыть с тобой, — ответила я. Я положила голову девушки себе на колени и начала гладить её волосы. Она была значительно моложе за мою сестру Елену. Я тихо молилась, пока девушка не заснула, а потом долго сидела рядом, тихо, боясь разбудить её.

На следующий день рано утром девушка разыскала меня и спросила:

— Какой молитвой ты молилась за меня вчера? — Я ответила, что молилась, чтобы Иисус исцелил её. — Твоя молитва так успокоила меня! И боль стала намного слабее.

Мы с Марьям объяснили ей, что, если она уверует в Иисуса и попытается изменить свой образ жизни, Господь всегда будет рядом, чтобы помочь ей.

Потом привезли женщину лет сорока, муж которой был лётчиком военно-воздушных сил. Они жили на военной базе за пределами города, и правительство контролировало каждый аспект их жизни: прослушивало мобильные телефоны, читало текстовые сообщения, следило за теми, с кем они встречались — абсолютно за всеми. Власти знали о них больше, чем они сами знали о себе. У пожилого отца этой женщины был больной желудок, который он лечил небольшими дозами вина, несмотря на то что употребление алкоголя строго запрещено исламским законом. Поскольку семья находилась под таким пристальным наблюдением, купить вино незаметно было практически невозможно, поэтому они выращивали виноград и делали его сами. Как-то сосед заметил в их доме бутылку вина и донёс на них. Когда пилота и его семью арестовали *басиджи*, сосед надеялся, что его повысят в должности и он займёт место соседа. Женщина беспокоилась за мужа и двух маленьких детей. Услышав наше свидетельство, она попросила нас помолиться за них.

Когда на следующее утро за мной и Марьям пришли, мы решили, что нас везут в полицейский участок или в Революционный суд. На улицу нас вывели в наручниках, однако вместо обычной полицейской машины или фургона нас ждало такси, а рядом с ним стоял человек, который представился господином Яздани. Мы не были с ним знакомы, но очень надеялись, что его прислали наши сёстры. Господин Яздани держал в руке внушительного размера папку с документами, и было похоже, что ему известно наше дело.

— Посмотрим, что можно сделать, чтобы к Новому году вас освободили, — сказал он. Его слова звучали очень обнадеживающе!

По дороге в Революционный суд он спросил, почему мы не можем принимать и Мухаммеда, и Иисуса одновременно.

— Я так и поступаю, — объяснил он. — Очень жаль, что такие девушки, как вы, попали в такую переделку.

Когда мы подъехали к зданию суда, водитель назвал стоимость проезда и начал уверять, что полиция не заплатила ему. И поскольку господин Яздани делать этого не планировал, заплатить пришлось мне.

Мы с Марьям ждали в коридоре, а господин Яздани пошёл поговорить с нашим судьёй господином Собхани. Коротая время, мы начали разговаривать и смеяться. Сначала мы рассмеялись по какой-то маловажной причине, но теперь уже не могли остановиться. Молодая женщина, охранявшая нас, тоже начала хихикать, а вскоре и вовсе смеяться так же сильно, как и мы. В этот момент дверь кабинета распахнулась, и из неё вылетел разъярённый судья Собхани.

— Это заключённые или ваши подруги? — заревел он на охранницу. Она мгновенно перестала смеяться и вскочила со стула. Когда судья снова исчез за дверью кабинета, охранница сама заговорила с нами. Она была студенткой университета и очень интересовалась христианством. Она пожелала нам удачи и пообещала, что найдёт себе Библию и прочтёт её.

Дверь снова открылась, и из кабинета вышел господин Яздани, очень расстроенный.

— Господин Собхани не желает принимать вас сегодня, — сообщил он. В очереди в кабинет судьи больше никого не было, поэтому было очевидно, что он не был занят, а его рассердил наш смех. Он был гораздо снисходительнее к заключённым, которые льстили ему и умоляли помиловать их. Каждый раз, во время встреч с ним, мы

старались держаться уверенно и вежливо, и это очень злило его. Вот теперь он и вовсе отказывался принять нас.

Когда мы вернулись в «Возару», была почти полночь. На полу перед нашей камерой лежала новая заключённая, девочка-подросток, которая пристрастилась к метамфетамину и теперь находилась в состоянии абстинентного синдрома, то есть ломки. Казалось, что она была почти в коме — не могла стоять и не осознавала, что с ней происходит. Одна из надзирательниц пинала её ногами.

— Вставай! Вставай! — кричала она. — Иди в камеру, тупая куча мусора! — Девушка была совершенно беспомощной. Наконец надзирательнице удалось, как футбольный мяч, «зафутболить» её в нашу камеру.

На следующее утро я проснулась с ужасной болью в животе. Проблемы с почками, которые беспокоили меня в прошлом, снова обострились из-за стресса, плохого питания и холодных полов. Я позвала надзирателей, чтобы просить отпереть дверь, и я смогла сходить в туалет, однако мои крики остались без ответа. К тому времени, когда утром они пришли открывать, я уже обмочилась. Я боялась, что могу вообще потерять контроль над процессом мочеиспускания, и, поскольку на медицинскую помощь рассчитывать не приходилось, я очень надеялась, что проблема пройдёт сама собой. Я постирала одежду в раковине и, пока она сушилась, надела пальто.

С приближением новогодних праздников большинство заключённых были освобождены. В то утро в нашем блоке оставались лишь несколько бандерш, юная наркоманка, которая поступила накануне ночью, Марьям и я. Хотя девочка всё ещё казалась не в себе и пребывала в шоке, теперь ей было гораздо лучше, чем когда её привезли. Мы спросили, чем мы можем ей помочь. Она смогла произнести всего несколько слов. Её гортань издавала странный, слабый, скрипучий звук. Она расплакалась. Пока мы утешали её, она поведала нам свою историю.

Девочка настолько пристрастилась к метамфетамину, что ела его, и это повредило её дыхательные пути и голосовые связки. Семья пыталась помочь ей, и на какое-то время она смогла отказаться от наркотика, но недавно случился рецидив. Она бродила по Тегерану в поисках реабилитационного центра, пока добрый человек не подобрал

её, дал немного денег и отвёз в больницу. Однако в больнице ей сказали, что это не центр детоксикации, и указали на дверь. Таким образом она снова оказалась на улице, где попросила помощи у полицейских. Вместо того, чтобы помочь бедняжке, её избили и отвезли в «Возару».

— Никто на свете не может помочь мне, — рыдала сквозь слёзы девочка.

— Господь в силах помочь тебе, — заверила я её. — Он не ответит на твой крик о помощи пинками и ударами кулаков. — Мы с Марьям немного рассказали ей о своей жизни и нашем христианском служении. — Верь в Бога. Когда выйдешь отсюда, обязательно найди церковь, там тебе помогут.

Выражение лица девушки сменилось с отчаянного на озарённое светом надежды.

— Я обязательно пойду в церковь и больше никогда не прикоснусь к наркотикам, — уверенно пообещала она. Я обнимала её, пока она плакала, дала ей немного денег и пожелала Господних благословений.

К концу дня всех заключённых, кроме нас двоих, отвезли в суд, и всех, кроме одной, освободили под залог. Последней увезли жену лётчика — её отправили в тюрьму. Нас оставили в камере совершенно одних.

Вдвоём с Марьям мы прошли по коридору, заходя в каждую камеру и вспоминая женщин, которые были там до этого. По закону заключённые могли удерживаться в следственном изоляторе не более трёх суток, а мы были в «Возаре» уже две недели. За это время мы познакомились с десятками женщин, с которыми никогда бы не столкнулись, если бы власти исполняли закон и продержали нас здесь всего трое суток. Какое чудо Божье, что мы смогли познакомиться с таким множеством женщин и ободрить их. Зло, совершаемое людьми, Бог использовал во благо и для Своей славы. Арестовав нас, власти рассчитывали причинить нам страдания и сделать нас глубоко несчастными. Как ни странно, но за решёткой мы проповедовали Евангелие более открыто, чем когда-либо на свободе. Даже двое конвоиров, которые относились к нам с особой жестокостью, в тот последний день извинились перед нами и попросили помолиться за них.

Теперь, обходя камеру за камерой, мы молились за всех тех, кто недавно времени были заперты там. Мы надеялись, что, оказавшись на свободе, они будут продолжать слушать голос Христа и повиновать-

ся Святому Духу, который отныне действует в их сердцах. Потом мы начали молиться за тех женщин, которые будут заперты здесь после нашего отъезда. Как же нам засвидетельствовать и им? На стенах мы заметили огромные влажные пятна, от которых отвалились куски штукатурки. Используя эти куски вместо мела, мы расписали все стены и потолки библейскими стихами и христианскими посланиями, чтобы позже заключённые могли прочесть их. А потом, до поздней ночи, мы громко молились и пели песни прославления. В одиночестве в подземной тюремной камере мы вдвоём прославляли Бога и просили Его укрепить нас в вере.

Следующий день, 18 марта 2009 года, в Иране был 28 эсфанд, один из последних дней мусульманского 1387 года. Нас с Марьям отвезли в Революционный суд и оставили ждать у здания магистрата, пока господин Яздани снова пошёл говорить с господином Собхани. На этот раз магистрат предложил нам свободу, зная, что мы всё равно не сможем её получить. Если к пяти часам дня мы найдём двести миллионов томанов (100 000 долларов) на человека, нас выпустят под залог до тех пор, пока наше дело не будет передано в суд. В противном случае нас немедленно отправят в тюрьму «Эвин». Перед переводом заключённых в «Эвин» суд обязан предоставить нам право внести залог, даже зная, что мы не сможем выплатить такую огромную сумму в такой короткий срок.

Наши семьи владели недвижимостью, которую можно было бы заложить, чтобы собрать деньги, однако во второй половине дня перед одним из самых знаменательных праздников года все банки были закрыты, и наши сёстры не могли собрать необходимые документы. Мы знали, что нам никогда не вернут эти деньги обратно, даже если нас оправдают. В случаях, подобных нашему, христиане обычно лишаются всего своего имущества и денежных средств.

Две наши верные сестры, Елена и Ширин, каждый день приходили в Центр заключения на случай, если нас вдруг куда-то переведут. Они следовали за нами в суд или в полицейский участок, чтобы перекинуться парой слов и ткнуть нам что-нибудь съедобное, пока мы выходим из машины и направляемся в здание. В тот день они ехали позади нашей полицейской машины, когда мы попали в небольшую

аварию. Нам пришлось прождать в фургоне битый час, пока полиция разберётся во всём. Этот час мы, конечно же, провели за разговорами с сёстрами, и это, безусловно, было самое продолжительное наше общение с момента ареста. Одна маленькая роскошь, которую подарили нам сёстры, — это возможность впервые за две недели подстричь ногти!

Когда же нас отвезли в полицейский участок, чтобы забрать необходимые документы, мы были потрясены, узнав, что теперь нас везут в тюрьму «Эвин». Трудно было поверить, что за веру в Бога нас отправляют в одну из самых печально известных тюрем в мире.

Елена и Ширин ждали у входа в тюрьму, чтобы попрощаться и пожелать нам всего наилучшего. Мы обнимались, плакали и обещали молиться друг за друга. Затем нас провели через внушительные мрачные ворота, сверху над которыми было написано: «Тюрьма «Эвин», и мы оказались отрезанными от всего мира и тёплого весеннего солнца. Казалось, что мы попали в совершенно иной мир.

«Эвин» — наша церковь

Марьям

Вход в тюрьму «Эвин» был расположен на холме. Несколько охранников, которые караулили его, не позволяли людям собираться или даже остановиться здесь. В отличие от огромных ворот, дверь, через которую нас провели в здание, оказалась крохотной. Первая маленькая комнатка была прихожей, за которой находились две приёмные, одна — для мужчин, вторая — для женщин. Мы прошли через вход для женщин в крохотный кабинет с поломанной мебелью и ящиком с грязными, вонючими *чадрами*.

За маленьким металлическим столиком сидела пухлая женщина в очках.

— В чём вас обвиняют? — спросила она.

— В том, что мы — христианки, — в один голос ответили мы.

Она недоверчиво сдвинула брови.

— Никогда не слышала, чтобы в «Эвин» попадали за христианство, — она подозрительно покосилась на нас. — Вы, наверное, совершили какое-то преступление. Вы, вероятно, проповедовали о своей вере или обращали в неё других.

— Верно, — сказала я. — Мы говорили с людьми о своей вере.

— Ну вот, я же говорила! — произнесла она с торжествующей улыбкой. — Значит, вы обвиняетесь в участии в антиправительственной политической деятельности.

Мы ничего не ответили. Казалось, что каждый раз, при упоминании о выдвинутом против нас обвинении, его формулировали совершенно по-разному. Нам так и не удалось увидеть свои обвинения, изложенные в письменной форме. Нам не разрешалось даже спросить у адвоката, в чём именно нас обвиняют. Только со временем мы узнали, что официальные обвинения состояли в «действиях, направленных против государственной безопасности» и «участии в несанк-

ционированных собраниях». По закону нас не имели права арестовать только за то, что мы — христиане, поскольку, согласно статье 23 Конституции Ирана, «проверка личных убеждений граждан запрещена, и никто не может быть подвергнут порицанию или привлечению к ответственности только за то, что он придерживается определённых убеждений». Знание этой конституционной гарантии повергло бы многих полицейских и сотрудников других правоохранительных органов страны в настоящий шок, не говоря уже о рядовых её гражданах.

Нам было приказано сдать все личные вещи женщине, которая сидела за столом. Она обыскала нас и приказала обоим надеть грязные *чадры*. К счастью, в «Возаре» мы уже привыкли к ужасным запахам, так что, по крайней мере, могли их переносить. Женщина провела нас через красивый зелёный дворик, засаженный цветами и деревьями, который персонал, очевидно, использовал как место для отдыха; он был больше похож на парк, чем на внутренний двор тюрьмы. Несомненно, он производил впечатление на посетителей.

В следующем кабинете нам пришлось подождать несколько минут. Мужчина в чёрных хлопковых перчатках снял у нас отпечатки пальцев. Согласно исламскому закону, прикасаться к голой коже женщины, которая не является родственницей, было бы *харамом*, грехом. (Длинный список *харамов*, то есть преступлений, включает в себя всё: от убийства и добраного секса до употребления в пищу свинины и нанесения татуировки.) На наших пальцах остались чёрные пятна от чернил. Потом нас снова сфотографировали. После того, как наши имена и информация о наших «преступлениях» была внесена в компьютер, он «выплюнул» белые «удостоверения личности» для каждой из нас. Теперь мы официально стали заключёнными Исламской Республики Иран.

Через чёрный ход нас вывели в огромный главный двор тюрьмы, который был застроен таким количеством зданий из красного кирпича, что стал похож на город. Пройдя пешком минут с десять, мы подошли к женскому тюремному блоку. Наш сопровождающий нажал на кнопку звонка, отдал наши карточки молодой женщине, которая открыла дверь, и ушёл. По одной нас вызвали в маленькую комнату, где нам пришлось раздеться догола и подвергнуться унижению полного личного досмотра. Нам трижды приказали присесть на корточки и встать. Когда Марзие осмелилась оспорить этот приказ, её заставили

присесть и встать шесть раз. Хотя женщины, которые нас обыскивали, выглядели и вели себя как персонал тюрьмы, на самом деле они сами были заключёнными. Как вскоре нам стало известно, в «Эвине» большую часть работы выполняли заключённые, что облегчало жизнь администрации и персоналу тюрьмы и давало некоторым заключённым возможность заслужить особое отношение.

После того, как мы оделись, нас повели по длинному лестничному пролёту в зал, куда приходили и уходили женщины-заключённые. Одни уходили со своим багажом на условно-досрочное освобождение, приуроченное к празднованию Нового года, другие освобождались по истечению срока заключения. Все они прощались и обнимали друг друга. Сотрудница тюрьмы назвала наши имена и помахала нашими карточками.

— Какое преступление вы совершили? — строго спросила она.

— Мы христиане и свидетельствовали о своей вере, поэтому нас арестовали по обвинению в «действиях, направленных против государственной безопасности».

— Как вы могли сделать такое?! — воскликнула она грубым голосом.

Она вызвала надзирателя, которая отвела нас в отделение 2. Надзиратель открыла решётчатую дверь и жестом указала на коридор, который простирался за ней.

— Найдёте госпожу Махджуб, — приказала она, запирая за нами дверь. — Она скажет, что делать дальше.

Госпожа Махджуб, женщина с маленькими глазами, была хорошо одета и даже имела макияж. Она была заключённой, ответственной за отделение 2. В её обязанности входило поддержание порядка среди заключённых и выполнение заданий персонала тюрьмы. Отделение 1 было предназначено для наркопреступников, отделение 3 — для заключённых с психическими расстройствами. Именно это отделение, самая новая и самая чистая часть женской тюрьмы, обычно было единственным, которое демонстрировали инспекторам и другим посторонним. Отделение 2 предназначалась для всех остальных и было разделено на две части: внизу содержали женщин, обвиняемых в убийстве или проституции; а наверху — обвиняемых в мошенничестве и преступлениях против государства.

— В чём вас обвиняют? — прозвучал пресловутый вопрос, на этот раз от госпожи Махджуб.

— В том, что мы верим в Иисуса, — ответила я.

— Подождѣте здесь, пока я решу, куда вас поместить.

На втором этаже отделения 2 было шесть камер. Госпожа Махджуб привела нас в ту, которая и без нас была настолько переполнена, что заключѣнным не было места даже сесть. Она была размером примерно четыре с половиной на шесть метров, вплотную заставленная восьмью трѣхъярусными койками. Женщины, у которых не было спального места, спали на полу. Под каждой нижней койкой стояли три-четыре плетѣные корзины, по одной на каждую заключѣнную, единственное место для хранения личных вещей.

Собранные в таком количестве в таком тесном пространстве, женщины разговаривали не умолкая, и в камере постоянно стоял громкий гул. Некоторые женщины вязали. Некоторые спали. Одна или две сидели на верхнем ярусе коек, поскольку, чтобы слезть вниз, им потребовалось бы приложить немалые усилия, ведь у коек не было лестниц. Другие приходили и уходили в «магазин», крошечное окно в коридоре, где заключѣнные покупали вещи первой необходимости, еду и некоторые предметы тюремной роскоши. Через несколько часов магазин должен был закрыться на новогодние праздники, и женщины спешили сделать самые необходимые покупки.

Нас, новичков, сразу же засыпали вопросами о нашей жизни и о выдвинутых против нас обвинениях.

— Вы стали вероотступниками! — воскликнула одна из женщин после того, как мы объяснили, в чём нас обвиняют. — Это очень опасно!

Кто-то заметил:

— Только посмотрите! Они не плачут! Новички всегда плачут час-другой, когда их приводят сюда.

Другая женщина крикнула в ответ:

— Политзаключѣнные не плачут, потому что мы не сделали ничего плохого!

— Не волнуйтесь, — попыталась утешить нас первая женщина, — мы все в этой камере политзаключѣнные.

Она представилась как Тахере. Она и ещё восемнадцать женщин были арестованы по пути в Ирак, где они собирались навестить своих детей. Дети (и, вероятно, их матери также) были *моджахедами*, членами слабо организованной оппозиционной нелегальной леворадикальной организации *муджахединов*, которые теперь боролись за этническую автономию в Иране. Их дети жили в Ашраф-сити, лагере беженцев-мод-

жахедов недалеко от Багдада, который раньше находился под контролем США, но недавно был передан правительству Ирака. Женщины не видели своих детей много лет и решили поехать в Ирак целой группой. Их задержали в аэропорту и сразу же отправили в тюрьму.

Пока Тахере разговаривала с нами, одна из её подруг предложила нам чай. Какой чудесной на вкус была эта первая с момента нашего ареста чашка ароматного напитка! Женщины-*моджахедки* оказались наиболее гостеприимными и щедрыми из всех заключённых, с которыми мы познакомились в тот день.

— Может быть, вы хотите принять душ? — дипломатично поинтересовалась Тахере. — Пойдёмте, я вас проведу.

Конечно же, мы хотели! Мы не мылись и даже не чистили зубы в течение уже четырнадцати дней. Другие заключённые предложили нам шампунь, полотенца и расчёски, а женщина по имени Сепиде провела нас в ванную, где несколько других женщин мыли в раковине посуду. Там было шесть душевых кабин, очень грязных и засоренных спутанными волосами, которые всё время прилипали к нашим ногам. Вода была ледяная. Однако, несмотря на всё это, мы впервые за две недели почувствовали себя относительно чистыми.

Когда мы вернулись в камеру, нас уже ждала госпожа Махджуб.

— Можете остаться здесь, — снисходительно произнесла она. — Все остальные камеры переполнены.

Поискав место, мы присели на полу перед пластиковой полкой для обуви, которая стояла у стены. Некоторые обладательницы коек на нижнем ярусе позволяли своим соседкам сидеть на своих спальных местах; в противном случае женщинам приходилось находить место, где только можно было. Входная дверь в отделение 2 была заперта, однако женщины могли свободно перемещаться по шести камерам, ходить в ванную и небольшую комнату, в которой были установлены четыре телефона, а в стене — маленькое окошко для покупок. Мы также хотели кое-что купить, но у нас не было возможности. Когда при поступлении у нас забрали деньги, нам должны были выдать ваучеры для покупок. Мы ещё не получили их, так что до окончания праздников мы вынуждены были довольствоваться тем, что нам давали в тюрьме, а также гостеприимством сокамерниц.

В громкоговорителе прозвучали имена нескольких заключённых, которые, услышав их, сразу же вскочили, чтобы явиться на вызов.

Что это? Возможно, их освободят? Или освободят условно? Повезут в суд? Казнят? Все заключѣнные как страстно желали, так и ужасно боялись услышать своё имя. Желали, надеясь, что их освободят, и боялись, потому что новости могли быть и ужасными. Теперь же всем женщинам, которых вызвали, сообщили, чтобы они готовились к освобождению. Они визжали и прыгали от радости, принимая за вистливые поздравления всех остальных. Затем они собрали свои немногочисленные пожитки и скрылись за дверь.

Женщина, которая сидела рядом со мной и вязала, на мгновение прервала своё занятие и обвела меня внимательным взглядом.

— А почему вы обратились в христианство? — поинтересовалась она. — Моя мать — христианка, а отец — мусульманин. Я в равной степени исповедую обе религии и являюсь членом церкви. Вы совершили большую ошибку, оставив ислам...

Когда я начала рассказывать ей о своём обращении, она всё время смотрела только на вязание, избегая встретиться со мной взглядом.

— Ты совершила огромную ошибку, — только и повторяла она, качая головой.

Я слышала, как две женщины шептались о нас с Марзие.

— В чём же их преступление?

— Обращение в христианство.

— Какое же это преступление! Должно быть, они совершили что-то ещё. Все, кто попадают в эту тюрьму, говорят: «Я не сделал ничего плохого!» Если бы они ничего не сделали, то не были бы сейчас здесь!

Одна из женщин казалась очень раздражённой и обиженной, и вскоре я поняла почему. Она была вдовой, которая, чтобы прокормить двоих детей, работала в детском саду. Она провела за решёткой уже два года, потому что для погашения долга её брат выписал от её имени чек, который невозможно было обналичить. Когда это выяснилось, её арестовали. Брат обещал устроиться на работу, чтобы вытащить её, но не сдержал слово. Женщина скучала по своим детям и искренне надеялась, что на Новый год её условно-досрочно освободят и она сможет снова увидеться с ними. Однако ей было отказано. Она ненавидела брата за то, что он разрушил её жизнь.

Женщина заплакала.

— Я перестала читать мусульманские молитвы, потому что не хочу больше верить в бога, которому безразлична справедливость!

С каждым словом её рыдания становились всё громче.

Я спросила, можем ли мы с Марзие помолиться за неё. Мрачное рассерженное выражение лица женщины сменила широкая улыбка.

— Конечно, — с благодарностью ответила она. Пока мы молились о том, чтобы Бог дал этой женщине мир, по её лицу текли слёзы, а когда мы завершили молитву, она горячо поблагодарила нас.

Вдруг раздался грохот, и кто-то закричал:

— Ужин! Пора ужинать! — В камеру принесли кастрюлю с едой, и женщины начали готовиться к приёму пищи. Помимо госпожи Махджуб, отвечавшей за всё отделение 2, в каждой камере была специально назначена заключённая, которая распределяла спальные места, улаживала споры, сообщала надзирателям о возникающих проблемах, а также раздавала своим сокамерницам еду. Ответственной за нашу камеру была госпожа Пари, полная женщина средних лет с очень толстым слоем макияжа, чёрными волосами и необычным акцентом. Наиболее заметной её особенностью были густые накрашенные чёрные брови в стиле эпохи Реза-шаха или голливудских фильмов 1940-х и 1950-х годов.

— Наконец-то! Свершилось! — довольно воскликнула госпожа Пари, подхватив кастрюлю. — Мы так долго просили у господина Седагхата яйца и картофель — и вот они!

По бетонным стенам эхом прокатились радостные возгласы. Господин Седагхат — начальник тюрьмы, который в честь праздников в кои-то веки решил удовлетворить просьбу заключённых. Госпожа Пари бросила на нас мимолётный взгляд и удовлетворённо произнесла:

— Вы принесли в камеру удачу. Мы много месяцев ждали этого момента!

У каждой заключённой была своя посуда, которая хранилась в плетёных корзинах под кроватями. Теперь женщины, с тарелками в руках, выстроились в очередь за этим особенным угощением. Когда мы с Марзие пытались сделать импровизированные тарелки из страниц газет, пожилая женщина, наблюдавшая со стороны за нами с тех пор, как мы приехали, предложила:

— У меня в корзине есть лишние тарелки. Берите! И можете есть кушать здесь, перед моей кроватью.

Каждая женщина получила по яйцу и картофелине. Нам досталась самая маленькая картошка.

— Вы новички и не были так долго без еды, как мы, — пояснила госпожа Пари. *Если бы она только знала!* Однако мы приняли свои порции с благодарностью и без жалоб.

Женщина, которая предложила нам свои тарелки, позже рассказала, что у неё возникли проблемы, когда она со своими двумя сыновьями продала участок земли. Какой-то человек заявил, что эта собственность принадлежит ему, и женщину обвинили в мошенничестве, попытке продать то, что ей не принадлежит, за что и отправили в тюрьму. Она сказала, что мы ей как дочери, и попросила называть её «мамочкой». После обеда она рассказала нам обо всех постоянных обитателях нашей камеры. Рассказ её наполовину состоял из фактов, наполовину — из сплетен.

Мы с Марзие пошли прогуляться по коридору, чтобы поближе познакомиться с новым окружением. Пробравшись сквозь толпу, ожидающую у телефонов, мы оказались в более тихой части помещения.

— Привет, — вдруг услышали мы за спинами. Мы обернулись и увидели женщину лет тридцати с длинными, преждевременно поседевшими волосами. — Меня зовут Сильва Харотонян. Мне сказали, что здесь появились две новые христианки. Я хочу познакомиться с вами. Я тоже христианка!

Её прямолинейность вызвала у нас подозрения. А может, она — информатор? Неужели администрация тюрьмы подослала её, чтобы выведать имена наших друзей-христиан? В потолке каждой камеры отделения 2 были установлены камеры наблюдения, даже в туалетах. За нами постоянно следили, поэтому мы опасались всех, кто казался слишком открытым и дружелюбным. Мы ответили, что оказались в тюрьме за веру в Иисуса Христа.

— Немыслимо! — воскликнула она. — Как они могут посадить человека в тюрьму только за его веру?

Не вдаваясь в подробности, я рассказала, что нас обвиняют в деятельности, направленной против режима. Почувствовав, что я сомневаюсь в её намерениях, Сильва рассказала нам свою историю.

— Сама я иранка, но происхожу из армянской семьи, — начала она. — Около года назад я поехала в Армению работать в американской благотворительной организации «International Research and Exchange». Я была задействована в программе по предоставлению специалистам в области охраны здоровья матери и ребёнка возмож-

ности повышения квалификации в Соединённых Штатах и консультаций с американскими коллегами. Я часто возвращалась в Иран для встреч с иранскими кандидатами на участие в этой программе. Здесь я познакомилась с известными международной общественности медиками, которые работают в сфере лечения СПИДа — докторами Арашем и Камеаром Алаеи.

Мой последний визит продлился намного дольше, чем я ожидала. В июне 2008 года в мою квартиру в Тегеране приехали сотрудники полиции безопасности и забрали меня в гостиницу на допрос. Мне сообщили, что уже в течение нескольких месяцев я нахожусь под наблюдением и все мои действия сняты на камеру. Я и предположить не могла, что моя работа может вызвать такие проблемы. Несколько лет назад иранское правительство само пригласило сотрудников IREX в Иран, хотя это было ещё в эпоху президента-реформатора Хатами.

Остаток дня я провела, отвечая на вопросы полиции. Я поинтересовалась, смогу ли я присутствовать на свадьбе подруги, которая должна была состояться позже вечером, и мне ответили: «Некоторое время вы никуда не сможете поехать». Так что в тот вечер вместо того, чтобы праздновать свадьбу подруги, я попала сюда, в «Эвин».

В течение первых нескольких дней Сильву держали в одиночной камере и подвергали интенсивным допросам.

— Они требовали, чтобы я призналась в том, что на самом деле не было правдой. Например, они хотели, чтобы я дала показания, что программами, которые я вела в IREX, якобы руководят братья Алаеи. Но это вовсе не так, и я отказалась дать такие показания.

Три недели назад Сильву перевели в отделение 2, и она была очень счастлива познакомиться с двумя другими христианками. Её рассказ произвёл на нас неизгладимое впечатление; мы искренне поверили ей.

В течение всего вечера по громкоговорителю объявляли имена людей, которых выпускали на свободу. К 10:30 освободилось место над нарами «мамочки». Зная, что уже в течение длительного времени у Марзие болит спина, я заняла место на полу, предоставив ей возможность занять место на койке. Примерно в это же время централизованно выключили свет, оставив в каждой камере светиться только небольшой прожектор, излучавший слабый луч. На ночь камеры не запирали.

После полуночи выпустили группу женщин-моджахедок, которые освободили ещё несколько нар в нашей камере.

— Тебе повезло, — сказала одна из женщин, когда я забиралась на только что освободившееся место. — Большинству из нас пришлось спать на полу всю первую неделю, а кому и дольше.

Мне же, кто в течение последних четырнадцать дней спала на полу в «Возаре», даже тонкий грязный матрас в тюрьме «Эвин» показался пуховой периной.

Ночью меня разбудил крик. Мне вспомнились первые дни пребывания в «Возаре», когда каждое утро Лейла начинала с того, что кричала, чтобы ей дали сигарету. Однако теперь кричала госпожа Имани — молодая худая нервная женщина, которая читала Коран и часами теребила свои чётки — она ругалась с кем-то за возможность воспользоваться телефоном. Каждому заключённому разрешалось сделать один звонок в день. Заключённые «со стажем» получали больше минут, чем новоприбывшие, а заключённые с более длительным сроком — больше, чем остальные. Иногда заключённые продавали своё время другим, обычно за продукты из магазина. Госпожа Имани каждый день выговаривала все свои минуты, выменивала и отбирала дополнительные у других женщин и просто пользовалась телефоном всякий раз, когда представлялась такая возможность. Всегда, когда телефон был свободен, она не упускала возможности найти ему применение.

Мы с Марзие завтракали вместе с «мамочкой». Мы заметили, что все соседки по камере избегают её, а она держится особняком. Нам стало её очень жалко. Поскольку ей трудно было ходить, мы вымыли её посуду и помогли спуститься в туалет. В нашем распоряжении было всего шесть туалетов и раковин на более чем сто женщин, и ждать, чтобы воспользоваться этими удобствами, часто приходилось долго. А это для пожилой женщины, которая едва могла стоять, было трудно.

Ранее тем же утром у нас состоялся долгий разговор с Саназ, женщиной, заключённой из-за выписанного её братом чека. Разлука с детьми была для неё очень тяжёлым испытанием.

— Не знаю, почему Бог не решает мою проблему, — удручённо вздыхала она.

— Может быть, Бог использует эту ситуацию, чтобы подготовить вас к чему-то лучшему, — предположила Марзие. — Поэтому, вместо того чтобы жаловаться, попросите у Него мудрости, чтобы понять,

чему Он пытается научить вас. Возложите свои проблемы на Бога. Возможно, Бог хочет сделать вам подарок и поместил вас сюда, потому что это — единственный способ привлечь ваше внимание.

Саназ на мгновение задумалась.

— Может быть, вы и правы, девочки. Я всегда молюсь только о том, чтобы Бог разрешил мои проблемы, а не о том, чтобы прославить Его. С этого момента я буду просить Бога показать мне истину. Спасибо!

После этого разговора наша дружба с Саназ крепла с каждым днём.

Когда пришло время празднования Нового года, мы вернулись в свою камеру, где все столпились у небольшого телевизора, ожидая начала праздничной программы. Весеннее равноденствие, 20 или 21 марта, в зависимости от года, является первым днем Новруза, персидского Нового года. Этот момент наступает, когда солнце пересекает экватор. Когда диктор объявила, что новый год наступил, мы все возликовали и начали поздравлять друг друга. Для каждой из нас это был горько-сладкий миг. Многие держали в руках фотографии своих детей и родных. Трудно праздновать, когда от людей, которых вы любите, вас отделяет тюремная стена.

Многие заключённые пытались соблюсти традиции Новруза и накрыть праздничный новогодний стол, дополнив его *хафт син* — семью предметами, название которых на языке фарси начиналось на букву с, символизирующими различные части творения: зеркало — небо, яблоко — землю, свечи — огонь, розовая вода — воду, зерно — растения, золотая рыбка — животных, крашенные яйца — человечество и плодородие. Конечно же, почти ни у кого этих вещей не было, поэтому их заменяли тем, что было, скажем, зерно — согнутой шпилькой, а изображение золотой рыбки вырезали из газеты. Заключённые выставляли свои *хафт син* по одному набору на камеру, на полу или на койках. Это символизировало для них связь с внешним миром и воспоминания о минувших счастливых днях.

Когда шум отмечающих наступление Новруза утих, я заметила, как на своей койке тихо плачет госпожа Махджуб. Не зная, что её беспокоит, я спросила:

— Можем ли мы помолиться, чтобы ваше сердце обрело мир?

— Да, пожалуйста, — ответила госпожа Махджуб.

Пока госпожа Махджуб плакала, мы молились — негромко, но и не скрывая того, что мы делаем. Постепенно женщины вокруг нас

перестали разговаривать и начали прислушиваться. К тому времени, как мы закончили молитву, молчала почти вся камера. Кто-то крикнул:

— Ваши сердца чисты, и Бог услышит ваш голос. Помолитесь и за меня?

Так тюрьма «Эвин», ужасная адская дыра Тегерана и символ радикального исламского угнетения, стала нашей церковью.

Дети Божьи

Марзие

Из всех шести камер на нашем этаже камера № 3 была единственной одностенной камерой. Описание «мамочкой» отвратительной дамы, которая жила там, только усилило наше подозрение, что «мамочка» была не кем иным, как настоящей сплетницей. Она любила рассказывать подробности из личной жизни каждой заключённой, однако обитательница камеры № 3 вызывала у неё особую реакцию, такую, как никто другой. Мы видели эту женщину во время празднования Навруза, когда все ходили из камеры в камеру, желая друг другу счастливого Нового года. Она была огромной (весила не менее ста восьмидесяти килограммов) и настолько толстой, что едва могла двигаться.

«Мамочка» сообщила, что женщину зовут Сорайя и что она уже восемь лет как находится в тюрьме по обвинению в мошенничестве.

— Она думает, что всё здесь принадлежит ей, — фыркнула «мамочка».

Сорайю боялись все. Из-за своих габаритов она не помещалась на унитаз и поэтому, чтобы облегчиться, использовала одну из душевых кабин. Один душ из шести предназначался исключительно для неё. На нём она повесила табличку, чтобы никто не посмел вторгнуться на её частную территорию. У Сорайи был длинный перечень проблем со здоровьем, из-за чего она ежедневно принимала пригоршню таблеток. Ей разрешили брать с кухни дополнительную еду, которую она ела демонстративно и громко в то время, как всем остальным приходилось довольствоваться скудными пайками.

Незадолго до новогоднего обеда в нашу камеру вошла госпожа Махджуб с симпатичным маленьким мальчиком на руках. Увидев в грязной переполненной тюрьме ребёнка, я не могла поверить своим глазам. Сначала я предположила, что это ребёнок кого-то из надзирателей или администрации тюрьмы. Госпожа Махджуб объяснила, что

камера № 4 отделения 2 предназначена для заключённых-матерей с маленькими детьми. Дети жили с ними прямо в камере. Этому красивому светлокожему мальчику по имени Армин было всего два года. Мы с Марьям пошли с госпожой Махджуб в камеру № 4, чтобы познакомиться с матерью мальчика, очень высокой и стройной афганкой, заключённой по обвинению в употреблении и хранении наркотиков. Я видела, что даже за решёткой она пыталась быть хорошей матерью, потому что и её сын, и его одежда всегда были чистыми. Оставаться чистой в таких условиях было практически невозможно, и её успех являлся не чем иным, как доказательством усердных стараний сделать жизнь малыша как можно лучшей. Женщина рассказала, что у неё есть ещё шесть детей, которые остались в Тегеране и живут сами — старшая, шестнадцатилетняя, девочка заботится обо всех остальных.

В камере № 4 мы познакомились и с другими матерями и их детьми. У одного мальчика, Абубакра, были самые большие, самые красивые карие глаза, какие только можно представить, и густая копна светлых волос. Его мать была ещё одной высокой афганкой, арестованной по обвинению в употреблении и хранении наркотиков. Она переживала депрессию, потому что узнала, что скоро у неё заберут сына. Дети могли жить в тюрьме только до трёх лет; после этого власти разлучали их с матерями и отправляли в детские дома, если других родственников не было.

Хамид был ребёнком своей матери и её любовника. Когда муж женщины узнал, что она беременна, он набросился на неё. Защищаясь, она зарезала его ножом, и за убийство была приговорена к пожизненному заключению.

Хапал — красивая, бледная и хрупкая девчушка — всегда была очень испачкана. Волосы её были спутаны, а лицо и одежда — в грязи. Она родилась в тюрьме. И хотя ей было уже как минимум два года, мать всё ещё кормила её грудью, при этом не переставая курить сигарету за сигаретой. Мать была такой же грязной, как и Хапал. У неё во рту осталось лишь несколько жёлтых, почерневших зубов. Она была наркоманкой, которая вместе с несколькими другими сокамерницами зарабатывала на карманные расходы и дополнительную еду, убирая туалеты в отделении 2.

Несмотря на то, что любимцем всех женщин отделения был Армин, потому что он был таким красивым, нас с Марьям тянуло к

Хапал. Мы даже придумали для неё ласковое имя. Она была рада нашему вниманию и бросалась к нам в объятия, как только замечала нас. Её мать была несказанно благодарна за внимание, которое мы уделяли её дочери.

Как и любое другое правило в «Эвин», правило о том, что матери с детьми должны находиться в камере № 4, строго не соблюдалось. Кудрявая девушка по имени Касра была дочерью женщины, которая жила внизу, где камеры были темнее, грязнее и густо наполнены сигаретным дымом. Касра была любимицей надзирательницы, госпожи Резаи, единственным ребёнком, к которому она проявляла симпатию.

Мать Касры — красивая, но очень агрессивная лесбиянка, чью юную любовницу Виду называли «дитямя тюрьмы», потому что она родилась в тюрьме и прожила там большую часть жизни. За стенами тюрьмы у Виды не было семьи, поэтому каждый раз, когда её освобождали, она снова совершала преступление, чтобы вернуться в единственный настоящий дом, который она знала. У неё были чёрные волосы и смуглая кожа. Её лицо, грудь и руки были усеяны шрамами от ножевых ранений.

В отделении 2 эти двое были известны как самые хулиганистые. Они открыто рассказывали о своей любви и регулярно на глазах у присутствующих в камере вступали в половые отношения. Их не смущали даже камеры наблюдения. До того, как были установлены камеры, лесбийские нападения и изнасилования были обычным делом, поэтому большинство женщин поддерживали наличие в помещении камер, даже несмотря на то, что теперь они находятся под постоянным наблюдением.

Хотя откровенное насилие в «Эвин» ещё более-менее находилось под контролем, гомосексуализм оставался мощной и непобедимой силой. С тех пор как мы попали в центр предварительного заключения «Возара», мы каждый день в той или иной форме наблюдали лесбийское поведение и чувствовали напряжение, которое оно порождало в запертой камере, переполненной женщинами. Ситуация в тюрьме «Эвин» была чрезвычайно отвратительной, нет, гораздо хуже — слова, наводящие на размышления, движения и открытые выражения физической близости были явлением настолько обычным, что воспринимались как должное.

Другой известной парой были Реза и Араш, девушки, похожие на мальчиков-подростков с короткими стрижками, соответствующими их мужским именам. Они провели в тюрьме уже два года по обвинению в употреблении наркотиков и жили на нижнем этаже. Когда выпадала возможность, мы с Марьям спускались вниз, чтобы размяться в маленьком дворике, где мы общались с заключёнными с нижнего этажа. Открытое пространство было вымощено грубым камнем и обнесено высокими стенами, поэтому всё, что за ними можно было увидеть, это квадрат неба. В одном углу стояло несколько сломанных тренажёров. Одинокое дерево своей зеленью придавало этой примитивной картине хоть немного жизни. Но, к сожалению, во время нашего пребывания в «Эвине» одного из заключённых заставили срубить его.

Однажды нашей сокамернице удалось где-то раздобыть проигрыватель компакт-дисков, чтобы можно было потанцевать. Некоторые женщины были прекрасными танцовками, особенно Реза и Араш, которые танцевали как профессионалы и относились к этому так серьёзно, как если бы они принимали участие в конкурсе. Обе были грубого телосложения со следами ножевых ранений и переломанными костями по всему телу. На их руках зияло столько шрамов, что их кожа напоминала шкуру зебры.

Сначала мы не решались разговаривать с незнакомками, потому что не знали, кто из них может шпионить по приказу властей и кто может попытаться причинить нам вред. А поскольку мы видели женщин с нижнего этажа не часто, нам потребовалось больше времени, чтобы присмотреться к ним. Через несколько дней мы постепенно начали общаться с ними и искать возможности завязать разговор с Резой или Араш.

Однажды мы увидели, как Араш пытается выстирать одежду в ведре, держа в одной руке шланг, а в другой — сигарету.

— Тебе помочь? — спросила Марьям.

— Да, симпатичные женщины, — ответила Араш с необычным акцентом. С близкого расстояния мы заметили, что у неё осталось всего несколько почерневших зубов, а лицо и шея полностью покрыты шрамами. Марьям взяла у неё шланг. Мы спросили, как её зовут.

— Меня зовут Марьям, — ответила Араш.

— Меня зовут так же, — удивленно произнесла Марьям. — Мы с подругой находимся в тюрьме за веру в Иисуса. Я — христианка уже одиннадцать лет.

Араш оторвалась от белья.

— Это означает, что вы вероотступницы и вас казнят. Зачем вы это сделали?

Марьям рассказала Араш, как она услышала об Иисусе, как читала Библию и как узнала, что Иисус — Спаситель мира, распятый за наши грехи.

Араш выглядела удивлённой.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что Он умер за наши грехи? Значит ли это, что мы больше не грешники?

— Если ты веришь, что Иисус умер на кресте, чтобы спасти тебя, то ради Его крови получаешь Божье прощение, — объяснила я.

Глаза Араш расширились.

— Как же тогда прекрасно то, что Он сделал! — воскликнула она. — Мне всегда нравились христиане. Я никогда не видела пользы в исламе. В двадцать лет я вышла замуж за наркомана, который меня избивал. Он сделал наркоманками меня и нашу дочь. Ей всего одиннадцать. Как я скучаю по ней!

Женщины, которые видели, что мы разговариваем с Араш, предупреждали нас держаться от неё подальше, потому что любую, кто разговаривает с ней, подозревали в том, что она также лесбиянка. Очевидно, на эту тему нам ещё многое предстояло узнать.

Самой известной парой в тюрьме «Эвин» были Самане и Сима, заключённые по обвинению в убийстве. Я впервые увидела Симу во время перерыва, когда она вышла во двор потанцевать под музыку. Она не была похожа на всех тех, кого я видела за решёткой. У нее была кремово-белая кожа и прямые светлые волосы до талии. На ней была дорогая стильная одежда и туфли на очень высоких каблуках. Её танец был невероятным — длинные волосы развевались, а из-под юбки виднелись красивые ноги.

Когда восемь лет назад её арестовали, её дело широко освещалось на телевидении и в прессе. Я хорошо помню его. Кто бы мог тогда подумать, что я буду сидеть с ней в тюрьме? Это была очаровательная молодая женщина, которая полюбила знаменитость национального спорта. У них завязался роман, хотя мужчина был женат и имел детей. Он и Сима заключили *сигхе*, временный брачный контракт в соответствии с исламским законодательством, который позволял им заниматься сексом, потому что ислам разрешает мужчинам иметь до четырёх жён. *Сигхе* может длиться всего один час и очень удобен,

чтобы превратить сеанс с проституткой в законный исламский брак или роман — в законные отношения. Как и следует ожидать, жена мужчины не имеет в этом вопросе права голоса.

По слухам, Сима убила жену своего любовника, когда его не было в городе. Говорили, что она пробралась в их дом с ключом, который он ей дал, подождала в подвале, пока дети уйдут в школу, и зарезала его жену. Сима отрицала все обвинения и продолжала бороться за свою свободу, даже проведя в тюрьме восемь лет. За это время знаменитость и личность Симы сделали её самой могущественной заключённой — начальником начальников в женской тюрьме «Эвин». Годы также превратили её в человека, который готов на всё, лишь бы удовлетворить себя и оставаться в благоприятных отношениях с тюремными властями. Она стала открытой и агрессивной лесбиянкой. Другие заключённые ненавидели её за то, что она так пренебрежительно относится к ним, и за то, что она доносит на них за нарушения правил, лишь бы укрепить своё положение в глазах персонала. Они не могли дождаться её казни.

Когда Симу назначили ответственной за обыск заключённых на предмет наркотиков, как утверждают сокамерницы, она доводила свои старания до крайности, засовывая пальцы в их тела и заставляя их облегчаться в своём присутствии, чтобы убедиться, что в самых интимных местах не спрятаны наркотики. Если она находила наркотики, то всегда сдавала человека. Как минимум две женщины уже были казнены из-за неё. Это сделало Симу фавориткой персонала тюрьмы, и она надеялась, что такое поведение отстрочит её казнь. Было очень грустно видеть, как тюремная жизнь заставляет женщину пойти на всё, чтобы выжить, и не гнушаться даже тем, что отправлять на смерть других. Тех, кого мы с Марьям пытались направить к вечной жизни.

Раньше я думала, что убийцы — это злые, бессердечные монстры с лицами демонов. Лицо же Симы было прекрасно, невзирая даже на то, что она провела за решёткой восемь лет. Она была бедной красивой девушкой, которая вошла в жизнь богатого, успешного, известного, но женатого человека. Согласно исламскому закону, он имел право удовлетворять свою похоть с ней. Если она действительно убила его жену, это было ужасным преступлением. Но что же спровоцировало это преступление? Закон, который даёт мужчинам

неограниченную свободу разыгрывать свои сексуальные фантазии с женщинами, которые для них всего лишь игрушки.

На каждого такого жестокосердного заключённого, как Сима, приходилось много добрых и дружелюбных. Арезу, вдова, у которой было двое детей, утверждала, что её ложно обвинили в краже драгоценностей. Её могли выпустить под залог, но собрать деньги семья могла лишь в том случае, если бы её мать заложила свою квартиру, что она отказалась сделать. Так Арезу оказалась в тюрьме на два года. Её лучшая подруга, Розита, выглядела совсем юной, хотя у неё уже было трое детей. Розита просидела в тюрьме три месяца. Она рассказала, что выписала чеки от имени сталелитейного завода, на котором работала, не зная, что чеки не обналичиваемы. После того, как кредиторы обвинили её в соучастии в хищении, она попала в «Эвин».

Марьям

Сепиде, одна из женщин-моджахедок, которые были так добры к нам, когда нас привезли, вскоре стала нашей близкой подругой. Она была образованной женщиной, издателем и политическим обозревателем, чья семья хорошо известна режиму. Муж её жил в лагере моджахедов «Ашраф» в Ираке, а брат был заключён в «Эвин» и подвергался жестоким допросам в отделении 209. Сепиде тоже побывала в этом отделении, где находилась в одной камере с Сильвой, доброй христианкой, которая представилась нам под Новый год. Ещё одной заключённой в отделении 209 вместе с ними была Ширин Алам Хули, член курдской оппозиционной группы, известной как РЖАК — «Партия свободной жизни в Курдистане».

— Ширин — самая сильная девушка, которую я когда-либо встречала, — как-то сказала Сепиде. Чем больше она рассказывала о Ширин, тем больше мы хотели познакомиться с ней. Сильва и Ширин жили по соседству с нами, в камере № 2.

Сначала мы с Марзие спали в разных частях камеры № 1, поэтому после отбоя не имели возможности поговорить. Однако моя кровать стояла рядом с кроватью Сепиде, и это позволяло мне разговаривать с ней до поздней ночи, особенно во время праздников, когда надзиратели не особо тщательно следили за соблюдением тишины после отбоя. Сепиде очень интересовалась христианством и моей верой в Иисуса.

Я засвидетельствовала ей о Христе, который жил в моём сердце, менял меня изнутри, и о Его любви и жертве, принесённой за грехи человечества. На глаза Сепиде навернулись слёзы. Она прошептала:

— Я никогда не думала, что меня так тронет история христианства. Я смотрю на вашу жизнь и выбранный вами путь с большим уважением, чем когда-либо. Я бы хотела, чтобы со мной произошло то же, что и с вами. Я тоже хочу познакомиться с Иисусом Христом. Возможно ли это?

— Конечно же, возможно, — заверила я её. Мы с Сепиде разговаривали допоздна каждую ночь, пока рядом с Марзие не освободилась койка, и я перешла спать туда.

Примерно через неделю нашего пребывания в тюрьме «Эвин» я увидела, как в дворике для прогулок в одиночестве стоит Ширин Алам Хули, стройная молодая женщина с волосами до плеч. Мы обе хотели познакомиться друг с другом, но ни одна из нас не решалась подойти первой. Когда же мы случайно встретились взглядами, обе улыбнулись друг другу и представились. Ширин слышала о «христианских девушках» из камеры № 1 и у неё было к нам множество вопросов о нашей вере. Я, как могла, ответила на них.

— Я ни во что не верю, — заявила Ширин, — но очень уважаю тех, кто верит. Каждый человек должен иметь право выбирать, во что он верит, и никто не должен указывать нам, во что верить.

Когда Ширин спросила, проповедую ли я христианство другим, её искренность и открытость побудили меня довериться ей.

— Да, — ответила я, — я проповедовала христианство, особенно среди молодёжи.

Когда мы гуляли по двору, Ширин рассказала мне о том, как она стала членом курдской националистической группы РЖАК, которая стремится добиться политических прав для курдов в Иране и создать автономное курдское государство.

Родом Ширин была из деревни Дейм Гешлаг, расположенной недалеко от Маку, в провинции Западный Азербайджан в Иране. Она узнала о деятельности РЖАК от подруги и начала посещать их тренировочные лагеря в Турции и Ираке. В 2008 году она была арестована гвардейцами «Сепакх», «Корпуса стражей исламской революции», в районе Шахрак-и-Гарб на западе Тегерана по обвинению во владении взрывчатыми веществами и членстве в РЖАК. Корпус «Сепакх» — са-

мые безжалостные солдаты Корпуса стражей революции, жестокие убийцы, которые считают своим святым долгом защищать исламскую систему Ирана от внутренних врагов. (И, если у кого-нибудь возникнут какие-либо сомнения относительно их намерений или тактики, их символ — поднятая рука с автоматом.)

Ширин бросили в камеру № 240, где политзаключённые, арестованные гвардейцами, проходят специальные, особо жестокие, допросы. Женщину допрашивали в течение месяца, хотя поначалу она не очень хорошо понимала их вопросы, потому что их задавали на фарси, а она владела только курдским. Так в тюрьме Ширин выучила фарси. На самом деле, языковой барьер очень помог ей, потому что она не могла отвечать на вопросы, которые не понимала.

В течение двадцати дней Ширин ничего не говорила следователям, даже не назвала своего имени, что приводило их в ярость. Женщину пинали ногами в живот, пока она не начинала рвать кровью, били по лицу и хлестали по ступням кожаными ремнями. Потом её подвесили к потолку вверх ногами и, снова и снова, били головой о стену. Ей так громко кричали в самые уши, что ей казалось, что у нее лопаются барабанные перепонки. К её голове приставляли пистолет и угрожали застрелить.

Один из палачей, пытавших Ширин, закончив молитву, тщательно вымывал перед истязанием руки и говорил, что то, что он сейчас будет делать с ней, — святое жертвоприношение Богу. Потом он возводил глаза к небу и произносил: «Мой Бог, пожалуйста, прими от меня эту жертву» — и часами избивал Ширин, пока не наступило время следующей мусульманской молитвы. В назначенное время он переставал бить и снова преклонял колени в молитве, по окончании которой возобновлял избиение.

Однажды после особо жестокого избиения Ширин на три дня потеряла сознание. В этом состоянии её перевели в отделение 209. Когда она очнулась, допросы продолжились, однако теперь они не были такими суровыми.

Я взяла Ширин за руку, и мы продолжили разговаривать, медленно ходя по кругу в дворе. Она рассказала об ужасной бедности и ограничениях, налагаемых на курдских девушек, и сказала, что её самым большим желанием было иметь возможность как-нибудь помочь им. Хотя ей исполнилось всего двадцать восемь, на её лице я видела

всю её жизнь, полную боли и печали, а в её глазах — мужество и негибаемость. Её волосы стали тонкими, кожа — сухой, а зрение, из-за недоедания, ослабло.

Позже я познакомила Ширин с Марзие, и мы стали близкими, доверенными подругами. Услышав историю Ширин, Марзие сказала:

— Нам нужно научиться у Ширин, как бороться за справедливость. Если она готова так сильно страдать, чтобы защитить свои националистические и политические убеждения, не должны ли мы сделать то же самое, если наши убеждения вытекают из нашей веры в Бога?!

Рассказ Ширин вдохновил меня. Несмотря на то, что девушка пережила ужасную жестокость, она не желала зла другим и никогда ни о ком не говорила за его спиной. Она была твердыней мужества и решимости. Она мужественно придерживалась своих убеждений, хотя временами я слышала, как ночью она тихонько плачет под одеялом. Особенно ей нравились дети из четвертой камеры. Когда кто-нибудь из нас брал маленького на руки, Ширин, шутя, восклицала:

— Дайте сюда этого малыша, пока вы не убили его! Я всё знаю о воспитании детей, ведь я вырастила всех своих братьев и сестёр!

Моё сердце разрывалось на части, когда я наблюдала за тем, как Ширин играет с детьми, излучая такую нежность и сострадание, и когда вспоминала, как её целыми днями пытали за преступление *мохаребе*, «деятельность, враждебну Всевышнему».

Иногда, во время прогулок, мы с Марзие и Ширин вместе выходили во двор и разговаривали с девушками, которые живут внизу. Ширин внимательно слушала, что мы говорим им. Однажды, оставшись со мной наедине, она спросила:

— Как ты думаешь, то, что вы говорите этим людям, оказывает на них влияние? Как ты думаешь, они когда-нибудь изменятся?

— Возможно, — ответила я. — Мы обязаны сделать всё от нас зависящее. Остальное зависит от Бога.

Ширин засмеялась.

— У них на самом деле был повод арестовать вас! Вы действительно проповедуете! — И она добродушно похлопала меня по плечу. Я в ответ похлопала её. Так мы хихикали и хлопали друг друга, пока обе не рассмеялись.

По мере того, как мы с Марзие подружились с большим количеством женщин, «мамочка» стала очень ревновать их к нашему времени и вниманию. Если она видела, что мы разговариваем с кем-нибудь, особенно если мы кого-то утешаем или обнимаем, она дулась и сразу же звала нас, чтобы мы сели рядом с ней.

Мы помогали ей дойти до туалета, убраться в камере и проводили в коридор, когда врач приходила сделать ей инъекцию инсулина — даже несмотря на то, что надзиратели кричали на нас за это. Мы начали подавать ей еду из сострадания и вежливости; теперь же она требовала это как должное. Оказываемые ей услуги из одолжения превратились в нашу обязанность. Мы становились её слугами. Хотя мы не хотели ни оскорбить «мамочку», ни сердить, тем более что нам приходилось жить с ней в одной переполненной камере, нам пришлось внести изменения в наши отношения с ней. Во время еды мы начали искать, чем бы быть всё время занятыми.

Еда в тюрьме «Эвин» была ужасной. Обычной пищей было тушёное мясо, состоящее в основном из воды и жира, с несколькими неочищенными морковками и картофелем. Овощи не мыли, поэтому в воде всегда было много грязи. Еда была больше похожа на грязные помои, чем на тушёное мясо. Ещё одно блюдо в еженедельном меню — сушёный безвкусный рис без растительного масла и специй, а также немного картофеля с томатной пастой, которая почти всегда была испорчена. Ещё нам давали *гейме*, гороховый суп с небольшим количеством жира и картофеля. Раз в неделю мы ели колбасу, которая была ужасной и каждый раз вызывала у заключённых понос. На завтрак мы с Марзие ели только хлеб и сыр, за исключением одного дня в неделю, когда давали картофель и варёные яйца. Для меня это была единственная еда, которую можно было есть. В пищу добавляли формальдегид, который должен был подавлять у заключённых половое влечение. Он ещё больше ухудшал запах и вкус пищи, создавал риск отравления и был опасен для репродуктивной системы женщин.

Дважды в неделю тюремные повара пекли что-то вроде цельнозернового хлеба. Сначала мы были рады увидеть свежую альтернативу безвкусному белому хлебу с огромным количеством наполнителей, который обычно получали. Но это было до того, как мы обнаружили, что тюремный хлеб обычно содержит мух, волосы, кусочки пластика, а иногда даже и зубы.

Хотя мы с Марзие были постоянно голодны и шесть дней в неделю ели только раз в день, мы избежали большинства болезней, которые так часто вызывала тюремная еда. К сожалению, этого питания недостаточно, чтобы сохранить своё здоровье. Вскоре мы узнали, что медицинское обслуживание в тюрьме «Эвин» ничуть не лучше питания.

Накормить голодных

Марьям

К тому времени, когда нас перевели в «Эвин», мы уже провели две недели в заключении в «Возаре» без приличной еды и гигиены. Через несколько дней после нашего поступления в тюрьму Марзие заболела, потому что приняла душ в ледяной воде. То, что начиналось как ангина, быстро перетекло в серьёзную инфекцию. У неё был озноб, высокая температура и боли по всему телу. Ей так кружилась голова, что она не могла сохранять равновесие. Когда я сообщила госпоже Махджуб, заключённой, ответственной за отделение 2, что Марзие необходимо обратиться к врачу, она ответила, что врач уехала праздновать Навруз и вернётся только после окончания праздников. Госпожа Махджуб принесла Марзие несколько антибиотиков, срок годности которых давно истёк, и сказала, что это всё, чем она может помочь. Так Марзие пролежала почти неделю, несчастная, дрожащая и измученная. Временное облегчение больной приносили только чай или фруктовый сок, которые иногда давали ей другие заключённые, и несколько обезболивающих, пронесённых в тюрьму контрабандой. Всё, что я могла сделать для подруги, — это молиться.

Болезнь Марзие усугубила боль в спине. Пружины на всех койках «выстрелили», поэтому заключённые использовали два из трёх одеял в качестве наматрасника, а третье — чтобы укрываться. Марзие подумала, что ей было бы удобнее спать на одеялах на полу. Но если она откажется от койки, её тут же займёт другая заключённая, и могут пройти недели, прежде чем освободится новая. Поскольку койка была её единственным личным пространством в камере, она не хотела терять его. Я пыталась добиться у администрации тюрьмы медицинской помощи для Марзие и других заключённых, которые также были больны, но ответ нам всем был один: «Врач уехала на праздники. Мы ничем не можем помочь».

Из-за тесноты, лесбийского разврата, постоянных мелких передрач и криков госпожи Имани в камере № 2 всегда было шумно, от чего больным было ещё труднее. Политзаключённые всегда являлись самыми тихими, спокойными и вежливыми членами тюремного общества. Многие проводили день за вязанием — единственное продуктивное времяпрепровождение, которое здесь разрешалось. Некоторые дамы очень преуспели в этом и вязали красивые шали и другую одежду, которые продавали за деньги. Наша новая подруга Ширин Алам Хули была экспертом по вязанию и учила меня, пока Марзие лежала с лихорадкой. Время тянулось медленно, поэтому мы с ней провели за вязанием и беседой много часов.

Суды всё ещё были закрыты на новогодние праздники, а это означало, что в «Эвин» поступало или освобождалось немного заключённых. В течение недели новоприбывших не было вообще, а потом поступила группа, состоящая примерно из десяти женщин — участниц кампании «Один миллион подписей», организации, созданной в Иране для защиты прав человека — и особенно прав женщин. Одной из лидеров группы была госпожа Махди, стройная женщина с тёмными кудрявыми волосами. Она уже несколько раз побывала в тюрьме и считала этот опыт полезным для своих исследований об обращении режима с женщинами, а также для знакомства с другими активистками. Наша подруга, госпожа Азам, добрая женщина лет шестидесяти, быстро подружилась с госпожой Махди и её соратницами. Госпожа Азам отбывала заключение уже почти три года по обвинению в «действиях, направленных против национальной безопасности», за то, что принимала участие в митинге в поддержку прав женщин.

Госпожу Махди очень интересовало, как в тюрьме «Эвин» обращаются с женщинами. Она завела со мной разговор, чтобы расспросить об этом поподробнее. Я рассказала ей о нашем аресте, содержании в «Возаре» и последующем переводе в «Эвин». Когда госпожа Махди узнала, что мы христианки, она поинтересовалась, почему я выбрала Иисуса. После короткого разговора стало ясно, что у госпожи Махди сильно искажённое представление о христианстве, из-за лжи, которую она прочитала в «Евангелии от Варнавы», искажённой версии Библии, которую продают в Иране и в которой, в угоду исламу, изла-

гается лживое повествование о жизни Иисуса. В Иране даже самые образованные люди понятия не имеют, что на самом деле написано в Библии, потому что они никогда её не читали.

— Тогда где же настоящая Библия? — задалась вопросом госпожа Махди. — Где я могу найти её?

Я записала ей адрес церкви.

— Когда выйдете отсюда, идите прямо туда, — ответила я. — Там вам дадут настоящую Библию и ответят на ваши вопросы.

Госпожа Махди сказала, что хочет больше узнать о христианстве и будет изучать его.

После того, как во время телефонного разговора с матерью госпожа Махди упомянула о том, что она познакомилась с христианками, мать попросила Марзие и меня помолиться за её здоровье, потому что она как раз лежит в больнице. Интересно, что эта женщина считала, что наши молитвы обладают силой, несмотря на то что не была с нами знакома и никогда не разговаривала с нами лично.

С момента нашего поступления в «Эвин» нам с Марзие не разрешили пользоваться телефоном. И только теперь, через две недели, у нас появилась возможность поговорить с сёстрами, Ширин и Еленой. Заключённая по имени Эмма отвечала за планирование телефонных разговоров. Когда мы попросили выделить нам время на телефонный разговор, то узнали, что до этого наше время использовали другие заключённые, которые теперь не хотели отдавать его нам. Как оказалось, время разговоров заключённые определяли сами; в тюрьме официально это время не расписывалось. Заключённые, которые отбывали наиболее длительный срок, придумали эту систему, чтобы иметь возможность контролировать время пользования телефоном и обеспечить себе возможность делать это как можно чаще.

Несмотря на то, что теперь мы с осторожностью относились к поведению «мамочки» и её мотивам, мы по-прежнему считали её опытным источником информации о правилах и отношениях в тюрьме. Мы спросили её о правилах пользования телефоном. Едва мы успели задать вопрос, как она пошла в камеру № 2 и что-то прошептала коренастой женщине, которая вязала шарф. Женщина вскочила и начала истерически кричать, ругая Марзие и меня.

— Вы, глупые политзаключённые! — не унималась она. — Идиотки! Жадные твари! Сначала вы говорите, что вам не нужно пользо-

ваться телефоном, а теперь жалуетесь, что вам не дают времени! Кто вы такие, чтобы обвинять меня в обмане и нарушении ваших прав?

Мы пытались узнать у неё, что именно сказала ей «мамочка», однако всё было бесполезно. Она была слишком разъярена, чтобы выслушать нас. Мы бросили эту затею и вернулись в свою камеру, а она продолжала кричать нам вслед. Когда «мамочка» вернулась, мы попросили её не вмешиваться во все наши мелкие проблемы, а позволить нам самим решать их. Мы очень старались заслужить уважение и доверие других заключённых, даже если это означало отказ от маленьких привилегий, таких как лучшее место в очереди к окошку магазина или большая порция картофеля и яиц на единственный в неделю завтрак. Мы волновались, чтобы поведение «мамочки» не испортило нашу репутацию в глазах других женщин и отношения с ними.

Наша подруга Сильва сообщила нам, что разгневанную женщину звали Шамси. Она была в тюрьме уже восемь лет по обвинению в мошенничестве и её не освободят, пока она не возместит ущерб, причинённый каждому кредитору. Однако долг её настолько велик, что она никогда не сможет выплатить его, находясь в тюрьме, а это означает, что она, вероятно, проведёт здесь всю свою оставшуюся жизнь. Шамси была известна среди заключённых своим колким отношением, особенно к новичкам. Она не упускала возможности показать им, кто здесь главный. Позже Шамси извинилась за своё поведение, и этот разговор положил начало ещё одной замечательной дружбе.

Марзие

Поскольку наши подруги Сильва и Ширин жили в камере № 2, мы проводили там много времени и познакомились с другими женщинами. Марджан была веселой девушкой, которая всегда шутила и старалась сделать всех вокруг счастливыми. Когда мы представились ей, её первыми словами, обращёнными к нам, произнесёнными с притворной серьёзностью, были:

— Боже мой, куда в этот приход ещё больше христиан? Сначала Сильва, а теперь и вы! Я этого не переживу!

Марджан сказала, что она провела в тюрьме два года, потому что её бывший друг украл предварительно подписанный чек из офиса, где

она работала, обналичил его и забрал себе крупную сумму денег. Когда это стало известно, на Марджан подали в суд и отправили в тюрьму.

— Я не уверена, что ты нравишься мне так же сильно, как я тебе, — сказала Марджан. — Будь добра, не пытайся заставить меня полюбить тебя, потому что у тебя это всё равно не получится!

С этого момента она стала одной из наших лучших подруг.

Насим, которая также жила в камере № 2, была той женщиной, которая так грубо обыскивала меня, когда нас перевели в «Эвин». Невзирая на то, что её обвиняли в убийстве свекрови, познакомившись с ней, мы обнаружили, что на самом деле она была доброй и нежной женщиной.

— Моя дорогая Насим, почему ты так грубо обыскивала меня, когда нас привезли сюда? — поинтересовалась я. — Почему ты заставила меня присесть и вставать шесть раз? Ты что думала, я снесу яйца, как курица?

Этот вопрос вызвал смех у всех присутствующих.

— Ничего личного, — виновато пробормотала Насим. — Я обязана подчиняться приказам.

Лучшей возможностью познакомиться с вновь прибывшими и женщинами, которые жили снизу, было время прогулок, когда всем нам разрешали выходить во двор. Однажды Марьям представилась красивая молодая беременная девушка по имени Пунэ. Она сидела уже восемь месяцев по обвинению в убийстве, хотя, на самом деле, преступление совершил её муж. После того, как он ворвался в дом богатой старухи, чтобы завладеть её деньгами, женщина начала оказывать сопротивление, и во время схватки он убил её. В панике он позвал на место преступления свою жену. Через несколько минут приехала полиция и арестовала их обоих. Если бы муж Пунэ был осуждён один, его бы приговорили к смертной казни. Однако за групповое преступление их ожидало пожизненное заключение. И жена решила разделить вину мужа, чтобы спасти ему жизнь.

— О беременности я узнала уже в тюрьме, — объяснила она. — Муж до сих пор ничего не знает о ребёнке, который должен родиться уже через несколько недель. — Подбородок Пунэ задрожал, а на глаза навернулись слёзы. Она заплакала. — Пожалуйста, ради Бога, во имя Иисуса Христа и святой Марии, молитесь за меня! Обо мне

совсем некому позаботиться. Я совершенно одна. Я даже не могу нанять юриста для защиты своих прав. Мне придётся провести остаток жизни в тюрьме, вместе с ребёнком!

В слезах она вернулась в камеру вместе с остальными «убийцами». После родов Пунэ переведут наверх к другим матерям. Тогда мы сможем видеться чаще.

Другой заключённой, Мане, было всего двадцать три, однако угадать её возраст было трудно, потому что на ней было столько макияжа, что она напоминала клоуна. И хотя пользование макияжем было нарушением правил тюрьмы, Мана и некоторые другие заключённые наносили его после обеда, когда надзиратели почти не появлялись. Несмотря на то, что Мана была наивной девушкой, она много размышляла. Мы добродушно подшучивали над её макияжем, говоря, что мы понимаем, когда себя раскрашивает старуха, ей же не нужно этого делать. Она терпеливо выслушивала нас, а потом всё равно принималась наносить свой дурацкий макияж.

Мана была одной из тех, кто планировали время пользования телефоном для отделения 2. К сожалению, другие заключённые пользовались её наивностью и обманывали её. Когда она понимала, что её обманывают, то бросала телефонный журнал на пол и заявляла, что больше не будет выполнять эту работу и ей необходимо найти замену. Затем, через некоторое время, успокоившись, Мана возвращалась к работе.

Однажды во время прогулки Мана сказала, что хочет больше узнать о христианстве. Она хотела расспросить нас о нём уже давно, но её обязанности, связанные с телефоном, занимали слишком много времени.

— Я не духовный человек, — начала она, — но меня очень интересуют Иисус и христианство, и я хочу узнать об этом как можно больше. В течение многих лет я не верила в Бога. Много лет назад я даже порвала Коран и сожгла его. (В соответствии с исламским законом, этот ужасный грех карается смертью. Мусульмане не имеют права никоим образом проявить неуважение, а тем более причинить вред Корану. Им надлежит мыть руки, прежде чем даже прикоснуться к нему.) Я думаю, что из-за того, что я сделала, Бог больше не любит меня и наказывает за неверие. Я родилась в богатой семье. Мой отец, который сам заработал своё состояние, был вовлечён в политику, хотя

остальные члены семьи не знали об этом. Он был убит при крайне подозрительных обстоятельствах. Полиция передала нам его тело, даже не объяснив, как он умер. Я была тогда ещё совсем молода, и его смерть стала для меня ужасным ударом. Наша семья потеряла всё состояние и положение в обществе. Тогда я утратила веру и сожгла Коран.

— Мне очень жаль узнать о твоём отце, — сказала я. — Но ты должна помнить, что Бог не оставил тебя. Он по-прежнему любит тебя очень сильно. Возможно, ты потеряла своего земного отца, но Отец Небесный, наш Господь, никогда не бросит тебя. Ты полагаешь, что Бог отвернулся от тебя из-за того, что ты сожгла Коран, хотя на самом деле это ты проклинаешь себя и отверчиваешься от Него.

Мана рассказала, что они с мужем уже три года в тюрьме за кражу денег у государства. Их план состоит в условно-досрочном освобождении. После чего они хотят забрать деньги из тайника и бежать из страны, чтобы жить на эти средства за границей. В этом Мана видела способ отомстить государству за смерть отца.

— Как же вы с мужем планируете построить на лжи счастливое будущее? — спросила я. — Я не верю, что это — путь к процветанию. Я не хочу вмешиваться в вашу личную жизнь, но прошу тебя начать восстанавливать испорченные отношения с Господом. Поговори с Ним сегодня вечером. Помолись за себя и за своего мужа, чтобы Он помог вам выжить в эти трудные времена и познать истину. И Он непременно ответит на твои молитвы!

— А как ты думаешь, Бог когда-нибудь простит меня и захочет слышать мои молитвы снова?

— Я абсолютно уверена в этом! Он уже заплатил высокую цену за твоё искупление. Кроме того, я не думаю, что вы с мужем когда-либо будете процветать с украденными деньгами. Счастье не купишь за деньги. Деньги, принадлежащие другим, не подарят вам лучшей жизни. Без Божьей любви даже все деньги мира не сделают вас счастливыми.

Мана попросила помолиться за неё, за своего мужа и за их семью. Пока я молилась, она крепко обнимала меня и плакала.

— Я испытываю такое умиротворение и спокойствие, — сказала она. — Может быть, это поможет мне избавиться от кошмаров. Мне трудно заснуть, а когда засыпаю, мне снятся ужасы.

В ту ночь я часами молилась, чтобы Бог даровал Мане утешение, душевный покой и направил её на пути поисков Его.

Поздно утром следующего дня в нашу комнату ворвалась Мана такая счастливая и взволнованная.

— Посмотрите! — воскликнула она, разжимая руку, в которой лежал красивый деревянный крест. — Я не могу в это поверить! Вчера вечером я впервые поговорила с Богом и попросила Его открыть мне истину об Иисусе Христе. А сегодня утром, когда я ещё лежала в постели, подруга, ничего не зная о моей молитве, вручила мне этот крест и сказала: «Мана, я сделала это в ремесленном центре и хочу подарить его тебе». Я не могу поверить, что Бог так быстро ответил на мои молитвы этим чудесным подарком! Я знаю, что это знак и что все твои слова о Его любви верны.

Мана начала приходить к нам почти каждый день, принося захватывающие рассказы о каком-либо новом доказательстве того, что Бог слышит её молитвы. Она начала говорить о том, что ей бы очень хотелось прочесть Библию. Как-то Мана воскликнула:

— Я верю в то, что ты сказала мне о поиске нового пути для моей жизни. Я хочу сама прочесть Библию и узнать послание Бога из Его книги!

И хотя у меня не было возможности подарить ей Библию, её слова были очередным напоминанием о том, как легко свидетельствовать за решёткой по сравнению со свидетельством на свободе, с той работой, которую мы выполняли тайно. Здесь нам с Марьям не приходилось искать «потенциальных слушателей» или подбрасывать Новые Заветы в почтовые ящики. Мы могли говорить с ними открыто, а не прятаться за закрытыми дверями или в подвалах. Наши сотоварищи по заключению жаждали истины. Они отчаянно нуждались в ней. Виновные несли на себе тяжесть греха за свои преступления и считали, что именно ислам приговорил их к заключению или смерти. Они не имели надежды, пока не услышали Благою Весть об истинном Боге. На первый взгляд, тюрьма казалась жизненным тупиком. В то же время истина об Иисусе, Его любви к грешникам и Его искуплении была для наших сокамерниц чудом, бальзамом даже на самые старые и наиболее болезненные раны в их душах. Большинство этих женщин потеряли всякую надежду на спасение из-за того, что ислам изображает Бога как бога возмездия и мести, бога, который требует от них соответствия недостижимым стандартам и не проявляет милосердия к тем, кто не может их достичь. Осознание того, что Бог

является их Отцом и любит их безусловно, такими, какие они есть, было откровением, изменившим многие жизни. А поскольку мы уже находились в тюрьме за пропаганду христианства, то решили, что теперь можем провозглашать Благую Весть об Иисусе Христе громко и «на кровлях» (Лк. 12:3).

Вскоре после этого, когда я мыла пол под койкой «мамочки», я обнаружила давно забытую коробку с чем-то похожим на мусор. Я спросила госпожу Махджуб, знает ли она, чья это коробка. Госпожа Махджуб ответила, что её, должно быть, забыл кто-то из заключённых, и сказала выбросить. Неся коробку к мусорному ведру, я на всякий случай заглянула в неё. В тюрьме даже мусор может иметь некоторую ценность. К своему удивлению, среди обрывков бумаги и других отходов я обнаружила карманное Евангелие от Луки!

Я быстро сунула его под одеяло на своей койке и не могла дождаться, когда можно будет лечь спать, чтобы начать читать его. Когда объявили отбой, я достала Евангелие и открыла обложку. На форзаце была надпись и подпись архиепископа Рэмси, бывшего архиепископа Кентерберийского и лидера англиканской церкви, который, очевидно, подарил эту книгу её предыдущему владельцу. Какое чудо было найти здесь это сокровище!

Трудно описать ощущение восторга, вызванного возможностью читать Священное Писание после месяца его полного отсутствия. Каждая страница, каждое слово, каждая буква были огромным благословением, пиршеством для изголодавшейся души. Мы с Марьям решили поделиться им с женщинами, которые задавали нам духовные вопросы. Сначала мы одолжили его госпоже Махджуб, а когда она закончила читать, передали Мане. Когда она увидела книгу, её глаза расширились от изумления.

— Бог ответил на твои молитвы, — сказала я, протягивая Евангелие. — Теперь ты можешь прочитать часть подлинной Библии, о которой всегда мечтала.

Когда другим заключённым стало известно о Святой Книге, очень многие захотели прочитать её, и вскоре десятки женщин смогли впервые взглянуть на истинно христианское Писание и даже прочесть небольшую книжицу, подписанную одним из наиболее влиятельных

мужей церкви, который умер более двадцати лет назад и чьё маленькое карманное Евангелие каким-то чудом оказалось под кроватью в женской тюрьме, расположенной в самом центре исламского Ирана.

Праздники подходили к концу. Скоро откроются суды, а те маленькие свободы, которыми мы пользовались в течение этих двух недель, вероятно, опять будут отняты у нас. Часто днём мы с Марьям гуляли во внутреннем дворике или вперёд-назад по коридору вместе с Ширин и Сильвой. В один из последних дней Навруза на закате мы смотрели на небо. Смотреть на небо из-за высоких стен тюрьмы — каменная тяжесть на сердце. Иногда, ощущая на своих лицах дуновение ветра, мы представляли себя птицами, которые стремительно взмывают вверх и свободно парят в небе. Через единственное зарешёченное окошко в коридоре мы смотрели на холм, виднеющийся вдаль, и представляли, каково это — бегать босиком по его вершине.

Как-то Ширин спросила:

— Как вы думаете, Бог смотрит на нас? Он вообще видит нас?

— Да, — ответила Марьям, — Он нас видит.

— Тогда почему же Он ничего не делает? Почему Он молчит и не исправит такую жестокую несправедливость? Неужели Он любит наших угнетателей больше, чем нас?

— Я не знаю, почему Он ничего не делает, — тихо произнесла Марьям. — А может, Он и делает что-то, но мы не видим этого. Я не знаю, почему Он молчит, но не верю, что Его молчание продлится вечно. Иногда Бог молчит, а иногда Он говорит.

— Я не понимаю этого твоего Бога, — сказала Ширин. — Что это за Бог, который, видя все эти годы страданий и лишений, ничего не предпринимает, чтобы помочь нам? Неужели Он ждёт, пока все молодые люди в Иране будут убиты? Может, после этого Он сделает что-нибудь?

— У меня также много подобных вопросов, — призналась Марьям, — но Бог пока не ответил на них всех. Тем не менее я уверена, что Бог любит Своих детей больше, чем мы с вами.

Иногда мы вчетвером садились перед окном в коридоре и смотрели на холм, на небо и птиц и пели. Мы завидовали свободе птиц, возможности видеть всё небо, а не только квадрат, который видели мы. Пока мы смотрели, мы пли поочерёдно. Курдские песни Ширин были красивыми и очень грустными. Мы же с Марьям пели гимны просла-

вления. Ширин всегда просила нас ещё раз спеть гимн со словами: «Моё сердце — в Твоих руках. Моя жизнь наполнена Твоей любовью. Ты удержишь меня в Своих руках. Ты — мой Спаситель». Когда мы пели, те, кто проходил по коридору, останавливались и слушали. Теперь же, когда праздники подходили к концу, мы в последний раз наслаждались нашим маленьким ритуалом.

Закончив петь, мы ещё немного поговорили, глядя на яркое новогоднее весеннее небо, беззаботных птиц, далёкие горы и вздымающиеся над ними облака. И каждая из нас ощущала присутствие единого истинного, всезнающего и вездесущего Господа Иисуса Христа, который слышит, видит и любит нас.

Испорченная репутация

Марьям

В тринадцатый и последний день Навруза, известного как Сиздах Бедар, заключённым разрешили провести на улице весь день, навещать других заключённых, танцевать, пить чай и насладиться последними часами перед возобновлением обычного тюремного режима. Кто-то снова одолжил у администрации проигрыватель компакт-дисков, и весь двор теперь наполняли звуки музыки. Одни пары танцевали как две женщины, другие танцевали как двое мужчин, а третьи — как мужчина и женщина. Некоторые заключённые танцевали прекрасно, их движения были изящными и артистичными. В то время как другие дёргались и вращались в стиле хип-хопа. Девушки-лесбиянки не спускали со своих партнёров глаз. Они флиртовали, громко рассказывали грязные анекдоты, хохотали и страстно целовались, ничуть не обращая внимания на то, что они не одни.

В первый день после праздников в 5 часов утра нас разбудил скрипучий звук *азана*, мусульманского призыва к молитве, который прозвучал из громкоговорителя и был настолько оглушительным, что стекло в окнах зазвенело. Каждый, кто хотел считаться верным мусульманином (а в нашем случае это почти все, кроме Марзие и меня), должен был встать с постели, повернуться в сторону Мекки и начать молитву. Мы остались под одеялами, однако наше наслаждение длилось недолго. В 6:30 по громкоговорителю прогремел сильно искажённый и невероятно громкий голос, который приказал всем собраться во дворе.

— Все на переключку! Все на переключку!

Это была обязательная для всех заключённых переключка, которую проводили каждое утро, а потом снова в 19:00 каждый вечер. И хотя во время Навруза переключкой пренебрегали, теперь она опять возвращалась в нашу повседневную жизнь. Некоторые надзиратели принуждали заключённых совершать исламскую молитву *омаяджиб*.

— Поклянись Богом, что Мухаммед — пророк Бога, — приказывали они. — Произнеси свою молитву десять раз, и Бог ответит.

Мы простояли на морозе целый час, ожидая, пока нас пересчитают. Наконец, одна из надзирательниц и госпожа Алипур, заключённая, которая работала внизу, вышли, чтобы начать счёт.

Конец Навруза также означал, что снова откроется тюремный магазин. Наши сёстры открыли для нас учетную запись, чтобы мы могли брать себе продукты и другие небольшие предметы тюремной роскоши.

Мы с Марзие спокойно стояли в очереди. В тот момент, когда открылось окошко магазина, произошло настоящее безумие: десятки женщин, которые провели без покупок две недели, ринулись прямо к нему, толкаясь, дёргая друг друга за волосы, ругаясь и крича друг на друга. Мы попятились назад, пропуская их вперёд: «Пожалуйста, проходите». Бороться за место в очереди не стоило. Мы с Марзие могли подождать до завтра, поэтому мы развернулись и собрались вернуться обратно в камеру.

Единственное место, где было тихо и безопасно, находилось в самом начале очереди, где гигантская туша госпожи Сораи закрывала окошко магазина от всех остальных. Она, как всегда, была первой, и, несмотря на все ссоры и бойню, никто не осмеливался прикоснуться к ней. Увидев, что мы отступаем, госпожа Сораи направилась к нам с криками:

— Вы, глупые девчонки! Почему вы позволяете другим пропихиваться в очередь перед вами?!

И, прежде чем мы успели ответить, она схватила нас и двинулась назад, расталкивая грудью толпу, как корабль, разрезающий волны, прямо к началу очереди, немилосердно таща нас за собой.

— Ну вот. Теперь делайте покупки, мои дорогие девочки! — довольная собой, улыбнулась она. Никто в очереди не осмелился оспорить её решение, включая нас самих.

Продавщицей была молодая женщина, работавшая в администрации тюрьмы. Она выглянула в своё маленькое окошко и увидела нас — христианок! Скривившись, она тут же выпалила: «Магазин закрыт!» — и захлопнула окошко прямо у нас перед носом. Мы прождали час, пока окошко снова открылось, и сделали заказ. Но вместо того, чтобы дать нам наши продукты, женщина швырнула их в окно, так что часть попала прямо в нас, а часть упала на пол. Нашим естественным побуждением было крикнуть что-нибудь ей в ответ или

пожаловаться. «Тем не менее, — подумали мы про себя, — наши маленькие неудобства и унижение — ничто по сравнению с тем, что ради нас претерпел Иисус». Мы, безусловно, имели право пожаловаться на продавщицу, но решили отказаться от него, поскольку знали, что оказались в тюрьме по совершенному Божьему плану для выполнения Его работы. Этот инцидент стал для нас испытанием и напомнил о том, как трудно сохранять покорность и быть похожим на Христа, даже в такой незначительной, хотя и очень неприятной ситуации. Мы молились, чтобы Бог всегда наделял нас силой прощать и чувством сострадания ко всем, даже к тем, кто плохо относится к нам.

Несмотря на то, сколько времени и усилий пришлось потратить, чтобы раздобыть эту еду, продукты из магазина стали для нас ужасным разочарованием. Методом проб и ошибок мы узнали, какие вещи стоит покупать, а какие — нет. Консервы из тунца и курицы были ужасными, их поставляла по завышенным ценам одна из мафиозных банд, контролирующая большую часть тюремной системы. Большинство других консерв были не лучше. К сожалению, в магазине не было ни молочных продуктов, ни свежих овощей, поэтому даже эта дополнительная еда не принесла никакого облегчения. Съедобными были только картофельные чипсы и шоколад. Мы купили шоколад и лучшие продукты, чтобы раздать беднейшим заключённым, которые сами ничего не могли купить. Мы также раздали много еды детям, которым, если их не кормили грудью, нечего было есть. Некоторые матери не могли позволить себе ничего купить своим детям. Детям очень понравился шоколад, печенье и другие угощения, поэтому с тех пор мы всегда старались что-нибудь приберечь идля них.

Культурный центр, закрытый на праздники, вновь возобновил работу. Многие из наших сокамерниц вернулись поспать пару часов после переключки, потом позавтракали и отправились в культурный центр. Некоторые перекусили и оставались там весь день. Сначала мы не ходили туда, а часами вязали, разговаривали, гуляли во дворе, делали физические упражнения. Когда одна из наших подруг предложила нам тоже пойти в центр, мы решили попробовать.

Культурный центр был самым чистым и просторным местом из всех, которые мы видели после ареста. В одном углу его располагал-

ся небольшой спортзал со столом для настольного тенниса; в другом — небольшая библиотека с горсткой старых потрёпанных книг; в третьем — мастерская по изготовлению гончарных изделий, кукол и текстиля; и в четвёртом — компьютерный центр с несколькими выключенными компьютерами. В центре проходили также уроки по изучению Корана. Большинство других занятий были указаны только для галочки и на самом деле никогда не проводились. Руководство тюрьмы представляло этот культурный центр внешнему миру как эффективный инструмент перевоспитания заключённых: место, где они получают здоровую физическую нагрузку, наставления в мусульманской вере и творчески самовыражаются.

Мы рассматривали список кружков, чтобы решить, куда записаться. Марзие, которая хорошо играет в настольный теннис, начала играть с другой заключённой. Когда женщина, которая ведёт кружок по теннису, увидела, насколько хорошо играет Марзие, то пригласила её принять участие в предстоящем турнире. Тем временем я пошла в мастерскую по обработке дерева и начала работу над своим проектом. Руководительница кружка по деревообработке поинтересовалась, что я делаю.

— Это крест, — ответила я, подняв крест и показав ей.

— Вы действительно здесь по обвинению в вере в Иисуса Христа? — поинтересовалась она.

— Да. Мы с подружкой обратились в христианство, и нам было предъявлено обвинение в действиях, направленных против государственной безопасности.

— А что не так с исламом?

Засвидетельствовав руководительнице кружка о своём обращении, я спросила, читала ли она когда-нибудь Библию.

— Нет, — ответила она. — Я нигде не могу найти её. А она вообще продаётся в книжных магазинах?

— Нет, — ответила я. — Вам нужно попросить её в церкви.

Я записала название церкви на клочке бумаги и передала ей.

— Надеюсь, что ты запишешься на мой кружок, — сказала женщина. — Я бы хотела поговорить с тобой ещё.

Марзие

На следующий день я пошла записать нас с Марьям на кружки. Одна из женщин в административном корпусе спросила меня, в чём нас обвиняют.

— Нас обвиняют в том, что мы следуем за Иисусом и проповедуем христианство, — объяснила я.

Этот разговор услышала заведующая культурным центром, госпожа Ганбари.

— Серьёзно?! — воскликнула она. — С каких это пор вера в Иисуса Христа является преступлением? — Она задумалась на мгновение. — Ты бы лучше сразу сказала, что вы — вероотступницы. Вера во Христа — это одно; а обратиться в неё и обращать других — это совсем другое. — Её голос внезапно стал злым: — Кто вообще разрешил вам посещать центр?

Её слова шокировали меня.

— А разве не всем заключённым разрешается пользоваться услугами культурного центра, независимо от их статьи? — спросила я.

— Да, но не тем, кто отрёкся от своей религии. Таких неверных, вроде тебя, которым дорога прямо в ад, вообще нужно сразу же казнить!

— Но я не сделала ничего плохого, — заявила я. — И у меня нет причин стыдиться за свои поступки. Наоборот, я горжусь ими!

Когда я повернулась, чтобы уйти, я увидела надпись на стене: «Блаженны те, кто отвергнуты своими собратьями, но не своим Богом». Я знала, что Господь говорит со мной, напоминая о Своей любви.

В тюрьме секреты долго не хранятся. Вскоре все узнали, что нам с Марьям запрещено посещать культурный центр, и многие были недовольны тем, что с нами поступили так несправедливо. Наша подруга Сильва хотела заступиться за нас, но её должны были вот-вот условно-досрочно освободить, поэтому мы попросили её не создавать себе лишних проблем. Когда госпожа Пари, старшая по нашей камере, подошла к руководителю культурного центра, чтобы попросить за нас, госпожа Ганбари сердито прорычала:

— Эти девушки — вероотступницы. Их нужно казнить не раздумывая, потому что их присутствие развращает других. Они должны отбывать заключение в одиночных камерах.

Слово «казнить» поразило нас с Марьям. Неужели нас действительно казнят? Нас не ознакомили даже с официальными пись-

менными обвинениями, выдвинутыми против нас. За шесть недель содержания под стражей нам ни разу не разрешили встретиться с адвокатом. С тех пор сокамерницы не раз рассказывали нам, что учитель Корана часто упоминает о нас во время своих лекций, критикуя и осуждая наши убеждения и нас самих. С другой стороны, многие заключённые стали смелее относиться к дружбе с нами. «Идите есть с нами, — звали они нас с Марьям. — Мы всё равно чувствуем себя ужасными и нечистыми» или «Да простит нас Бог за то, что мы делимся этой пищей с «мерзкими» христианками! Идите, поешьте с нами!»

Позже госпожа Пари открыла нам свою тайну: её дочь также была христианкой и посещала домашнюю церковь. Дочь сказала матери, что наше присутствие в тюрьме было для неё посланием от Бога о том, что она должна обратиться. Однако госпожу Пари больше беспокоило то, что за веру её дочь может подвергнуться аресту.

— Приемлемо ли для моей дочери воспользоваться *такийэй*? — как-то спросила госпожа Пари. — А почему бы и вам не сделать это, чтобы выйти на свободу?

Такийа — это исламская традиция, которая допускает ложь в опасной для жизни человека ситуации. И хотя после ареста, в отдельных случаях, мы скрывали правду, чтобы защитить наших друзей-христиан, мы никогда не откажемся от своей веры ради собственного спасения.

— В христианстве нет *такийи*, — твёрдо ответила я. — Не имеет значения, убьют ли нас, потому что наша вера — это самое важное в нашей жизни. Она важнее даже самой жизни.

Госпожа Пари ушла встревоженной.

Когда нас арестовали, мы только и могли думать, что о том, как выбраться из тюрьмы. Теперь же мы чувствовали себя комфортно в том месте, куда Бог поместил нас. По утрам мы вязали, занимались спортом и разговаривали. А днём приглашали камеру № 2 на чай и печенье и оставшуюся часть дня разговаривали.

Самыми важными темами наших бесед всегда были условия содержания в тюрьмах и статус заключённых по разным статьям. Те, кто узнал последние новости, делился ими с остальными. Суды снова возобновили работу, и каждый день к нам привозили новых заклю-

чённых. Мы всегда приглашали их на свои чаепития и заботились о том, чтобы они чувствовали себя желанными гостями.

Во время праздников в тюрьму «Эвин» не пускали посетителей. Теперь, наконец, у нас будет возможность впервые после того, как мы переехали из «Возары», увидеться с нашими сёстрами. Вторник был днём свиданий. По закону каждой заключённой разрешалось одно бесконтактное свидание в неделю и одно контактное — в месяц (когда мы могли обниматься со своими посетителями). На практике же заведующая женской частью тюрьмы, госпожа Резаи, и тюремный персонал разрешали контактные свидания только по благу и за взятки. Контактные свидания крайне важны для заключённых, потому что они — их единственный физический контакт с внешним миром, к тому же именно во время таких посещений родственники и друзья могли пронести еду, свежую одежду и другую контрабанду.

После переключки и завтрака были оглашены имена всех, к кому будут допущены посетители. Мы прождали час, пока приехал маленький грязный микроавтобус, который доставил нас через весь тюремный комплекс к зданию, где проходили свидания с родными. Поскольку мы вышли на улицу, нам пришлось надеть слишком большие тяжёлые *чадры* и грязные тюремные тапочки не по размеру. Нас, как скот, набили в микроавтобус, который был настолько мал, что мне приходилось стоять, сильно нагнув голову. Дорога к зданию для свиданий была засажена деревьями и пышными цветниками — *посетители должны были думать, что «Эвин» — самое прекрасное в мире место.*

Мы вошли внутрь и спустились по длинной лестнице в подвал. После очередного ожидания нас вызвали в маленькие будки, отделённые от посетителей стеклом. Посетителей уже рассадил по ту сторону, поэтому заключённые ринулись к будкам, как стадо буйволов, пытаясь как можно быстрее найти своих. У каждого из нас было всего десять минут.

Нас с Марьям ждали сёстры, Елена и Ширин. Какое благословение было увидеть их! Мы изо всех сил старались казаться счастливыми, избегая рассказов о том, какая на самом деле жизнь в тюрьме. Тогда впервые мы услышали, что наши сёстры попросили господина Солтани стать нашим адвокатом. Этот успешный адвокат был хорошо известен своим яростным противодействием нарушениям прав человека.

Чтобы представлять нас, ему требовалось наше письменное согласие. Он уже дважды приезжал в тюрьму «Эвин», чтобы мы подписали документы, но ему так и не разрешили встретиться с нами. В надежде обойти чиновников он прислал свою помощницу. Она добилась встречи с прокурором, господином Собхани. Когда прокурор отказал ей в разрешении на встречу с нами, она потребовала, чтобы он изложил свой отказ в письменной форме. Господин Собхани отказался, сославшись на то, что отказ в разрешении на встречу является нарушением закона, поэтому он не может выдать документ, подтверждающий его.

Открытым оставался ещё и вопрос о залоге, который прокурор установил для каждой из нас: двести миллионов томанов (около 100 тысяч долларов). Чудом нашим сёстрам удалось получить ипотеку на семейное имущество и добиться нашего освобождения до суда. Когда господин Собхани узнал, что они собрали необходимую сумму и готовы внести залог, он начал отрицать, что вообще санкционировал его, и отказался принять.

После свидания с сёстрами мы проконсультировались с двумя сотрудницами тюремной консультативной службы о получении разрешения на встречу с нашим адвокатом. Одна из них, госпожа Соруш, как оказалось, очень интересовалась нами и христианством. Мы подумали, что если кто-то и мог нам помочь, то это она. Однако, изучив наши документы, она грустно покачала головой:

— Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь. В большинстве политических дел и в некоторых редких необычных случаях, подобных вашему, нашей службе запрещено помогать заключённым.

Это было для нас очередным напоминанием о том, что всё, что с нами происходит, — в руках одного Бога. Какие бы правила ни существовали в этом сумасшедшем месте, похоже, к нам они не относились.

Марьям

Приближалось 12 апреля, праздник Пасхи, поэтому в честь нашего Господа и в память о Его доброте и величии мы с Марзие решили поститься со Страстной пятницы до пасхального воскресенья. К нам присоединилась и Сильва. Таким образом, мы втроём создали то, что мы называли «нашей общиной». Каждый день мы проводили утро вместе, молясь за заключённых, за себя и за обновление видения того,

как лучше служить Богу, пока мы в тюрьме. Наш пост произвёл в камере фурор. Одна женщина, фанатично религиозная мусульманка из священного города Кум, которая за всё время нашего пребывания в тюрьме не произнесла к нам ни слова, узнав о нашем посте, сказала:

— Молодцы, девочки, вы действительно чисты. Молитесь за нас.

Все только и говорили о нашем посте и наших молитвах. Многие просили молиться за них. В день Пасхи нас поздравляла вся камера. Женщины дарили нам подарки, которые связали или сделали в ремесленном центре.

Самый чудесный подарок из всех передала нам мать Сильвы. Во время контактного свидания, после того как она приняла пасхальное причастие в церкви, она пронесла хлеб, смоченный в вине, в тюрьму для дочери, чтобы та могла разделить его с нами. Невозможно передать словами чувство тайного причастия в иранской тюрьме. Какое сладостное общение в тот день пережила наша маленькая община с Иисусом Христом! Маловероятно, что когда-нибудь ещё в жизни мы отпразднуем такую же драгоценную и значимую Пасху.

Наш пост был внешним выражением нашей веры, которую другим женщинам было легче понять, чем Писание, богословие или принципы. И это вдохновило их и помогло заговорить с нами тем, кто раньше не решались сделать этого.

Однажды во время прогулки во внутреннем дворике ко мне подошла высокая женщина по имени Шахин.

— Я давно хочу поговорить с тобой, но всё боялась, — сказала она, — а когда увидела тебя здесь одну, сказала себе, что должна подойти немедленно. — Она дрожала от страха и постоянно оглядывалась, не подслушивает ли кто-нибудь. — То, что я скажу тебе, очень личное. Никто другой не должен об этом знать.

Когда я пообещала сохранить её тайну, Шахин продолжила:

— Я тоже христианка. Я — член домашней церкви. Сначала, когда я только уверовала в Иисуса, я рассказала о Нём своей семье. После того, как они обозлились на меня, я продолжала ходить в церковь тайком. Я сижу в тюрьме, потому что мы с мужем должны моему брату деньги. Он мог бы простить меня или, по крайней мере, внести залог, чтобы я могла быть со своей дочерью, но он хочет, чтобы мой муж выплатил весь долг. Моя соседка по камере рассказала мне о тебе и сказала, что мне нужно попросить тебя помолиться за меня.

Её соседкой была Зиба, женщина, которую мы хорошо знали. Она жила внизу, потому что была арестована по обвинению в проституции, но днём работала наверху, на нашем этаже. Зиба рассталась со своим мужем-наркоманом, но не могла развестись с ним без его разрешения. Переехав жить к знакомой, она заметила, что к ней приходили мужчины, которые называли себя родственниками. Однажды в квартиру ворвалась полиция. Именно тогда Зиба узнала, что хозяйка квартиры занималась проституцией и планировала привлечь к этому бизнесу и её. К тому времени Зиба находилась в тюрьме уже три месяца и не имела никакой возможности внести залог. Её единственной возможностью выйти на свободу был пожилой сосед её сестры, который предложил внести залог в обмен на услуги сексуального характера в рамках *сигха*, временного исламского брака. Пока Зиба отказывалась, но ей так хотелось увидеть свою маленькую дочурку!

— Пожалуйста, помолись за меня, — просила она. — Моя ситуация совершенно безнадежна!

— Если ты покаешься и будешь иметь веру, Бог поможет выйти из этой ситуации, — заверила Марзие. — Это испытание твоей веры. Если ты выберешь *сигх*, это будет означать, что ты не полагаешься на Бога.

— Но я здесь уже три месяца, — удрученно сказала женщина. — Что может измениться?

— Божьи дела удивительны, — ответила Марзие. — Он может помочь тебе таким образом, что ты и представить себе не можешь. Но сначала Он хочет увидеть твою веру. Я думаю, тебе следует просить Бога о помощи, а также молиться за соседа твоей сестры, который сделал тебе это предложение.

— Как ты думаешь, он когда-нибудь передумает?

— Для Бога нет ничего невозможного. Думаю, через две недели тебя отпустят.

И хотя Зиба была настроена крайне скептически, она искренне молилась о том, чтобы Бог дал ей способность простить соседа своей сестры, а также о том, чтобы его сердце изменилось. Мы тоже молились за Зибу. В конце концов, предсказание Марзие сбылось. Однажды утром к нам прибежала Зиба, вся сияющая от счастья.

— Я только что разговаривала по телефону с сестрой, — воскликнула она. — Вы не поверите! К ней приходил сосед, чтобы сказать, что он сожалеет о том, что предлагал мне *сигх*, и просил прощения. Чтобы

получить Божье прощение, он предложил внести залог, чтобы я могла выйти и увидеть своего ребёнка. Он сказал, что сожалеет о своём предыдущем требовании, но не может рассказать, почему передумал.

— Я уверена, что это произошло из-за твоих искренних молитв, — сказала Марзие. — Не забывай о своих обещаниях, данных Богу. Не забывай всегда возлагать свою надежду только на Него.

— Я никогда не забуду! — весело сказала Зиба. — Как никогда не забуду и вашу с Марьям доброту, и верю, что однажды вы тоже будете свободными.

— Не беспокойся о нас, — заверила её Марзие. — Придёт и наше время!

Через несколько дней Зибу освободили. Она прощалась с нами со слезами на глазах и тёплыми объятиями. Больше мы никогда её не видели.

Вскоре после Пасхи госпожа Имани, женщина, которая казалась сумасшедшей и всегда отчаянно пыталась завладеть телефоном, чтобы сделать внеочередной звонок, продемонстрировала нам, что многие заключённые на самом деле думают об исламе. Она была одной из чрезвычайно набожных заключённых, которые больше всех презирали нас за то, что мы — христиане. Она часами перебирала свои чётки и читала Коран. Теперь госпожа Имани начала подозревать, что то, что она слышала о христианстве, было неправдой, и попросила нас рассказать ей правду.

— Правда ли, что, как мне сказали, Иисус Христос верил в ислам? Верно ли, что Иисус был пророком, который обещал, что после него придёт более совершенная религия? Правда ли, что человек может верить в принципы ислама и произносить исламские молитвы пять раз в день и при этом верить во Христа?

— Нет, — ответила я, — всё это неправда!

Госпоже Имани также предоставили совершенно ложную информацию о крещении, причастии и многом другом. Неся служение благовестия, мы так часто были свидетелями того, как иранские исламские руководители, отчаянно пытаясь сдержать волну распространения христианской веры, систематически распространяют ложь, чтобы помешать людям узнать истину.

— Я подозревала, что всё именно так и есть на самом деле, — призналась она и, перейдя на шёпот, продолжила: — Двое моих детей учатся в Украине. Они стали христианами и получают много радости от христианского поклонения и христианских молитв. То, о чём они рассказывают, не похоже на то, что я слышала о христианстве.

После этого, несколько вечеров подряд, госпожа Имани задавала вопросы об Иисусе и Его церкви.

— Я люблю церковь, — сказала она наконец. — И считаю, что христиане намного лучше мусульман. Как только выйду из тюрьмы, поеду в Украину и пойду в церковь!

Однако, несмотря на свою новообретённую симпатию ко Христу, госпожа Имани не изменила своих привычек. Было ясно, что заключённые, которые казались фанатичными верующими — молились, читали Коран и часами перебирали чётки, — делали это не потому, что верили в эффективность этого, а чтобы снискать расположение тюремных властей. Ведя себя как преданные мусульманки, они получали дополнительные контактные посещения, отпуска, помилование и другие преимущества. Было много заключённых, таких как госпожа Имани, которые считали ислам пустым и ложным, но делали вид, что следуют ему, чтобы хоть немного облегчить свою участь и уменьшить давление на свою семью, знакомых, а также улучшить своё социальное положение за стенами тюрьмы. Такого рода религиозные шарady наблюдаются не только в тюрьме «Эвин». Они — составляющая жизни в Иране.

Многие заключённые исповедуют ислам, потому что считают, что у них нет выбора. Тем не менее каждый день мы видели, как действует сила Христа, привлекающая к Нему этих сломленных, напуганных, грешных людей посланием надежды, силы и прощения. А что ещё более важно, заключённые тоже ощущали Его силу.

Сильный дух, изнурённая плоть

Марзие

Внизу жила заключённая по имени Мерседе, грубоватая бандитка, руки которой были усеяны шрамами от ножей. С тех пор, как я впервые увидела её во время празднования Сиздах Бедар во дворе, я чувствовала, как Бог призывает меня молиться за эту девушку. Однажды во время перерыва я заметила, что Мерседе выглядывает во двор через окно своей камеры. Я представилась и сказала ей, что я молюсь за неё.

— И зачем? — перебила меня Мерседе.

— Не знаю. Иногда Бог просто говорит мне, что нужно молиться, и не говорит почему. Я сижу уже шесть недель по обвинению в вере в Иисуса. Можешь рассказать что-нибудь о себе?

Мерседе успела рассказать мне, что она провела в тюрьме полтора года за вооружённое ограбление, когда в камере раздался голос другой женщины.

— С кем это ты там разговариваешь? — прервала она Мерседе, высунулась из окна и недружелюбно покосилась на меня: — Кто позволил тебе говорить с этой девушкой?!

Затем она оттащила Мерседе от окна и захлопнула ставни.

Через несколько дней во дворе я поинтересовалась у Сетаре, ещё одной подруги Мерседе, что тогда произошло. Сетаре было чуть больше двадцати, у неё были густые тёмные волосы до талии, а её некогда красивое лицо было обезображено многолетним злоупотреблением наркотиками.

— Та женщина — Назанин, — объяснила Сетаре. — Она безумно влюблена в Мерседе и не позволяет никому разговаривать с ней, потому что боится, что её могут у неё увести. Мерседе никогда не выходит на улицу, потому что принимает по десять снотворных в день и весь день спит. Когда мы были подростками, мы с Мерседе были лучшими подругами, — продолжила свой рассказ Сетаре. — Я не видела её

много лет, пока не встретилась с ней в тюрьме. Назанин заставляет Мерседе безропотно повиноваться ей и контролирует каждый её шаг. Мерседе терпит это, потому что говорит, что Назанин заботится о ней. Положись на меня. Я устрою, чтобы ты смогла поговорить с ней.

— А ты сама, — спросила я. — За что сидишь ты?

— Мы с мужем — наркоманы. Нас поймали на том, что мы обворовывали машины, чтобы было за что покупать наркотики.

— Почему бы тебе не бросить это дело и не устроиться на работу?

— Кто возьмет на работу такую наркоманку с судимостями, как я? Кроме этого, я никогда в жизни не заработала достаточно даже себе на лекарства. Я тысячу раз пыталась бросить курить зелье, но никак не могу. Только и мечтаю, чтобы выбраться отсюда и раздобыть порцию *шише*¹, чтобы хоть на несколько часов оторваться от этого грязного мира и всех его грязных проблем.

— Но ведь есть другой выход, Сетаре. Ты можешь положиться на помощь Бога.

— Бог? Что за Бог! — сердито воскликнула девушка. — Когда в последний раз Он слышал наши вопли — вопли Своего несчастного народа? Мы находимся в глубоком дерьме и с головой покрыты грехами! И где во всём этом Бог?!

— Моя дорогая Сетаре, Бог слышит тебя прямо сейчас и видит всю глубину твоих страданий. Он не бросил тебя, ты оставила Его. Бог любит тебя и никогда не отворачивался от тебя.

Сетаре остановилась с озадаченным выражением лица.

— Так ты говоришь, что Бог может услышать меня и помочь мне прямо сейчас?

— Конечно, может!

Я рассказала Сетаре о своём собственном пути к вере и обстоятельствах, которые привели нас с Марьям в «Эвин». Затем я помолилась, чтобы Бог дал Сетаре светлое будущее. Она ещё раз пообещала помочь мне поговорить с Мерседе и ушла.

Поскольку у Мерседе, Сетаре и Назанин не было друзей, которые могли бы послать им деньги, на следующий день я купила угощения и передала их Сетаре через решетку окна её камеры. Она была поражена подарком и только повторяла:

— Не надо! Что ты! Не надо!

¹ Шише — кристаллический метамфетамин. — *Прим. пер.*

К тому времени, когда мне, наконец, удалось встретиться с Мерседе, я уже вкратце знала её историю. Ей было предъявлено обвинение в вооружённом ограблении, жертва которого требовала компенсацию в размере восьми миллионов томанов (около 4000 долларов), которую Мерседе никак не могла выплатить. Мужчина предлагал отозвать заявление в полицию, если Мерседе станет его сексуальной партнёркой. Она отказала, поэтому останется в тюрьме, пока не изменит своё решение.

Как только Мерседе вышла во двор и заговорила со мной, налетела Назанин и увела её. Тогда Марьям подошла к Назанин и заверила, что я не испытываю к её подруге сексуального интереса, а только хочу познакомиться с ней. Назанин согласилась встретиться с нами во дворе вместе с Мерседе и Сетаре и позволить Мерседе поговорить несколько минут со мной наедине.

Хотя Мерседе было всего двадцать, вся свежесть молодости уже давно исчезла с её, исполосованного шрамами, лица. У неё почти не было зубов, а те немногие, которые остались, были жёлтыми или чёрными. Мерседе сказала, что зубы ей повыбивали следователи, когда она впервые попала в тюрьму. Её пытали, ей разодрали рот. Она приподняла штанины и показала глубокие шрамы, оставшиеся от порки стальными тросами. У неё на руках остались шрамы от потушенных о них следователями сигарет. Её арест породил в прессе множество заголовков, наподобие: «Девушка, стоявшая за многомиллионным ограблением томанов, арестована».

Чтобы приобретать новые дозы *шише*, Мерседе с подругой одевались в вызывающую одежду и становились на оживлённых перекрестках, поджидая владельцев роскошных машин. Когда их кто-нибудь подбирал, они предлагали поехать в дом водителя, чтобы там заняться сексом. Там они накачивали свою жертву наркотиком. Как только мужчина терял сознание, девушки уходили, прихватив с собой все деньги, драгоценности и другие ценные предметы, которые им удавалось найти в доме. Иногда, когда наркотик действовал недостаточно, девушки резали себе запястья, пытаясь заставить мужчину заплатить им, чтобы они ушли. После ареста Мерседе пытали, чтобы заставить назвать имена жертв ограблений.

Постепенно Мерседе и Сетаре подружились с нами, а Назанин по-прежнему продолжала сопротивляться. После освобождения она планировала заняться производством таблеток для кашля и ожидала, что Мерседе будет ей в этом помогать. А наши беседы и молитвы ставили её планы под угрозу. Назанин давила на Мерседе, чтобы та занялась с ней этим бизнесом; но мы убедили её не соглашаться, а с помощью Господа попытаться предать своей жизни новое направление.

Мы с Марьям хотели в знак нашей привязанности к Мерседе и в напоминание о том, что Господь всегда с ней, сделать девушке подарок. Поскольку нам не разрешали контактные посещения, мы договорились, что одна из наших сестёр купит золотое ожерелье с крестом и передаст его через другого посетителя. Через несколько дней после того, как мы всё устроили (но прежде, чем мы получили крест), Мерседе встретила нас во дворе и сказала, что накануне ночью ей приснился сон о том, что кто-то подарил ей красивое золотое ожерелье с крестом. И когда мы подарили ей настоящее ожерелье, от радости и удивления она потеряла дар речи. Она рассказала, что это именно то ожерелье, которое она видела во сне.

Сияющий крест на шее Мерседе резко контрастировал с её грустным, мрачным, изуродованным лицом. Он был напоминанием о красоте и чистоте Иисуса Христа и о том, как Он сошёл с небес на землю и претерпел ужасную боль и унижение, чтобы спасти грешников этого мира. Тем не менее, несмотря на наши грехи, Он не оставляет нас на вечную погибель, а выводит из тьмы на Свой сияющий свет спасения.

Невзирая на то, что духовно мы были сильными и обладали внутренним миром и покоем, физически мы страдали вместе с остальными своими сокамерницами. Грязь, жалкое питание, плохое медицинское обслуживание, отсутствие в тюрьме физических упражнений и свежего воздуха делали практически невозможным оставаться здоровыми. Заключённые видели, как их волосы становятся тонкими и ломкими из-за недоедания, как, например, у Ширин Алам Хули; а кожа, зрение, сила и сон ухудшаются из-за ужасных условий содержания. Горе всем, кто имеет несчастье действительно заболеть — неумелое и небрежное лечение приносит больше вреда, чем пользы.

В течение большей части нашего пребывания в тюрьме «Эвин» мы с Марьям обе чувствовали себя плохо. Я с самого начала боролась с хронической болью в горле, головной болью, болями в спине и проблемами с почками. Несколько раз мне разрешили посетить клинику, находившуюся в трёх-четырёхэтажном здании, через двор от женской тюрьмы, второй этаж которой отведён пациентам-женщинам. Там я впервые увидела наркоманок из камеры № 1. Эти женщины, беззубые истощённые скелеты, были в ужасающем состоянии из-за пристрастия к наркотикам. В тюрьме им было проще купить дозу, чем на свободе, потому что её сотрудники охотно продавали наркотики, поставляемые той же организованной преступной группировкой, которая контролировала продажу продуктов в тюремном магазине.

Женщина-врач, доктор Авеста, относилась к христианам так же, как и большинство надзирателей. Каждый раз, когда я приходила на приём, она прописывала мне антибиотики, даже не осмотрев меня. В её кабинете не было почти никаких медицинских инструментов. В аптеке, которая размещалась на первом этаже, я купила выписанные доктором лекарства, однако они не помогли облегчить мои симптомы. Более того, после их приёма у меня внезапно сильно заболела голова, и мне пришлось лечь спать. Часть дня я потратила на упражнения, чтобы облегчить боль в спине. Временами спина болела так сильно, что я невольно плакала до тех пор, пока моё лицо полностью синело.

В течение многих лет мне снились эмоциональные и яркие сны, которые, как я полагаю, Господь использовал для общения со мной. Однажды ночью, когда я чувствовала себя особенно несчастной, мне приснилось, что мне в руки вбивают гвозди так, как их вбивали в руки Христа. Во сне в моей правой руке было отверстие от гвоздя, и я слышала, как Иисус сказал мне: «Я позволил тебе вкусить немного Моих страданий». Когда проснулась, я поблагодарила Бога за силу, которую Он дал мне, чтобы выжить в тюрьме, хотя сама понимала, насколько я слаба и несостоятельна и мои страдания были ничем по сравнению с теми, которые ради меня перенёс Иисус.

К тому времени, как я почувствовала себя лучше, что было исключительно свидетельством естественных целебных сил человеческого организма, а не медицинской помощи, предоставляемой иранским правительством, — Марьям сильно заболела. Всё началось с того, что

по палате № 2 распространился серьёзный вирус. Когда его подхватила «мамочка», у нее поднялась температура, возник озноб и начала проявляться инфекция глаз. А поскольку её очень не любили, никто из заключённых не хотел подвергнуть себя риску подхватить болезнь, заботясь о ней. Я была слишком больна, чтобы помочь, а Марьям ухаживала за «мамочкой», хотя ранее мы и решили держаться от неё подальше из-за её сплетен и злословия.

«Мамочка» обладала крепким телосложением и, поскольку она имела хорошие связи среди сотрудников тюрьмы, получала много свежих фруктов и сытных горячих супов. Поэтому она выздоровела в течение недели. К тому времени Марьям уже заразилась вирусом и очень страдала. Всё началось с простуды и переросло в боль в горле и ушную инфекцию, которая постоянно усугублялась. Вскоре мучительная боль в ухе заставила Марьям лежать в постели, накинув на голову одеяло, чтобы хоть немного уменьшить боль. Вместе с болью появилось головокружение. Она не могла спать. На следующее утро, когда я проснулась, Марьям так неподвижно и лежала под одеялом, и её лицо было так бледно, что я испугалась. Я начала трясти её за плечо и продолжала делать это, пока она не открыла глаза. Но когда я заговорила с ней, она не слышала ни слова.

Я быстро подбежала, чтобы сообщить об этой серьёзной проблеме надзирателям и попытаться записать Марьям на приём к врачу. Когда одна из сотрудниц тюрьмы пришла посмотреть, в чём дело, она взглянула на Марьям и отмахнулась:

— Она выглядит нормально. С ней все в порядке.

Я умоляла надзирателей в течение нескольких часов, пока они, наконец, не устали от меня и других заключённых, которые просили за Марьям.

Когда одна из надзирателей пришла, чтобы отвести Марьям к врачу, она недовольно пробормотала:

— Можно было и подождать несколько дней. Ничего бы с ней не случилось!

Потом она поймала в коридоре женщину-заключённую, работающую в помещении администрации, и приказала ей отвезти Марьям к врачу. Женщине это не понравилось, потому что как раз было время обеда. Она заставила Марьям ждать в течение получаса, пока сама пошла обедать.

Как всегда, поликлиника была забита наркоманами из отделения 1. Они напоминали африканских жертв голода. Их здоровье было слабым как от приѣма наркотиков, так и от отсутствия нормальной пищи, поскольку у них не было денег, чтобы купить себе хотя какую-нибудь еду в дополнение к жалкому тюремному харчу. Прождав длительное время на скамейке, Марьям вошла в кабинет доктора Авесты. Врач измерила ей артериальное давление и, прежде чем задать какие-либо вопросы о состоянии здоровья, первым делом спросила:

— По какой статье ты осуждена?

Тем временем Марьям могла немного слышать или хотя бы догадаться, о чём говорит доктор.

— Я здесь, потому что верю в Иисуса Христа.

— Разве это преступление? Ты, наверное, принимала участие в какой-либо противозаконной деятельности?

— Я обратилась в христианство, а обращение — это преступление.

— Да, и очень тяжкое, — доктор Авеста укорительно покачала головой. — Поскольку ты отступница, твой приговор будет суровым.

После того, как Марьям описала свои симптомы, доктор Авеста дала ей эритромицин — антибиотик, бесполезный для лечения вируса, ни один здравомыслящий врач не прописал бы его. Марьям начала принимать его, а также приняла обезболивающие, которые ей дали другие заключѣнные. Еѣ состояние только ухудшалось, поскольку инфекция распространилась и на глаза, вызвав болезненные выделения, ограничивавшие еѣ зрение только смутными очертаниями. Через два дня у неё появилась резкая боль в животе и ужасная головная боль. Волнами накатывала тошнота. Я помогала ей спуститься в туалет, где она вставала на колени на пол и в течение нескольких часов рвала. Остальные в палате молили надзирателей о помощи, а те только заглядывали на Марьям через решетку, даже не открывая дверь.

— Она очень больна, — молила я о помощи. — У неё сильная глазная инфекция, она ничего не видит!

Одна из надзирательниц посмотрела на красные, опухшие и заполненные гноем глаза Марьям.

— Она слишком много плакала. Вот почему у неё красные глаза. Успокойся. От этого не умирают. — С этими словами она ушла.

Обессилившая от рвоты, Марьям была слишком слаба, даже чтобы залезть на койку. Я, Ширин Алам Хули и ещё несколько человек

завернули Марьям в одеяла и держали её на своих коленях, сидя на полу. Ширин массировала ей голову, надеясь хоть немного облегчить боль. Через несколько дней, когда Марьям стало немного лучше, нам с другими женщинами удалось убедить надзирателей снова отвезти Марьям к доктору Авесте. После того, как она объяснила, что её беспокоит, врач сказала:

— Какая разница. Вероятно, произошло отравление лекарством, которое я дала тебе. Но ничего. Барабанная перепонка заживёт сама. — С этими словами Марьям вернули в камеру. И постепенно её тело действительно выздоровело само. К тому времени мы пробыли в тюрьме почти сорок дней.

Как только мы обе почувствовали себя лучше, мы возобновили молитву за других заключённых. Незнакомые нам женщины теперь приходили к нам регулярно.

— Мы слышали, что вы христианки и что Бог отвечает на ваши молитвы. Пожалуйста, помолитесь за нас, — умоляли они.

— Конечно, мы будем рады помолиться за вас, — всегда отвечали мы, — но мы не можем обещать, что вы будете освобождены. Если Бог хочет, чтобы вы были свободны, вы будете свободны. Но и вы сами тоже можете молиться за себя. Бог слышит вас!

Марьям

Две вновь поступившие молодые девушки, которые очень боялись тюрьмы, попросили Марзие и меня помолиться, чтобы их сразу же освободили, и были разочарованы, когда на следующий день этого не произошло. Они попросили нас помолиться ещё раз. Вместо этого мы начали приходить к ним и объяснять, что они могут сами призывать имя Иисуса и просить Его спасти их. Они думали, что быть христианкой — значит ходить в церковь и соблюдать определённые ритуалы.

— Нет, — объяснила я, — христианство — это не церковные ритуалы. Это вопрос личной веры человека в Иисуса Христа, прощения грехов и спасения по вере. — Они обе пообещали, что поговорят с Иисусом, когда останутся одни, и будут молиться, чтобы Он открылся им.

Два дня спустя девушки взволнованно сообщили нам, что их уже освобождают.

— Мы действительно верим в Иисуса Христа, — заявили они. — Он услышал нас!

Они хотели, чтобы я дала им адрес церкви. У нас не было бумаги, поэтому я написала адрес на тыльной стороне их рук. Пока я писала, имена девочек прозвучали в громкоговорителе, и их повели забирать свои документы.

Друзья предупредили меня, что персоналу тюрьмы известно, что мы молимся за людей и что нам следует быть осторожными.

— Молитва — это не преступление, — сказала я. — Мы никого не принуждаем силой. Многие мусульмане здесь молятся столько же или даже больше, чем мы, но люди предпочитают просить нас молиться за них во имя Иисуса. И это их выбор.

Мы с Марзие часто молились за Шахин, тайную христианку, которую посадили за то, что она задолжала брату денег. Мы сказали ей, что она должна простить своего брата за то, что он заявил на неё, так же как Христос простил её её грехи. Она искренне молилась, чтобы Иисус помог ей, но для неё это было очень трудно. В конце концов, она решила позвонить брату и сказать, что она простила его за то, что он держит её в тюрьме. Когда через несколько часов она позвонила мужу, то услышала от него потрясающие новости.

— Твой брат простил тебя! — воскликнул он.

И если муж пообещает выплатить долг, брат немедленно внесёт за Шахин залог. Более того, брат также извинился за содеянное, признав, что это жена заставила его так поступить. Ситуация, казавшаяся безвыходной, чудесным образом разрешилась за один день.

Обычно заключённые рады услышать свои имена по громкоговорителю, потому что это означает, что их освобождают или, по крайней мере, их дело продвигается. В то же время это могло быть признаком чего-то очень плохого, например, поездки в суд для вынесения приговора. Через шесть недель после ареста в тюрьме «Эвин» мы услышали по громкоговорителю свои имена. Это очень насторожило нас и наших подруг. Наши дорогие Сильва и Ширин сразу же прибежали к нам в камеру, чтобы спросить, знаем ли мы, почему нас вызывают в канцелярию тюрьмы. Однако мы и понятия не имели.

Мы надели *чадры*, как этого требует исламский закон, и пошли в канцелярию. Женщина за столом сказала:

— Вас переводят в отделение 209. Спускайтесь вниз и ждите, пока придёт сопровождающий.

Просто так — без предупреждения, без объяснения. Нам так и не предъявили обвинения в письменной форме и не предоставили возможности поговорить с адвокатом. Теперь нас отправляли в ужасное отделение 209, предназначенное для политических заключённых, где Сильва отбывала одиночное заключение в течение восьми месяцев, где Ширин избивали до бессознательного состояния и где ей повыбивали зубы.

Вернувшись на несколько минут в свою камеру, мы быстро попрощались с Сильвой, Ширин и другими женщинами, которых так полюбили за это время. Новости о нашем переводе пробудили в них воспоминания об их собственных ужасных муках в отделении 209, и они были в ужасе за нас. Сообщив Сильве и Ширин номера телефонов наших сестёр и попросив связаться с ними, если мы не вернёмся, мы обняли всех и спустились вниз.

Через полчаса появился пухлый бородатый конвоир средних лет, который, взглянув на нас, рявкнул:

— Наденьте *хиджабы*² как положено и следуйте за мной.

Мы надели хиджабы правильно; просто он хотел продемонстрировать свою власть над нами.

Мы проследовали за ним метров сто, пока не оказались у маленькой белой двери в здании из красного кирпича. Он приказал нам ждать и не разговаривать друг с другом. Потом он исчез внутри и через минуту вернулся с повязками в обеих руках.

— Надеть повязки! — строго приказал он. Мы надели повязки и завязали их сзади. — А теперь следовать за мной. Смотреть через повязку только на мои ноги.

Мы вошли вовнутрь и услышали, как за нами захлопывается дверь.

² *Хиджаб* — исламский головной платок, который должен покрывать каждую прядь волос женщины. — *Прим. пер.*

«Справедливость» и «Честность»

Марзие

Мы последовали за конвоиром по узкому коридору, пока он не приказал нам остановиться и повернуться лицом к стене.

— Не разговаривать! — приказал он.

Мы прождали более получаса. Когда я стояла неподвижно, у меня усиливалась боль в спине. Я пыталась переносить вес с одной ноги на другую, чтобы получить хоть какое-то облегчение. Наконец я прошептала Марьям:

— Я больше не могу стоять!

— Кто разрешил тебе говорить? — рассердился конвоир. Ни одна из нас не ответила. По сравнению с шумом в отделении 2, здесь стояла жуткая, ужасающая тишина. Никто не разговаривал. Даже шаги сотрудников казались беззвучными; мы задавались вопросом, не носят ли они специальную обувь.

Тогда прозвучал другой голос:

— Следуйте за мной. Смотрите вниз на мои туфли и будьте осторожны, чтобы не упасть.

Голос этого человека был не таким резким, как голос сопровождавшего нас. Мы последовали за ним по длинной лестнице и спустились в другой узкий коридор. Нигде не слышно было ни звука. Всё, что мы могли видеть, — это идущие навстречу нам пары обуви. Нас отвели в отдельные маленькие кабинеты, площадью около двух квадратных метров. Дверь между кабинетами была открыта, поэтому мы могли слышать голоса друг друга.

Новый голос принадлежал господину Мосавату — ещё одному чиновнику, который работал под псевдонимом; Мосават на фарси означает «справедливость». Все они при выборе профессиональных псевдонимов проявили отличное чувство юмора. Вторым мужчиной в

кабинете был господин Седагхат (на фарси Седагхат означает «честность»), следователь из отделения 209, фамилия которого была такой же, как и у начальника тюрьмы «Эвин». Господин Мосават в основном говорил спокойным, дружелюбным тоном. Он дал нам обоим список вопросов, на которые нужно было ответить в письменной форме, и ходил туда-сюда между двумя кабинетами, задавая каждой из нас дополнительные вопросы.

Он начал с меня.

— Ну, госпожа Амиризадэ, как ваши дела?

— Вы должны знать, как мои дела так же, как вы знаете обо мне и всё остальное, — ответила я. — У меня всё в порядке.

Господин Мосават сумел сохранить хладнокровие.

— Вы находились в центре заключения «Возара» четырнадцать дней, а теперь полтора месяца в тюрьме «Эвин». Конечно же, это сказалось на вас. — Я промолчала.

— Собственно, именно поэтому вы сегодня здесь. По нашей ошибке или по чистой случайности, вы были арестованы довольно экстремистской группой. Я работаю в Министерстве разведки и обычно сам занимаюсь делами заключённых христиан. К сожалению, эта экстремистская группировка завела на вас дело. Мы пытались убедить и уговаривали их передать ваше дело нам. Мы здесь, чтобы убедиться в том, что вы будете освобождены и как можно скорее вернётесь домой. Кстати, как обстоят дела с условиями содержания в тюрьме «Эвин»? Надеюсь, у вас не возникло никаких проблем?

Что за лицемерие!

— Думаю, вы хорошо осведомлены об условиях и проблемах в «Эвине», — парировала я. — И мне совершенно незачем рассказывать вам о них.

— Конечно, вы правы, — сказал господин Мосават. — Меня очень беспокоит, что такая порядочная и привлекательная девушка, как вы, оказалась в таком неподходящем месте. Вот почему я собираюсь перевести вас сюда, в отделение 209, чтобы завершить ваше дело и как можно скорее освободить вас.

— Что значит в «неподходящем» месте? — переспросила я.

— В общей части тюрьмы много преступников, и людям вроде вас неуместно общаться с ними.

— Эти преступники тоже люди, — не согласилась я. — Для нас — не проблема общаться с ними. Даже больше того, мне нравится быть с ними.

— Я полагаю, вы говорите с ними об Иисусе, — поинтересовался господин Мосават.

— Конечно. Нам с Марьям даже не приходится заговаривать с ними первыми. Поскольку обвинения против нас настолько необычны, любопытство берёт верх, и они сами приходят к нам. Они хотят знать, во что такое мы верим, что за это сидим в тюрьме. Тогда мы рассказываем им о христианстве и об Иисусе. Так что на самом деле это вы виноваты в распространении христианства в тюрьме «Эвин», потому что, удерживая нас здесь, вы способствуете тому, что люди начинают интересоваться тем, кто мы и во что мы верим.

Тут господин Мосават потерял хладнокровие.

— Нет! — сердито воскликнул он. — То, что вы делаете, это ужасно! Вы заставляете нашу молодёжь терять самобытность и отрёкаться от ислама!

— Какую идентичность даёт молодёжи нашей страны ислам? — воскликнула я. — Идентичность, которая не оставляет женщинам надежды? Не даёт выбора в жизни? Которая делает их собственностью мужей, какими бы жестокими они ни были? Которая легализует брак на один час? Которая разрушает жизнь молодых девушек, подталкивая их к проституции и наркозависимости? Которая не обеспечивает им никакого юридического представительства, когда они попадают сюда?!

— Я вижу, вы многим научились за время своего пребывания здесь, — заметил господин Мосават.

— Конечно! Не думайте, что я недовольна тем, что попала сюда. Да, условия тяжёлые. Но в тюрьме «Эвин» я узнала об Иране и исламе больше, чем могла узнать в любом университете. И это изменило мою жизнь. Теперь я совершенно другой человек!

Господин Мосават попробовал подойти с другой стороны.

— Конечно же, наши притязания касаются не только вашей веры. Я считаю, что любую религию нужно уважать. — При такой наглой лжи я не могла сдерживать саркастической улыбки. — Наша проблема в том, что вы занимаетесь прозелитизмом, проповедуете свою веру. Вы не имеете права рассказывать нашему народу об Иисусе. Я много

лет работаю над делами христиан и полностью прочитал Библию. В вашей Библии написано, что вы должны соблюдать законы страны, в которой живёте.

— В таком случае я не думаю, что вы правильно поняли послание Библии, — возразила я. — Иисус заповедал Своим последователям распространять Его евангельское послание. Когда законы человеческие и закон Христа расходятся, я следую за Христом.

— Но, госпожа Амиризадэ, вы не имеете права обращать своих сограждан в другую веру. В исламском государстве это уголовное преступление.

— Правительством обманом заставило меня прийти в полицейский участок. *Басиджи* обыскали нашу квартиру без ордера и превысили свои полномочия, конфисковав наше имущество. Всё это — незаконные действия диктатуры...

— Госпожа Амиризадэ, — перебил меня господин Мосават ледяным тоном, — вы должны понять: закон — это я, и никто не должен осмеливаться возражать мне. Вы в том числе.

— Если бы сегодня вы явился Бог и сказал, что вы должны говорить своему народу только правду, вы бы последовали Его приказу или закону Ирана? — спросила я.

— Это невозможно! — запротестовал господин Мосават. — Бог никогда не издал бы приказ, который провоцировал бы раздор или хаос среди Своего народа. В любом случае, если вы будете продолжать здесь свою деятельность, вам будет очень-очень плохо.

— Делайте, что хотите, — тихо произнесла я. — Если вы не отрежете мне язык, я буду продолжать утешать голод людей по истине об Иисусе. А если отрежете мне язык, я выучу язык жестов, но всё равно буду продолжать проповедовать Евангелие Христа!

Мой ответ привёл господина Мосавата в ярость, он едва сдерживался.

— Так что, полагаю, вы не ждёте освобождения.

— Никто не захочет добровольно оставаться в этом месте, — ответила я и твёрдо добавила: — Но я чту волю Бога выше своей собственной и знаю, что Его воля заключается в том, чтобы я попала в эту тюрьму и стала здесь свидетелем страданий и несправедливости. И сейчас вы воюете не со мной. Вы воюете с волей Бога. И придёт время, когда именно Его воля и Его истина восторжествуют!

— Мне нужно уехать на неделю, — сказал господин Мосават. — Советую вам до моего возвращения тщательно переосмыслить свою позицию. Это в ваших же личных интересах.

— Я подумаю о своей позиции, — пообещала я, — но и вам лучше тоже подумать о своей. Если вы такой знаток христианства и знаете о Библии всё, читали ли вы когда-нибудь историю о Павле?

— О каком ещё Павле?

— Если вы не знаете, кто такой Павел, вы не читали Библию. Павел, наделённый властью своего правительства, арестовывал и мучил христиан. Однажды Господь явился ему в ослепляющем свете по дороге в Дамаск и говорил с ним. После этого Павел стал одним из самых приверженных последователей Иисуса. И, в конце концов, пожертвовал жизнью ради истины Евангелия. Подумайте о том, что в течение многих лет вы преследовали христиан, как это когда-то делал Павел, и о том, что однажды вы можете, как и он, увидеть свет.

— Я подумаю об этом, — сказал господин Мосават. — Как вам кажется, почему большинство христиан выходят из тюрьмы через неделю или две, а вы всё ещё здесь?

Марьям

Пока господин Мосават допрашивал Марзие, я сидела одна в крошечном кабинете и слушала их разговор. Сидя с завязанными глазами лицом к стене, я думала обо всех женщинах, которые сидели в этом кресле до меня. Сидели ли здесь Ширин и Сильва? Вероятно, именно здесь Ширин сидела с завязанными глазами, когда её били до потери сознания.

Ожидая, я ответила на длинный список письменных вопросов, начиная с того, как и кто меня арестовал. Я приподняла повязку на глазах, чтобы лучше видеть листы, на которых писала, когда позади меня раздался шорох. В кабинет вошли два человека. Один из них взял со стола листы с вопросами и моими ответами.

— Госпожа Ростампур, — голос господина Мосавата звучал успокаивающе, — я здесь, чтобы помочь вам. К сожалению, люди, которые арестовали вас, являются фанатичной группой, и нам потребовалось время, чтобы разобраться в вашем деле и защитить вас. Это дело разведки, а не службы безопасности. Мы просим вас сотрудничать

с нами, чтобы мы могли закрыть его и как можно скорее освободить вас и вашу подругу. Госпожа Ростампур, я уже видел эти вопросы и ознакомился с ответами, которые вы дали ранее. Тогда вы признались, что владеете большим количеством Библий и активно распространяете христианскую пропаганду.

— А вы уверены, что это мои ответы? — ответила я.

— Что вы имеете в виду? Христиане не лгут!

— В отделении полиции господин Расти задавал мне вопросы вслух и сам записывал ответы на них, — объяснила я. — Меня заставили подписать заявление, но не разрешили его прочитать. Поэтому я опровергаю всё изложенное письменно, потому что не знаю, что там было написано.

Господин Мосават и человек, который был с ним, на мгновение умолкли, а затем начали обсуждать, насколько глуп господин Расти. На мгновение маска господина Мосавата упала, но тут же он снова взял себя в руки и вернулся к своей роли благодетеля.

— Если это правда, — спокойно произнёс он, — нам придётся задавать вопросы заново, а вы должны письменно ответить на них, чтобы потом не отрицать свои ответы.

— Я не против.

На этот раз у следователей возникло несколько новых вопросов.

— Почему ваша сестра дала интервью «Голосу Америки»? Она говорила правду? Вы действительно были очень больны?

Я как могла старалась скрыть удивление и волнение. Впервые за время заключения нам с Марзие стало известно о том, что кто-то извне, кроме наших сестёр и друзей, знает о нашей ситуации. «Голос Америки» — это международная общественная радиоккомпания, которая не подлежит цензуре со стороны иранского правительства, новости которой втайне слушают и смотрят люди по всему Ирану.

— Да, — сказала я, — у меня всё ещё присутствуют симптомы инфекционного заражения, и мой слух всё ещё нарушен. Если бы моя сестра была здесь, а я — на её месте, телеинтервью было бы наименьшим из того, что я бы сделала, чтобы она вышла на свободу!

— Вам известно, что разговаривать с иностранными тележурналистами — это преступление?! — строго пригрозил господин Мосават. — Мы можем посадить её за это. Но мы понимаем, что она сделала это только из заботы о вас. Нам известно, что она также член

церкви и приняла крещение. Будьте уверены, если бы мы собирались арестовать её, мы бы уже это сделали.

Внезапно он засуетился и начал казаться обеспокоенным.

— Если вы всё ещё плохо себя чувствуете, можете обратиться к врачу здесь, в отделении 209.

— Нет уж, спасибо. Во 2-м отделении я уже получила столько медицинской помощи, что мне хватит надолго.

— Вы выглядите расстроенной. Что они там сделали с вами? Скажите нам, и мы проведём служебное расследование.

— Вы прекрасно осведомлены о ситуации и в «Эвине», и в «Возаре» — о недоедании и о плохом обращении с заключёнными. Зачем же притворяться таким невежественным? Здоровье и жизнь заключённых для вас ничего не значат.

— Они осуждённые, — отрезал господин Мосават, прерывая меня, — и с ними следует обращаться как с таковыми! С другой стороны, вы двое — уважаемые дамы, которых нельзя держать вместе с заключёнными. Если бы нам стало известно о вашем задержании, когда вы находились ещё в «Возаре», мы бы доставили вас сюда гораздо раньше. Меня не интересуют другие заключённые, — продолжил он. — С вами когда-нибудь обращались плохо? Есть что-нибудь, о чём вы хотите сделать заявление?

— Прежде всего, — сказала я, — эти «другие заключённые» — такие же люди. И не все они виновны в том, за что осуждены. Вы, кажется, мысленно уже осудили их всех, но большинства из этих людей здесь вообще быть не должно. Эта репрессивная система окрестила их преступниками за то, что они боролись за свободу и право думать, как им заблагорассудится — самое основное из прав человека. Заведующая культурным центром кричала, что нам нельзя заниматься в кружках, потому что мы вероотступники и заслуживаем только казни. Мы с подругой неоднократно болели, и нам отказывали в медицинской помощи только потому, что мы христиане. Даже когда меня отравили медикаментами, мне никто не помог.

— Это невозможно! — воскликнул господин Мосават. — Как можно не доставить к врачу отравленного человека?

— Восемьдесят заключённых подтвердят, что всё было именно так.

— Мы обязательно разберёмся! — господин Мосават ненадолго замолк. — Однако Иисус Христос учит прощать, так что давайте забу-

дем об этом... Не знаю, почему ваше дело заняло так много времени. Здесь побывали гораздо более важные люди, чем вы — священники и епископы, но ни один из них не оставался больше недели. Мы переведём вас обеих в отделение 209 уже на следующей неделе, хотя, если вы недовольны камерой № 2, мы можем перевести вас прямо сейчас.

— Спасибо, но я предпочла бы остаться с «преступниками». Они мои друзья и мне с ними комфортнее.

— Хорошо. Я изучу ваше дело. Сегодня утром его доставили из полиции. Мы были так потрясены вашим делом, что я целую ночь не мог уснуть и всё думал о вас.

Я подавила саркастический смех и улыбнулась только глазами под повязкой.

— Я знаю, что вы мне не верите. — Казалось, господин Мосават, читал мои мысли. — С вами так плохо обращались, что вы потеряли доверие к органам власти. Но мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы освободить вас как можно скорее. В течение следующей недели найдите время, чтобы пересмотреть свою позицию.

Марзие

Наши отдельные допросы длились три-четыре часа. Когда мы вышли на улицу и нам разрешили снять с глаз повязки, было уже темно. Мы проследовали за конвоиром через двор к женской части тюрьмы и скоро уже были в камере № 2. Он передал надзирателю приказ поместить нас в разные камеры и не разрешать разговаривать друг с другом даже во время прогулок. Таким образом господин Мосават наказал нас за то, что во время допроса мы стояли на своём. Одна из нас попала в самую грязную и прокуренную камеру вниз. Мы были полностью истощены допросом. Кроме того, мы обе всё ещё были больны. Каждая из нас хотела позволить другой остаться наверху с нашими друзьями. В конце концов, я самым решительным образом настояла, что вниз пойду я, и отправилась жить с проститутками. Конечно же, это была возможность засвидетельствовать им. Месть господина Мосавата открыла дверь, чтобы донести Евангелие Христа до совершенно новой и ранее недостижимой для нас аудитории.

В то время, как Сильва, Ширин и другие наши подруги приветствовали возвращение Марьям в нашу камеру, мне пришлось привыкать к

новому окружению на первом этаже. Вся наша общая с Марьям посуда и еда были наверху, и наша подруга Арезу поспешила принести мне кое-что из продуктов, одеяла и кое-что ещё. Спустившись на наш этаж, она пошла прямо к ответственной за первый этаж, госпоже Нироманд.

— Марзие — наша подруга, и мы будем время от времени навещать её. Её перевели сюда на некоторое время, но, если с ней что-нибудь случится, мы будем знать, кто в этом виноват!

Проведя в тюрьме уже два года, Арезу не стеснялась разговаривать с теми, кто находился у власти, особенно если этими людьми были сами заключённые.

— Не волнуйся, моя дорогая, — заверила Арезу госпожа Нироманд. — Я о ней позабочусь.

Пока я устраивалась, в камеру вошли Мерседе и Сетаре. Увидев меня, они закричали от радости и бросились обнимать меня. Сетаре предложила мне немного фруктов, отчасти в благодарность за все маленькие угощения, которые я передавала ей в течение всего времени пребывания в этой тюрьме.

Вскоре мне стало очевидно, что здесь женщины относятся друг к другу иначе, чем в камерах наверху. Заключённые на втором этаже, как правило, находятся в лучшем финансовом положении, но очень эгоистично относятся к своему имуществу. Внизу же большинство сокамерниц крайне бедны, но тем не менее охотно делятся всем, что имеют. Камеры здесь гораздо темнее и мрачнее, чем наверху, и женщины говорят только шепотом; однако атмосфера — гораздо более тёплая, дружественная и доверительная: никаких сплетен, никакого стукачества властям, только взаимопомощь и поддержка.

Но даже несмотря на это, суровость тюремной жизни была реальной. Во время ужина в первый же мой вечер на первом этаже две заключённые подрались между собой. Мерседе хотела вмешаться, но я оттащила её. В камеру влетела госпожа Нироманд, разняла дерущихся и сильно ударила их обеих. Они сразу же успокоились.

После еды несколько женщин перевернули свои тарелки и стали бить по ним, как по барабанам. Другие начали танцевать; к веселью присоединилась даже сама госпожа Нироманд. Это зрелище — танцующие и веселящиеся женщины — было неожиданным сюрпризом, который очень поднял мне настроение. Они умели извлечь из жизни радость, даже тогда, когда она казалась крайне унылой и безнадёжной.

На следующий день во время прогулки я увидела Марьям, хотя поговорить нам не удалось, потому что надзиратели строго соблюдали приказ препятствовать каким бы то ни было контактам между нами. Но наши друзья передавали нам сообщения друг от друга. Однако на следующий день мы всё же осмелились сделать попытку пообщаться, несмотря на запрет. К нашему удивлению, никто нам не препятствовал. Мы даже смогли вместе пообедать и почитать газеты на улице. К нам присоединились Сильва, Ширин и ещё несколько женщин. С тех пор после обеда мы стали каждый день выходить и раскладывать свои газеты. Со временем к нам присоединялось всё больше женщин, так что вскоре вокруг нас ежедневно собиралось пятнадцать и больше заключённых. Некоторые приносили еду и чай и устраивали импровизированный пикник. Мы вели с ними долгие и содержательные беседы и отвечали на бесчисленное количество вопросов о нашем личном пути к вере. Вскоре наш «пикник» превратился во что-то подобное собранию поклонения. Так наша тюрьма стала нашей церковью.

Жизнь внизу предоставила мне много возможностей поговорить с Мерседе, Сетаре и Назанин. В конце концов я убедила Назанин рассказать Марьям о своих отношениях с Мерседе.

Марьям

Через день или два во время прогулки, пока Марзие разговаривала с Мерседе, у меня была возможность поговорить с Назанин.

— Почему ты так ревностно относишься к Мерседе? — поинтересовалась я.

— Я терпеть не могу, когда она разговаривает с кем-либо, кроме меня, — сказала Назанин.

— Между вами есть гомосексуальные отношения?

— Нет. Раньше были, но теперь Мерседе больше не хочет. С тех пор, как её пытали. Но я так люблю её!

— Как ты думаешь, одобряет ли Бог романтические отношения людей одного пола?

— Не знаю. Но разве вы с Марзие не любовницы? Разве она не ревновала бы, если бы я держала тебя за руку?

— Мы с Марзие живём в одной квартире и очень любим друг друга. Но это не романтическая любовь. Мы не испытываем друг к

другу чувства влечения или собственничества. Во многом мы очень разные и позволяем друг другу делать то, что другому угодно. Мы постоянно разговариваем с молодыми людьми, такими как Мерседе, но для того, чтобы рассказать им об Иисусе, а не с целью вступить с ними в сексуальные отношения.

В течение всего разговора Назанин, как ястреб, наблюдала за Мерседе, бросая на неё ревностные взгляды через весь двор.

— Ты всё ещё сердись на Мерседе за то, что она разговаривает с Марзие? — спросила я.

Назанин закурила. Вдруг она задрожала и заплакала. Я взяла её за руку.

— Бог понимает твои чувства...

— Нет, не понимает! — воскликнула она. — Он меня не любит! Он мне никогда не помогал! Я ненавижу людей, и всё, что у меня есть, — это Мерседе. Если я потеряю её, то потеряю единственную надежду, которая у меня осталась в жизни!

— Почему ты ненавидишь мужчин?

— Я не всегда была лесбиянкой. У меня был парень, которого я очень любила. Потом меня изнасиловал отец. После этого я больше не могла иметь отношения со своим парнем. Я ненавижу себя. Я ненавижу своего отца. Я ненавижу всех, кроме Мерседе, и хочу спасти её.

Несколько минут мы стояли, держась за руки, не проронив ни слова. Назанин только плакала и смотрела на Мерседе. В тот миг я думала о своём собственном отце, который сильно любил меня и которого я безумно любила. Как бы мне хотелось, чтобы в своём прошлом и Назанин познала такую же любовь и такие же мир и безопасность, какие дарует любовь. Я молилась, чтобы она ощутила чистую отцовскую любовь Небесного Отца, чтобы доброта и милость Христа окружали её со всех сторон. Трудно было сказать, приняла ли моя собеседница мои слова или нет.

На первый этаж привели девушку, которую мы никогда раньше не видели, и Марзие имела возможность поговорить с ней в первый же вечер. Мы обе встретили её и на следующий день во время прогулки. Ей было около двадцати, и была она очень худой, тихой и вежливой. Она казалась необычайно аккуратной и осторожной в отношении

своей одежды и манер. Она держалась особняком и выглядела очень одинокой. Мы узнали её душераздирающую историю от Арезу.

Девушку звали Зейнаб Назарзадэ, она была из провинциального городка и просидела уже три года по обвинению в убийстве. Совсем ещё в юном возрасте она была вынуждена вступить в брак по расчёту со своим двоюродным братом. С самого первого дня он избивал и унижал её. Никто не мог ей помочь, а развод, которого в провинции трудно добиться даже при самых благоприятных обстоятельствах, без согласия её мужа был и вовсе невозможен. Однажды, когда муж напал на Зейнаб и ударил её, она бросила в него молоток для дробления льда, который держала в руке. Он попал ему в голову, и муж упал замертво. Тётя написала заявление в полицию, требуя казни племянницы за смерть своего сына.

Закон в Иране — на стороне потерпевших. Они могут выдвинуть обвинение, согласиться на какую-либо компенсацию или же полностью снять обвинения. Это означает, что в соблюдении закона нет последовательности и ответственности можно избежать, а можно подвергнуться ответственности за то, что человек не совершал. Правовая система страны основана на мести, а не на справедливости. Таким образом, в обмен на жизнь сына тётя Зейнаб потребовала лишить жизни племянницу.

Мы изо всех сил молились, чтобы тётя передумала или чтобы кто-нибудь встал на защиту Зейнаб. За три года заключения она не видела адвоката, потому что не могла позволить себе нанять его. За три года у неё не было ни одного посетителя. В тот вечер мы заметили, что женщины уделяют ей особое внимание и пытаются угодить ей.

На следующий день в десять часов вечера по громкоговорителю прозвучало имя Зейнаб. Её вызывали в административный корпус. Это очень напугало друзей девушки. После поступления приказа о приведении в исполнение смертного приговора заключённую переводят в одиночную камеру, где она проведёт свою последнюю ночь. Обычно это главный, а в общем-то и единственный признак того, что казнь вот-вот состоится.

Через несколько часов нам сообщили, что тетя Зейнаб приняла её извинения, простила её и забрала заявление. Наш праздник радости длился до поздней ночи. Однако сведения оказались ложными. На следующее утро, проснувшись от звуков *азана*, призыва к утренней

исламской молитве, мы узнали, что вскоре после полуночи Зейнаб казнили через повешение; её тетя потребовала «честь» выбить из-под ног племянницы стул. Казнь следовало произвести после полуночи, но до того, как прозвучит *азан*.

Тюремные власти распространили слухи о том, что Зейнаб жива и выходит на свободу, опасаясь, что, как только заключённым станет известно о том, что на самом деле произошло, в тюрьме начнётся восстание.

Госпожа Нироманд рассказала, что перед смертью она успела сообщить Зейнаб, что её мать не приходила навестить её, потому что она умерла от сердечного приступа в день её ареста. Она сказала, что Зейнаб радостно шла навстречу смерти, потому что смерть воссоединит её с матерью. За три года заключения девушка ни на что не жаловалась и никогда не молила о помиловании, никогда не просила сохранить ей жизнь. Госпожа Нироманд сказала, что во время её казни плакали даже надзиратели.

Это была первая казнь человека, которого мы знали. У меня нет слов, чтобы передать пережитые нами боль и горе. Этот акт несправедливости и зла невозможно описать словами. В течение многих лет она находилась в заключении в браке, который был кошмаром жестокого обращения, вынуждаемая законом оставаться в нём несмотря на то, что он ставил сексуальное удовольствие мужчины выше самых основных прав человека — права иметь человеческое достоинство. Таков закон нашей страны. Зейнаб убила мужа в попытке защитить свою жизнь, когда он напал на неё. По делу не было проведено ни расследования, не было даже намерения установить подлинные факты, не было принято ко вниманию ужасные обстоятельства, которые заставили женщину совершить непреднамеренное преступление с целью самообороны. Её муж был убит непреднамеренно; её же саму убили преднамеренно.

Двумя днями позже заключённые провели исламскую поминальную службу по Зейнаб. Стоя вокруг её пустой койки, они молились, а по их щекам ручьями текли слёзы. Друзья раздали еду беднейшим заключённым в качестве милостыни в память о погибшей. Мы с Марзие и Сильвой также присутствовали на поминках. Женщины-мусульманки снова и снова благодарили нас за то, что мы пришли их поддержать, хотя мы христианки. Конечно же, мы и сами хотели

принять участие в поминальной церемонии. Наши сердца разрывались на части из-за трагической несправедливости и смерти Зейнаб. Печальная и одинокая жизнь этой милой девушки не должна была закончиться так трагически.

Варварская казнь Зейнаб как нельзя лучше продемонстрировала весь ужас правления радикального исламского режима. Её пример, такой наглядный и отрезвляющий, является олицетворением жизней, к которым миллионы женщин приговорены деспотическим правительством Ирана. Любому, кто говорит, что ислам — религия мира и равенства, нужно провести хотя бы неделю с узниками тюрьмы «Эвин». Бедная, незащищенная Зейнаб! В соответствии с исламской традицией и против собственной воли, она вышла замуж в подростковом возрасте. Муж с самого начала их совместной жизни избивал и оскорблял её, действуя безнаказанно, также в соответствии с исламской традицией. Женщине было отказано в любой законной возможности избежать жестокого обращения, также в соответствии с исламской традицией. И даже в заключении, в соответствии с исламской традицией, ей было отказано в праве воспользоваться помощью адвоката. Вся её жизнь зависела лишь от прихоти разгневанных родственников мужа, которые сами же, вероятно, и устроили этот брак, также в соответствии с исламской традицией.

Как жестока культура, которая базируется на унижительном обращении и легализирует убийство беспомощных женщин! Жестокость, бессердечие, безнравственность, и всё это — во имя Аллаха!

Правительство Ирана обоснованно боится Иисуса, потому что Он бесконечно могущественнее его — и оно хорошо это осознаёт! Тем не менее на данный момент правительство правит при помощи силы и террора, любой ценой сдерживая распространение истины, навязывая своему народу религию, которую оно может контролировать и использовать в своих целях.

Вечная память драгоценной Зейнаб Назарзадэ. И да избавит Бог иранский народ!

Завязанные глаза и благословения в отделении 209

Марзие

Мы прожили неделю на разных этажах в отделении 2, когда нас снова перевели в отделение 209. Мы не знали, ожидать ли такого же обращения, как ранее, или этот перевод положит начало нашим пыткам. Мы слёзно попрощались со своими друзьями. Особенно плакали те, кто уже бывали в отделении 209 и знают, что там могут сделать с заключённой. Мы собрали свои немногочисленные пожитки и нас повели через тюремный двор к кирпичному зданию с маленькой дверью. На глаза надели повязки и провели внутрь.

После того, как мы прошли по коридору, всматриваясь через повязки в пол и стараясь запомнить дорогу, нас затолкали в крошечную камеру площадью около двух квадратных метров — размером со шкаф. Нам приказали снять повязки и всю одежду, а затем выдали мужские тюремные робы, которые висели на нас, как мешки на вешалках. При виде друг друга мы не смогли удержаться и расхохотались.

— Прекратить! — приказала сотрудница тюрьмы, здоровенная женщина лет сорока, в очках. — Соблюдать тишину! Здесь такие правила. Говорить разрешается только шёпотом. Не кричать и не стучать в дверь. Когда нужно в туалет, нажмите кнопку на стене, и кто-нибудь подойдёт, когда сможет.

Она оставила нас осматривать свою новую обитель, только смотреть там было не на что. Пол устилал грязный ковёр. В углу валялись несколько таких же грязных одеял. Единственной мебелью была небольшая металлическая раковина. В высоких стальных стенах, выкрашенных в белый цвет, не было окон. Немногочисленные свет и воздух пробивались через вентиляционную шахту в потолке, закрытую металлической решёткой, которая блокировала их свободное поступление. Скоро нам предстояло узнать, что лампочка на потолке горит днём и ночью. Мы сели и тихо заговорили. Вокруг не было

слышно ни звука — как отличалось это место от постоянно шумного отделения 2! У нас не было ни вязания, ни чтения. Ширин и Сильва подсказали нам постучать по стенам, чтобы узнать, слышат ли нас другие заключённые и ответят ли они. Сначала ответа не последовало, однако со временем прозвучал ответный стук.

Через миг дверь камеры открылась и в проёме появилась молодая, крупного телосложения надзиратель, которая стояла и молча смотрела на нас. Мы рухнули на пол от смеха — мы не собирались позволить тюрьме лишить нас чувства юмора. Нам оно было необходимо, чтобы выжить.

— И что это вы делаете?! — рявкнула надзиратель. — Ещё раз постучите — будете наказаны! — Она захлопнула дверь и исчезла.

Спустя какое-то время вошла высокая молодая надзиратель с пластиковыми тарелками с едой, на которых лежали приличные фрикадельки, всё ещё горячие! Впервые с момента ареста нам дали хорошую горячую еду, да ещё и на тарелках. Сильва говорила нам, что в отделении 209 кормят лучше, потому что там содержат политических заключённых и об обращении с ними может стать известно за пределами тюрьмы. Хотя это, как и всё остальное в иранской системе правосудия, лишено всякого смысла. Нас вот-вот начнут пытать, но, по крайней мере, хорошо кормят.

Сочетание горячей еды и тихой обстановки сыграло свою роль. Мы почувствовали сильную усталость и вскоре погрузились в глубокий сон. Мы проснулись, когда нужно было сходить в туалет. И хотя мы несколько раз нажимали на звонок, за нами так никто и не пришёл. Наконец мы забарабанили в дверь и через минуту в камеру влетела начальник смены.

— Вы знаете, сколько времени? — спросила она.

— Понятия не имеем, — ответила я. — Откуда нам знать. Какой сейчас час?

— Сейчас три часа ночи!

— Очень жаль. Мы не знали. Но звонок не работает.

— Это не звонок, — объяснила начальник смены. — Это светосигнал. Вот, завяжите глаза.

Мы закрыли глаза и проследовали за ней по коридору.

За исключением завтрака в 7:00 утра, других приёмов пищи, посещения туалета или душа, нашими единственными занятиями были

разговоры и сон. Чтобы скоротать время, мы много спали. Раз в два-три дня нам разрешалось выйти на «прогулку» в большую комнату с не закрытым решёткой окном в потолке, однако мы отказались от этой «привилегии» в знак протеста против того, что нас держат в крошечной камере без окон, а также против отсутствия книг и других занятий. Мы придумали для надзирательниц прозвища, основываясь на своих впечатлениях о них: «Мама» — добрая пожилая женщина, которая была начальником смены и обычно приносила нам еду; «Тётя», невысокая, полная, смешная женщина; «Сестра», ещё одна пухленькая девушка-надзирательница; «Железная Женщина», у которой на зубах стояли скобы; «Ворчунья», которая всегда была в плохом настроении; «Призрак», которая никогда не произносила ни слова и никогда не делала лишних движений и шагов.

Через несколько дней нас перевели в другую маленькую камеру такого же размера, как и прежняя, в которой нам двоим не хватало места даже чтобы лечь; теперь же делить свою обитель приходилось ещё с одной сокамерницей, Мунис, которая находилась в отделении 209 уже три месяца. Именно она и её бывшая сокамерница, Роксана Сабери, ответили на наш стук в день перевода сюда. Роксана была ирано-американской журналисткой, ложно обвинённой в шпионаже и приговорённой к восьми годам тюремного заключения. Наша подруга Сильва познакомилась с ней, когда находилась здесь, и посоветовала нам сразу же разыскать её. Однако к тому времени из-за давления со стороны международного сообщества, в том числе и американского президента Барака Обамы, Роксана была уже освобождена. (Позже она написала книгу воспоминаний *«Между двумя мирами. Жизнь и заключение в Иране»*.)

Мунис была издателем и лидером идеологической группы «Аль-э Ясин», основанной на исламе, но уважающей все религии. Позже в тот же день в нашу камеру привели четвёртую заключённую, девушку лет шестнадцати с красивыми длинными чёрными волосами. Когда они с Мунис увидели друг друга, то сразу же с восторженными возгласами бросились обниматься. Они были знакомы раньше, но потом помещены в одиночные камеры. Новую девушку звали Махтаб. Она отбывала заключение за принадлежность к организации *моджахедов*. Махтаб

была задержана, когда гуляла в парке со своим женихом. Она считала, что таким образом режим оказывает давление на её отца, который провёл в «Эвине» уже год, а её мать и десятилетний брат брошены на произвол судьбы. И хотя отец Махтаб находился в отделении свободного режима, дочери разрешили увидеться с ним только раз.

Мунис и Махтаб подвергались интенсивным допросам, пока находились в одиночных камерах. Те камеры были в два раза меньше той, в которой находились мы, там не было достаточно места даже чтобы сесть. Во время допроса Махтаб следователь сидел рядом с ней, раздвигая ноги и делая недвусмысленные движения телом. У девушки хватило здравого смысла сказать ему держаться от неё подальше. Она хотя и была молода, но знала, как постоять за себя.

— Мы слышали, что в отделении 209 содержатся особо опасные высокопоставленные политические заключённые, — как-то сказала я. — Кто бы мог подумать, что эта девочка-подросток представляет угрозу национальной безопасности нашей страны!

Когда на этот раз мы рассмеялись, ни одна из надзирательниц не пришла, чтобы заставить нас сидеть тихо.

— Перед тем, как меня перевели в эту камеру, — сказала Махтаб, — мне сказали, что я буду с двумя девушками, которые бежали из дома и обратились в христианство. Следователь приказал мне убедить вас отречься от вашей и вернуться в ислам.

Мы не могли удержаться от смеха:

— Мы не беглецы и не бросили свои семьи. Твой следователь пытался сформировать у тебя ложное представление о нас ещё до того, как мы познакомимся.

На миг мы заподозрили, что она послана шпионить за нами; но вскоре поняли, что она храбрая, очень честная и наивная девушка. Следователь приказал ей изменить нас, но, в конце концов, Бог сделал так, что моё свидетельство изменило её. Со временем Махтаб стала христианкой.

Теперь, когда нас было четверо, в камере больше не было места, чтобы лечь. Воздух стал густым и душным. Мы все старались устроиться поудобнее. Еле втиснув свои матрасы на пол, мы, измученные, заснули крепким сном полусидя.

Марьям

На следующий день мне завязали глаза и перевели в другую камеру, снова разделив нас с Марзие. Моей новой сокамерницей стала Фереште, женщина средних лет с короткими растрёпанными волосами, похожая на ходячий скелет. У неё были большие запавшие глаза, которые резко контрастировали с совершенно белой кожей, а тёмные кровоточащие десны свидетельствовали о длительных периодах недоедания в тюрьме. Всё её тело содрогалось и хрипело с каждым вдохом, она была так слаба, что голос её был почти беззвучным.

— Не садись здесь, — сказала Фереште обеспокоенным тоном, когда я сделала шаг по направлению к ней в крохотной камере. — Сядь на одеяло в своём углу. Они наблюдают за нами через камеру слежения и могут нас слышать.

— Не волнуйся, — попыталась успокоить её я. — Я не думаю, что для них это так важно.

— Ты не знаешь этих отморожков! Ты такая наивная.

Чтобы не расстраивать Фереште, я села в своём углу, и мы начали тихо беседовать. Когда я рассказывала о том, что была арестована за то, что я христианка, Фереште предостерегла меня, чтобы я молчала и была осторожна в своих словах, иначе меня заберут, и она снова останется одна. К тому времени, как я закончила свой рассказ, Фереште достаточно успокоилась, чтобы рассказать о себе.

— Я провела здесь в одиночной камере около трёх месяцев, — начала она тонким тихим голосом. — До вчерашнего дня меня допрашивали каждый день. Я уже месяц голодаю, пью только чай в знак протеста против обращения со мной. Меня обвиняют в принадлежности к *моджахедам*, но я не являюсь членом ни одного движения или политической партии. Моё преступление состоит только в том, что я — мать, которая любит своих детей и хочет поддерживать с ними связь. Две мои дочери живут в лагере *моджахедов* «Ашраф» в Ираке. После моего прошлогодного посещения мы поддерживали связь только по телефону и электронной почте.

Однажды, возвращаясь домой из интернет-кафе, я увидела нескольких мужчин, ожидающих у двери нашей квартиры. Я сразу же поняла, что они из разведывательной службы. Я позвонила мужу и рассказала ему. Он приехал, и мы спрятались на улице, чтобы понаблюдать за мужчинами. Мы знали, что нам нужно решать: оставить

всё и бежать из страны прямо сейчас или встретиться с агентами и попытаться во всём разобраться. Мы решили понадеяться на справедливость правосудия. Они обыскали нашу квартиру, арестовали нас и бросили в разные камеры.

До вчерашнего дня меня допрашивали по семь-восемь часов ежедневно. Меня не пытали, только избивали и сильно били по голове так, что у меня до сих пор ужасные головные боли. У меня рассеянный склероз. Я слишком слаба, чтобы быть политическим активистом, слишком слаба, чтобы вынести всё это. Вот почему меня всё время трясёт. Врач говорит, что, если меня не лечить, я скоро буду парализована и слепа. Но у этих подлых, бесчеловечных существ совсем нет совести. Были времена, когда я думала, что не выдержу больше ни дня. Я пыталась свести счёт с жизнью, но была слишком слаба даже для этого. Следователи угрожают мне, что я либо умру от болезни, либо покончу с собой, но не выйду из отделения 209 живой.

— Дорогая Фереште, — печально сказала я, — почему власти так строго наказывают тебя за то, что ты переписывалась со своими детьми?

— В студенческие годы я была политической активисткой и писала политические статьи, — ответила Фереште. — Я хотела сделать что-нибудь хорошее для своей страны и своего народа. Тогда мне было двадцать два... Через три недели после свадьбы меня арестовали и приговорили к пяти годам заключения. Меня отправили в тюрьму «Гезель Хесар» в Карадже вместе с другими женщинами, членами разных организаций, включая студенческую ассоциацию «Дафтар Тахким Вахдат». В течение месяца мой муж не знал, где я, и думал, что меня убили. В Карадже нас раздели догола, завязали глаза и поместили в холодный пустой зал. По одному нас забирали на допрос и пытки. Некоторых женщин, особенно молодых, симпатичных, насиловали; других избивали кабелями; третьих, в том числе и меня, били по голове до сотрясения мозга и кровотечения из носа. Тогда у меня проявился рассеянный склероз. Меня били по ступням, так что я не могла ходить и стоять по несколько дней. Мне на голову выливали ведра с кипящей водой. Некоторых из нас с завязанными глазами заводили в камеру казней, где трупы всё ещё висели в петлях и заставляли часами ходить по ней, не останавливаясь. Когда мы натыкались на висящее тело, нам объявляли имя этого человека. Мой муж наконец узнал, где я нахожусь, и пришёл ко мне. «Забудь

обо мне, — сказала я ему. — Иди и живи новой жизнью». Через год меня перевели в «Эвин», и здесь я провела ещё четыре года. К тому времени большинство моих друзей были замучены до смерти или казнены. Когда меня отпустили, я вернулась к мужу. Прости, что я так много говорю. Мне так давно не с кем было поговорить, и я держала всё это в себе. Мне кажется, что сейчас я взорвусь! С той минуты, когда я впервые увидела тебя, я молилась, чтобы Бог поместил тебя сюда со мной, потому что видела, как ты улыбаешься из-под повязки.

— Милая Фереште, можно я помолюсь за тебя? — спросила я.

Фереште засмеялась — из её трупного тела раздался странный звук.

— Конечно. А почему бы и нет? Я люблю христиан.

Я села рядом со своей новой подругой и помолилась за неё и за её семью. Когда я закончила молиться, Фереште под села ко мне и положила голову мне на грудь. Так мы молча просидели некоторое время.

— Думаю, тебе не повезло, что тебя посадили со мной, — сказала, наконец, Фереште. — Но мне очень повезло, что Бог послал тебя ко мне.

— Пожалуйста, не говори так, — ответила я. — Если бы мне пришлось пройти через то, через что прошла ты, я была бы в гораздо худшей форме.

Я попросила Фереште съесть хоть что-нибудь из обеда, что она и сделала. А вечером она съела и весь ужин. После обеда надзиратель принесла ей горсть снотворного.

— Мне необходимо принять это из-за моего состояния, — объяснила она. — Прости, но как только я приму их, я не смогу долго разговаривать.

Верная своему слову, Фереште заснула в течение получаса. А я, слишком взвинченная, чтобы уснуть, попыталась расслабиться, ходя по камере: два шага вперёд — два шага назад. Но от этой ходьбы вскоре у меня закружилась голова. В течение нескольких часов я сидела, глядя на белые стены, и размышляя о всей душевной боли, несправедливости и агонии, свидетелями которых были эти стены, и о женщинах, таких как Фереште, которым пришлось всё это пережить. Я думала о пролитом здесь океане невинной крови, о юных жизнях, подобных жизни Зейнаб, отобранных здесь силами зла. Наконец усталость милостиво одолела меня, и я заснула чутким и беспокойным сном.

На следующее утро после завтрака я нажала кнопку, чтобы меня отвели в туалет. Пришла надзиратель, завязала мне глаза и повела по коридору. В уборной мне разрешили снять повязку. Моё внимание привлекло отражение сбоку от раковины. Между тазом и стенкой был воткнут крест, сделанный из фольги с крышки стаканчика из-под йогурта. *Марзие оставила мне сообщение!*

Если она пользовалась этим же туалетом, значит, что она тоже на этом этаже. Моё сердце исполнилось радостью. Я спрятала крест в карман и снова надела на глаза повязку. Как мне не терпелось рассказать об этом Фереште!

Позже в тот же день я смастерила такой же крест и оставила его на том же месте в уборной. Когда я услышала, как кто-то из соседней камеры возвращается с туалета, кашляя и волоча тапочки, как это всегда делала Марзие, я поняла, что это, должно быть, она кашляет, чтобы сообщить мне, что получила моё сообщение. Я сделала несколько попыток постучать по стене, и быстрый ответ подтвердил, что Марзие была совсем рядом.

Во время следующего похода в туалет мне не терпелось поскорее проверить тайник сбоку от раковины, чтобы найти ещё одно сообщение. На этот раз там лежала записка из вырванных из газеты букв, приклеенных к куску ткани зубной пастой: «Как дела, с кем ты?».

Находка необычайно обрадовала меня и теперь мне нужно было найти способ ответить. Единственной бумагой в моей камере был Коран Фереште, который я ни за что не осмелилась бы повредить. Осматривая пустое маленькое помещение, я увидела на краю раковины в углу тюбик с зубной пастой, который всё ещё был в картонной коробке. Я вскрыла картонную коробку, вынула тюбик, и расплющила её, а затем нанесла тонкий слой зубной пасты на внутреннюю поверхность картона. Когда паста высохла, я ногтем нацарапала ответ: «Хорошо. С Фереште». При следующем посещении туалета я спрятала записку за раковиной.

Наша тайная система связи просуществовала всё то время, пока мы были разделены друг с другом. Мы писали зубной пастой записки, отправляли друг другу кресты, звездочки и цветы, сделанные из крышечек от йогурта и апельсиновых корок. Однажды, когда кто-то

из надзирателей обнаружил одну из наших записок, нам стали угрожать, но мы всё равно продолжали вести переписку, и Бог защищал нас каждый раз.

Марзие

После того, как мы с Марьям расстались, я много думала о том, как же мне узнать, находится ли она всё ещё рядом. У меня не было бумаги и нечем было писать, поэтому о записке не могло быть и речи. Я поделилась своими мыслями с Мунис и Махтаб, и они предложили, чтобы я сделала какой-нибудь символ, который Марьям узнает. Мунис предупредила, однако, что, если надзиратели найдут его раньше, чем Марьям, мы обе будем строго наказаны. Но я решила, что риск стоит того. На следующее утро, когда мы завтракали, я сделала небольшой крест из фольги, которую взяла с крышки стаканчика из-под йогурта, и спрятала его в туалете. Я была вне себя от радости, когда Марьям нашла сделанный мною крест и оставила мне свой. Когда я узнала, что новой сокамерницей Марьям является Фереште, Махтаб успокоила меня, сказав, что она знает эту добрую, тихую женщину, и что она будет для Марзие отличной соседкой.

В течение долгих дней Мунис, Махтаб и я активно обсуждали веру и религию. Женщины строго соблюдали исламские традиции молитвы и поста и пытались объяснить их важность и мне.

— Режим преподаёт людям искажённую версию ислама, — убеждала меня Мунис, — и его действия не имеют ничего общего с настоящими принципами веры.

Наши дискуссии помогали мне отвлечься от своей продолжающейся болезни — сильной боли в горле и инфекции грудной клетки, а также от боли в спине и головных болей, от которых я страдала уже нескольких недель. За походом в клинику в отделении 209 — на самом деле не клинику, а просто камеру с кроватью — последовал очередной цикл неэффективных антибиотиков. Таблетки не были даже запакованы. «Доктор» сгребла со стола полную горсть и протянула мне.

Когда несколько дней спустя Мунис и Махтаб молились, я спросила их, почему они покрываются для молитвы.

— Если вы верите, что Бог — ваш создатель, разве же Он не ближе к вам, чем ваша кожа? Зачем покрываться перед Тем, кто уже в вашем сердце?

— Это знак уважения и часть нашей традиции, — объяснила Мунис.

— Но разве Бог просил вас покрываться перед Ним? — парировала я. — Разве Он просил говорить с Ним только по-арабски? Разве Бог не понимает фарси? Неужели необходимо кланяться Ему пять раз в день? Разве нельзя молиться Ему, когда захочешь?

Мунис не смогла ответить на эти вопросы, что очень расстроило её. Увидев её смущение, я извинилась, и мы оставили эту тему. Вечером ко мне подошла Махтаб и сказала:

— Твой разговор с Мунис заставил меня много размышлять. Ты совершенно права. Я не знаю, почему я сама никогда раньше об этом не думала. Когда ты молилась своему Господу за меня, это на самом деле подействовало: я ощутила всеобъемлющее спокойствие. Обычные, обязательные мусульманские молитвы, которые я произношу, — это традиция, клише, не что иное, как ритуал, от которого нет никакой пользы. Я перестану совершать *намаз* и буду молиться вместе с тобой!

Несмотря на то, что решение Махтаб заставило Мунис чувствовать себя некомфортно, Махтаб продолжала держать своё слово. Мы с ней ежедневно молились вместе, иногда даже ради молитвы пропуская прогулку.

Марьям

Время шло, и надзиратели в отделении 209 стали интересоваться христианством также, как и их коллеги из отделения 2. Однажды одна из них удивила меня неожиданным вопросом:

— А кто вообще этот Иисус? Какой-то новый лжепророк, который пытается убедить людей следовать за Ним? Складывается впечатление, что эти новые лжепророки появляются едва ли не каждый день. Как-то я слышала, что человек из далёкой деревни утверждает, что находится в контакте с призраками и духами. Он собрал довольно много последователей. Как же так, что вы, молодые девушки, потеряли рассудок и решили вот так следовать за каким-то психом? Мне вас очень жаль! В любом случае, кем бы ни был этот ваш Иисус Христос, он очень опасный человек, раз подвергает вас такому риску!

Я знала, что любое моё объяснение не будет принято этой женщиной, поэтому начала молиться, чтобы Иисус Сам открыл её сердце для восприятия истины.

В нашей камере в строго установленное время Фереште каждый день читала Коран и перебирала чётки. Её глубокая приверженность исламу не позволяла ей принимать во внимание какие бы то ни было новые представления о Боге. И всё же она ощущала внутреннюю пустоту.

— Наши религиозные руководители испортили ислам, — неустанно повторяла она. — Из-за этого многие люди потеряли веру и оставили религию.

Мы с Фереште уже много беседовали об исламе и христианстве. Я молилась за неё и решила на этот раз промолчать и позволить Богу коснуться её сердца так, как Он считал необходимым. На следующий день я сделала крестик из фольги и подарила своей соседке. Она положила его рядом со своей подушкой.

— Отныне каждый раз перед сном я буду молиться с крестом в руках, — сказала Фереште. Она также очень заинтересовалась темой крещения.

— Прежде чем ты сможешь принять крещение, ты должна поверить, что Иисус — Сын Божий и твой личный Спаситель, — объяснила я.

Фереште ловила каждое моё слово и хотела знать всё больше и больше.

— Ты могла бы петь свои гимны погромче? — как-то попросила она, женщина, которая раньше вздрагивала при малейшем упоминании об Иисусе, боясь, что нас накажут. — Я слышу, как ты поёшь своему Богу и молишься, и это приносит мне наслаждение.

Я была рада научить Фереште петь «Христос рядом со мной», «Сойди, о божественная любовь» и другие песни. Она была талантливой ученицей, быстро разучивала песни и подпевала мне. Для нас обоих пение псалмов было прекрасным способом позволить Богу ободрять нас. Тем не менее были времена, когда даже пение не могло отвлечь меня от боли в ухе, которая не прекращалась с момента заражения. Мой слух восстановился лишь частично, а головные боли и головокружения по-прежнему возникали регулярно. Однажды, когда у меня закружилась голова и я не могла стоять, Фереште позвала надзирателя, чтобы та отвела меня в клинику. Я надела покрывало и повязку на глаза и пошла за ней.

После беглого осмотра врач сказала:

— У тебя разрыв барабанной перепонки. Со временем она заживёт. А головные боли вызваны стрессом. Я дам тебе лекарство.

Как всегда, «лекарство» оказалось одним из универсальных средств в аптечке тюремной клиники: снотворным. После двух дней этой «терапии» моё существование начало сводиться к переключению с затуманенного полусознания на глубокий сон и обратно. Однажды утром, когда надзиратель принесла завтрак, я встала, чтобы взять тарелку, потеряла сознание и упала. Позже Фереште рассказала мне, что я ударилась головой о стену так громко, что надзиратель бросила поднос и кинулась проверять, жива ли я ещё. После этого в клинике мне прописали ещё более сильные таблетки. Попринимав их всего один день, я отказалась от них. Надзиратель согласилась, но заставила меня подписать заявление о том, что я отказываюсь от медикаментов.

Строжайшие правила соблюдения тишины, в сочетании с тем фактом, что за пределами своих камер заключённые всегда обязаны носить повязки на глазах, создавали сильное чувство изоляции. Единственными «развлечениями» были обеды, походы в туалет и одночасовые «прогулки» в большой комнате с окном в потолке, на котором не было решётки. Мы с Марзие продолжали тайное общение, оставляя друг другу записки и подарки за раковиной, а также строили отношения со своими сокамерницами.

В следующий раз я увидела Марзие в день посещений, примерно через две недели после нашего перевода в отделение 209. Нам завязали глаза и каждую отдельно вывели из камер во двор, где мы ожидали, пока нас повезут в помещение для свиданий. Во дворе нам разрешили снять с глаз повязки и мы, к обоюдному изумлению и восторгу, обнаружили, что стоим всего в нескольких шагах друг от друга. Мы кивнули друг другу и «заговорили» глазами, но конвоир заметила это и закричала:

— Вы двое — не разговаривать!

Меня переполняла радость от того, что я видела и ощущала на своей коже тёплые лучи солнца, ведь в течение двух недель я была заперта в камере размером два на два метра. Как это было замечательно! Процесс вывода заключённых из отделения, ожидания машины, переезда к помещению для свиданий и повторного ожидания, пока нас проведут внутрь, занял несколько часов. Наконец нам позволили провести пятнадцать минут с нашими сёстрами. Мы с Марзие сели

в соседние кабинки, а Ширин и Елена — с противоположной стороны, отделённые от нас стеклом. Они находились всего в нескольких сантиметрах от нас, но мы не могли прикоснуться к ним, и нам приходилось использовать для разговора телефонные трубки. Рядом стояли офицеры, которые прослушивали наши разговоры.

Марзие

Увидя меня, Елена была шокирована моим внешним видом. Проведя в камере без окон две недели, своей бледностью я напоминала привидение. Но, по крайней мере, я была чиста и сыта и мне даже удалось нитками выщипать себе брови. Из-за того, что у нас было так мало времени, мы разговаривали в бешеном темпе. Я немного рассказала об условиях содержания, но только немного, потому что не хотела, чтобы она волновалась. А потом поведала ей удивительную историю.

— Однажды утром около пяти часов я проснулась от того, что кто-то трясёт меня за ноги, — сказала я. — У меня было странное, но чёткое ощущение, что это — Святой Дух. Такое случилось и раньше, поэтому я очень обрадовалась. Поскольку Махтаб и Мунис всё ещё спали, я села на матраце и начала тихо петь песни хвалы Господу и благодарить Его за мир, который Он мне дал. К тому времени, как они проснулись, я уже разложила наш завтрак из вареных яиц на *софте* (пластиковом подносе размером с газету, который мы использовали в камере вместо стола). Они были удивлены и спросили, почему я так рано встала. Я ответила:

— Не знаю. Я просто чувствую, что Святой Дух сейчас пребывает со мной.

Когда я закончила свой рассказ, глаза Елены засияли.

— Ты знаешь, какой это был день? — взволнованно спросила она. — День Пятидесятницы!

Я была совершенно поражена и счастлива, что Господь не забыл обо мне и что в тот особенный день Святой Дух наполнил меня ощущением Своего присутствия.

После того, как я кратко рассказала о себе, Елена сообщила наиболее важные новости. Во-первых, верный нам наш трудяга-юрист, господин Солтани, не отказался от нас. Он продолжал предпринимать многочисленные попытки проникнуть в «Эвин», чтобы навестить нас

и заполучить наши подписи, которые послужили бы законным основанием для того, чтобы он мог представлять нас в суде. За его самоотверженность и преданность делу нашего освобождения он сам был арестован и теперь также находится в отделении 209. Какая ирония! За защиту прав иранских политических заключённых, за протест против необоснованных арестов и выдвижение ложных обвинений, за попытку препятствовать широко распространённым в пенитенциарной системе страны издевательствам над заключёнными — его самого причли к ним и бросили в тюремные застенки! (Нашего адвоката приговорили к двадцати годам тюремного заключения с запретом дальнейшей юридической практики. (Абдолфатта Солтани был досрочно-условно освобождён в ноябре 2018 года. — *Прим. пер.*)).

Вторая важная для нас новость заключалась в том, что мы, как оказывается, не были изолированными безмянными заключёнными, какими считали себя; тысячи людей молились за нас и добивались нашего освобождения. Первым намёком на это было замечание господина Мосавата во время нашего допроса о том, что одна из наших сестёр была приглашена на интервью «Голосом Америки». Фактически, благодаря усилиям наших друзей, а также людей, которых мы даже не знали, наше дело освещалось многими правозащитными организациями, среди которых и «Amnesty International». Эта организация в своём пресс-релизе от 8 апреля 2009 года назвала нас узниками совести, «задержанными исключительно за их религиозные убеждения».

В пресс-релизе упоминалось о нашем плачевном физическом состоянии и неприемлемых условиях содержания в переполненной камере отделения 2 тюрьмы «Эвин» и также цитировалась статья 23 Конституции Ирана, которая гласит: «Проверка личных убеждений граждан запрещена, и никто не может быть подвергнут порицанию или привлечению к ответственности только за то, что он придерживается определённых убеждений»¹, и статья 18.1 Международного пакта о гражданских и политических правах (участником которого является Иран), в котором говорится: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сооб-

¹ Из Конституции Исламской Республики Иран, <http://www.iranonline.com/iran/iran-info/government/constitution-3.html>.

ща с другими, общественным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении»².

В документе «Amnesty International» отмечалось, что «евангельские христиане... часто подвергаются преследованиям со стороны властей. Новообращённым из ислама может грозить арест, нападение или смертная казнь. Обращение из ислама (вероотступничество) является запрещённым согласно исламскому закону, который требует казни отступников, если они отказываются вернуться в ислам. В Уголовном кодексе Ирана нет конкретного положения о вероотступничестве, но для вынесения решений по делам, о которых в Уголовном кодексе нет специального законодательства, судьи обязаны обращаться к исламскому праву. Новая версия Уголовного кодекса Ирана в настоящее время находится на рассмотрении [парламента] и предусматривает смертную казнь для тех, кого сочтут вероотступниками»³.

«Amnesty International» призвала иранские власти к нашему немедленному и безоговорочному освобождению, а также к предоставлению контактной информации для письма директору Управления по правам человека в Иране, главе судебной системы и аятолле Сайеду Али Хаменеи, верховному лидеру исламской Республики.

«Elam Ministries», лондонская организация, которая спонсировала богословскую конференцию в Турции, где мы с Марьям познакомились, также дала огласку нашему делу. Именно они предоставляли поддержку на наше служение и Новые Заветы, которые мы распространяли до ареста. Теперь они, наряду с другими организациями, также пытались помочь нам обрести свободу.

Кроме этого, тысячи друзей и незнакомцев присылали нам открытки и письма поддержки. Конечно, пока мы находились в тюрьме, мы не получили ни одного из них и ничего не знали об их существовании до этой встречи с нашими сёстрами. Мир наблюдал за тем, как иранское правительство обращалось с нами, и это очень нервировало власти.

² «Международный пакт о гражданских и политических правах», Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека, <http://www2.ohchr.org/english/law/ccpr.htm>.

³ «Узники совести/проблема медицинской помощи», Amnesty International, UA 95/09, Иран, 8 апреля 2009 г., <http://www.amnesty.org/jr/library/asset/MDE13/030/2009/jr/6878ab7e-f6de-4948-9a1b-92ad7e06ca3f/mde130302009eng.pdf>.

Бог послал армию христиан, которые объединили свои усилия, чтобы помочь нам, а мы даже не знали об этом!

Елена была убеждена, что перевод в отделение 209 был знаком того, что наше дело закрывают и скоро нас отпустят. По окончании свидания настроение у меня было приподнятое. Так много обнадеживающих новостей! Так много, за что быть благодарной! Ничто не могло испортить радость момента — ни завязанные глаза, ни разлука с сестрой и Марьям, ни заточение в моей крошечной тёмной келии!

«Казните нас!»

Марзие

За две недели пребывания в отделении 209 нас ни разу не допрашивали. Этот относительно мирный период закончился через день или два после визита наших сестёр, когда нас с Марьям вызвали по отдельности на длительные интенсивные допросы продолжительностью от шести до восьми часов каждый. Большую часть времени собеседники, обычно господин Мосават и господин Седагхат, задавали нам те же вопросы, которые они и другие следователи задавали уже в течение нескольких месяцев: «Когда вы обратились в христианство? С кем вы говорили о своей вере? Проводили ли вы церковные собрания у себя дома? Где вы брали Библию? Кто люди из этого списка? Кто изображён на этих фотографиях? Нам очень жаль, что мы вынуждены держать вас здесь; к вам здесь хорошо относятся? Есть ли у вас жалобы?»

Когда я вошла в кабинет для допросов, господин Мосават предложил мне снять с глаз повязку.

— Нет уж, спасибо, — ответила я. — Я вполне счастлива с повязкой на глазах и предпочитаю не видеть вашего лица!

Я выразила свой гнев по поводу того, что меня разлучили с Марьям, когда мы вернулись в отделение 2 после нашего первого допроса, и добавила:

— Я должна поблагодарить вас за эту услугу, потому что вы позволили мне рассказать об Иисусе Христе ещё большему количеству людей.

— Я не отдавал приказ отправить вас на разные этажи, а только — в отдельные камеры, — возмутился господин Мосават. — Должно быть, произошла ошибка. Люди такие глупые!

Несколько секунд я сидела молча, а затем громко захлопала в ладоши.

— Какое чудесное шоу. Спасибо вам и за это!

— Госпожа Амиризадэ, оставаться в этой тюрьме было бы пустой тратой ваших молодости и красоты. Я советую вам перестать настаивать на своей вере, отказаться от своих заявлений, получить свободу, а затем идти и веселиться, наслаждаться жизнью. — Понятно, что он привык к своему преимущественному положению над допрашиваемыми, которым он пользовался, чтобы запугивать их и заставлять говорить или делать то, что хотел он.

— Большое спасибо, — ответила я. — Я только то и делала, что ждала, чтобы вы разрешили мне веселиться и наслаждаться жизнью! — Я была полна решимости показать ему, что не верю его лжи и не стану жертвой манипуляций. Юмор и сарказм были моей защитой, и я уверенно пользовалась ими.

Несколько дней спустя меня снова допрашивали. В течение многих часов задавали одни и те же вопросы, к которым теперь добавились ещё и новые. На этот раз в кабинете находился третий мужчина, который мне не был знаком. По кабинету распространился запах дорогого одеколона.

— У вас есть отношения с мужчинами? — спросил господин Мосават.

— Что вы имеете в виду под понятием «отношения»? Если вы спрашиваете, есть ли у меня парень, ответ — нет!

— Вы хотите сказать, что вы ни разу не вступали в контакт с мужчинами? Никогда даже не ходили с ними в кафе?

— Прошу прощения. Я женщина, которая живёт самостоятельно уже в течение десяти лет. Конечно, я встречалась с мужчинами и, возможно, ходила с ними в кафе в рамках дружеского общения. Что за глупый вопрос!

— Были ли вы когда-нибудь влюблены?

— Это не имеет отношения к делу.

— Вы правы, это не имеет значения. Мне просто любопытно.

Марьям

Когда подошла моя очередь идти на допрос, господин Мосават предложил мне снять с глаз повязку.

— И не мечтайте, — запротестовала я. — Я предпочитаю не видеть вашего лица. — Я и не догадывалась, что Марзие сказала то же самое.

— Снимите повязку немедленно! — сказал другой голос в комнате. Это был господин Седагхат, сотрудник отделения 209. Я развязала повязку и отложила её в сторону.

— Известно ли вам, что теперь ваша личность является широко обсуждаемой темой в Интернете? — поинтересовался господин Мосават. — Кого вы используете для распространения информации о своём аресте на известном нам сайте?

— Никого. Мне ничего об этом не известно! — И это было чистой правдой. Его слова являлись для меня полной неожиданностью.

— Интересно, что вы никогда не слышали об этом веб-сайте, — удивился господин Мосават. — Это христианский сайт. Девяносто процентов его контента — ложь. Теперь, когда пользователь заходит на этот сайт, первое, что он видит, — это ваша фотография и фотография вашей подруги.

— А чего же вы ожидали? — ответила я. — Что христианские организации похвалят вас за то, что вы арестовали нас? Сами виноваты. Естественно, что церковь реагирует на ситуацию и обнаруживает информацию.

— У нас нет проблем с людьми, которые читают Библию.

— Тогда почему запрещено продавать её в книжных магазинах?

— Кто в настоящий момент является вашим пастором? — попытался сменить тему господин Мосават.

— Мой пастор — Иисус Христос!

Допрашивающие снова просмотрели мои показания, снятые полицией. Тогда господин Расти писал и вопросы, и ответы. Когда их показали мне, я категорически возразила.

— Здесь написано, что полиция якобы изъяла в моём доме восемьсот Библий и тридцать тысяч компакт-дисков в подарочной упаковке и что я ездила по Ирану и распространяла их. Когда господин Расти сказал, что мне не нужно читать ответы, которые он записал, то заверил меня: «Я не собираюсь потерять свою должность и страдать в загробной жизни только ради того, чтобы написать ложь о тебе». Этот человек — лжец! Я отрицаю всё написанное им.

Господин Седагхат приблизился ко мне так, что его ступня упиралась в ножку моего стула. Его огромный крюкоподобный нос делал его угрожающее выражение лица ещё более зловещим.

— Смотри сюда! — прошипел он. Я посмотрела в его грозные, полные ненависти глаза. — Как ты думаешь, что произойдёт, если нас вынудят освободить вас с подругой?

Я не ответила.

— Думаю, тебе не безызвестны граждане по имени Хайк и Дибадж. Возможно, ты слышала, что с ними случилось.

Режим удерживал этих двоих мужчин в заключении в течение многих лет, а после освобождения они умерли насильственной смертью при загадочных обстоятельствах.

— Так вы мне угрожаете?

— Не угрожаю, а просто рассказываю, что может случиться с тобой и с твоей подругой. Не думай, что тебя освободят и просто так позволят пойти домой. Ваша квартира может загореться. Вы можете попасть в автомобильную аварию. Как ты думаешь, эти допросы — это всё, на что мы способны?!

— Я понимаю, о чём вы, — спокойно произнесла я. — Но я верю, что время нашего рождения и смерти — лишь во власти Бога. Возможно, по воле Бога мы погибнем при пожаре или в автокатастрофе. Но хорошо, что вы предупредили нас об этом, потому что теперь, если мы погибнем за пределами этой тюрьмы, наши друзья будут знать, чьих рук это дело.

— Ради вас не стоит ни пачкать руки, ни рисковать карьерой или репутацией, — отрезал господин Седагхат. — Но есть фанатики, готовые пролить вашу кровь во имя *джихада*, и мы не будем им мешать. С точки зрения ислама вы — вероотступницы. Они могут пролить вашу кровь, и суд тут же оправдает их.

— Тогда я счастлива, что я мусульманка. Я верю в Иисуса Христа, и одна из Его самых важных заповедей — нести Его послание. Это не послание Христа привело к бедствиям и хаосу в Иране, а ваши ограничения и запреты, ваши несправедливые законы. Если бы у всех была свобода изучать, верить и рассказывать другим о той вере, которая живёт в их сердцах, Иран не оказался бы в той ситуации, в которой он находится сейчас, и я бы не сидела здесь с вами.

Господин Мосават расплылся в широкой притворной улыбке.

— Госпожа Ростампур, я в некоторой степени согласен с вами. Мы живём в стране, в которой сейчас действуют особые законы. Даже

я могу не соглашаться с каждым из них, но я должен соблюдать их, иначе окажусь на вашем месте. Почему бы вам не позволить церквям этой страны заниматься проповедью и евангелизацией? В церкви любой желающий может подробно узнать о христианстве!

— Каким церквям? — возмутилась я и почувствовала, как моё лицо начинает пылать. — «Ассамблеи Божьи» закрыты для новых посетителей. Во всём Тегеране осталось всего одна-две церкви, где проповедуют на фарси, и то они находятся под постоянным наблюдением ваших сил безопасности. Вы угрожаете им и приказываете даже не подпускать мусульман и новых людей к двери — а теперь вы говорите, что я должна позволить этим церквям нести Евангелие в город? Даже членов официально разрешённых правительством церквей преследуют, не говоря уже о новообращённых.

— Где вы приняли крещение? — вмешался господин Мосават.

— В Центральной церкви, лет пять назад.

Марзие

Два долгих, напряжённых вопроса за такое короткое время вызвали у меня депрессию. Я была истощена физически и могла только надеяться, что мы с Марьям выдержим такой стресс. Изоляция в крошечных камерах без окон, полное отсутствие какого-либо шума, хождение с завязанными глазами и окружение других заключённых, которых я никогда не видела — всё это было тяжёлым испытанием. Я знала, что Господь со мной, но мне отчаянно нужны были напоминания о Его любви и заботе. Из-за моей собственной слабости мне иногда казалось, что Он где-то далеко. От следователей я узнала, что одна наша подруга, которая стала христианкой, когда её спросили о нас, отрицала, что даже знакома с нами. Эта женщина и её дочь регулярно посещали нашу домашнюю церковь и с энтузиазмом молились и изучали христианские гимны. Конечно, следователи могли солгать, но они не узнали бы некоторых подробностей об этих людях, если бы не говорили с ними. Эта женщина страдала на сердечное заболевание. Её муж очень злился на неё за то, что она обратилась в христианство. Я не винила её за то, что она солгала, чтобы спасти себя и дочь, однако эта новость сделала моё, и без того угрюмое настроение, ещё более мрачным.

С другой стороны, когда Махтаб спросили, причиняли ли «эти две христианки» какие-либо проблемы, она ответила:

— Они не только не причиняли мне никаких проблем, но и постоянно помогали мне и вселяли в меня надежду. Они намного лучше вас, мусульман, которые утверждают, что вы праведны и добры. Я лучше буду с ними, чем с мусульманами.

Тюремные чиновники надеялись, что Махтаб сможет убедить меня в том, что христианство — это моя большая ошибка и что я должна принять истинную исламскую веру. Вместо этого, в результате поворота событий, который мог устроить только Господь, Махтаб исповедовала свою веру: теперь она тоже была христианкой.

Тот факт, что мы никогда не выходили из камер без повязок на глазах, усугублял гнетущую атмосферу и чувство изоляции в отделении 209. Ещё одним трудным испытанием было слышать призрачные крики других заключённых, которых мы никогда не видели, когда их пытали.

Однажды ночью я услышала голос мальчика, который плакал, умолял о помощи и кричал: «Я больше не могу терпеть! Пожалуйста! Пожалуйста! Помогите!» Когда его крик достиг пика, я услышала, как по коридору прошли несколько надзирателей. Они открыли дверь в камеру мальчика и оттуда начали доноситься звуки ударов дубинки и ещё более отчаянные крики мальчика. Иногда дубинка промахивалась мимо его тела и ударяла об стену, издавая звук, подобный пушечному выстрелу. Его били снова и снова до тех пор, пока крики его не превратились в жалкие, душераздирающие стоны. Потом наступила тишина. Я так и не узнала, кем был этот мальчик, остался ли он или его освободили, выжил он или умер.

Женщина в другой соседней камере так стонала и плакала, что я подумала, что её, должно быть, специально поместили рядом с нами, чтобы мы не могли уснуть по ночам. Её, в отличие от мальчика, надзиратели полностью игнорировали. И это было очень странно, учитывая правила соблюдения тишины в отделении 209.

— Мне так страшно! Пожалуйста, помогите мне! — стонала женщина день и ночь. Она просила снотворного, которое ей давали; но как только она просыпалась, она снова начала кричать и молить о помощи. Я возлагала руки на стену, прилегающую к её камере, и

молилась о её душевном спокойствии. Иногда она на какое-то время замолкала, но потом крики снова возобновлялись.

Однажды ночью мне приснилось, что эту женщину выпустили из камеры. У неё было лицо призрака, и она бегала вперёд-назад по коридору. Во сне она вошла в мою камеру и положила голову мне на колени. Когда я начала молиться за неё, все её горести и проблемы перекинулись на мои плечи, такие тяжёлые и невыносимые, что я сразу же упала в обморок. Но женщина обрела покой. Затем она заплакала и сказала, что хотела бы знать, что рядом с ней в тюрьме есть христиане.

Я проснулась, дрожа, и рассказала о своём сне Махтаб и Мунис. Я увидела в этом знак того, что эту женщину освободят. Через несколько часов камеру женщины открыли, и мы услышали, как она повторяет: «Спасибо! О, спасибо!» Из разговора было ясно, что она выходит на свободу.

— Веди себя хорошо, если не хочешь снова попасть в тюрьму, — сказала одна из надзирательниц.

— Да, да, спасибо! — только и повторяла женщина, снова и снова. Как чудесно было видеть, что Бог дал ответ на мои молитвы за женщину, которую я никогда даже не видела.

Через несколько дней после допроса нас с Марьям снова доставили в бюро безопасности № 2 Революционного суда. Нас сковали наручникам и предупредили, чтобы мы не разговаривали. Так мы пересекли Тегеран на чёрном автомобиле без опознавательных знаков. Мы не видели город с тех пор, как попали в «Эвин» два месяца назад. Вид такого количества людей, магазинов, яркого света и пространства был поразительным. У меня возникло желание закричать: «Привет всем! Посмотрите на нас! Посмотрите, как ваше коррумпированное правительство посадило нас по фальшивым обвинениям! Посмотрите, как режим сажает в тюрьмы молодых матерей и мучает девочек-подростков, и всё лишь для того, чтобы оставаться у власти!»

В то же время в боли, страданиях и борьбе за истину внутри тюрьмы «Эвин» было что-то подлинное, чего не было на улицах. По сравнению с этим внешний мир казался таким поверхностным и безжизненным. Мы проехали улицу, которая вела к нашей квартире. Мне казалось, что с тех пор, когда я покинула этот мир, прошло уже двадцать лет.

Мы прибыли в суд и вошли в кабинет господина Собхани. Он читал и даже не поднял на нас взгляд. Через минуту он выпрямился в своём кресле.

— Вы делаете много шума, — угрожающе произнёс он. — Спутниковые каналы круглосуточно только и говорят, что о вас. Вам ежедневно приходят сотни писем и открыток. Нас обвиняют в том, что мы допрашиваем вас о ваших религиозных убеждениях. Что это значит: «допрашиваем вас о ваших убеждениях»? — Он ещё больше повысил голос. — Мы не занимаемся личными убеждениями людей!

Это заявление судьи Собхани из Революционного суда Ирана является нашим номинантом на премию «Ложь века». Господин Собхани впился в нас взглядом.

— Вы думали, что вся эта огласка помешает нам выполнить свою работу и свой религиозный долг. Они могут транслировать всё, что угодно. Мне плевать. Вы преступницы, и я выполню свой религиозный долг по отношению к вам!

— Тогда почему вы не разрешаете иранскому телевидению транслировать судебные заседания по нашему делу, чтобы люди поняли, что делать то, что мы делаем, является преступлением? — поинтересовалась я.

Господин Собхани сменил тему.

— У вас есть жалобы на условия содержания в тюрьме?

— Мы протестуем против таких условий содержания, а также против того, что вы так долго держите нас в неведение относительно выдвинутых против нас обвинений, — заявила Марьям. — Мы возражаем против того, что нас до сих пор не ознакомили с выдвинутыми против нас обвинениями в письменной форме.

— Вас обвиняют в вероотступничестве и оскорблении священных верований ислама. Вы признаёте себя виновными?

— Нет!

— Вы — вероотступницы, и ваш приговор — смертная казнь. У вас есть ещё жалобы?

— Вы действительно верите в то, что говорите? — вмешалась в разговор я.

— Конечно же!

— Тогда сделайте нам одолжение и казните нас, как только сможете. — Несмотря на то, что я находилась в тюрьме, запугивать себя

я не могла позволить никому. Угрозы господина Собхани не только не напугали меня, но даже вдохновили на сопротивление.

— Хорошо, так и сделаю.

Судья Собхани пребывал в ярости. Он приказал нам записать свои окончательные защитные заявления. Нам по-прежнему не предоставили никакой юридической помощи. К тому же мы столько раз уже отвечали на одни и те же вопросы, как в устной, так и в письменной форме, что сбились со счёта.

— Я не изменила свою религию, потому что раньше у меня не было религии, — сказала Марьям. — Я нашла свой путь в Иисусе Христе и буду рассказывать об этом каждому, кто попросит меня.

Я закончила своё письменное заявление словами: «Если судья и судебная коллегия проигнорируют принципы справедливости и истины и вынесут несправедливый приговор, они подвергнутся гневу Божьему, который однажды охватит их своим пламенем».

В этот момент вошёл ещё один мужчина. Он был моложе судьи и очень хорошо одет. Его звали господин Гейдарифар. Он был назначен курировать наше дело, потому что огласка начала беспокоить правительство. Теперь за нашим делом наблюдали слишком много глаз, чтобы мы могли просто исчезнуть или стать жертвами «трагической аварии». Мы не отказывались от своих заявлений и не признавали себя виновными, поэтому режим был вынужден оправдываться за наше дело перед всем миром, а он хорошо понимал, что это — невыполнимая задача.

Марьям

На протяжении всего нашего пребывания в тюрьме присутствие Святого Духа было нашей силой и опорой, нашей единственной гарантией и доказательством, что Господь любит нас, никогда не оставит и использует нас для какой-то одному Ему известной, но великой цели. Однако были времена, когда я была настолько утомлена и истощена, что позволяла этой уверенности ускользнуть из своего сознания.

В течение нескольких дней я не ощущала присутствия Господа. Чувство одиночества, которое закралось в моё сердце, было пугающим. Я дошла до того, что не могла есть и испытывала такую пустоту, какой не ощущала никогда раньше за всю свою христианскую жизнь.

Я молилась, ходя по своей крошечной камере, умоляя Господа явить мне Себя особым образом. Когда просыпалась Фереште, я начала петь гимны, и звук моего голоса заполнял весь коридор. Сначала Фереште боялась, что на звук прибегут надзиратели. Я тоже ожидала этого, но продолжала петь. Иногда я пела без перерыва часами. Больше никакой тишины! Больше никаких жёстких, бесчеловечных правил! Я пела изо всех сил, пока не становилось совсем темно.

Наконец, измученная, я легла прямо на пол и закрывала глаза. И вот чудо! Дух Божий охватывал меня, обнимал и успокаивал. Я знала, что Он ни на миг не покидает меня. Тогда я обрела свободу от печали и давления и чувствовала себя совершенно счастливой.

— Я удивлена, что за весь день к нам никто так и не пришёл! — как-то сказала Фереште. — Ты знаешь, что твой голос, должно быть, долетает до мужского коридора, потому что надзиратели из мужской части отделения жаловались нашим. — В такие моменты даже она чувствовала присутствие и защиту Бога.

Во время обеда надзирательница, которую мы называли «Призраком», принесла нам еду и сказала:

— Сегодня ты делала всё, что хотела, и твой голос доносился до противоположной части здания.

— Но я ничего не делала, — ответила я. — Я только пела.

Хотя мы совсем не знали «Призрака», в тот день мне показалось, что она выглядела грустной.

— Что произошло? — спросила я. — Чем вы так расстроены?

— Я устала работать здесь, — призналась «Призрак». — Не думаю, что я подхожу для этой работы. Ты могла бы помолиться за меня?

— С радостью! — И я начала молиться за своего пленителя, находясь в безопасности благодаря присутствию Господа, Который обнимал меня Своим Духом в самых глубоких и укромных уголках самой страшной камеры самой печально известной тюрьмы в одной из самых угнетаемых стран мира. И я никогда не чувствовала себя более счастливой, чем в тот миг.

Урок веры

Марзие

Во время следующего пятнадцатиминутного свидания с нашими сёстрами мы с Марьям узнали подробнее о растущем интересе общественности к нашему делу. Они сообщили нам, что с каждым днём наша история всё более масштабно освещается по спутниковому телевидению и в Интернете; что за нас молятся церкви, христианские организации и отдельные верующие по всему миру; и что наша духовная семья, которая находится в разных уголках земного шара, ходатайствует о нашем освобождении. В некоторых статьях также упоминаются представители других религий, таких как *бахаи*, которые тоже подвергаются в Иране жестоким преследованиям. В тюрьме мы познакомились с женщиной-бахаи — доброй, нежной, непредубеждённой, которая очень быстро стала нашей подругой.

Сёстры также рассказали нам о предстоящих президентских выборах. В СМИ было полно догадок и предсказаний. Действующий президент Махмуд Ахмадинежад был очень непопулярен в народе. Многие граждане думали, что он проиграет выборы другим кандидатам: Мехди Карруби, Мохсену Резаи или, особенно, Мир-Хоссейну Мусави. Наши сёстры написали петиции господину Мусави и господину Карруби о нашем освобождении. По сообщениям СМИ, господин Мусави, известный реформатор, который был последним премьер-министром Ирана до упразднения его должности в 1989 году, казался явным фаворитом. Если он выиграет, мы очень надеялись, что нас освободят.

Через несколько дней начался ещё один долгий цикл допросов. И хотя нас вызывали в разные дни, наши допросы были похожи. Господин Мосават заявил, что наше вызывающее обращение к господину Собхани во время последнего выступления в суде рассердило судью и усложнило рассмотрение нашего дела. На этих слушаниях присутствовал преподаватель исламского богословия одного из университе-

тов, который приехал научить нас, как выражать свои мысли, чтобы поскорее разрешить наш случай. Суд теперь, казалось, беспокоило не столько то, во что мы верим, сколько то, как мы это выражаем. Режим явно пребывал в отчаянии, и было очевидно, что он нуждается в каком-нибудь спасительном способе избавиться от нас.

Профессор теологии задавал знакомые нам вопросы о том, когда я стала христианкой, почему «отказалась» от ислама, о подробностях моей деятельности, друзьях, путешествиях и т. д.

Я подробно описала, как я уверовала во Христа.

— Однажды, когда я молилась, чтобы Бог дал мне мудрость и ясность в вере, — начала я свой рассказ, — на меня сошёл Святой Дух, и я начала молиться словами, которых не знала ранее, но в тот миг могла понимать. Я увидела Иисуса так близко, что, казалось, могла прикоснуться к Нему. Середина моего лба горела, как будто кто-то проткнул его раскалённым клейменным утюгом, и я не заметила, как промолилась до четырёх часов утра. Я познала Бога через Господа Иисуса Христа и никогда не откажусь от Него, потому что, поступив так, я бы отрицала само своё существование.

Когда я говорила, на глаза господина Мосавата навернулись слёзы. Заметив это, он быстро смахнул их рукой.

Далее, в течение часа, профессор университета говорил о зле, совершённом христианами во время крестовых походов, и закончил своё выступление риторическим вопросом:

— Что это за религия, последователи которой могут совершать такие зверства?!

— Профессор, — ответила я, — я не могу сравнить свои с вашими знания в области истории. Однако нет необходимости копаться в исторических книгах, чтобы найти сколько угодно примеров зверств, совершённых последователями ислама. Они совершаются и сейчас, здесь, в этой тюрьме. В моей камере сейчас находится девочка-подросток по имени Махтаб, которая здесь уже три месяца за «преступление» родиться среди *моджахедов*. Я знакома с бесчисленным количеством девушек, которых ваши сотрудники подвергали пыткам и избиениям. Как вы можете назвать это, кроме как зверством?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — ответил профессор. — Я здесь только для того, чтобы помочь в вашем деле и ничего не знаю о делах других заключённых.

— Всё, что вам нужно сделать, — это осмотреться вокруг.

— В любом случае, я пришёл сюда, чтобы сообщить вам с вашей подругой, что ваше упрямство и настаивание на своём доставят вам массу проблем. Те, чьи друзья и близкие приняли мученическую смерть во имя ислама, не позволят вам вводить нашу молодёжь в заблуждение. Если мы разрешим каждому пропагандировать свои личные убеждения и мнения, в стране наступит анархия и крах системы. Думаю, вам лучше пойти и подумать обо всём этом ещё раз. Мы сделали всё возможное, были благосклонны к вам и пытались поспособствовать закрытию вашего дела, но ваше неповиновение в суде создало ещё больше проблем. Если будете продолжать в том же духе, мы ничем не сможем вам помочь.

— Все остальные, кого мы арестовали, — в разговор вступил господин Мосават, — в конце концов начали сотрудничать и, изменив своё мнение и риторику, приобрели себе свободу. Перестаньте быть такими упрямыми. Мы хотим отпустить вас, но вы мешаете нам сделать это!

Марьям

Когда подошла моя очередь идти на допрос, профессор попытался предположить, что, возможно, я не совсем правильно понимаю христианство. Он заявил, что поскольку я обратилась в молодом возрасте, то, возможно, не понимала, что делаю.

— Изучение предмета и исследования дают вам только информацию, — ответила я. — Чтобы познать Господа, нужно нечто большее. Я пережила духовную встречу с Иисусом Христом. Я живу с Ним. Я предстою перед Ним каждый день. Если я отвергну Его, я отвергну себя. Вам этого не понять, не понять, если полагаться на исследования.

— В нашем распоряжении есть книги, которые помогают толковать Коран, — сказал профессор. — Мудрый человек понимает, что не следует отказываться от самой совершенной и полной религии.

— И что же именно делает ислам «совершенной и полной религией»? — поинтересовалась я. — Исламские войны? Расширение подвластных исламу территорий? Одночасовые браки?

— Всё это является необходимостью, — прервал меня профессор. — Бог послал всё это в соответствии с потребностями человечества в нужное время, чтобы предотвратить хаос и коррупцию.

А что вы с подругой нашли в христианстве, что заставило вас считать его более совершенным и полным и отказаться от ислама?

— Прежде всего, — ответила я, — Христос сказал: «Я первый и последний»¹. До Него не было никого и не будет после Него. Совершенство Христа является в Его любви. Даже самые падшие грешники на земле могут познать любовь Бога к себе через Иисуса. Он был совершенным Человеком, который пожертвовал Своей жизнью, умерев на кресте за наши грехи и заплатив за нас цену, которую мы никогда не смогли бы заплатить сами. Он дал нам бесценный святой дар свободы — свободу от греха и свободу от религиозных законов, которые мы никогда не смогли бы полностью выполнить потому, что мы — не-совершенные смертные. Религиозный закон несёт в себе осуждение и смерть, а не прощение и свободу. Я знала прекрасную молодую женщину по имени Зейнаб, которую казнили за то, что она защищала свою жизнь от жестокого мужа, выйти замуж за которого её заставил именно религиозный закон, и этот же религиозный закон не позволил ей уйти от него. Сравните это с историей, когда Иисус услышал о женщине, обвинённой в прелюбодеянии и приговорённой к смерти через побивание камнями. Он сказал: «Тот, кто без греха, пусть первым бросит камень». И никто не бросил ни камня. Я предпочитаю следовать за Иисусом, Который учит нас, что, если нас ударили в одну щёку, подставить другую. Он заповедует нам быть добрыми даже к своим врагам. И Его слова находят в моём сердце гораздо более глубокий отзыв, чем исламский призыв к мести. Я бы предпочла следовать за Христом, даже если бы Его религия оказалась несовершенной и неполной.

Профессор покачал головой.

— Я предпочитаю выбор Аллаха: прощение или месть. Почему я должен быть добрым к своим врагам? Я предпочитаю Коран. И вообще, на месте ваших семей я бы не стал ждать приговора суда, чтобы воздать вам то, чего вы заслуживаете.

— Я не сомневаюсь, что вы убили бы меня собственными руками, — сказала я, — чтобы получить вознаграждение за *джихад*.

— Ты права!

Профессор повернулся к господину Мосавату:

— Помните, когда аятолла Хомейни вернулся в Иран? Помните наш энтузиазм и радость от мысли, что он пришёл спасти нас от

¹ Книга Откровение 22:13.

иностранцев? Вы когда-нибудь представляли, что дети этой самой исламской революции однажды отвернутся от ислама? — Его глаза наполнились слезами гнева: — Я готов отдать свою жизнь за великого имама и его идеалы!

Он повернулся ко мне.

— Иисус был пророком Бога, а не Его Сыном. Имам Хусейн также был спасителем. Почему ты не веришь в него?

— Иисус отличается от всех остальных, о ком упоминается в Коране, — объяснила я. — Он был рождён от Девы Марии и Святого Духа. Он был безгрешен. Он воскрес из мёртвых. В истории нет никого подобного Христу. Никто не делал того, что делал Он. Все остальные пророки были грешными смертными людьми и поэтому не могли никого спасти.

— Одно дело верить в эту чушь самой, — подвёл итог профессор, — но зачем же убеждать в этом других?

— Иисус сказал, что, если ты знаешь доброе дело и не исполняешь его, ты совершаешь грех. Его величайшая заповедь заключается в том, чтобы мы говорили о Нём. Я считаю, что каждый должен знать о Христе и иметь свободу принять или отвергнуть Его.

Профессор возразил:

— Коран учит, что каждый может стать мусульманином, но мусульманин не может отвернуться от своей веры. Мусульманин, который отказывается от ислама, становится неверным.

— Но в Коране также написано, что «в религии нет принуждения», — парировала я. — Вы почему-то умалчиваете об этой суре. Христос пришёл освободить мир от осуждения, которое несёт религиозный закон. Поскольку человечество несовершенно, мы не всегда сможем точно исполнять эти законы. Иисус взял на себя вину за все наши грехи и недостатки, чтобы освободить нас от последствий несоблюдения закона. И теперь ислам пытается навязать эти законы в иной форме. Вам не кажется, что это бессмысленно? Иисус сказал, что если мы не будем открыты для Царства Божьего, как дети, то никогда не поймём его. Истина Господа открывается только тем, кто доверяет Ему как дитя и имеет открытое сердце. Да, мы заплатили цену за нашу веру, — заключила я. — И заплатили её с радостью. Сам Иисус сказал: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возь-

ми крест свой, и следуй за Мною»². Он заплатил высокую цену за то, что остался верным Своему Отцу, и того же ожидает от нас. Условия содержания в тюрьме очень тяжёлые, но это ничто по сравнению с жертвой, которую принёс Иисус. Это наименьшее, что мы можем сделать, чтобы показать Богу свою любовь и веру в Него.

Тогда заговорил господин Мосават.

— Я наблюдал за вами двумя и наводил справки. Вы не ведёте себя по-особенному, ваше поведение нельзя назвать явно религиозным: никакой особенной диеты, постов, никакой особенной одежды, никакого религиозного языка. Ваша вера находится внутри, но вы твёрдо отстаиваете свои убеждения. Я уважаю вашу веру, потому что никогда не видел таких, как вы. Вы, должно быть, познали что-то мощное, что так его отстаиваете. Но я хочу попросить вас не обсуждать это с другими. И не раздавайте Библии, потому что это противозаконно.

— Мы не можем больше раздавать Библии, потому что вы все их забрали, — напомнила я ему. — Но Бог являет Свою истину миру множеством способов. Он не полагается только на двух девушек, которые тайно раздают Новые Заветы. Если кто-то стремится познать истину, Бог открывает ему её. Это Он может сделать и без конфискованных вами Новых Заветов, и без нас с Марзие.

— Госпожа Ростампур, — обратился ко мне господин Мосават, — мы надеемся, что к следующей неделе ваше дело будет закрыто, и вы вернётесь домой. Мы не хотим причинять вам зла. Мы просто ждём окончания выборов и подтверждения назначения судебных приставов. Если победит господин Мусави, это положительно скажется на вашем деле. Только, пожалуйста, когда вас снова вызовут в суд, молчите и даже не улыбайтесь. Если вы будете выглядеть счастливыми, суд будет свирепствовать ещё больше.

— Успехов вам, — сказал профессор. — Я много думал о том, почему Бог выбрал вас двоих. Сотни людей распространяют Библии и пропагандируют христианство в Тегеране, но никто из них не получил такой широкой известности, как вы. Все только и говорят, что о вас. Вы стали героинями. Ваши фотографии показывают по телевизору каждый день. Почему никогда раньше не происходило ничего подобного?

— Я знаю ответ на ваш вопрос, — ответила я. — Поразмышляйте об этом и вы.

² Евангелие от Матфея 16:24.

— Обязательно, — задумчиво произнёс профессор. — Удачи вам обоим.

— И вам! — ответила я.

Марзие

После этого разговора господин Мосават сообщил нам, что это были наши последние допросы. У каждой из нас по отдельности была такая же реакция: если это так, то нет причин больше разделять нас. По нашей обоюдной просьбе мне разрешили перейти из камеры, где я находилась с Мунис и Махтаб, что я сделала с объятиями и слезами, в камеру к Марьям и Фереште. За четыре года, которые мы с Марьям дружили, это была самая долгая разлука. У входа в камеру Марьям мы обнялись, рыдая от счастья.

— Давай, давай, — нетерпеливо подтолкнула меня надзиратель, — быстрее заходи в камеру!

Мы попросили принести нам Библию и телевизор. Телевизор мы получили, но в Библии нам отказали.

Нам уже не нужно было прятать кресты и цветы, которые мы делали друг для друга. Войдя в камеру Марьям, первое, что я увидела, — это то, что она была украшена разложенными повсюду подарками, которые я оставляла ей в нашем тайнике. Теперь мы продолжали заниматься рукоделием вместе с Фереште и научились делать цветы из пластиковых стаканчиков из-под йогурта, чтобы расширять свою коллекцию.

Эти развлечения помогли скоротать бесконечные часы. Телевидение тоже помогало, хотя у нас не было спутниковых каналов, только подконтрольные правительству, которые мощными потоками извергали пропаганду и одобренные исламским режимом программы. Само собой разумеется, у нас не было доступа ни к каким материалам о нас, о которых упоминали сёстры и профессор. А нам так хотелось посмотреть, что говорили о нашем деле по телевидению.

Поскольку единственными человеческими существами, которых мы регулярно видели, были надзиратели, их отношение к нам сильно повлияло на наши чувства. Некоторые из них были дружелюбны. Они признавались, что им не нравится делать то, что им приходится, но они отчаянно нуждаются в работе, чтобы содержать свои семьи. Некоторые расспрашивали о христианстве и просили нас молиться

за них, что мы всегда были рады сделать. Другие же были подлыми. Были времена, когда грубость и мелкая жестокость утомляли нас и злили вопреки тому, что мы пытались контролировать свои чувства.

Однажды днём надзирательница, которую мы называли «Ворчунья», приказала нам собираться, потому что нам разрешено сделать телефонные звонки. После того, как мы завязали глаза и проследовали за ней до телефонных аппаратов, она дала Марьям номер телефона и сказала, что это единственный номер, по которому ей разрешено звонить. Это был номер моей сестры Елены. Когда Марьям попыталась объяснить, что это ошибка, Ворчунья раскричалась на неё, но в конце концов позволила позвонить по нужному номеру.

Когда подошла моя очередь, «Ворчунья» сыграла ту же злую шутку и со мной, набрав номер нашей квартиры и сказав, что это единственный номер, по которому мне разрешается звонить.

— Но ведь это же номер нашей квартиры, — попыталась спорить с ней я. — Там никого нет!

— Ты лжёшь! — снова закричала она.

— Я не лгу, — ответила я. — Я сижу в тюрьме за то, что говорю правду.

Спор перерос в крики. К счастью, наконец, «Ворчунья» осознала свою ошибку и дала мне возможность позвонить сестре. Однако этот инцидент вызвал во мне физическую реакцию, и я начала очень плохо себя чувствовать. Поговорив с Еленой всего с минуту, мне пришлось прервать разговор и вернуться в камеру. Там я попытался расслабиться, но голова раскалывалась, спина горела, у меня начались судороги, и я стала задыхаться. Марьям и Фереште вызвали надзирательницу, которая сильно испугалась, что из-за произошедшего у неё могут возникнуть проблемы. Меня отвели к врачу, которая сделала мне укол и поставила кислородную маску. Инъекция остановила судороги, но кислород был эффективен лишь отчасти, потому что его поток был очень слабым, поскольку врач пыталась сэкономить его.

Через несколько дней, незадолго до обеда, Марьям пошла в туалет, чтобы вымыть руки. Обычно окна в коридоре были закрыты, но на этот раз одно было открыто внутрь коридора. Идя с завязанными глазами, Марьям на полном ходу наткнулась на него, и угол рамы

впился ей в лоб за несколько миллиметров от глаза. От неожиданности она упала. Надзирательница, которую мы называли «Призраком», бросилась посмотреть, что произошло.

— Нужно быть поосторожнее в коридоре! — поддела она Марьям. — В другой раз внимательно смотри под ноги.

Её слова привели меня в ярость.

— Что за нелепость! — воскликнула я. — Коридор настолько узок, что даже когда окна закрыты, два человека едва могут разминуться в нём. К тому же как видеть, что окно открыто, когда у тебя завязаны глаза?!

«Призрак» была так рассержена и занята наставлениями Марьям, что не заметила, как мы с Фереште прибежали на шум и впервые оказались в коридоре без повязок на глазах.

Мы втроем помогли Марьям вернуться в камеру. Её глаз и губа уже опухли и потемнели. Через несколько минут на её лице и лбу образовался огромный синяк. Когда «Призрак» предложила отвезти Марьям к врачу, она отказалась. «Призрак» была одной из более добрых надзирательниц, и Марьям не хотела навлечь на неё неприятности. Кроме того, судя по прошлому опыту, визит к врачу почти никогда не приносил пользы. Вместо этого мы с Фереште начали прикладывать к области травмы подруги лёд.

Мы написали заявление на имя начальника тюрьмы с просьбой вернуть нас в отделение 2, отделение свободного режима. Мы аргументировали свою просьбу тем, что больше нет причин держать нас в отделении 209, если допросы закончены. Мы пожаловались на «Ворчунью» и «Железную Женщину», которые относились к заключённым с крайней ненавистью.

Однако вскоре у администрации тюрьмы, да и у самих надзирателей, возникли гораздо более серьёзные проблемы, чем наши жалобы. 12 июня 2009 года в Иране состоялись президентские выборы, на которых многие отдали предпочтение господину Мусави. Однако в течение дня иранское телевидение сообщало, что господин Ахмадинежад занял и удерживает лидирующую позицию, всё время пытаясь убедить зрителей в том, что, вне всяких сомнений, режим привержен соблюдению истины, честности и прозрачности в процессе выборов. А уже через несколько часов Министерство внутренних дел официально объявило о переизбрании господина Ахмадинежада. Даже отфиль-

траванные и искажённые новости, которые нам позволяли смотреть, свидетельствовали о том, что граждане не согласны с результатами выборов, они будут протестовать и оспаривать их. И господин Мусави, и господин Карруби осудили избирательный процесс, обвинив правительство Ахмадинежада в массовых фальсификациях. Разгневанные граждане заполнили улицы, и их мирные протесты вскоре превратились в пламенные демонстрации.

Через несколько дней нам сообщили, что нас переводят из отделения 209. Мы так и не узнали, была ли непосредственная причина этого результатом наших писем, внешнего давления или чего-либо ещё. Вероятно, это произошло потому, что в течение нескольких часов камеры отделения 209 были забиты сотнями людей, арестованных во время акций протеста против фальсификации результатов выборов. Мы знали, что Господь организовывал эти мероприятия согласно Своей воли.

Мы не знали, что происходит: освобождают ли нас или просто переводят в нашу предыдущую камеру в отделении 2. Фереште была искренне рада за нас, но сожалела о том, что теряет нашу компанию. А нам было грустно потерять её.

Когда пришло время, нас провели через двор обратно в отделение 2. Впервые за два месяца мы вышли на улицу без повязок на глазах. По дороге пожилая надзирательница поинтересовалась, не являемся ли мы политическими заключёнными.

— Нас переводят из 209-го отделения, но мы не политзаключённые, — объяснила ей Марьям. — Мы здесь по обвинению в том, что мы христиане.

— В самом деле? Я и не знала, что это преступление.

— Мы обратились из ислама.

Лицо надзирательницы скривилось в неодобрительной гримасе, как будто она только что откусила кусок лимона.

— Вам должно быть стыдно! Лучше бы вы совершили какое-нибудь другое преступление!

Нас подвергли обыску и вернули нашу одежду, забрав мешковатые мужские тюремные робы, которые всегда вызывали у нас смех. Затем мы поднялись по лестнице в отделение 2, с нетерпением ожидая встречи с дорогими подругами, с которыми давно не виделись, но которых хранили в своих сердцах и молитвах. Тридцать восемь дней нашего отсутствия казались целыми двумя жизнями.

Иная свобода

Марзие

Каким радостным было возвращение «домой»! Как только мы с Марьям вошли через зарешёченную дверь в отделение 2, в коридоре появилась Вида. Она взволнованно обняла нас и объявила о нашем прибытии остальным. Наши подруги тут же повыбегали из камер встречать нас. Ширин, Сильва, Сепиде, Тахере и другие толпились вокруг, обнимая и приветствуя. После изоляции в отделении 209 возвращение в отделение свободного режима казалось почти свободой. Шум и суматоха, царившие здесь, казались такими замечательными!

— Ты такая бледная, — сказала одна из женщин. — Такая уставшая.

— У вас опухшие лица, — добавила другая. — Вас пытали?

— Нет, — заверили мы, — нас никто не пытал. Только задавали много вопросов.

За пять с половиной недель нашего отсутствия в камере произошли серьёзные изменения. Госпожа Пари получила условное освобождение. Освободили и нашу подругу Арезу. Она сказала Розите, что её свобода была ответом на мои молитвы за неё. Дорогая, запутавшаяся в жизни, Мерседе тоже теперь была на свободе. Истец, который казался таким безжалостным к ней, сам пришёл в тюрьму и сообщил ей, что забрал заявление на неё. Услышав об этом, Мерседе завизжала от радости и бросилась танцевать, а затем начала бегать по камерам, рассказывая всем, что это чудо произошло благодаря нашим молитвам Иисусу. Её подруга Сетаре и бывшая любовница Назанин тоже были уже на свободе. Мы беспокоились о них, задаваясь вопросом, где они теперь и чем занимаются, как они справляются с ранами на их телах, а что ещё важнее, — со шрамами на их сердцах. Мы утешали себя тем, что Бог заботится о них.

Мерседе отчаянно пыталась выбраться из тюрьмы. Несколько дней она взывала к Богу: «Почему я не могу выбраться из этого ада? Почему

я вижу во дворе только маленький квадрат неба? Увижу ли я когда-нибудь снова жизнь за пределами тюрьмы?» Это всеобщее причитание заключённых. Вид только небольшого квадрата неба напоминает им об их изолированности от мира и заставляет жаждать свободы ещё сильнее.

Мы всегда говорили Мерседе, что недостаточно просто выбраться из тюремных стен. Ей также необходимо бежать из внутренней тюрьмы своей зависимости от метамфетамина. Теперь, когда Бог освободил её из первой тюрьмы, мы продолжали молиться, чтобы Он освободил её и из второй.

Ответственную за отделение 2, госпожу Махджуб, которая принимала нас, когда мы только поступили в «Эвин», перевели в отделение 3, где отбывали заключение женщины с психическими расстройствами. Теперь её заменяла госпожа Гадери, тихая, спокойная женщина, назначение которой большинство наших друзей считало значительным улучшением. Госпожа Имани, которая постоянно ругалась за телефон, была уже в другой камере. Надзиратели решили переводить её из камеры в камеру каждый месяц, потому что она всем очень мешала. А ответственной за телефон была теперь наша подруга Розита, которая проводила большую часть дня в кресле рядом с телефонами, пытаясь удержать других заключённых от споров и ссор за то, кто и как долго может разговаривать.

В камере № 1 нам были отведены наши старые койки. Как только мы устроились, начали знакомиться с заключёнными, которые прибыли, пока нас не было. Некоторые были арестованы за связь с оппозицией во время выборов — последствия их ареста всё ещё вызывали много споров. Эта «связь» могла состоять не более чем в получении электронного письма от человека или организации, поддерживавших Мусави, кандидата, которого многие иранцы считали по праву победителем. Некоторые заключённые очень тяжело восприняли переизбрание Ахмадинежада, потому что надеялись, что новый руководитель страны выпустит их на свободу.

Одной из наших новых соседок была Сусан, тихая женщина-моджахедка старшего возраста с седыми волосами и острым чувством юмора. Её преступление заключалось в том, что она была членом организации *моджахедов* и всем рассказывала об этом.

— Я везде говорю о *моджахедах* и никого не боюсь! — гордо заявила она. — Никто не может остановить меня!

Режим ложно обвинил её в том, что она эксперт в сфере компьютерных технологий и распространяет в Интернете запрещённую информацию. Выбив из этой кроткой пожилой женщины ложное признание, её приговорили к восьми годам тюремного заключения. Перед тем, как попасть в камеру № 2, она провела пятьдесят дней в одиночном заключении.

Другая вновь прибывшая — молодая худенькая девчушка с сильно разбитым лицом. Она и её четырнадцатилетний брат присутствовали на политическом митинге, который состоялся после выборов. Когда представители сил безопасности вторглись в толпу и начали избивать её брата, она попыталась защитить его. Сотрудники полиции набросились на неё, избили ногами и дубинками и их обоих задержали. Когда их отец написал заявление с жалобой, суд отклонил его и приказал детям извиниться перед полицейскими. Они отказались, и девушку приговорили к тюремному заключению.

— Отец сказал судье, что в день моего освобождения он лично отвезёт меня в церковь и обратит в христианство, — рассказала нам девушка. — Он сказал: «Мы ненавидим этот ваш ислам, который является просто предлогом для несправедливости и репрессий. Нет смысла позволять моей дочери оставаться мусульманкой даже на один день её жизни».

Суд постановил держать девушку под стражей до тех пор, пока она не извинится. Так происходило всегда; в противном случае было бы очевидно, что правительство ошибалось, арестовав её.

Это напомнило мне о моих беседах с Фереште в отделении 209, которая заверяла, что действия режима не имеют ничего общего с подлинным исламом. Поэтому я возразила:

— Ислам этого режима — это истинный ислам, ислам, описанный в Коране. Но большинство людей не читают Коран самостоятельно, потому что текст написан на арабском языке, а также потому, что боятся, что их оштрафуют или накажут ещё как-нибудь, если они случайно уронят его, возьмут нечистыми руками или поставят под сомнение то, что в нём написано. Ислам делает всё возможное, чтобы держать людей подальше от Бога и личных отношений с Ним, потому что эта связь угрожает власти религиозных лидеров и контролю, который они пытаются удержать над людьми. Они хотят с помощью религии сделать людей зависимыми от себя.

Преступники, управляющие Ираном, управляют им в соответствии с исламскими законами.

Марьям

В течение нескольких недель изоляции мы часто вспоминали о тюремных детях и теперь нам не терпелось увидеть их. Я расспросила Розиту о сыне Пунэ, Альфи, который родился вскоре после того, как нас перевели в «Эвин», и через несколько минут она принесла его к нам. Как сильно изменились черты лица мальчика за такое короткое время! Счастливые, мы обняли его, а затем прошли по коридору в камеру, где жили все матери и их маленькие дети. Они были рады нас видеть и хотели знать, где мы были и что с нами произошло. Нам задавали вопрос за вопросом. Мы заметили, что Абубакр и его мать исчезли, и тут же узнали, что, когда Абубакру исполнилось три года, его забрали, а мать отправили вниз жить с другими наркоманками. Её душевная боль, должно быть, была невыносимой. Увидит ли она когда-нибудь снова своего ребёнка? Никто не знал. Теперь, когда он был в руках властей, с ним могли сделать всё, что угодно, как и с любым другим ребёнком заключённых матерей, не неся за это совершенно никакой ответственности ни перед кем.

Нам всегда нравилось навещать детей, особенно когда мы устали думать и говорить о трудностях, в которых живём. Их камера казалась такой мирной, целым иным миром, отделённым от напряженной, гнетущей атмосферы тюрьмы. Дети были слишком малы, чтобы знать, как жестоко их наказывают за преступления, которых они не совершали. Никто их не спрашивал, за что вас арестовали? Вы в состоянии внести залог? Когда вас повезут на суд? Как долго вам сидеть? Единственным их преступлением было то, что они были детьми женщин, которые не соответствовали законам шариата. Им приходилось довольствоваться небольшим количеством игрушек и предметов первой необходимости, плохой едой, плохим медицинским обслуживанием, скудным солнечным светом, обходиться без свежего воздуха, без деревьев, птиц и цветов, которые могли бы пробудить в них любопытство, без травы, по которой можно было побегать босиком, без семьи, в окружении взрослых заключённых, которые презирали их так же часто, как и обращали на них внимание.

Позже, когда мы снова пошли навестить Альфи, он лежал на кровати своей матери, а она плакала на полу перед ним. Я села рядом с Пунэ и спросила, что случилось.

— Когда сегодня я позвонила маме, то узнала, что суд может приговорить меня к пожизненному заключению как соучастницу убийства, совершённого моим мужем. Я была рассержена и напугана, я была не в себе. Я уложила Альфи поспать и вышла из камеры. Когда я вернулась, он упал с кровати. В своём горе я забыла, что мой сын ещё слишком мал, чтобы оставлять его без присмотра. Вместо того, чтобы поднять его и прижать к себе, я избила его за то, что он упал с кровати. Какая же я мать!

— Нужно было попросить меня присмотреть за ним, — расстроено сказала я. — Я уже не раз говорила тебе, что всякий раз, когда ты устанешь, приноси Альфи ко мне и успокаивай нервы каким-нибудь другим способом.

Теперь с Альфи всё было в порядке, он улыбался и протягивал ко мне свои пухленькие ручки.

Вернувшись в свою камеру и приляг на койку, я расплакалась от мысли о страданиях этого бедного ребёнка. Я чувствовала себя беспомощной в такой печальной и безнадёжной ситуации. Я часто укладывала Альфи спать после обеда, пела ему гимны и молилась за него. Пунэ была счастлива спихнуть его на меня, потому что сама она завела романтические отношения с несколькими женщинами внизу и предпочитала проводить время с ними.

Казалось, что Пунэ искренне сожалела о том, что вышла из себя, но это не мешало ей снова набрасываться на сына. Однажды ночью, когда мы уже легли спать, то услышали плач Альфи. Чуть позже Розита с очень озабоченным лицом принесла его в нашу камеру. Пунэ так сильно ударила мальчика, что на его лице всё ещё были видны красные отпечатки её пальцев. Я успокоила его и уложила спать. На следующее утро я пошла поговорить с Пунэ о том, что произошло вечером.

— Марьям, я так волнуюсь, что не знаю, что творю, — оправдывалась Пунэ. — Бог совсем не помогает мне. У меня нет никого, кто бы мог проследить за ходом моего дела. Я очень устала! И что я вообще делаю с этим ребёнком в тюрьме?

— Дорогая Пунэ, — сказала я строго, — я понимаю твою ситуацию. Мы молились с тобой об этом, и ты обещала предать свои

трудности в руки Бога. Однако на практике твоё отношение к сыну не изменилось. Чтобы ты могла видеть присутствие Бога в своей жизни, в твоём сердце должны произойти изменения. Бог поможет тебе решить твои проблемы. А нарекание на Бога не поможет. Кроме того, то, как ты относишься к Альфи, сердит Бога. Ты должна быть повнимательнее к своему сыну!

Мы снова помолились вместе. Всё, что я могла делать, — это надеяться на лучшее и продолжать молиться, чтобы Бог действовал в сердце Пунэ.

Марзие

Заключённые обычно поступали в камеру № 2 с небольшим количеством вещей, часто только с одеждой и несколькими предметами гигиены. Совсем другое дело с Тахмасеби. Она заселилась в нашу камеру с таким количеством вещей, что надзиратели выделили ей три койки, чтобы всё это хранить. У неё, должно быть, были хорошие связи на довольно высоком уровне, чтобы получить столько места, в то время как другие спали на полу.

Тахмасеби было всего тридцать, однако она отбыла уже тринадцать лет пожизненного заключения за контрабанду наркотиков. Она была мускулистая с мужским лицом и мозолистыми руками рабочей или крестьянки. Тахмасеби родилась в городе Тебриз, известном коврами ручной работы и сильным азербайджанским акцентом. В тюрьме «Эвин» Тахмасеби работала на складе и за годы присвоила понемногу всего, что проходило через её рабочую зону, включая коллекцию кукол, которая быстро привлекла внимание заключённых. Она разложила их на одной из своих кроватей и заботливо накрыла атласной простыней. Хотя поначалу другие заключённые обижались за то, что женщина занимает так много места, куклы, драпировки и другие украшения, которые она доставала из своих тюков, украшали камеру и делали это место более привлекательным. У Тахмасеби было множество горшечных растений и цветов, которые превратили часть камеры в красивый миниатюрный садик.

Поначалу с ней было трудно познакомиться. Она вставала очень рано и весь день проводила на работе. Возвращалась она ночью, заваривала чашку чая, смотрела телевизор и разговаривала только с

Розитой и госпожой Гадери. Старые заключѣнные, такие как Тахмасаби, требовали особых привилегий и, как правило, общались только с другими давними заключѣнными. Через несколько дней Розита представила нас ей как «узников веры».

— Тебе повезло, что Бог на твоей стороне, — сказала мне Тахмасаби.

— Бог и на твоей стороне тоже, — ответила я.

— Я так не думаю, моя дорогая. Бог меня совсем не любит!

— Тахмасаби, Бог любит тебя и не забыл о тебе.

Тахмасаби практиковала ежедневный исламский молитвенный ритуал, *намаз*, стоя на коленях на своей белой циновке в длинной белой *чадре*. И всё же, несмотря на всю набожность этой женщины, молитва, казалось, была для неё обычным делом, без всякого чувства и любви к Богу.

Однажды, когда я стирала одежду, Тахмасаби подошла поговорить со мной.

— Я думаю, что вы с подругой не цените свою свободу, — сказала она. — Почему вы отстаиваете свою веру и даѣте повод держать себя здесь? Стоит вам лишь сказать суду то, что они хотят услышать, и вы будете свободны. Если бы вы были на моѣм месте, вы бы знали, насколько ценна эта возможность! Я живу здесь уже тринадцать лет и днѣм и ночью только и мечтаю, чтобы выйти на свободу. Вы же можете получить её прямо сейчас, но упрямыствуете.

— Я понимаю тебя, — ответила я. — Тринадцать лет — это почти половина твоей жизни. Не удивительно, что ты ощущаешь усталость и безнадежность. Но моя жизнь и жизнь Марьям посвящены Богу. Для нас свобода имеет смысл только в контексте наших отношений с Ним. Если я не могу жить и действовать в соответствии с принципами моей веры, то я несвободна, будь то я в тюрьме или за её пределами. Настоящая свобода означает возможность практиковать свою веру, а не прятать её или запира́ть в клетке. Здесь я свободна, потому что режим не может заставить меня отказаться от моей веры и навязать свою.

Мой ответ заставил Тахмасаби задуматься.

— Я не понимаю, — сказала она. — Что это за вера, которую вы считаете достойной того, чтобы из-за неё отказаться от свободы и быть готовыми провести всю молодую жизнь за решѣткой?

— Это — любовь! — объяснила я. — Когда любишь Бога, когда живёшь с Ним и Он становится твоим миром, проблемы этого мира теряют важность. Единственное, что имеет значение, — это быть со своей любовью, с Богом, пусть даже в тюрьме. Режим может заключить в тюрьму только наши тела; но не может заключить в тюрьму наши души. Несмотря ни на что, мои вера и убеждения всё равно принадлежат мне. Пока у меня есть Бог, я свободна.

— Всё равно не понимаю, — удивлялась Тахмасеби. — Как же вам так повезло, что у вас такая вера. По крайней мере, ты уверена, что Бог любит тебя!

— Я верю, что Бог также любит и тебя, Тахмасеби, больше, чем ты можешь себе представить.

Несколько ночей спустя мне приснилось, что я раздаю рыбу всем заключённым, а Тахмасеби хотела самую большую. Я не была уверена, что означал мой сон, но подумала, что это может означать, что Тахмасеби ждёт большой сюрприз. В то утро за завтраком я рассказала Тахмасеби о сне и объявила всем сокамерницам, что это означает, что в течение шести месяцев её освободят.

Заключённых переводили как из тюрьмы в тюрьму, так и из камеры в камеру в пределах одной тюрьмы. Я сказала Тахмасеби:

— Эта камера — последняя, прежде чем ты выйдешь на свободу.

Столь смелое и неожиданное предсказание поразило всех.

— Я ценю ваше сочувствие, — уныло ответила Тахмасеби, — но я уже много раз слышала подобное. Я отбываю пожизненное заключение, и меня не освободят.

Розита повернулась к Тахмасеби.

— Тебе лучше верить Марзие, — сказала она. — Я совершенно уверена в правдивости её снов и в её вере. Она уже предсказывала освобождение нескольких заключённых, и все её предсказания сбылись. — А затем добавила: — Вообще-то пора тебе уже увидеть сон и обо мне!

— Моя дорогая Розита, — ответила я, — я не гадалка. Это Бог даёт мне эти предсказания и то, что я говорю, — не от меня, а от Бога. Всё, что в моих силах, — это молиться за всех и за тебя в том числе.

— Почему же Бог отвечает на ваши с Марьям молитвы, а на наши — нет?

— Бог слышит молитвы тех, кто верен Ему, и Он всегда отвечает. Но только отвечает Он согласно Своей воле, а не нашим планам.

За тринадцать лет, проведённых за решёткой, у Тахмасеби выработалась физическая сила, стойкость и воля к выживанию. Другие заключённые не выдерживали жестокости и тяжёлых условий и сломались под давлением угроз и оскорблений со стороны правительства.

Киануш — молодая женщина, на офисном компьютере которой после выборов сотрудники службы безопасности нашли несколько антиправительственных новостных репортажей. Она не подписывалась на эти рассылки и не знала, откуда они взялись. Но поскольку они были обнаружены на её жестком диске, ей было предъявлено обвинение в использовании Интернета для распространения информации об антиправительственных протестах.

Когда её привезли в «Эвин», она только то и делала, что сидела в углу и плакала. Наконец она немного успокоилась, но всё же так и осталась очень тихой и замкнутой.

Ей сказали, что если она хочет выйти на свободу, то должна снять видео, на котором признается, что она отправляла электронные письма друзьям и родственникам с просьбой принять участие в протестах. Она так и сделала, однако её не освободили. Киануш сказала мне, что очень сожалеет об этом.

— Но почему ты сняла видео с признанием? — спросила я. — Теперь оно обязательно будет использовано против тебя. К тому же и глупцу понятно, что тебя не освободят, несмотря на обещание.

— Я сделала это потому, — удручённо объяснила она, — что меня напугали до смерти. Мне сказали, что, если я не буду сотрудничать, суд вынесет мне суровый приговор и меня посадят в тюрьму. Тогда я согласилась повторить то, что мне приказали.

Я боялась, что Киануш могла также «сознаться» в других преступлениях, о которых побоялась рассказать мне. Она недавно вышла замуж и беспокоилась, что муж бросит её. Она разговаривала с ним каждый день и после каждого телефонного разговора возвращалась с красными от слёз глазами. Услышав наши разговоры о христианстве, она попросила нас помолиться за неё.

— Ваши молитвы приносят мне облегчение, — как-то сказала она.

Марьям

Киануш слышала мои разговоры с госпожой Араб, чья кровать стояла рядом с моей. Иногда мы беседовали до поздней ночи. Я познакомилась с госпожой Араб до того, как нас с Марзие перевели в отделение 209. Она была необычайно щедрой — покупала еду для самых бедных заключённых. Она также была мастерицей по вязанию. Несмотря на то, что после нашего возвращения в отделение 2 мы пытались возобновить дружбу с ней, она, казалось, избегала нас.

Однажды я попросила госпожу Араб научить меня вязать несколько узоров. Показывая мне схему, она завела разговор:

— Я слышала, что вы с подругой часто говорите о Христе. Я вижу, как вы молитесь за заключённых и делаете всем добро, но я никак не решалась подружиться с вами.

— Мы заметили, — ответила я. — Мы полагали, что вы ненавидите нас, потому что мы — христианки. Многие здесь считают нас *нечистыми* и *неприкасаемыми*, поэтому избегают нас.

— Нет, я никогда не ненавидела вас, — утверждала госпожа Араб. — Напротив, я всегда завидовала вашей вере. Да, я слышала, что вы «нечистые», потому что отреклись от ислама, но я всегда защищала вас и спрашивала ваших критиков, как они могут быть настолько уверены в собственном благочестии. На мой взгляд, у вас, двух молодых девушек, больше веры, чем у нас всех присутствующих здесь, кто считает себя мусульманками. По правде сказать, я знала, что вы заговорите со мной о Христе, и поэтому избегала вас. Я боялась, что вы повлияете на меня, и не хотела этого.

— Почему? — искренне и озадаченно спросила я. — Я слышала, что вы набожная женщина. Если вы искренне верите в избранный вами путь, зачем вам бояться говорить с нами?

— Я происхожу из чисто мусульманского рода, — ответила госпожа Араб. — И никогда не смогу оставить ислам. Но я уважаю христиан и считаю, что каждый должен иметь право исповедовать свою веру. Ислам имеет для меня особое значение. Тем не менее я бы хотела, чтобы вы молились за меня и за мои проблемы. Мне кажется, что Бог слышит вас. Но, пожалуйста, не говорите мне о христианстве. Я не хочу сомневаться в собственной вере.

— Не волнуйтесь, — сказала я с улыбкой. — Я уверена, что, если Бог избрал вас и хочет открыть вам Свою истину, Ему не нужно, что-

бы это делала я. Но, если вы теряете свою веру в ислам из-за того, что разговариваете с христианами или читаете Библию, значит, ваша вера основана на страхе и без неё вам будет лучше.

Вместе прогуливаясь во дворе, я помолилась за госпожу Араб. А когда закончила молитву, увидела, что она плачет.

— Мне страшно, потому что я чувствую, что Христос хочет поговорить со мной, — призналась она. — Много лет назад моего сына похитили злоумышленники и в течение нескольких месяцев удерживали с целью получения миллионного выкупа. Ситуация казалась безвыходной. Однажды дождливой ночью я проходила мимо здания, у дверей которого стоял мужчина. «У вас проблемы?» — спросил он. Я ответила ему, что пребываю в отчаянье и не знаю, как молиться, чтобы Бог услышал меня. То здание было церковью. Человек сказал: «Вы можете попросить Христа помочь вам. Он услышит ваш голос. И мы будем молиться за вас». Той ночью я пообещала Христу, что, если мой сын будет освобождён, я буду ставить свечи, каждый год делать благотворительные пожертвования на церковь и называть своего сына именем «Христос», когда мы будем наедине. Через три дня моего сына отпустили...

Я сдержала обещание, данное Богу, но никому об этом не сказала. Когда я узнала, что вы с подругой попали сюда из-за вашей веры во Христа, я содрогнулась. Для меня это был ещё один знак от Иисуса.

Некоторое время спустя госпожа Араб остановила меня во дворе во время перерыва.

— Я много думала об этом и хочу, чтобы ты рассказала мне о Христе. Кто Он? Почему я должна знать о Нём? Чего Он от меня хочет?

Я рассказала г-же Араб своё свидетельство о том, как я уверовала во Христа, и мы договорились каждый день молиться друг за друга. По мере того, как понимание христианства женщиной углублялось, она испытывала всё большее волнение.

— Я чувствую себя недостойной Христа, — как-то призналась она. — Я совершила так много грехов. Я боюсь встретиться с Иисусом!

Представление о Боге как о добром Отце, Который прощает все наши грехи, совершенно чуждо многим мусульманам, которых всю жизнь учили, что Бог — это Бог возмездия и наказания. Со временем наши многочисленные молитвы и дискуссии помогли госпоже Араб принять истину. Она пообещала, что, когда выйдет на свободу, найдёт Библию и будет рада посетить церковное богослужение.

По мере усиления послевыборных протестов в тюрьме становилось всё больше людей. Количество арестов резко возросло, а количество женщин, освобождаемых условно-досрочно, сократилось до минимума. Камеры так набивали заключёнными, что ночами трудно было даже повернуться. Воздух стал ещё более затхлым, а смрад стольких тел в непосредственной близости — ещё более отвратительным. Многих новых заключённых, особенно молодых девушек, помещали в нашу камеру, потому что мы приобрели репутацию тех, кто способен успокаивать новичков и помогать им меньше бояться. Когда другие заключённые больше не хотели слышать их плач или отвечать на их вопросы, их отправляли к «христианским девушкам». Нам с Марзие нравилось разговаривать с вновь прибывшими, потому что они приносили последние новости извне. Поскольку протесты усилились, у нас отключили телевидение и доступ даже к прогосударственным газетам. Нас ограничили и в возможности делать телефонные звонки. Поэтому мы всегда были рады новостям со свободы.

Однажды ночью, уже после отбоя, в нашу камеру влетела Ширин Алам Хули и сообщила, что из отделения 209 к нам только что перевели двух девушек. Она хотела, чтобы мы пошли познакомиться с ними. Мы последовали за ней по тёмному коридору в камеру, где в углу на полу сидели девушки, всё ещё укутанные в исламское одеяние, которое им пришлось надеть лишь для того, чтобы перейти из отделения 209. Вокруг толпилась группа женщин, забрасывая их вопросами.

Мы пробрались прямо к ним и представились. Девочки сказали, что их зовут Маэдэ и Магдэ. Маэдэ сразу же спросила:

— Это вы — «христианские девушки»? — Мы ответили, что мы. — Я много слышала о вас от Фереште!

— В отделении 209 вы были в одной камере с Фереште?! — взволнованно воскликнула я. — Как она? У неё всё ещё есть телевизор? Как прошло судебное заседание по её делу?

Я была так счастлива узнать о своей дорогой подруге и бывшей сокамернице, что стала задавать вопросы быстрее, чем Маэдэ успевала отвечать на них. Получив облегчение от возможности задать вопросы о Фереште, я, наконец, умолкла.

— Да, Фереште рассказывала мне, что ты была её сокамерницей. Она очень расстроена разлукой с тобой и день и ночь только то и делает, что говорит о тебе. И да, у неё до сих пор есть телевизор. Прежде чем меня перевели в её камеру, я была в другой камере отделения 209 и видела там сообщения, которые вы написали на стенах — ваши имена и выдвинутые против вас обвинения. Как вам удалось написать всё это?

— Свежей краской с помощью крышек от йогурта.

Маэдэ продолжала, ещё более оживлённо:

— Вы также были в следственном изоляторе «Возаре»? Мы с Магдэ провели там несколько дней и видели на стенах и даже на потолке надписи вроде «Христос — Спаситель» и «Бог есть любовь». Эти надписи придавали нам чувство покоя в самые страшные для нас дни, и мы часто задавались вопросом, кто оставил их там.

— Да, это сделали мы, — ответила Марзие. — Мы провели в «Возаре» пятнадцать дней.

Маэдэ очень интересовалась христианством и задавала много вопросов. Она рассказала нам, что уже посещала церковь и во время посещения, слушая молитвы и гимны, испытывала радость, хотя даже не понимала языка. В конце концов, мы рассказали ей о своей жизни и пути веры и вместе помолились. Через некоторое время Маэде и Магдэ освободили.

Рассказ Маэдэ очень ободрил нас. Он был прекрасным примером Божьей любви и заботы даже в ситуациях, которые казались нам наиболее безнадёжными. Если бы нас не арестовали, у нас не было бы возможности оставить надписи в «Возаре» и в отделении 209. Если бы не арестовали Маэдэ, она бы никогда их не увидела, и мы бы никогда не познакомились друг с другом. То, что по мирским меркам выглядит ужасным, на самом деле является великой победой Христа: Его послание провозглашается под самым носом жестокого режима, который отчаянно пытается остановить его.

Мир наблюдает

Марзие

Благодаря разговору с Маэдэ Бог обратил наше внимание с того, что, по *нашему* мнению, мы должны были делать, на то, что Он хотел, чтобы мы делали. Мы организовали две домашние церкви, распространили двадцать тысяч экземпляров Нового Завета на языке фарси, проповедовали и благовествовали, при этом пытаюсь избежать ареста. Это был очень медленный процесс. Теперь же, находясь в тюрьме, мы могли открыто свидетельствовать о своей вере. Если раньше мы искали людей, с которыми можно поговорить о Христе, то теперь они сами искали нас. «Иди к христианским девушкам!» — направляли друг друга к нам заключённые. Сама тюремная система, которая пыталась заставить нас замолчать, стала теперь нашим рупором: о нашем аресте, истории нашего заключения и нашем послании веры рассказывали новостные телеканалы всего мира. Наши тюремщики, сами того не желая, помогли нам проповедовать Евангелие!

Какой бы замечательной ни была эта ситуация, казалось, у Бога никогда не заканчивались новые сюрпризы и неожиданности. Вернувшись в камеру № 2, мы узнали, что старую сплетницу, которую мы называли «Мамочкой», перевели на новое место, подальше от двери, в дальний угол, чтобы она создавала меньше неприятностей. Однако это не сильно помогло. «Мамочка» продолжала рассказывать гадости о других заключённых, распространять сплетни и пытаться настроить женщин друг против друга. Похоже, таким образом она чувствовала себя важной.

Она совершила большую ошибку, перейдя дорогу Тахмасеби, чей статус тюремного должителя давал ей основания не подчиняться «Мамочке» и отстаивать свои интересы.

По какой-то причине новую девушку по имени Махназ, обвиняемую в распространении и употреблении наркотиков, поместили в

нашу камеру на втором этаже, а не вниз с остальными наркоманами. Поддерживаемая «Мамочкой», она издевалась над другими женщинами и обращалась со всеми так, как наркоманы привыкли обращаться друг с другом.

Однажды Тахмасеби, которая очень требовательно относилась к чистоте и к своему огромному запасу личных вещей, увидела, как Махназ оперлась на её кровать. Так вспыхнула ссора, которая впоследствии переросла в полномасштабный кулачный бой. Когда мы слышали громкие крики и прибежали из коридора, то увидели, как Тахмасеби держит Махназ одной рукой за горло, как кошка — мышь, а другой яростно стегает её по лицу. Она была так рассержена и настолько сильна, что мы все вместе не были в состоянии остановить её. Наконец, когда гнев Тахмасеби немного приутих, она отпустила жертву со словами:

— И чтобы больше никаких издевательств по отношению к остальным. Всё, хватит! Ещё одна выходка, и я утихомирю тебя навсегда.

Тахмасеби знала, что «Мамочка» поощряет поведение Махназ. Поэтому, подойдя к двери её камеры, она громко добавила:

— И позвольте предупредить всех, кто раздувает здесь эти неприятности: «Пора прекратить это! Немедленно! Меня не волнует, сколько кому лет и как долго они сидят. Отныне я буду обращаться так же и с ними».

Остальные в камере как раз обсуждали, не стоит ли жаловаться непосредственно госпоже Резаи, заведующей женской частью тюрьмы. Многие из нас уже давно хотели урезонить «Мамочку»; мы бесчисленное количество раз пытались и подружиться с ней, и не обращать внимание на её ложь и клевету. Более того, однажды ночью мы видели, как быстро и легко она шагала по коридору, думая, что никто её не видит — её постоянные жалобы «я не могу ходить» были просто спектаклем, одним из способов привлечь к себе внимание! Когда мы предложили, чтобы Розита и несколько других женщин написали официальную жалобу, они были в восторге.

Когда «Мамочка» узнала о нашем плане, она поспешила сообщить госпоже Резаи свою версию истории, надеясь, что та примет решение на месте и откажется даже выслушать нас. Однако госпожа Резаи всё равно вызвала нас. Заключённые часами ждали в коридоре перед дверью разговора, который длился максимум десять минут. Когда

подошла наша очередь, мы вошли в большой кабинет, украшенный растениями и резьбой по дереву. Перед нами стоял огромный стол с несколькими массивными кожаными креслами. Госпожа Резаи была высокой стройной женщиной с приветливым лицом и спокойным характером. По опыту мы знали, что администрация тюрьмы намного более осторожно обращается с политическими заключёнными, потому что они с большей вероятностью могут сделать информацию о том, как с ними обращаются, достоянием общественности. Наша же известность на телевидении и в Интернете сделала обращение с нами ещё более осторожным.

Госпожа Резаи даже предложила нам сесть, делая вид, что не понимает, зачем мы пришли. Она была очень хорошей актрисой.

Мы объяснили, что «Мамочка» постоянно нарушает покой и спокойствие в нашей камере. Она привыкла сплетничать за спиной остальных и настраивать женщин друг против друга.

— Мы уверены, что вам известно о кулачных боях, к которым недавно в нашем отделении привело её поведение, — сказала я. — Она также имеет привычку рассказывать разное вновь прибывшим о других заключённых. Вообще-то мы не против, потому что она рассказывает всем, что мы — христиане. Это вызывает у новичков любопытство, и они хотят больше узнать об Иисусе и христианстве.

Это было на самом деле правдой. Мы знали, что многим надзирателям не нравится, что мы говорим о христианстве, и они пытаются помешать этому. А «Мамочка» помогает нам. Распространяя сплетни, она рассказывает каждой вновь прибывшей женщине о «христианских девушках» и даже пересказывает наше свидетельство, таким образом заставляя их интересоваться нашей верой.

Госпожа Резаи на мгновение задумалась.

— Вы абсолютно правы насчёт этой старухи, — спокойно произнесла она. — Она слишком стара, чтобы изменить своё поведение. Единственное решение, которое я вижу, — это перевести её в другую камеру. Я отдам приказ.

Вечером того же дня пришла надзиратель и приказала «Мамочке»:

— Собирай вещи, тебя переводят.

«Мамочка» не могла поверить своим ушам.

— Не может быть! — возмущённо пробормотала она. — Кто приказал?

— Госпожа Резаи.

«Мамочка» бросилась в кабинет начальника тюрьмы, чтобы попытаться изменить её решение, однако приказ остался в силе. Таким образом от политических заключённых её перевели к убийцам. Теперь тактика «Мамочки» заключалась в том, чтобы оттянуть перевод как можно дольше, но и это не сработало. Чудом к концу дня «Мамочка» навсегда покинула нашу камеру. Все в нашем отделении были счастливы и осыпали меня и Марьям благодарностью за то, что до этого дня казалось невозможным.

Освобождённая условно-досрочно, наша подруга, госпожа Араб, вскоре снова вернулась в тюрьму. Женщин, которые какое-то время сидели за решёткой и имели семьи, часто отпускали временно на условно-досрочное освобождение, чтобы они могли посетить своих родственников. Как бы решительно госпожа Араб не отстаивала ислам, она всё больше и больше интересовалась христианством, потому что похитители освободили её сына после того, как она помолилась к Иисусу. Она рассказала мне, что всё ещё находится в тюрьме отчасти потому, что её муж, исламский фанатик, которого она оставила много лет назад, завидует её успеху в торговле рисом и использовал свои связи в правительстве, чтобы она оставалась за решёткой, пока не согласится вернуться к нему.

Однажды ночью, вскоре после того, как госпожа Араб вернулась в «Эвин», мы с Марьям долго разговаривали с ней об Иисусе. На следующее утро она сказала, что ночью ей приснился Он. А позже в тот же день, когда она вернулась из культурного центра, то сообщила нам, что у неё есть секрет, который она раскроет нам после того, как в камерах выключат свет.

Когда отделение закрыли на ночь и выключили свет, госпожа Араб позвала нас к себе на кровать. Из-под подушки она вытащила книгу с короткими отрывками из Библии. Со слезами на глазах она сказала, что нашла это сокровище в стопке книг в библиотеке культурного центра.

— Когда я открыла её, я не могла поверить в то, что держу в руках, — прошептала она. — Эта книга говорила со мной. Я чувствовала, что именно через неё Бог отвечает на мои вопросы о Нём!

Это было ещё одним удивительным напоминанием о том, что у Бога есть Свой собственный план действий. Госпожа Араб спрятала книгу под подушкой и с тех пор читала её каждую ночь.

Марьям

Наше заключение длилось уже почти шесть месяцев, если считать две недели, проведённые в полицейском участке «Возара» и тридцать восемь дней в изоляторе отделения 209. Нам до сих пор не разрешили встретиться с адвокатом, который мог бы представлять наши интересы в суде, мы всё ещё не видели предъявленных нам обвинений, изложенных в письменной форме. Мы уже смирились с тем, что больше ничего не можем сделать, чтобы выйти на свободу. Христианские активисты по всему миру призывали к нашему освобождению, верные Богу верующие молились за нас, а (как мы позже узнали) известные и влиятельные мировые религиозные, политические и культурные деятели неумоимо трудились за кулисами политической арены, чтобы помочь нам. Однако ситуация находилась прежде всего в руках Господа. Нам пришлось доверить Ему все свои последующие шаги и вместо того, чтобы беспокоиться об освобождении, сосредоточиться на том, чтобы жить каждый день достойно Его имени и дарить своим сокамерникам поддержку, сострадание и надежду.

За стенами тюрьмы и за пределами Ирана история нашего заключения стала международной новостью, которая с каждым днём распространялась всё больше и больше. Об этом мы услышали во время последнего допроса. Новоприбывшие теперь узнавали нас по телевизионным и интернет-новостям. Некоторые приветствовали нас как знаменитостей. Мы равнодушно относились к известности; но преимущество такого обращения состояло в том, что заключённые искали встречи с нами и задавали вопросы о нашей вере. В чужой среде, где они были дезориентированы и напуганы, их привлекали наши, уже знакомые, лица.

Одним из примеров была женщина, которую однажды затолкали в нашу камеру после отбоя. Камера, как обычно, была забита телами, так что ей пришлось долго искать место на полу, чтобы прилечь. Мы слышали, как она плачет и причитает: «Как же я буду здесь со всеми этими преступниками!» Она продолжала плакать, издавая раздражающий

звук, как будто пытаюсь привлечь к себе внимание. Мы подали Розите знак, что хотим поговорить с ней. Когда Розита подала сигнал, что это возможно, мы с Марзие уселись на полу в темноте рядом с женщиной.

Я взяла женщину за руки. Её лицо было опухшим от побоев. Она ухватилась за меня и запричитала:

— Я так боюсь, я схожу с ума! Я не могу заснуть. Я здесь по какой-то ошибке. Если бы мой муж мог внести залог, мне не пришлось бы ночевать с этими преступниками. Я боюсь их!

— Заключённые здесь — не преступники, — заверила её я, пытаясь хоть немного успокоить. — Многие здесь — политические заключённые и арестованные по обвинению в финансовых нарушениях. Они нормальные люди. Не нужно их бояться.

— А ты — политическая заключённая? — поинтересовалась женщина. — Ты мне нравишься.

Я засмеялась.

— Нет, мы с подругой арестованы за веру в Иисуса Христа.

Женщина подскочила.

— Так вы те две девушки, о которых рассказывал «Голос Америки»? Я же думаю, что где-то видела тебя. Мы с мужем каждый день смотрим новости о вас по телевидению и в Интернете. Я и подумать не могла, что когда-нибудь познакомлюсь с тобой лично. Кто бы подумал, что вас будут держать здесь с обычными заключёнными. Вы знаете, что вы теперь знаменитости?

— Да, — снова засмеялась я, — мы слышали.

— Ну что, вам теперь лучше? Если бы вы не попали в эту тюрьму, у нас не было бы возможности познакомиться. Как видите, в тюрьме не всё так уж плохо. Вы здесь со знаменитыми людьми. Не нужно плакать из-за того, что вы в тюрьме. На самом деле, если вы будете продолжать плакать, сокамерницы рассердятся и отправят вас спать к убийцам. Это лучшая камера во всей тюрьме, так что вам лучше успокоиться и сидеть тихо.

Женщина ухватилась за мою руку и держалась за неё как ребёнок.

— Сделай что-нибудь, чтобы успокоить меня, — умоляла она. — Мне так страшно.

Я помолилась за неё и посоветовала ей попытаться заснуть.

Так получилось, что эту женщину продержали всего несколько дней. В то утро, когда её освобождали, она сказала мне:

— Как только я выйду отсюда, я расскажу всем, что познакомилась с тобой!

Несколько дней спустя мы с Марзие пошли проведать Ширин Алам Хули в камере № 2. Когда мы сели на её койку, рядом с нами села ещё одна заключённая, которая взволнованно спросила:

— Это вы те две «христианские девушки», которых должны казнить? — Мы все засмеялись над этим вопросом, но потом переспросили, откуда она узнала о нас и о том, что нас должны казнить. — Я видела ваши фото в новостях и на сайте «Radio Farda»¹. Вы, как и на фотографиях: одна с короткими волосами, а другая — с длинными. Я слышала, что здесь есть две девушки-христианки, и когда увидела вас, то сразу же поняла, что те девушки из новостей — это вы. — Затем её тон стал более резким. — Я слышала, что вас казнят. Вам лучше подумать об этом. Ваша вера того не стоит!

Комментарий женщины рассердил Ширин, но мы решили не спорить.

Другая заключённая, госпожа Пари, вернулась из условно-досрочного освобождения с известием, что за нас молится домашняя церковь её дочери. Её дочь была рада, что её мать знает нас, и надеялась, что мы вдохновим её открыть своё сердце для Иисуса.

— Я думаю, что на какой-нибудь из исламских праздников вы получите помилование, — сказала госпожа Пари, — потому что сейчас проводится множество кампаний, призывающих к вашему освобождению. Правительству будет трудно долго удерживать вас за решёткой. С другой стороны, если вас освободят, режим упадёт лицом в грязь, поскольку признает неправомерность вашего заключения. Поэтому у них нет другого выхода, кроме как вынести вам официальное помилование.

Просмотрев все сообщения о нас, которыми были полны средства массовой информации, госпожа Пари начала относиться к нам с ещё большим уважением.

В самых смелых своих мечтах я и предположить не могла, что отпраздную свой двадцать восьмой день рождения в тюрьме. Но произошло именно так. И здесь мне устроили чудесную вечеринку. Ши-

¹ «Radio Farda» — одна из популярных онлайн-радиостанций в Иране, иранская служба «Радио Свободная Европа», вещающая на языке фарси. — *Прим. пер.*

рин Алам Хули связала для меня красивую сумку; другие сделали подарки в ремесленных кружках культурного центра или купили их у других заключённых. Сильва и наша подруга Марджан пели для меня, а Ширин даже танцевала, чего она не делала никогда ранее. Сестра Марзие прислала ей украшения, чтобы подарить мне, а моя сестра прислала мне красивый крест, который я теперь носила на шее. Поскольку нам до сих пор не разрешали контактные свидания, эти подарки контрабандой пронесли семьи наших подруг по тюрьме и тайно передали Розите на сохранение.

Мы пожаловались администрации на то, что нам отказывают в разрешении на контактные визиты родственников несмотря на то, что мы имеем право на них. После нашей жалобы нам разрешили посещения.

Моё ожерелье с крестом стало ещё одним способом привлечь внимание новых заключённых. Одна девушка из группы вновь прибывших остановила меня во дворе во время прогулки и поинтересовалась, христианка ли я.

— Да, а почему ты спрашиваешь?

— Я заметила твой крест и подумала, что вы с твоей подругой, должны быть, те две известные «христианские девушки», о которых все только и говорят. Это так?

— Да, всё верно. А как ты узнала о нас?

Не говоря ни слова, девушка взяла меня за руку и повела к остальным десяти. Все они до сих пор были одеты в праздничные наряды, в которых их и арестовали за ненадлежащее общение в соответствии с законами шариата.

— Привет! — крикнула девушка остальным из своей группы. — Это Марьям, христианка, за которую мы молились в церкви. Представьте себе: она здесь, и мы можем познакомиться с ней лично!

Подруги девушки столпились вокруг нас, обнимая меня и пожимая мне руку. Мы с Ширин Алам Хули сели, чтобы пообщаться с ними.

— Большинство из нас — христианки, — объяснила девушка. — Мы живём в Дубае. Там мы посещаем церковь и несколько месяцев назад приняли крещение. Сюда мы приехали на каникулы и были приглашены на вечеринку, которая проходила в саду и на которой присутствовали и девушки, и парни. Через час после начала вечеринки пришла полиция, и всех нас арестовали. Мы ждём, пока суд назначит размер штрафа, который нам придётся выплатить, но никто

не знает, что мы — христиане. Пожалуйста, никому не говори, — тихо добавила она.

Нам с Марзие было очень приятно видеть, что эти девушки с таким энтузиазмом относятся к христианству. На тот момент их очень беспокоило, что в их мобильных телефонах, конфискованных полицией, были фотографии их крещения. Если они станут достоянием властей, у девушек будут серьёзные проблемы.

— Среди нас есть две девушки, которые не являются христианками, — сказала одна из группы. — Может быть, ты поговоришь с ними?

Обе эти девушки узнали меня и начали задавать вопросы о христианстве. Тогда одна из них сказала:

— Увидеть вас здесь — это знак для нас. Нам стыдно, потому что на самом деле мы — христианки, но боимся сказать об этом открыто, и многое в наших сердцах до сих пор не изменилось.

Я побеседовала с ними и вернулась к группе. На следующий день девушки заплатили штраф и их освободили. Уходя, одна из них сказала:

— Похоже, мы попали в эту тюрьму только для того, чтобы встретиться с тобой и с твоей подругой!

До этого времени о нашем деле упоминалось в нескольких официальных отчётах о жестокостях иранского правительства, распространённых «Amnesty International», Организацией Объединённых Наций и Европейским парламентом. 8 августа 2009 года начался сбор подписей под онлайн-петициями о нашем освобождении. 14 августа «Jubilee Campaign USA» подала официальную петицию в Рабочую группу ООН с просьбой о помощи. В своей петиции организация ссылалась на заявление Европейского Союза от 27 мая, осуждающее дискриминацию в Иране по отношению к христианам в целом и к нам в частности.

Нам было известно, что иранские судьи намного снисходительнее относятся к подсудимым, которые умоляют их о пощаде. Это придаёт им чувства важности. Срок заключения нашей пожилой подруги Сусан, приговорённой к восьми годам заключения, был сокращён до одного года после того, как её сестра на коленях умоляла судью о помиловании прямо в зале суда. Мы с Марзие были согласны в одном: мы никогда не предадим свою веру таким образом. Нам нечего было стыдиться и не за что было просить прощения. Теперь Бог воздавал за нашу стойкость, послав нам на помощь весь мир.

В ожидании новостей

Марзие

Послевыборные протесты продолжались, и по всей стране всё ещё царил хаос. Внешний мир и понятия не имел, насколько иранский народ разгневан на обман властей, потому что иностранным репортёрам было запрещено документировать протесты на улицах и любую другую оппозиционную деятельность и волеизъявление граждан. Несколько отважных людей снимали видео на мобильные телефоны, чтобы рассказать миру правду о том, что происходит в стране. Служба безопасности блокировала связь внутри страны, подвергая новости гораздо более тщательной цензуре, чем обычно.

Тюрьма «Эвин» была переполнена невообразимо, а заключённых запикивали в камеры так плотно, что надзиратели не могли даже войти туда. У большинства женщин не было койки, не говоря уже о месте для хранения личных вещей. Нам пришлось отказаться от использования подоконников в качестве полок для хранения вещей или сушки постиранного белья, потому что на них сидели вновь прибывшие. Весь пол был плотно устлан одеялами. Ночью не все могли найти место, чтобы даже прилечь. Жара и зловоние от стольких тел были просто невыносимы. Мы слышали, что внизу, в отделении для наркозависимых, содержатся сотни девушек, арестованных на улицах, и ещё сотни держат под арестом в школах, потому что тюрьмы больше не вмещают арестованных.

Раньше нам каждый день разрешали читать правительственные газеты «Хайят-э Но» и «Этемад-э Мелли», но теперь даже они были запрещены. Единственные намёки на то, что происходило во время разгара протестов, кроме заполненной до отказа тюрьмы, мы могли найти в подвергаемых строжайшей цензуре репортажах по государственному телевидению. События были настолько вопиющие и настолько масштабные, что даже им приходилось упомянуть о них.

Некоторое время мы также получали новости по телефону: друзья на свободе рассказывали о сотнях протестующих, особенно молодых людей, убитых режимом. Затем все телефоны — наш основной источник информации — отключили.

Видя всё это, многие заключённые, обвиняемые в мошенничестве и других ненасильственных преступлениях, надеялись получить освобождение. Они начали паковать чемоданы в ожидании, что двери тюрьмы распахнутся перед ними. Однако вместо этого было приостановлено расследование всех их дел. Никто и не собирався освобождать их, а их дела теперь даже не передавались в суд.

Наши подруги Тахере и Камила были экспертами в добывании отрывчатых новостей. Именно они первыми узнали, что лагерь «Ашраф» в Ираке, где жили так много друзей и родственников заключённых-*моджахедов*, подвергся нападению иракских солдат, в результате чего многие беженцы, находившиеся там, были убиты или ранены. Тахере, добрая пожилая женщина с серьёзными проблемами со зрением, ничего не знала о своих детях. Она была уверена, что нападение состоялось с подачи властей Ирака и Ирана и цель убийства огромного количества невинных людей в этом иракском лагере состояла в том, чтобы отвлечь внимание мира от внутривосточных протестов.

Через некоторое время Тахере узнала, что её дети находятся в безопасности, однако теперь проблема состояла в том, что иракское правительство требовало, чтобы беженцы покинули страну, в противном случае они будут экстрадированы в Иран. Некоторые беженцы, включая сестру Тахере, начали голодовку, надеясь привлечь внимание Организации Объединённых Наций или какой-либо другой международной организации, которая могла бы им помочь. Правительство Ирана сделало заявление, что за масштабными антиправительственными протестами всё это время стояли именно *моджахеды*. Таким образом режим планировал оправдать аресты *моджахедов* и их сторонников, проводившиеся без каких-либо доказательств, и их пытки.

К тому времени, когда кризис в «Ашрафе» достиг пика, Тахере, осуждённой к пяти годам лишения свободы, сообщили, что её переводят в другую тюрьму, которая имеет ещё худшую репутацию, чем «Эвин». Она подала апелляцию, и, хотя апелляция всё ещё не была рассмотрена, женщину всё равно переводили. Врачи предупредили, что ей срочно нужна операция на глазах, иначе она может полностью

потерять зрение. Этот перевод был для неё тяжёлым испытанием, к тому же для него совершенно не было никаких причин. Мы с Марьям, вместе с Тахере и её подругами, пытались обжаловать приказ о переводе у госпожи Резаи. Даже тучная госпожа Сорайя с трудом поковыляла в административный корпус, чтобы выразить свою солидарность с остальными. Ей нравилась Тахере, к тому же она никогда не упускала возможности пожаловаться госпоже Резаи на что бы то ни было. Надзиратель из женского отделения позвонила в тюрьму, куда переводили Тахере. Ответственный за приём новых заключённых как раз обедал, и ей удалось поговорить только со старшим надзирателем, которому, по его словам, ничего об этом не было известно. Мы помогли женщине упаковать вещи, обняли её и расплакались при мысли, что больше никогда не увидимся. В тот же день сотрудники другой тюрьмы прибыли с письменным приказом о её переводе и увезли Тахере. Мы потеряли добрую и верную подругу, а дети из соседних камер — заботливую бабушку, которая их очень любила. Малыши скучали по ней так же сильно, как и мы.

Чтобы хоть немного компенсировать это печальное расставание, несколько наших подруг получили на редкость хорошие новости. Первой была Тахмасаби, отсидевшая тринадцать лет из пожизненного заключения и считавшая меня сумасшедшей из-за того, что когда-то я предсказала её освобождение через шесть месяцев. Теперь она была свободна! Когда пришла новость о её помиловании, никто не мог в это поверить, особенно она сама. Женщина вбежала в нашу камеру, рыдая. Все тут же вспомнили мой сон и предсказание, что Тахмасаби выйдет на свободу.

— Теперь можешь быть уверена, что Бог тебя любит! — сказала я. Другая женщина спросила:

— А почему молитвы и сны христиан дают заключённым свободу?

— Это не мы и не наши сны, — объяснила я. — Это — победа Господа. Он использует нас только для выполнения Своей работы.

Бог явил в жизни Тахмасаби чудо. Она была убеждена, что никогда не выйдет на свободу. Однако для Бога нет ничего невозможного! Как только заключённая узнаёт о своём скором освобождении, последние дни в неволе кажутся такими же долгими и мучительными, как все

предыдущие годы вместе взятые. Документы на Тахмасеби должны были прийти из другого города. Тем временем её мать попала в больницу с тяжёлым заболеванием. Тахмасеби отчаянно хотела успеть увидеться с матерью перед её смертью. Через несколько дней, прошедших в мольбе, администрация тюрьмы выдала разрешение на то, чтобы она под конвоем была доставлена в больницу на свидание с матерью. Поездка очень осчастливила Тахмасеби. Посетив мать, она, казалось, немного успокоилась и терпеливо стала ожидать освобождения.

Через несколько дней её мать умерла. Теперь Тахмасеби начала переживать о том, чтобы успеть на похороны, но, к сожалению, это ей не удалось. Мы с Марьям решили провести поминки по матери Тахмасеби в нашей камере. Многие женщины были удивлены, что христианки организовали и так искренне провели поминки по мусульманке.

После смерти матери Тахмасеби стала задаваться вопросом, что будет, когда она выйдет на свободу. Она ничего не умела делать, у неё не было денег, была только отметка о судимости. Она подозревала, что братья и сёстры продадут вещи матери и поделят деньги между собой, ничего не оставив ей. В то время она находилась во временном исламском браке с мужчиной, который обещал помочь ей, когда она выйдет из тюрьмы, но теперь он отказывался сделать это из-за личных финансовых проблем. У него была и другая жена, и дети, которые ничего не знали о его отношениях с Тахмасеби.

Тахмасеби пыталась взять ссуду в два миллиона томанов (1000 долларов), чтобы начать бизнес, но ей было отказано. Мы молились за неё, и многие из нас дали ей немного денег, чтобы помочь начать новую жизнь. В течение многих лет работы на складе она зарабатывала восемь тысяч томанов (4 доллара) в месяц.

Когда день освобождения Тахмасеби приблизился, мы устроили для неё вечеринку с пением и танцами. Марджан испекла торт, мы все подписали открытку и вручили подруге небольшие подарки на память.

Наконец-то настал долгожданный день. По громкоговорителю прозвучало имя Тахмасеби, и ей было приказано явиться в здание администрации. Мы выстроились по две стороны коридора, засовывая ей в карманы конфеты и другие угощения, пели и танцевали от счастья. Незадолго до этого я подарила ей крест. Уходя, Тахмасеби посмотрела мне в глаза и сказала: «Я сохраню твой крест навсегда!» Мы проводили её до двери, помолились о её безопасности и успехе.

«Я не знаю, что меня ждёт, — призналась она. — Я очень волнуюсь». Затем с прощальной улыбкой она обвела нас взглядом и вышла из тюрьмы «Эвин» на свежий воздух свободы под синее небо.

Спустя короткое время такое же счастье выпало и нашей дорогой подруге Сильве. Отсидев только год своего трёхлетнего заключения, она не могла поверить, что в ближайшее время выйдет на свободу. Однажды она шепнула Ширин Алам Хули, Марьям и мне, что её все-таки выпускают. А через несколько часов её имя прозвучало по громкоговорителю. Теперь она будет свободна!

Все мы визжали и рыдали от радости, испытывая горько-сладкое чувство, потому что, как бы мы ни хотели, чтобы Сильва вышла на свободу, мы знали, что будем очень по ней скучать. Они с Ширин прожили год в одной камере, поэтому им разлука давалась особенно тяжело. Все вместе мы спели Сильве песню, и Сорайя исполнила нашу традицию разбивания тарелки освобождённой, которая символизировала прощальное послание: «Иди и никогда больше сюда не возвращайся!»

После ухода Сильвы мы с Марьям проводили с Ширин больше времени, чем когда-либо, пытаясь помочь ей пережить потерю близкой подруги. Имя Ширин тоже время от времени звучало по громкоговорителю, однако новости, которые ожидали её, не были радостными. Все близкие друзья Ширин волновались, когда звучало её имя, опасаясь, что это означает одно — жестокие допросы. Иногда её отправляли в отделение 209 на целый день, как это бывало и с нами, хотя её ещё и безжалостно избивали, чтобы вынудить выдать имена других членов РЖАК¹.

Несмотря на то, что Ширин пережила одни из самых жестоких пыток, о которых мы слышали — её подвешивали за пятки, били по ступням, били ногами в живот, пока её не рвало кровью, избивали до бессознательного состояния в течение нескольких дней, — у неё была стальная воля, а её гордость за своё курдское происхождение и преданность политическому движению РЖАК были непоколебимы.

Из-за такого поведения Ширин у неё возникали проблемы с администрацией и надзирателями по самым незначительным вопросам. Однажды трубы в туалете забились. На ремонт сантехникам потребо-

¹ «Партия свободной жизни в Курдистане». — *Прим. пер.*

валось три дня. После окончания ремонта нас заставляли принять по несколько таблеток, якобы чтобы не заболеть от инфекции. Поскольку наш медперсонал был настолько некомпетентен, многие из нас не хотели принимать таблетки, потому что не знали, что именно нам дают. Все сделали вид, что проглотили их, но потом повыбрасывали. То есть все, кроме Ширин, которая открыто отказалась принимать неизвестный препарат. Надзиратели доложили об этом заведующей женской частью тюрьмы, и госпожа Резаи тут же вызвала Ширин к себе.

Ширин игнорировала правила тюрьмы с самого первого дня поступления в «Эвин». И это, в придачу к выдвинутым против неё обвинениям в измене Богу, наказуемым смертью, делало каждый малейший инцидент значимым. Но для Ширин это не имело значения. Она была радикальной, упрямой девушкой, которая считала, что борьбу с несправедливостью необходимо вести открыто. Она не допускала никакого другого подхода. Её жёсткость резко контрастировала с её чувствительной личностью и огромным добрым сердцем.

Когда в Курдистане был убит верховный судья, начались допросы всех заключённых-курдов, обвинённых в связях с РЖАК, включая Ширин. Её снова спрашивали, готова ли она раскаться в своей оппозиционной правительству деятельности и членстве в партии. Вместо того чтобы отвечать на вопросы, она обвиняла их в перенесённых ею пытках и требовала, чтобы они ответили за это. Ничто не могло остановить отважную Ширин. С ослабевшим зрением и выпавшими из-за недоедания волосами, она выглядела бессильной и беспомощной. Однако в груди у неё билось львиное сердце.

Иногда мы вместе рассуждали о сходствах и различиях между нами, о том, как она отстаивает права курдов, а мы отстаиваем Христа. Ключевое отличие заключалось в том, что Ширин сражалась по своей воле, а мы — по воле Бога. Мы ничего не имели против сражения, которое она вела, потому что оно было важным для её народа, однако не соглашались с её тактикой. Нам было больно видеть, как молодая женщина, такая добрая и полная жизни, приносит столь огромную жертву, добывая борьбой свободу для курдского народа и особенно для курдских женщин. Мы призывали её отстаивать достоинство и свободу своего народа, не вовлекаясь в политику.

Марьям

Время от времени тюрьму «Эвин» посещали официальные делегации. Перед их приездом надзиратели начинали нервничать и кричать, чтобы мы убрали свои камеры, снимали верёвки, натянутые для сушки белья, покрыли головы *хиджабами*, и не давали нам есть, чтобы мы не накрошили на пол. Нам приходилось тихо сидеть на полу, наблюдая за тем, как мимо проходит стадо незнакомцев, рассматривая нас, как музейные экспонаты или животных в зоопарке. Иногда это были правительственные чиновники; иногда — иностранные гости или знаменитости. Чаще всего их водили в самые новые, наиболее отремонтированные и чистые части «Эвина», а это означало, что нога большинства из них никогда не ступала в отделение 2. Обычно им показывали культурный центр и отделение 3. Тем не менее во время их визитов нам всё равно приходилось часами просиживать на полу, закутанными в хиджабы, и ожидать, пока в камеру войдёт надзиратель с криком: «Отбой! Снять покрывала!».

Новые заключённые продолжали поступать нескончаемой чередой, даже несмотря на то, что, как мы думали, наши камеры переполнены настолько, что в них невозможно втиснуть ещё одно тело. Одной из вновь прибывших была Зари, бывшая профессиональная баскетболистка ростом не менее метра девяносто, арестованная за мошенничество. Конечно, мы сразу же прозвали её «Коротышка Зари». Несмотря на свой рост, она была простой, чуткой и перепуганной женщиной. Она была замужем всего два месяца и боялась, что теперь, когда она арестована, муж разведётся с ней; его родители не знали о произошедшем, и она очень боялась того, что произойдёт, когда они узнают.

Ещё одной новой сокамерницей была Шахла, которая вскоре подружилась со мной, Марзие и Ширин. Шахла оказалась удивительно счастливой женщиной, всегда рассказывала весёлые истории и шутила. Она превосходно имитировала различных надзирателей, марширующий конвой и других сотрудников тюрьмы. Она была забавной даже тогда, когда плакала. Она проливала так много слёз, что ей приходилось вытирать лицо полотенцем, потому что салфетки промокали за считанные секунды.

К нам также поступила госпожа Ядолахи, которая утверждала, что является известной ведущей новостей на одном из каналов спутникового телевидения. На самом деле она жила за пределами страны

и была арестована, когда приехала в Иран с визитом. Она любила танцевать и относилась к этому очень серьёзно. Во время перерывов госпожа Ядолахи закрывала глаза и кружилась по дворику для прогулок, делая широкие размашистые движения и принимая художественные позы, вознося руки к небу или обвивая их вокруг себя.

Во время нашего пребывания в «Эвине» туда приходили и уходили так много женщин и девушек! На каждую рассказанную нами историю приходится огромное множество других, не рассказанных историй, которые также следует сообщить миру. Но для того, чтобы рассказать об их жизнях, мужестве и самопожертвовании, потребуется ещё одна книга. Мы надеемся, что однажды у нас будет возможность написать и о них...

С первых дней заключения у нас обеих были серьёзные проблемы со здоровьем. У Марзие болела спина, горло, появились проблемы с почками и стоматологическая инфекция. Меня мучали головные боли, ужасная боль в ухе и проблемы с желудком. Мы сильно недоедали, почти не двигались, нам не хватало солнечного света. В лучшем случае медицинская «помощь» не помогала вообще, а в худшем — состояние от неё гораздо ухудшалось. Посещение врача всегда было большим испытанием, поскольку, чтобы добиться его, необходимо было преодолеть множество бюрократических преград и ожидать в течение длительного времени. Каждый день в тюрьме мы или болели, или чувствовали себя больными. На определённом этапе нашего заключения Марзие так долго лежала в постели, что соседки по камере прозвали её «Болеющей святой». Хотя мы старались держать себя в руках и не позволять своим немощам взять верх над нами, были времена, когда мы болели так сильно, что нам приходилось вновь и вновь обращаться к врачу в надежде получить хоть какое-то облегчение.

Для меня один из таких моментов наступил во время священного месяца Рамадан, когда мусульмане должны каждый день поститься от восхода до заката. Утренний призыв к молитве, который звучал в 5 часов утра, был перенесен на 3:30 утра, когда было ещё темно. Немногие заключённые соблюдали пост, но весь месяц еда подавалась только до рассвета или после наступления темноты. Мы продолжали избегать вонючей тюремной еды с добавками химикатов и покупали

в магазине консервы, варенье и сыр (которые откладывали на завтрак на следующее утро). Консервы всегда были какой-то ужасной марки, которые продавались только в тюрьмах.

Лесбийская активность продолжалась в тюрьме на высоком уровне. Администрация негласно поощряла эти отношения, чтобы сохранить контроль над заключёнными и иметь рычаги воздействия на них: угроза разлучения двух любовниц имела эффективное воздействие. Даже некоторые сотрудники тюрьмы имели лесбийские отношения с заключёнными, несмотря на то что всё это фиксировалось камерами видеонаблюдения. Отношения и напряжённость в этих отношениях почти ежедневно приводили к конфликтам. Некоторые стычки были настолько жестокими, что даже надзиратели боялись вмешиваться, чтобы попытаться остановить их. Когда мать-лесбиянка вступала в драку с криками, кулаками и начинала выдёргивать сопернице волосы, её дети пребывали в шоке от ужаса. Мы всегда пытались перевести детей в более безопасное место, пока драка закончится.

Я так и не оправилась ни от ужасной боли в животе, которая особенно донимала меня в отделении 209, ни от разрыва барабанной перепонки. Боли в животе каждую ночь мешали мне спать. Я договорилась, чтобы пойти на приём к доктору Кашани, стройной женщине с раздражительным характером. Я хотела попросить разрешения, чтобы моя сестра передала мне витамины. Когда я пришла на приём, доктор обратила больше внимания на мои документы, чем на мои проблемы со здоровьем.

— Так что случилось? — мимоходом спросила он. Когда я начала рассказывать о своих проблемах, она перебила меня: — Только кратко!

Я сказала, что мне известно о том, что с одобрения врача заключённые могут получать в тюрьме витамины.

Доктор Кашани подняла глаза.

— Какие обвинения выдвинуты против тебя? Какой ещё врач тебя осматривал?

— Я здесь из-за того, что я — христианка. Меня осматривали доктор Авеста и ещё несколько врачей из отделения 209.

— Ты здесь за веру в христианство или за обращение из ислама?

— Я обратилась в христианство одиннадцать лет назад.

Доктор Кашани снова посмотрела на мои документы. Она так и не удосужилась осмотреть меня и даже не прикоснулась ко мне.

— Что касается разрыва барабанной перепонки, — она зажимёт, — отрезала она. — А для вашего желудка мы ничем не можем помочь вам, потому что у нас нет оборудования. Вопрос о выдаче заключённым витаминов решаю только я, и госпожа Резаи ничем не может посодействовать вам в этом. Ваше состояние не настолько серьёзно, чтобы дать вам разрешение получить витамины.

Затем она крикнула через дверной проём:

— Следующий!

Кризис со здоровьем принял ещё более опасный оборот, когда к нам поступила заключённая, больная свиным гриппом. Переполненные камеры, плохая циркуляция воздуха и ужасная антисанитария являлись идеальными условиями для распространения вируса. Вскоре половина палаты заразилась гриппом, включая Марзие. Она настолько ослабела, что не могла даже сидеть в постели. Звук кашля разлетался по коридорам днём и ночью. Ни одна из заболевших не получила никаких лекарств, никакого лечения. Я была одной из немногих, кто оставался достаточно здоровым, чтобы ухаживать за другими. Я купила молоко и попросила подругу, которая работала на кухне, подогреть его, а затем раздавала больным гриппом. Потом я заварила чай с мёдом. Это всё, что могли есть некоторые женщины; даже те, кто обычно ели тюремную пищу, теперь не могли переварить её. В конце концов, эпидемия прошла. Насколько нам известно, по милости Божьей никто не умер.

Одна неделя перетекала в другую, а мы напрасно ждали каких-нибудь новостей по нашему делу. Наш адвокат, господин Солтани, способный и преданный делу отстаивать наши права, всё ещё находился в тюрьме. Мы не знали, когда состоится наш суд и состоится ли он вообще. Складывалось впечатление, что никто ничего не знает и никто никому не подотчётен. К нам долетали лишь отрывки противоречивых слухов — одни официальные лица сомневались, нарушили ли мы закон вообще, а другие утверждали, что нас осудят как веротступников и казнят.

В гражданском праве Ирана указано, что религия является личным выбором гражданина и что каждому официально разрешено открыто

исповедовать свою веру. Однако обращение из ислама или побуждение кого-либо к обращению карается смертью. Чтобы ещё больше запутать ситуацию, часть национального уголовного кодекса, призывающая к казни вероотступников, в настоящее время существует лишь в форме проекта и официально не одобрена Советом стражей Конституции². Для решения вопросов о вероотступничестве судьям рекомендуется использовать своё личное трактование законов шариата. Поэтому, если судья считает нас вероотступниками, он может приговорить нас к смерти, независимо от того, утверждён закон официально или нет, или же может и дальше откладывать рассмотрение нашего дела до принятия закона и тогда казнить нас в соответствии с законом.

Нам необходим был новый адвокат, и мы решили обратиться к господину Агаси, известному в Иране юристу. Наши сёстры встречались с ним, и сами мы разговаривали с ним по телефону. Он согласился заняться нашим делом, однако, как и предыдущий адвокат, он должен был получить наше письменное разрешение представлять нас в суде. Из-за противодействия со стороны чиновников как пенитенциарной системы, так и органов юстиции, бедному господину Солтани потребовались месяцы бесплодных поездок, звонков и уговоров, чтобы попытаться завершить выполнение хотя бы этой простой формальности.

Марзие проконсультировалась с социальным работником тюрьмы «Эвин» относительно того, в чём конкретно заключалась эта процедура и кто должен принимать в ней участие. Она посоветовала каждой из нас написать заявление, подписать его, снять отпечатки пальцев и передать ей, чтобы она могла передать эти бумаги господину Агаси в зале для свиданий. Сам он не мог прийти к нам за документами, потому что без этих документов его бы к нам не пустили. (Как мы позже узнали, именно это американцы называют «уловкой-22».) Было неясно даже то, разрешит ли суд нам нанять адвоката вообще. «Следствие» всё ещё не было завершено, и Министерство информации до сих пор не дало нам разрешения на представительство в суде.

Примерно в это же время состоялось наше первое с момента ареста контактное свидание с сёстрами. Обычно такие свидания разрешаются только заключённым, которые имеют хорошие связи среди власть имущих или проводят много времени в культурном центре. Нам же посеще-

² Совет стражей Конституции — специальный надпарламентский орган власти Ирана, примерно аналогичный по функциям конституционному суду. — *Прим. пер.*

ние центра было категорически запрещено его заведующей. Несмотря на это, мы попросили госпожу Резаи дать разрешение на контактные посещения и, к своему огромному удивлению, получили его.

Мы были в восторге! Утро, казалось, тянулось медленнее, чем когда-либо. Мы с Марзие надели *чадры* и стали в очередь, чтобы добраться до зоны для посещений. В тот день немногие заключённые, которым были разрешены контактные свидания, встречали своих гостей в другом месте, чем обычно, — в большом зале внизу, обставленном столами и стульями. Персонал тюрьмы делал всё, что мог, чтобы запугать нас, а себя почувствовать важными. Один из конвоиров злорадно предупредил, что, если мы заговорим с кем-нибудь, кроме своих посетителей, разрешение на посещение будет отменено. Другой критиковал то, как одеты наши *чадры*, а третий говорил что-то ещё, чтобы продемонстрировать, насколько они важны и насколько мы незначительны.

Однако всё это потеряло для нас всякое значение, как только мы вошли в комнату и увидели своих сестёр. Мы бросились к ним и крепко обняли. «Будьте сильными! — просили мы. — Не плачьте!» Но всё равно каждая из нас рыдала от счастья. Только мы все сели вместе, вчетвером, как к нам подошёл сотрудник тюрьмы и сказал, что мы можем сидеть только парами. Нам пришлось рассестись: Марзие пошла с Еленой, а я осталась с Ширин. Сёстры сообщили нам хорошие новости о том, что господин Агаси получил наши заявления о представительстве и всё идёт по плану. Теперь мы могли ожидать известия от него в ближайшее время. Зная, что наши контактные визиты разрешены только раз в месяц по десять минут, мы ненасытно разговаривали как сумасшедшие.

К нам снова подошёл сотрудник тюрьмы и встал между мной и моей сестрой. Немного послушав наш разговор, он посмотрел на Ширин и сказал:

— Если бы твоя сестра не совершила преступления, она сейчас не была бы в тюрьме.

Ширин умолкла, посмотрела ему в глаза и ответила:

— Я горжусь своей сестрой!

С самого начала этот человек был очень груб с нами, но со временем он смягчил своё отношение до такой степени, что стал почти дружелюбным. Он посмотрел на Ширин, а затем сказал мне:

— Ну, это не так уж плохо, что ты попала в тюрьму. Теперь ты знаменитость! Несколько дней назад я видел тебя в «Голосе Америки» и впервые узнал, в чём заключаются выдвинутые против тебя обвинения. — Он немного наклонился. — Я надеюсь, что скоро ты выйдешь на свободу. Прощай!

Затем он развернулся и вышел из зала.

Сколько других сотрудников правоохранительных органов, пенитенциарной и судебной системы думали так же, но так и не осмелились или не имели возможности сказать нам об этом? Сколько людей жаждут Христа прямо сейчас, когда мы пишем эту книгу? О Боже, храни их и вознагради их стремление Своим любящим присутствием в их жизнях.

Превыше всякого понимания

Марзие

По специальному разрешению тюремных властей заключённым предоставлялся ещё один вид посещения. Визит по *шариату* — это личная встреча между заключённой и её мужем. Если они могли предъявить свидетельство о браке или заключали *сигхе*, временный брак, им разрешалось провести день вместе в большом номере в отдельном здании рядом с основным местом для свиданий. Коротышка Зари, высоченного роста бывшая баскетболистка, ужасно скучала по мужу и очень боялась, что из-за ареста он разведётся с ней. Когда женщина узнала, что может встретиться с мужем наедине, она была очень счастлива. Она надеялась, что это облегчит их разлуку и поможет избежать развода.

К сожалению, слишком часто частный визит даёт мужу возможность ругать супругу или даже угрожать ей. Насим стала нашей подругой ещё до того, как нас перевели в отделение 209, а после нашего возвращения мы сблизились ещё больше. Ей разрешены были частные свидания с мужем, и она объяснила Коротышке Зари, как они происходят. У Насим было частное свидание в тот же день, что и у Зари, однако её встреча с мужем довела её до горьких слёз. Мы видели, что она сидит в коридоре и плачет. Мы знали, что она отбывала заключение за убийство свекрови, хотя и не слышали всей истории целиком.

Насим всхлипывала:

— Все говорят мне: «Ты — глупая женщина. Разве ты не видишь, что твой муж изменяет тебе?» Но я люблю его и сделаю для него что угодно, даже если он самый худший человек в мире.

— Дорогая Насим, — спросила я, — почему они так говорят? Что сделал твой муж?

— Это он — настоящий убийца. Он убил свою мать! А я созналась в убийстве ради него, потому что он терпеть не может тюрьму. Он пообещал защитить меня от своей семьи.

— Как такое могло произойти? Разве полиции не известна правда?

— Однажды он поссорился со своей матерью. В ярости он схватил кухонный нож и зарезал её, а затем выбежал из дома, как сумасшедший. Полиция провела расследование и под пытками заставила нас признаться. Мой муж всегда ссорился со своей семьёй. Поскольку у него были плохие отношения с братьями и сёстрами, он знал, что они никогда его не простят, но был уверен, что они простят меня. Так что мне пришлось взять вину на себя. И вот я уже два года в тюрьме. А недавно полиция решила возобновить расследование, потому что по моему описанию места преступления они заподозрили, что меня на самом деле там не было и что убийца — мой муж. Я изменила свои показания и заявила о своей невиновности. Муж не навещал меня и не отвечал на мои звонки в течение года. Теперь, когда полиция подозревает его, он навещает меня каждую неделю, и у нас часто бывают частные свидания. Он пытается убедить меня, чтобы я не выдавала его и отказалась от своего заявления, что настоящий убийца — он.

Мы с Марьям молились за Насим и с тех пор старались быть рядом, когда она чувствовала себя одинокой и опечаленной. То, что всем остальным казалось очевидным решением, было для неё трудным. Она не могла заставить себя выдать мужа, полагая, что это будет означать для него верную смерть.

Как много женщин «Эвина» заключены в тюрьму совершенно несправедливо! Бесконечное множество из них только пытались защитить себя, были доведены до предела безжалостными законами, предоставляющими мужчинам неограниченное господство над женщинами, или, как Насим, стали жертвами запутанных семейных конфликтов, и им пришлось пожертвовать своей свободой, чтобы защитить виновных.

Даже некоторым из убийц не место в тюрьме. В любой цивилизованной стране эти женщины были бы признаны такими, какие они есть: психически больными людьми, которые понятия не имеют, что делают, и поэтому не могут нести ответственность за свои преступле-

ния. В Иране с ними обращаются как с животными. Им следовало бы находиться где-нибудь, где они не смогли бы причинить вреда окружающим и где могли бы получить необходимую помощь, а не отбывать заключение за поведение, в котором сами не в состоянии отдавать себе отчёт и которое не в состоянии контролировать. Из всех убийц, которых мы встретили в «Эвине», одна запечатлелась в моей памяти и в моём сердце, как никто другой.

Однажды ночью мы с Марьям узнали, что женщину по имени Сохейла Гадири перевели в одиночную камеру. Помещение в одиночную камеру было стандартной процедурой в ночь перед казнью. Это была не единственная причина перевода в одиночную камеру, но, когда кого-то уводили туда, все мы затаивали дыхание. Иногда одной подруге по камере разрешали сопровождать заключённую, а иногда нет. Вернётся ли она? Или же на следующее утро мы узнаем о её смерти?

Сохейла была постоянно растрёпанной и неряшливой заключённой в грязных тряпках. Все считали, что она сумасшедшая. Она приехала в Тегеран, когда ей было четырнадцать лет, с мужчиной, который обещал жениться на ней. Как только они добрались до города, он тут же бросил её. Боясь вернуться домой с позором, Сохейла вела бродячую жизнь, ночевала на улице и зарабатывала на пропитание проституцией. Приняв предложение своего семнадцатилетнего клиента сожительствовать с ним, она забеременела, потом решила вернуться на улицу.

Вскоре она была арестована за бродяжничество и доставлена в медицинский центр, потому что была беременна. Когда родился ребёнок, Сохейла решила, что не может позволить ему жить такой же жизнью, какой жила она сама, полной лишений, но она не видела способа предложить ему что-либо лучшее. Она попросила медсестёр центра держать ребёнка подальше от неё, потому что боялась, что причинит ему вред. К сожалению, они проигнорировали её предупреждение. Когда её ребёнку было пять дней, Сохейла влетела на сестринский пост с испачканными кровью руками.

— Видите, — неистово кричала она, — я же просила не оставлять его со мной.

Раскрыв ладонь, она протянула им крошечное сердечко своего малыша.

Поскольку отец мальчика не дал согласия на то, чтобы оставить Сохейлу в живых, суд приговорил её к смертной казни. У неё не было

семьи, поэтому и защитить её было некому. В некоторых случаях неимущим заключѣнным суд назначает государственного защитника, однако для Сохейлы не сделали даже этого. Со временем правозащитная организация «One Million Signatures» предоставила женщине адвоката, которому удалось разыскать отца-наркомана и получить его согласие на помилование. Однако Сохейла имела отношения с таким количеством мужчин, что суд счёл невозможным установить, действительно ли молодой человек был отцом ребёнка.

Адвокат посоветовал Сохейле объявить себя сумасшедшей. Вместо этого она честно рассказала суду о жизни на улице с четырнадцати лет, о множестве мужчин, которые издевались над ней, о медицинских работниках, которые проигнорировали её предупреждение не оставлять с ней ребёнка.

— Я не сумасшедшая, — заявила она. — Но я не могла вынести мысли о том, что мой ребёнок будет страдать так же, как и я, и переживать унижения и боль, которые пережила я. Я почувствовала облегчение, когда на меня надели наручники и отправили в тюрьму, потому что, по крайней мере, теперь у меня будет крыша над головой и еда. Как я хотела бы быть черепахой! У неё всегда есть крыша над головой и еда под ногами. В этом мире у меня никогда не было крыши. Ради чего мне жить?

На следующее утро после того, как Сохейлу увезли, мы узнали, что её повесили ещё до наступления рассвета. Так закончился кошмар её жизни. Ей было всего двадцать восемь...

Фара была нераскаявшейся убийцей совсем иного сорта. Эта невысокая девушка лет двадцати с круглым лицом, большими тѣмными глазами и красивой улыбкой чѣрство заявила:

— Я убила своего мужа и не сожалею о содеянном. Я счастлива, что он больше не ходит по этой земле.

В пятнадцать лет Фару заставили выйти замуж за злобного кузена, которого никто не любил, лишь для того, чтобы вытолкать его из родительского дома. После секса он регулярно избивал Фару, оставляя её со шрамами и выбитыми зубами. Женщина смиренно терпела издевательства мужа, пока он не решил продать её одному из друзей в качестве проститутки. По пути к дому друга мужа Фара выскочила

из машины и пыталась бежать. Муж остановил машину, догнал её, избил до потери сознания и оставил на обочине дороги.

Когда Фара сказала матери, что её муж — психопат и ей необходимо развестись с ним, мать заявила:

— Женщины должны терпеть своих мужей. У всех супружеских пар случаются разногласия, но это не оправдание для развода.

Затем Фара обратилась за помощью к свекрови, которая также приходилась ей тётей.

— Он избивает меня каждый день и однажды убьёт меня! — жаловалась Фара.

Тётя понимала, что, если они разведутся, её жестокий и презрительный сын вернётся в её дом. Не желая этого, она принялась убеждать Фару, что её муж молод и незрел и что со временем он превратится в чудесного семьянина.

Узнав, что Фара подала на развод, он избил её сильнее, чем когда-либо. На следующий раз, когда муж напал на неё, женщина решила защищаться и зарезала его ножом.

— Он лежал в луже крови на кухне, — вспоминала она. — Я не сожалею о содеянном и не боюсь последствий.

Она сидела в тюрьме, ожидая узнать, согласится ли её семья простить её.

Когда Фара закончила свой рассказ, её глаза наполнились слезами.

— Вы верите, что я убийца?

— Дорогая Фара, я не считаю тебя убийцей, — сказала Марьям, глядя её по волосам. — Ты просто пыталась защитить себя. Ты сильная девушка, которая может улыбаться несмотря на то, что её так жестоко мучили.

Мы рассказали Фаре об Иисусе и о том, как Он может помочь ей пройти эти трудные времена. Это была одна из тех историй, которая заставила нас задать Богу сложные вопросы. Почему прекрасная, невинная пятнадцатилетняя девушка вынуждена была так много страдать? Почему она оказалась в ситуации, когда, чтобы спасти свою жизнь, ей пришлось убить своего обидчика? Божья мудрость всегда права, всегда больше, чем наша собственная, но иногда она выходит за рамки нашего понимания.

Марьям

Постоянный и нескончаемый поток заключённых проходил через отделение 2 тюрьмы «Эвин». Суды возобновили работу. Рассмотрены были даже такие, казалось бы, безнадёжные дела, как дело Тахма-себи, однако наше дело не продвинулось ни на шаг. Мы слышали о международных протестах против нашего ареста и заключения и о требованиях «Amnesty International», ООН и других организаций снять все обвинения, выдвинутые против нас; о том, что правительство Ирана не рискнёт упасть лицом в грязь, оправдав нас, поскольку, в отличие от большинства других подсудимых, мы отказались изменить свои показания таким образом, чтобы дать правительству возможность помиловать нас. В результате суд зашёл в тупик и в течение месяцев пытался выйти из него с достоинством.

Однажды поздно вечером наши имена неожиданно прозвучали по громкоговорителю. Нам приказывали на следующий день быть готовыми явиться в суд. Ширин и другие наши друзья боялись, что нас осудят или отправят обратно в отделение 209. Мы с Марзие изо всех сил старались их утешить, убеждая, что волноваться не стоит и что мы рады, что, наконец-то, наше дело сдвинулось с мёртвой точки. У нас всё ещё не было полной уверенности в том, что нашему адвокату разрешат представлять нас в суде, поэтому мы предполагали, что защищать себя нам придётся самим.

На следующее утро, в 6 часов, мы явились в помещение администрации, одетые в длинные чадры и ужасные тапочки, которые заключённых заставляют обувать на суд. Нам не разрешили носить обувь, потому что она могла быть использована для хранения контрабанды, а также потому, что носить бесформенные и глупо выглядящие тюремные тапочки было крайне унизительно. В тот день мы ожидали в маленьком грязном помещении вместе с другими заключёнными, которые также направлялись в суд, в том числе с одной женщиной, у которой явно был тяжёлый случай свиного гриппа. Затхлый воздух усугублялся смрадом засохшей рвоты, из-за которого наркоманов рвало по стенам, и запахом сигаретного дыма. В суд нас доставляли не по группам, а всех вместе. Нас сковали наручниками по двое и так через весь город везли к зданию суда. Нас с Марзие сковали вместе, потому что наше слушание будет проводить один судья. Мы позвонили сёстрам, чтобы предупредить их о судебном слушании. Поэтому,

когда нас вывозили из тюремных ворот, мы увидели, что они ждут на улице, чтобы последовать за нами.

Нас доставили в то же место, что и раньше: бюро безопасности № 2 Революционного суда, где рассматривали дела, связанные с национальной безопасностью. Когда мы ждали на скамейке в наручниках, к нам подошёл мужчина с густыми усами. Мы узнали его по фотографиям в новостях.

— Вы госпожа Ростампур и госпожа Амиризадэ?

— Да, это мы.

— Моя фамилия Агаси. Я ваш новый адвокат. Мне очень жаль, что мы до сих пор ещё не имели возможности познакомиться. Я всё ещё пытаюсь добиться разрешения судьи встретиться с вами в тюрьме. Сегодня, вероятно, вам только предъявят обвинения. Фактическое судебное заседание будет назначено на другой день. Но сначала я пойду и поговорю с судьёй наедине.

Он ушёл и через несколько минут вернулся.

— Сегодня не будет судебного заседания, — пояснил он. — Вас вызвали, потому что с вами хочет побеседовать заместитель прокурора господин Хаддад. Я сообщил ему, что защищаю вас и хочу получить разрешение встретиться с вами в тюрьме. Он сказал, что я должен подать заявление в письменной форме, и я ответил ему, что уже сделал это. Он сказал, что в таком случае я могу получить разрешение уже завтра. Когда вас вызовут, обязательно настаивайте на том, что вам нужен адвокат и что вы дали мне разрешение представлять вас в суде.

Затем господин Агаси пожелал нам удачи, попрощался и покинул здание.

Вскоре после этого нас с Марзие вызвали в кабинет, на двери которого висела табличка «Заместитель прокурора». Его кабинет был огромным, как и другие кабинеты, в которых мы бывали в здании суда. Там были вывешены портреты окровавленных в бою солдат, мучеников за ислам. Не самое подходящее место для двух иранских девушек, обвинённых в следовании за Христом. Это было пугающее место; мы еле дышали.

Старик за столом, на возвышении, приказал нам сесть. Мы узнали господина Хаддада, потому что ранее видели его по телевидению, с длинной седой бородой, усами и пронизательным взглядом. Как и у

всех других правительственных чиновников, на лбу у него была отметина от длительного прикосновения к глиняной табличке во время мусульманской молитвы. Рядом с ним на столе лежали сотни файлов с пометкой «Антигосударственные протесты». Было очевидно, что все, на кого они заведены, арестованы во время демонстраций, последовавших за фиктивными выборами.

Господин Хаддад спросил нас, христианки ли мы. Мы ответили, что да.

— Я тоже верю в Иисуса Христа, но я не христианин, — произнёс он. — Вы всё ещё настаиваете на своих убеждениях?

Когда мы снова ответили «да», он явно встревожился.

— Я вызвал вас сегодня, чтобы предупредить, что, если вы продолжите сопротивление, вас ждёт ужасное будущее. Вам предъявлены обвинения, и прокуратура требует приговорить вас к высшей мере наказания. Они настаивают, чтобы я подтвердил приговор и отправил его в суд для принятия окончательного решения. Я ничем не могу вам помочь, иначе на меня будут оказывать давление. Вы можете просто написать, что отказываетесь от веры во Христа, и тогда я смогу помочь вам. В противном случае я отправлю дело господину Салавати в отделение 15 и после этого уже ничем не смогу помочь вам.

Мы обе без колебаний ответили:

— Мы никогда не откажемся от своей веры!

— Но как же вы можете быть так уверены в своей правоте? — удивлялся господин Хаддад. — Мы, мусульмане, тоже верим в Иисуса, но делаем это, не отрекаясь от Мухаммеда и от других пророков. Никто просто так не меняет свою религию.

— Я имею личные отношения с Иисусом, и Господь открыл мне истину, — сказала Марзие.

— Бог никогда не говорит с людьми! — гневно взревел господин Хаддад.

— Вы верите, что Бог — высшая сила?

— Да, конечно.

— Тогда Он может говорить с любым, с кем пожелает.

— Да, но вы не достойны этого дара! Бог говорит только со Своими избранными пророками!

— Господь Сам определяет, кому предоставить эту привилегию, а не вы.

Господин Хаддад попробовал прибегнуть к другому приёму.

— У вас, христиан, нет религиозного закона, отделяющего добро от зла. Вы можете грешить в любое время, когда захотите.

— Да, Иисус отменил законы шариата, но Он не позволяет нам грешить, когда мы хотим. Он говорит, что наше спасение — только через веру в Него. Верить в Иисуса не означает пренебрегать правилами и обязанностями. В своих действиях мы руководствуемся Святым Духом.

Господин Хаддад осудительно покачал головой.

— Не буду спорить с вашими убеждениями. Но в вашем деле написано, что вы пропагандировали христианство и что у вас дома было обнаружено большое количество Библий и другой религиозной литературы. Вы — вероотступницы и должны быть осуждены за пропаганду христианства. Господин Собхани, генеральный прокурор, и господин Гейдарифар, его помощник, оба считают вас вероотступницами. Если я вынесу приговор, противоречащий их заключению, они подадут в суд на меня!

Господин Хаддад ждал ответа, но мы с Марзие молчали. Он подождал ещё немного.

— Что же, можете подумать и сообщите мне, когда вам будет что сказать.

Как раз в тот момент на столе господина Хаддада зазвонил телефонный аппарат. Он выслушал звонившего, обвёл взглядом гору файлов на своём столе, а затем взглянул на нас.

— Что же нам делать со всеми этими людьми? — наступила пауза, пока он слушал собеседника. — Я не могу со всем этим справиться!

Когда мы собирались уходить, то сказали ему, что хотим, чтобы господин Агаси представлял наши интересы в суде, и требуем представить нам на подпись все необходимые для этого документы.

— Ах, да, — неохотно произнёс господин Хаддад. — Они здесь. Вот, подпишите. Но я не знаю, почему вы так беспокоитесь. Он ведь всё равно ничем не сможет помочь вам.

Мы подписали бумаги и вышли. В коридоре мы увидели господина Гейдарифара, который с нетерпением ждал, чтобы узнать, чем всё закончилось. Мы прошли мимо него, не сказав ни слова. Конвоир отвёл нас обратно в автобус. Мы понятия не имели, что и как будет дальше. Тогда мы были слишком уставшими, чтобы даже думать об

этом. Изнеможённые, мы вернулись в камеру, где все начали расспрашивать нас о том, что произошло в суде. Мы представили им краткую версию событий дня, упали на койки и мгновенно заснули.

Бог действует!

Марзие

Всего через несколько дней после того, как мы предстали перед господином Хаддадом, наши имена снова прозвучали по громкоговорителю. Наш юрист, господин Агаси, наконец добился разрешения встретиться с нами! Мы пробыли в тюрьме уже примерно шесть месяцев, но это будет наша первая встреча с адвокатом. К тому же против нас всё ещё не выдвинули официальные обвинения. Нас провели метров двести через двор к отдельному зданию, где проходили встречи заключённых с адвокатами.

Здание было небольшим и многолюдным. Там толпились конвоиры и солдаты, а адвокаты ожидали прибытия своих клиентов. Между рядом стеклянных кабинок со столом и четырьмя стульями в каждой, а также окном, разделявшим адвоката и заключённого, ходили вооружённые солдаты. Конвой передал нас офицеру службы безопасности, сказав, что вернётся за нами через полчаса. Наше время с адвокатом ограничивалось пятнадцатью минутами, и разговор записывался.

Когда нас вызвали, мы вошли в одну из кабинок, где нас уже ждал господин Агаси.

— Господин Хаддад наконец позволил мне увидеться с вами после длительных игр в кошки-мышки, но мне всё ещё не предоставили доступ к вашим файлам. Поэтому я понятия не имею ни о вашем прошлом, ни о обстоятельствах вашего ареста, ни о предыдущих допросах, ни о том, на каком этапе находится ваше дело. Мне обещали предоставить ваше дело за несколько дней до суда, чтобы я мог подготовиться к защите. Расскажите мне, что именно произошло, о допросах, о ваших религиозных убеждениях.

Зная, что наше время с господином Агаси строго ограничено, мы вкратце рассказали о своём аресте, об обыске в нашей квартире и

различных местах, где нас держали. Мы также рассказали ему о наших христианских убеждениях и нашей деятельности.

— Мне также необходимо знать вашу текущую позицию, чтобы я мог защищать вас соответствующим образом, — сказал он. — Вы всё ещё настаиваете на том, что вы — христианки? Вы всё ещё пытаетесь отстоять свою веру?

— Да! — воскликнули мы обе без колебаний. — Иначе мы бы не провели полгода в тюрьме! Если бы мы были готовы к компромиссу, то давно уже пошли бы на него. И мы уверены, что не передумаем. Мы будем отстаивать свою веру до конца.

Господин Агаси задумался на несколько секунд, а затем тихо произнёс:

— Господин Хаддад передал мной сообщение для вас. Он сказал, что, если вы и дальше будете повторять свою позицию в зале суда, вас ждёт тяжкое наказание. Наказанием за вероотступничество и распространение христианства в этой стране является смерть. Единственный способ избежать его — не отрицать обвинения, а признать свою ошибку. Как только вы примите соответствующее решение, господин Хаддад готов сразу же встретиться с вами.

— Если бы мы собирались передумать, — возразила я, — мы бы сделали это шесть месяцев назад и не провели всё это время в тюрьме! Нам угрожали смертью. Но для нас это не проблема. Мы не боимся смерти. Мы боимся жизни без веры, жизни без нашего Спасителя, Иисуса Христа!

Я чувствовала, как мой гнев нарастает от одной мысли о том, что нам предлагает наш адвокат.

Господин Агаси невозмутимо продолжил:

— В исламе есть лазейка под названием *такийя* — ложь допускается в опасной для жизни человека ситуации. Если вы загнаны в угол, вы можете выйти из ситуации, солгав, и при этом сохранить свою истинную веру. В христианстве тоже есть такое?

— Нет, — отрезала Марьям. — В христианстве нет *такийи*! И даже если бы она была, мы бы не воспользовались ею ради своего спасения. Мы никогда не откажемся от своей веры, даже ради сиюминутного удобства.

— Что же, в таком случае у женщин больше шансов быть помилованными, чем у мужчин, — философски произнёс он. — В исламе

женщинам даётся больше снисхождения и больше времени для покаяния, потому что, согласно исламскому закону, мудрость женщины вдвое меньше мудрости мужчины, и всегда существует вероятность того, что она выберет неправильный путь. Поскольку, согласно исламу, у мужчин полноразмерный мозг, им не даётся второй возможности, их сразу же казнят. Лично я уважаю вашу религию и считаю, что выбор религии — частное дело каждого и никому нельзя позволять вмешиваться в это. Однако, согласно законам нашей страны, вы виновны в совершении преступления, поэтому мы должны сделать всё возможное, чтобы вывести вас из этой ситуации.

Вооружённый солдат, который стоял у нашей будки, сказал, что у нас осталось всего пять минут. Это время господин Агаси потратил на то, чтобы расспросить нас об условиях нашего содержания и содержания других заключённых в нашем отделении. Затем мы вместе пошли в канцелярию, чтобы подписать и проштамповать документы о назначении его нашим адвокатом. Так истекло наше время.

Когда господин Агаси собирался уходить, к нему подошла молодая женщина. Мы видели, как она разговаривала с другими адвокатами и заключёнными, и заметили, что она несколько раз заглядывала в нашу будку. Она коротко переговорила с господином Агаси, а затем направилась к нам.

— Господин Агаси — ваш адвокат? — поинтересовалась она.

— Да.

— Не могли бы вы рассказать мне немного о себе? Вы политзаключённые? Или вы были арестованы во время уличных беспорядков?

— Нас арестовали потому, что мы — христиане.

— Вы Марзие и Марьям! Как долго вы уже в тюрьме? Был ли предоставлен вам адвокат с самого начала?

— Мы сидим уже шесть месяцев, и сегодня состоялась наша первая встреча с адвокатом.

— Я очень рада познакомиться с вами лично. Я собираю последние сведения по делам политзаключённых. Вы слышали, что господин Гейдарифар снят с должности? Это произошло сегодня утром. Я узнала об этом, когда была в Революционном суде.

Господин Гейдарифар был прокурором, который настаивал на том, чтобы нас осудили к высшей мере наказания. Мы поинтересовались, что именно произошло.

— Гейдарифар, Собхани и ещё один чиновник, Саид Мортаза-ви, санкционировали незаконные аресты протестующих. Их также обвиняют в пытках и убийствах заключённых в центре заключения «Кахризак». Как я рада услышать эту новость!

Несомненно, это действовал именно Бог! Три человека, которые были ответственны за наше судебное дело, те трое, которые предъявили нам обвинение в вероотступничестве и требовали нашей смерти, теперь обвинялись в пытках и убийствах и сами стали подсудимыми. Эта хорошая новость была омрачена лишь тем фактом, что замена этих судебных чиновников означала новые отсрочки в рассмотрении нашего дела. Всё, что нам оставалось, — это только ждать.

Судебный процесс был не чем иным, как спектаклем, устроенным режимом. Эти трое, вероятно, были виновны не больше, чем все остальные. Однако режиму нужно было обвинить кого-нибудь, чтобы отвлечь внимание от фальсификаций во время выборов, общественных беспорядков и всемирных протестов с требованиями нашего освобождения.

Это было ещё одно отступническое решение правительства, призванное подавить законное несогласие граждан и сохранить власть сильных мира сего, а также яркое напоминание о том, что заключённые — не единственные, кто находится в плену в Иране. Каждый, кто живёт при этом репрессивном режиме, является — и остаётся — духовным пленником, пока этот режим держится за власть своей железной хваткой.

Вместе с нашей дорогой подругой Ширин Алам Хули мы составили ежедневный график занятий, чтобы хоть чем-нибудь отвлечь себя от грустных мыслей. Мы старались не думать об отсутствии продвижения в нашем деле и о том, что может произойти дальше. До рассвета нас по-прежнему будил исламский призыв к молитве. Затем в 6:30 слышалась хриплая музыка, сопровождавшая подъём на утреннюю переключку, а через час — завтрак, единственная еда, которую мы могли переварить за весь день. Когда большинство наших сокамерниц уходили в культурный центр — куда нас сначала не пустили, потому что мы были «нечистыми вероотступниками», и куда позже мы сами не хотели идти, когда госпожа Резаи настояла на том, чтобы нам

разрешили, — мы сидели на койках и вязали. Вторую часть дня мы проводили за чтением и заучиванием наизусть поэзии, а также собирались вместе, чтобы читать вслух свои любимые стихи и обсуждать их. Иранцы любят поэзию: романтическую, историческую, юморную, политическую, какую угодно. Нам нравилось слушать друг друга, и мы часто дразнили Ширин из-за её курдского акцента, который на самом деле был прекрасен. Днём в течение часа мы гуляли по тюремному дворику. А после этого возвращались в палату, чтобы читать правительственные газеты (которые мы теперь снова получали), слушать новости по радио и вести политические дискуссии с другими заинтересованными в этом женщинами. Ширин начала изучать английский, и мы помогали ей в этом. Наш английский был плох, но его было достаточно, чтобы помочь ей.

По камерам прокатилась молва о том, что к нам собираются перевести некоторых политических заключённых из отделения 209. Первым делом мы подумали о том, переведут ли к нам нашу дорогую Фереште. Мы с Марьям пошли в магазин и купили немного еды и сладостей, чтобы поприветствовать гостей. Затем мы спустились вниз, куда их должны были привести, и когда открыли дверь, там стояли Махтаб, Фереште и Сетаре! Мы завизжали от восторга и начали горячо обниматься. С ними была четвёртая девушка, Арефе, очень застенчивая и тихая, с грустным выражением лица. Мы поприветствовали и её, и я сказала ей, что только потому, что мы ещё не знакомы, нет иных причин, чтобы не отпраздновать её перевод из ужасного отделения 209!

Несмотря на то, что в нашей камере уже было тридцать пять женщин, мы убедили госпожу Гадери, ответственную за наше отделение, поместить всех четверых вновь прибывших к нам. Мы объяснили своим сокамерницам, что очень хотели бы, чтобы наши подруги были с нами и что все они должны оставаться вместе. Мы помогли им заселиться как можно более незаметно и занять как можно меньше места. Марьям села рядом с Фереште и взяла её за руку. Мы не могли поверить, что снова были вместе.

Рассказы о жизни в отделении 209 звучали так, как будто это место стало гораздо хуже, чем когда-либо. Из-за арестов во время послевыборных протестов в каждой крошечной камере находилось по четыре-пять человек, в то время как туда едва помещались даже

трое. Больше никаких вкусных шашлыков или другой приличной еды, только одни и те же посредственные блюда каждый день. Некоторые из вновь поступивших туда были видными чиновниками и политиками, которые теперь жили в тех же условиях, что и люди, которых они когда-то осуждали.

Поток заключённых в общественном крыле также увеличился. Женщины приходили и уходили длинной чередой. Мы с Марьям взяли на себя задачу приветствовать новых заключённых, знакомить их с другими женщинами и объяснять правила и традиции отделения. Это дало нам возможность провести некоторое время с Арефе, которая была арестована во время демонстраций и удерживалась в заключении, потому что члены её семьи были *моджахедами*, хотя сама она *моджахедкой* не была. Она очень интересовалась нашей верой, особенно после того, как узнала, что мы отказались отречься от неё, чтобы получить свободу. Она сказала, что мы «глупы», и добавила:

— Это полная глупость, что вы двое имеете возможность «купить» себе свободу, отказавшись от своих убеждений, и уйти из этого ужасного места. Вы можете сделать это и при этом продолжать практиковать свою религию дома вместо того, чтобы калечить свою жизнь здесь.

Я попыталась выразить свои чувства словами.

— Мы отстаиваем свою веру не из-за упрямства. Возможно, тебе трудно это понять, потому что ты не пережила того, что пережили мы. Я живу с Богом уже много лет и вместе с Ним прошла трудные времена и времена одиночества. Он — моя единственная поддержка. Он — всё для меня. Мы неразлучны. Моя жизнь не имеет ценности без Него. Я так сильно люблю Бога, что отрицать Его означало бы отрицать своё собственное существование. Как я могу отказаться от Того, Кто живёт в каждой клеточке моего тела?! Я предпочитаю провести остаток жизни в тюрьме, только бы оставаться с Ним. Лучше пусть меня убьют, чем я убью дух Христа, который живёт во мне. Испытания, через которые мы проходим, — это борьба, проверка наших убеждений и нашей силы. Отстаивать свои убеждения означает отвергать несправедливость и неравенство. Даже если ты считаешь наши с Марьям убеждения ошибочными, ты, возможно, согласишься со мной, что мы не должны позволять другим навязывать нам их убеждения. В конце концов, что привело сюда, в тюрьму, тебя? Разве не твоё стремление к справедливости, не твой протест

против угнетения? Чтобы иметь право думать и говорить так, как ты считаешь нужным? Этот режим говорит своему народу, что он знает лучше, чем мы, и что мы все должны жить так, как нам приказывают. Иными словами: «Заткнись, ничего не говори, не протестуй, только делай то, что тебе приказано». Мы с тобой боремся против того же притеснения и цензуры!

— Я согласна со всем, что ты говоришь, — ответила Ареф. — Но на вашем с Марьям месте я всё равно отреклась бы от своей религии, чтобы выйти отсюда и продолжить борьбу. Снаружи вы намного полезнее, чем здесь. У меня нет такой возможности, потому что мне никто не упростит задачу так, как вам. А у вас есть возможность.

Точка зрения Ареф кардинально отличалась от нашей, и борьба её была борьбой совершенно иного рода — борьба политическая и этническая, а не борьба за веру; борьба мира, а не борьба Духа.

Марьям

Моя болезнь желудка усиливалась. Посреди ночи я просыпалась от боли и не могла уснуть в течение нескольких часов. Однажды вечером, после ужина, мне показалось, что мой живот вот-вот лопнет.

Через час после отбоя меня начало сильно тошнить. Сначала я подумала, что даёт о себе знать моя болезнь желудка. Вскоре мне пришлось бежать в туалет, где меня снова и снова рвало. Это был тунец, который я ела на обед, некачественные консервы из тюремного магазина. Ширин и Марзие пришли, чтобы помочь мне вернуться в камеру, но я была настолько слаба, что едва могла стоять. Меня уложили на койку рядом с дверью, на случай, если мне придётся снова бежать в туалет. Рвота продолжалась всю ночь, и боль стала такой сильной, что иногда мне казалось, что я теряю сознание. Даже когда мой желудок был пуст, живот продолжал вздуваться. Наконец, совершенно измученная, я села на пол в коридоре, а Ширин накрыла меня одеялом. Кто-то вызвал надзирателей, и после нескольких минут убеждений и мольбы меня отвели к врачам.

Марзие хотела пойти со мной и пыталась убедить надзирательницу разрешить ей. Я едва стояла, прислонившись к стене. Надзиратель заставила меня надеть *чадру*, а потом несколько раз приказала поправить её, чтобы волосы были покрыты более тщательно. Она гораздо

больше беспокоилась о том, что будут видны мои волосы, чем о том, чтобы отвезти меня к врачу. Марзие пришлось остаться. Надзиратель энергично зашагала вниз по лестнице — всего пятьдесят ступенек. Я еле плелась следом, на каждом шагу боясь, что упаду в обморок.

— Давай поторопись! — рявкнула надзирательница. — Мне тебя всю ночь ждать?

Когда мы спустились вниз, мне было приказано ждать, пока надзирательница переговорит с кем-то. Я села на пол и закрыла глаза. Каждый раз, когда я их открывала, помещение начинало вращаться.

— Перестань притворяться больной! — сердито рявкнула надзиратель. — Зря стараешься. Не вижу, чтобы тебя рвало.

Я была слишком слаба, даже чтобы ответить. Когда мы двинулись дальше по коридору, всё вокруг закружилось ещё с большей силой. Я схватила стоящее рядом мусорное ведро, и меня вырвало.

— Хорошо, — смягчилась надзиратель, — я вижу, что ты плохо себя чувствуешь. Просто держи себя в руках и поторопись.

Когда мы подошли к клинике, дежурный врач бросил на меня быстрый взгляд и спросил надзирательницу, что случилось.

— Неужели нельзя было дождаться утра? — поворчал он.

Мне поставили капельницу, а к кушетке пододвинули мусорное ведро. Врач ушёл. Меня снова вырвало. Когда контейнер для внутривенного вливания опустел, медсестра отвела меня в другую палату, большую и очень холодную.

— Если тебе нужно будет встать, можешь воспользоваться унитазом в углу, — проинструктировала она. — Только лежи тихо — мы с доктором пытаемся заснуть.

Когда позже медсестра вернулась, чтобы поставить следующую капельницу, я дрожала от холода и попросила одеяло. Расположенная на вершине холма, тюрьма со всех сторон обдувалась ветром, и ночами здесь было холодно даже летом. Я мимолетно подумала о том, что моя некогда уютная квартира находится всего в пяти минутах ходьбы.

— Сейчас нет запасных одеял, — отрезала медсестра. — Они в прачечной. — А затем добавила: — Ты совершила преступление, поэтому и оказалась здесь. Теперь терпи!

Я ничего не ответила.

На следующее утро в том месте, где была введена игла, моя рука опухла и болела. Капельница остановилась; препарат давно закон-

чился. Около десяти часов медсестра открыла дверь и удивилась, увидев меня на койке.

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?! — изумлённо воскликнула она.

— Пожалуйста, выньте иглу у меня из руки и позвольте мне вернуться в камеру, — попросила я. — Моя рука онемела, а я совершенно замёрзла!

В камере меня ждали Ширин Алам Хули и Марзие. Они не спали всю ночь на случай, если они мне понадобятся и смогут хоть чем-то мне помочь. Верные друзья — это огромное благословение в любое время. А в таком месте, как тюрьма «Эвин», они на вес золота, потому что у заключённых там нет больше ничего. В то время мы были готовы ради друг друга на всё, что угодно.

Через несколько дней я всё ещё поправлялась, когда в громкоговорителя прозвучало имя Ширин. Как всегда, услышав его, все её подруги пережили очередной стресс. Она была приговорена к смертной казни и ожидала окончательного решения суда относительно того, получит ли она помилование. Каждый раз, когда её вызывали, мы боялись, что это может быть вызов в изолятор, где она проведёт последнюю ночь перед казнью. Эта мысль довела Марзие до слёз.

Марзие

До того, как мы с Марьям попали в отделение 209, мне приснился сон о Ширин, о котором я никогда никому не рассказывала. Во сне Ширин сидела на кровати, и я получила сообщение, что «правительство убьёт эту девушку». Я не могла пережить и мысли, чтобы рассказывать об этом Ширин или кому-либо ещё. Я отчаянно боялась этого, но чувствовала, что это — сообщение от Господа и оно безошибочно.

Ширин повели на допрос в отделение 209. На этот раз вместе со следователем там был представитель Министерства разведки. Он сказал Ширин, что, если она ответит на его вопросы и выдаст своих единомышленников, ей смягчат приговор. Он обвинял её в том, что до этого времени она предоставляла ложную информацию, и пригрозил, что её переведут обратно в отделение 209 и возобновят пытки. Вернуться в отделение 209, проведя в тюрьме уже более двух лет, было очень плохим знаком. Но если она будет «хорошей девочкой», он поможет ей.

— Я не выдам нужной вам информации, — заявила Ширин, высоко подняв голову. — Давайте, казните меня!

Ширин провела в тюрьме уже длительное время и пережила бесчисленное количество допросов. Но теперь она чувствовала, что её положение изменилось. Как она чувствовала это? Неуловимой интуицией человека, который что-то знает, но не может сказать, откуда он это знает! Она чувствовала, что суд вынес приговор: «казнить!», и теперь следователи пытаются только вытянуть как можно больше информации, прежде чем её убьют. Ширин волновалась больше, чем когда-либо, и потому, что она волновалась, мы с Марьям волновались также. Мы посоветовали Ширин не ссориться с надзирателями по мелочам, а вместо этого пересмотреть своё отношение и держаться подальше от неприятностей.

Чуть позже Ширин принесла нам записную книжку.

— Если меня отправят обратно в 209, я хочу оставить свой дневник у вас. Если вас отпустят до того, как я вернусь, передайте его другим заключённым, чтобы когда-нибудь он вернулся ко мне.

Она также дала нам свои книги и другие вещи, за которыми мы должны были присмотреть после её перевода. Мы ждали изо дня в день, что снова объявят её имя, однако объявления всё не было.

Ширин говорила, что она не боится умереть. Однако это не мешало ей нервничать, слыша сообщения о новой волне преследований курдского народа. Одной из причин её последнего допроса было убийство судьи, подозрение в котором падало на курдов. Власти безжалостно пытали заключённых курдов, стараясь заполучить какие-либо улики по этому делу.

Через несколько дней мы узнали о казни нескольких курдов, в их числе и юношей. В тот день, когда Ширин зашла к нам в камеру на чай, Марьям спросила, знает ли она его. Она ответила, что нет. Ширин плохо себя чувствовала и ушла от нас рано. Позже мы пошли проведать её. В их камере горел свет и несколько сокамерниц смотрели телевизор. Ширин сидела одна в полумраке на кровати и вязала.

Марьям переспросила:

— Ты ведь знаешь юношу, которого казнили сегодня?

Не поднимая глаз, Ширин кивнула и заплакала. Она бросила вязание и прислонилась головой к груди Марьям.

— Да, я знаю его. Ему было всего двадцать...

Никогда раньше мы не видели Ширин в таком состоянии. Она выплакала глаза. Казалось, она скрывала внутри огромную печаль до тех пор, пока не могла больше скрывать её, и теперь хотела выплеснуть своё горе. Наша непоколебимая курдская героиня, не дрогнувшая и выдержавшая месяцы пыток и годы заключения, теперь казалась такой сломленной и побеждённой.

— Если меня вернут в отделение 209, я заставлю их казнить и меня, — произнесла Ширин сквозь слёзы. — Я устала от всего этого. На моих глазах этот безжалостный режим казнил так много людей, которых люблю, я потеряла так много друзей! Режим не имеет сострадания ни к кому, даже к двадцатилетнему юноше. Пожалуйста, молитесь, чтобы теперь казнили и меня. Я не могу больше жить!

Что бы они не делали с Ширин, ничто не могло заставить её колебаться. Теперь, однако, было ясно, что убийства друзей женщины, совершавшиеся правительством на протяжении многих лет, подорвали её решимость.

После долгих часов, проведённых в слезах, Ширин, наконец, успокоилась, но теперь у неё сильно болела голова. Во время допросов её били по голове так часто и так сильно, что её голова болела почти всё время, у неё иногда случались приступы головокружения и кровотечения из носа.

Ширин приняла обезболивающие, а Марьям массировала ей виски, чтобы помочь расслабиться. В ту ночь, лежа в постели, мы молились за нашу дорогую подругу. Мы и представить не могли, что она переживает. Всё, что мы могли сделать, это просить Бога быть с ней, утешать её и дать ей сил пережить всё, что её ожидает впереди.

Смена времён

Марьям

Лето 2009 года подходило к концу. С наступлением прохлады наши сокамерницы, у которых не было тёплой одежды, начали мёрзнуть, когда в 6:30 нас выгоняли во двор на утреннюю переключку. Большинство заключённых также выходили до восхода солнца на утренний намаз.

Было объявлено, что заключённые могут попросить свои семьи обеспечить их одеждой. Однако одежда с подкладкой и всякого рода двухслойная одежда, а также пальто были запрещены. Если их находили, сразу же конфисковывали. Очевидно, запрет был вызван тем, что в них можно было спрятать оружие или любую другую контрабанду.

Принимая ко вниманию новые правила, мы попросили нашу подругу Шамси помочь нашим сёстрам передать нам тёплую одежду. Шамси была ответственной за камеру № 2, и мы подружились с ней, несмотря на то, что внешне она была похожа на крутую бандитку и большинство заключённых боялись её. Позже Шамси призналась, что вначале ненавидела нас за то, что мы христиане. Но когда, пробыв с нами какое-то время, она узнала, какими на самом деле были христиане, у неё изменилось мнение. Теперь мы были рады, что она стала одной из наших близких подруг. Поскольку у Шамси были хорошие отношения с надзирателями, они никогда не открывали передачи, адресованные ей. Она согласилась позволить нашим сёстрам передавать нам через неё одежду, если мы раздобудем несколько вещей и для неё. Она также организовала обмен одежды между заключёнными и покупку одежды для самых бедных, для тех, кто не мог купить её. Она даже сама приобрела для них несколько вещей. В течение недели после получения одежды мы с удовольствием демонстрировали её друг другу, комментируя различные стили и комбинации. Это была наша версия показа мод.

Одежда прибыла как раз вовремя, чтобы помочь нам пережить сумасшедшие изменения во внутреннем режиме. Нам не объясняли, по-

чему администрация тюрьмы меняет правила. Нам просто объявляли их или даже вводили в действие без какого-либо предупреждения — и всё, что нам оставалось, — это подчиняться и лишь догадываться о причине их введения. В связи с протестами, арестом судей и «перенаселённостью» тюрьмы «Эвин» надзиратели стали намного строже относиться к заключённым, даже во время утренней переклички. Раньше старые и больные заключённые освобождались от неё и могли не выходить на улицу. Из-за плохого медицинского обслуживания и переполненности камер среди нас всегда было несколько женщин, больных гриппом и другими различными заболеваниями, которым разрешалось оставаться в своих камерах под одеялом. Сорая, огромная женщина, которая занимала отдельную камеру с собственным душем, никогда не выходила на перекличку, потому что ей было трудно ходить. Надзиратели знали, что женщины, которых не было во дворе, находятся в камерах, поэтому не было никакой практической необходимости выгонять их на холод, чтобы лишь отметить в списке. Однако теперь никому не делали исключений. Возможно, потому что для администрации это был способ продемонстрировать свою власть или же чтобы досадить нам — ведь они знали, как это трудно и неприятно. Кто знает?

Надзиратели также ввели новую процедуру пробуждения: в 6:30 утра по громкоговорителям врубали оглушительную музыку и кричали: «Подъём! Подъём! Живо! Поторапливайтесь! С постели — во двор на перекличку!» Всем, кто не повиновался или не успевал, не разрешали посещение культурного центра, их лишали привилегии делать телефонные звонки, им отказывали в свиданиях и условно-досрочном освобождении. Больные заключённые дрожали от холода, уже вставая с постели, не говоря о том, когда выходили на улицу. Особенно от такого обращения страдали женщины старше семидесяти. Для Марзие и других, ослабленных длительными болезнями, выход на улицу усугублял симптомы и, вне всяких сомнений, продлевал болезнь. На улице нам приходилось стоять в непогоду по часу. После этого всем, кроме меня, Марзие и ещё нескольких политических заключённых, приходилось стоять, повернувшись лицом к Мекке, и произносить молитву *омальяджиб* на арабском языке.

Иногда надзиратели даже не отмечали присутствующих, а просто заставляли нас стоять на улице, чтобы лишь придираются к нам. Ещё

одна их подлость состояла в том, чтобы запугать нас тем, что все мы будем наказаны, например, лишены телефонных звонков, из-за того, что некоторые «лентяи и бездельники» не вышли на переключку. Надзиратели всегда стремились посеять между нами вражду, выставя старых и слабых заключѣнных всеобщими врагами и побуждая нас обвинять их, а не надзирателей во всех неудобствах, и провоцируя между заключѣнными ссоры и даже драки.

И без того плохая ситуация особенно усугублялась в те дни, когда нам приходилось выходить на улицу ещё и во второй раз во время обыска и дезинфекции камер. Мы с Марзие всегда брали свои дневники с собой, чтобы их не нашли. После распыления в камере дезинфицирующего средства нам всегда приходилось перемывать всю посуду и всё остальное из-за ужасной вони.

Однажды утром, когда мы только что вернулись с очередной леденящей кровь переключки и уже завтракали, нам снова приказали вернуться во двор. Когда мы все собрались, тем, кто посещали культурный центр, было приказано идти туда, а всем остальным — оставаться снаружи до конца дня. Даже старых и больных женщин оставили мѣрзнуть на улице.

Хотя много женщин и ушли в культурный центр, двор всё ещё был забит заключѣнными, которые напоминали толпу в базарный день, только гораздо большую. Нас было больше ста пятидесяти женщин, втиснутых во двор так плотно, что не оставалось места, чтобы пошевелиться. Даже те из нас, у кого была теплая одежда, вскоре промѣрзли до костей. Женщины заворачивались в картон, пытаясь согреться. Одни начали танцевать, чтобы усилить кровообращение и хоть немного поднять себе настроение, однако это злило других, и они кричали и ругались матом.

Через некоторое время заключѣнные начали садиться и ложиться на землю, от чего стало ещё теснее. Боль в спине Марзие усугублялась холодом и тем, что ей приходилось стоять, а у меня холод и сырость вызвали резкую боль в ушах. Сорая, известная своими проблемами с почками, крикнула надзирателям, что ей нужно в туалет, однако они проигнорировали её нужду. Когда она стала кричать громче, к ней присоединились и другие женщины. Наконец, через три-четыре часа двери в помещение открылись, и все мы ринулись обратно в тепло своих камер. Женщины, которые находились в куль-

турном центре, слышали крики и были рады узнать, что мы вместе стояли «один за всех и все за одного» и общими усилиями добились возможности вернуться в помещение. Такое единение и выражение неповиновения было очень редким в наших рядах и очень волнующим. Наши надзирательницы сердились, говоря, что наши голоса доходят до надзирателей в мужской части тюрьмы и вызывают у них сексуальное возбуждение. Если звука женских голос было достаточно, чтобы соблазнить этих мужчин, они, на самом деле были не мужчинами, а слабыми похотливыми самцами!

Несмотря на то вдохновение, которое мы испытали благодаря этому краткому протесту, он не произвёл на администрацию никакого действия. Вскоре распространилась молва о том, что отныне каждый должен проводить день либо в культурном центре, либо на улице. Причина, по нашему мнению, заключалась в том, что начальник тюрьмы господин Седагхат находился под давлением и от него требовали показать, что его заключённые счастливы, о них хорошо заботятся и они получают образование в культурном центре, где женщины ведут себя наилучшим образом и являются олицетворением исламской покорности и послушания. Если приборы видеонаблюдения запечатлеют камеры, в которых сидят женщины и не участвуют в деятельности культурного центра, у господина Седагхата будут проблемы. Если же они будут показывать заполненный женщинами оживлённый культурный центр и пустые камеры женской части тюрьмы, это будет означать, что все мы с удовольствием посещаем центр, где усердно проходим реабилитацию.

Не странно ли, что администрация не могла сделать это весной или летом, когда погода была тёплой. Всё началось, как только наступили холода. Поскольку культурный центр рассчитан всего примерно на пятьдесят человек, теперь, когда он был набит битком, для всех не хватило места. Вдобавок ко всему прочему, заключённым-наркоманам впервые разрешили выйти в культурный центр, и теперь протолкаться туда стало почти невозможно. Большинство женщин совершенно не интересовала культура; они просто хотели согреться и коротали дни в песнях и плясках. А женщины, которые действительно хотели пользоваться возможностями центра, не могли ничем заниматься, потому что он был до отказа забит. Запрет находиться в камерах днём нарушил также наш тщательно спланированный график приёма душа,

соблюдение которого было крайне важным, поскольку на более 150 женщин у нас было всего лишь пять душевых.

Никакого скоординированного протеста в тюрьме «Эвин» почти не было. Накануне очередной казни или после того, как в новостях появлялось сообщение о каком-либо крупном событии, наши телефоны отключали, а самих нас запирали в камерах, пока не становилось совершенно очевидно, что реагировать мы не планируем. Также всегда существовала угроза наказания: мы слышали много рассказов о женщинах, которых считали нарушительницами спокойствия. Их отводили в здание по соседству, а возвращались они опухшими, в синяках и с кровотечениями.

Нам с Марзие запретили посещать культурный центр с самого начала нашего заключения. Когда мы рассказали об этом госпоже Резаи, заведующей женской частью тюрьмы, она сказала, что мы непременно должны посещать культурный центр. Но мы так и не пошли туда в знак протеста против неприемлемого отношения к нам его заведующей. Когда же были введены новые правила, мы решили, что всё равно не будем посещать культурный центр, а также не будем проводить дни на улице, даже если нас за это побьют.

На следующее утро, когда всем было приказано идти на улицу, мы с Марзие остались в камере одни. Надзиратели прошли по камерам, но не заметили нас под одеялами. После возвращения наши сокамерницы хотели знать, как нам удалось избежать обязательного «выгула» на улице. Мы ответили, что просто отказались идти. На следующее утро несколько человек решили «отказаться» вместе с нами, но в последний момент передумали из-за угроз со стороны надзирателей.

Мы знали, что рано или поздно кто-нибудь пожалуется госпоже Резаи, что мы пропускаем утреннюю перекуличку без каких-либо последствий. Мы решили, что нам лучше не ждать этого и самим пойти к ней. И поскольку Марзие всё ещё была прикована к постели и страдала от болей в спине и от гриппа, я одна стала в длинную очередь, чтобы попасть на приём к заведующей нашей частью тюрьмы. Когда подошла моя очередь, госпожа Резаи разрешила мне войти.

— Госпожа Резаи, моя подруга и я не ходим на утреннюю перекуличку, — объяснила я. — Причина в том, что у Марзие сильная

боль в спине, симптомы хронического гриппа и простуда, и она уже много дней не встаёт с постели. Вы знаете, что тюремная поликлиника не оказывает должной медицинской помощи. Что же касается меня, то я не могу стоять часами на морозе, потому что у меня серьёзная ушная инфекция. Многие другие заключённые страдают различными заболеваниями и имеют физические недостатки, из-за которых они также не могут стоять на улице. Мы скорее отправимся в одиночное заключение, чем будем терпеть такое бесчеловечное обращение!

— Госпожа Ростампур, я также недовольна этим новым распоряжением, как и вы, — ответила госпожа Резаи. — Я уже написала прошение на имя господина Седагхата, но он требует неуклонного выполнения нового распоряжения. Заключённые, не соблюдающие новый внутренний режим, будут переведены в отделение безопасности. Обеспечение соблюдения этих новых правил проблематично, но я сделаю всё от меня зависящее, чтобы решить эту проблему как можно скорее. А пока я советую вам ходить на перекличку, как и все остальные, потому что господин Седагхат не сделает исключений никому.

— Может быть, господину Седагхату следует разобраться с проблемой бесполезной тюремной клиники и устаревших лекарств, — парировала я, — и с отсутствием горячей еды в эти холодные осенние дни, прежде чем вводить эти новые правила утренней переклички. Все в нашей камере больны...

— Я тоже недовольна ситуацией, — согласилась госпожа Резаи, — но у нас нет другого выхода. Не я принимаю такого рода решения.

Я поняла, что продолжать разговор нет смысла, поэтому поблагодарила заведующую и вернулась в камеру. На следующее утро мы с Марзие снова остались в камере, а все остальные пошли на перекличку. В тот же день к нам пришла Ширин Алам Хули, хотя ей и следовало быть в культурном центре. Она поссорилась с заведующей центра из-за столпотворения, царившего там. Туда натолкалось так много людей, которые так шумели, что было совершенно невозможно чем-либо заниматься. Ширин сказала, что идти в центр — пустая трата времени. И хотя её жалоба была обоснованной, это был очередной пример её сопротивления авторитету. А это было не в её пользу, учитывая ход её дела и то, что она подвергается последнему раунду допросов. Мы с Марзие не хотели устраивать какие-либо демонстрации; и никогда не побуждали других поступать, как мы.

Большинство заключённых боялись надзирателей и беспрекословно подчинялись каждому их слову. Однако политзаключённые, такие как Ширин, были людьми из совершенно другого теста. Поскольку некоторые из них уже прошли через многое, что бы надзиратели ни говорили или ни делали, ничто не могло запугать их. Хотя в этом случае даже некоторые из сотрудников тюрьмы теперь жаловались на переполненность культурного центра и говорили, что он больше не может нормально функционировать. Заключённым нельзя было прекращать отстаивать свои права...

Через неделю новые правила были отменены, и мы вернулись к старому распорядку: больных освобождали от утренней переключки, если им было трудно ходить. Конечно, никто из администрации тюрьмы не признал бы, что изменения были вызваны нашими действиями. Однако, независимо от того, произошло ли это благодаря нам или нет, мы были счастливы вернуться к старым правилам.

Марзие

Другие небольшие акты неповиновения также иногда имели значение. Рейхане перевели из отделения 209 в общественное отделение женской тюрьмы и поместили в нашу камеру. Мы много слышали о её деле по радио и телевидению. Она была известной журналисткой и блогером, которая вела кампанию господина Карруби, а также господина Хатами, бывшего президента. Рейхане арестовали после выборов за их поддержку и членство в движении «зелёных». Она провела в отделении 209 около пятидесяти дней. Находясь там, она объявила голодовку, отказавшись принимать какую-либо пищу, кроме нескольких стаканов чая и нескольких фиников на день. Её перевели из отделения 209, потому что не хотели, чтобы забастовка в отделении, где содержались политзаключённые, стала достоянием СМИ. Для правительства было гораздо удобнее, чтобы она имела место в общем отделении тюрьмы. Когда я впервые познакомилась с Рейхане, она была бледной и слабой от физических и психологических пыток и недоедания. Она была совершенно не похожа на здоровую, крепкую женщину, фотографии которой показывали в новостях.

Вскоре после перевода Рейхане госпожа Резаи вызвала её к себе в кабинет и сказала, что её голодовка является противозаконной

и она должна немедленно прекратить её. В противном случае она будет строго наказана. Рейхане проигнорировала угрозу заведующей женской частью тюрьмы.

Через несколько дней мы с Марьям познакомились с Рейхане.

— Я много слышала о вас, двух христианках, и о вашем сопротивлении, — сказала она. — Знаете ли вы, что из-за вашего ареста бывшим заключённым-христианам стало легче получить убежище в других странах?

— Как это связано с нами? — удивилась Марьям.

— После вашего ареста иностранные правительства охотнее принимают христиан, ищущих убежища. Теперь они считают, что большинство христиан в Иране подвергаются угнетению и что, как только иранское правительство узнает о них, их жизни окажутся в опасности.

Мы и понятия не имели, что то, что с нами происходит, оказало такое значимое влияние на политическую ситуацию. Мы поблагодарили Бога за Его милость и доброту. Рейхане хотела записать историю нашей жизни и нашего следования за Христом. Поскольку я всё ещё проводила большую часть дня в постели, ни у кого не вызывало подозрений, что Рейхане подолгу сидела возле меня. Благодаря своему репортерскому образованию, она смогла сделать стенографическую записать моей истории. Чем больше мы говорили, тем больше Рейхане интересовало христианство, пока, наконец, она отложила ручку и блокнот и захотела поговорить о моей вере. Она была знакома со священником и его семьёй, которые жили в Лондоне, с которыми, как оказалось, была знакома и я. Как невероятно, что у нас с ней был общий друг-христианин на другом конце света!

— Если этот проповедник — твой друг, — сказала я, — я удивляюсь, почему ты не хотела узнать о Христе раньше.

— У меня свои убеждения, — ответила Рейхане. — Но я никогда раньше не слышала ничего подобного тому, о чём рассказываешь ты, ни о чем, что было бы подобно твоим отношениям со Христом. И мне это очень интересно!

— Я уже много рассказала о себе, — сказала я. — Теперь твоя очередь.

Рейхане поведала мне, что она изучала журналистику и средства массовой информации и прошла в Англии курс по правам человека. Она активно участвовала в правозащитных движениях и специализи-

ровалась на защите прав женщин. Она писала статьи для реформистских газет и собрала вокруг себя большое количество единомышленников. Её арестовали и обвинили в участии в несанкционированных митингах, нарушении общественного порядка, пропаганде против государства и оскорблении президента. Поскольку Рейхане была верной сторонницей господина Карруби, её заставили признаться в том, что между ними якобы был роман, чтобы сфабриковать против него коррупционное дело и запятнать его репутацию.

Рейхане хотела составить подробный отчёт о бедственном положении женщин в тюрьмах, пролить свет на жестокое обращение с ними, коррупцию и зло, составляющие основу иранской тюремной системы. Вместе с другими заключёнными мы перечислили имена всех своих сокамерниц, выдвинутые против них обвинения, год ареста и все подробности их дел. Рейхане сделала записи об ужасном медицинском обслуживании, плохом питании и хищническом лесбиянстве, которое было распространено так широко, что до того, как были установлены камеры наблюдения, приводило к регулярным изнасилованиям и избиениям вновь прибывших. В одном особенно ужасном случае молодая женщина была изнасилована на глазах у своего ребёнка.

Первым шагом в проекте Рейхане была статья, написанная в форме письма своему следователю из отделения 209, которую она озаглавила «Доктор 209». Она прочитала её мне и Марьям. Это было острое, но веселое письмо, осуждающее и разоблачающее следователя в саркастическом тоне. Она планировала передать его подруге во время контактного визита, чтобы его можно было разместить на её веб-сайте. Дошло ли это письмо до внешнего мира или нет, мы так и не узнали.

Несколько дней спустя к нам с Марьям пришёл загадочный посетитель, появление которого ознаменовало новую главу в нашей истории. Без предупреждения, темп нашей жизни внезапно стал намного быстрее, а опасность — намного ближе.

Таинственный посетитель

Марьям

Был день свиданий. Нам не полагалось ежемесячного контактного свидания, поэтому мы готовились к обычному посещению, во время которого мы должны были сидеть напротив своих сестёр, разделённые друг с другом стеклом, и разговаривать по телефону, а сотрудники тюрьмы — записывать наш разговор. Но на этот раз Марзие сказала Елене не приходить, потому что она чувствовала себя так плохо, что не выдержала бы часы ожидания на ногах, предшествующие пятнадцатиминутному визиту. Я пошла на свидание со своей сестрой, а Марзие осталась лежать в камере.

Поездка в центр посещений предполагает длительное ожидание в женской тюрьме, переезд на микроавтобусе, повторное ожидание, обратный путь и ещё одно ожидание, пока нас обыщут перед возвращением в отделение 2. На этот раз всё это заняло гораздо больше времени, чем обычно. Поползли слухи, что в здании, где проходят свидания с посетителями, отключили электричество, и нам пришлось ждать, пока оно снова появится. После долгой задержки администрация приняла решение разрешить всем посетителям, примерно тридцати женщинам, контактное свидание. Какой чудесный сюрприз! Я увидела Ширин и бросилась к ней вниз по лестнице. Мы обняли друг друга, благодаря Бога за неожиданную возможность, и проговорили без перерыва в течение отведённых нам пятнадцати минут, а затем попрощались.

Вернувшись в женскую тюрьму, я стояла в очереди на обыск, прислонившись к стене, измученная многочасовым ожиданием. Внезапно дверь распахнулась, и в неё стремительно вошли двое мужчин и две женщины-надзирательницы. Было очень необычно без предупреждения встретить в женской тюрьме мужчин. Заключённым приказали немедленно и тщательно покрыть головы.

«Эти парни, должно быть, из отделения 209», — только и успела подумать я, как один из них, мужчина средних лет с круглым лицом, посмотрел на меня.

— Вы госпожа Ростампур?

— Да, я.

— Вы хоть представляете себе, как долго мы вас ждали? — Я была слишком удивлена, чтобы ответить. — Вы доставили нам много хлопот этими своими письмами. Каждый день нам приходилось открывать и читать письма о вас и о вашем деле.

— Вам приходилось читать письма обо мне?

— Да! По крайней мере, сорок-пятьдесят писем в день, которые присылают вам со всего мира.

— Если эти письма адресованы мне, зачем же вы читаете их? Вот очередной пример нарушения прав человека в этой стране — вы вскрываете и читаете почту других людей.

— А вы действительно думали, что мы отдадим их вам, чтобы вы получили поддержку от своих друзей?

«Нам не нужно даже читать письма, чтобы получать поддержку друзей», — подумала я, и сердце моё наполнилось радостью. — Мир наблюдает за нами. У нас есть наша христианская семья, которая любит нас и заботится о нас. Мы не одни!»

— К тому же, — добавил мужчина, — мы не можем передать их вам без особого разрешения судьи, который ведёт ваше дело. Как долго ты в тюрьме?

— Уже 7 месяцев.

— И вы всё ещё христианка?

— Да, я христианка.

— Так что вы решили? Вы всё ещё настаиваете на своём решении или передумали?

— Я уже ответила на все вопросы, теперь допросы закончились, и мне больше нечего добавить.

Круглолицый посмотрел на своего спутника и насмешливо произнёс:

— Она говорит, что «допросы уже закончились»!

— Пойдём, — кивнул тот, и оба ушли.

На протяжении всего разговора остальные заключённые, ожидающие обыска, сохраняли абсолютное молчание. Как только за посетителями захлопнулась дверь, все заговорили одновременно.

— Ты знаешь, кто были эти люди? — спрашивали они.

— Нет, — ответила я. — А кто они?

— Они из отдела безопасности Министерства информации!

Для других заключённых это означало одно: известные сотрудники службы безопасности пришли навестить известного заключённого.

— Ну и что? Я не подотчётна им, кем бы они ни были! — Я изо всех сил старалась казаться уверенной и исполненной самообладания, хотя внутри была напугана тем, что может произойти со мной и Марзие. Нам всем было хорошо известно, насколько безжалостны сотрудники отдела безопасности. Неужели они пришли пытаться нас? Чтобы, наконец, замучить нас до смерти?

Когда я вернулась в камеру, то узнала, что мужчины побывали уже и там. Они пытались поговорить с Марзие, но она лишь лежала в постели, накрыв голову одеялом. Они приказали другим заключённым поднять Марзие, чтобы поговорить с ней. Когда одна из женщин просунула голову под одеяло, чтобы выполнить приказ, она и Марзие, взглянув друг на друга, еле удержались от смеха.

— Я не могу встать. Я чувствую себя очень плохо. Я пытаюсь уснуть, — слабо простонала Марзие, добавив пару убедительных кашлей для достоверности.

— Вы слышали, — сказала посетителям одна из наших подруг. — Она плохо себя чувствует и не может разговаривать с вами!

Мужчинам пришлось прождать два часа, пока я вернулась со свидания. Никто, даже те наши сокамерницы, которые были в «Эвине» дольше всех, не могли вспомнить случая, чтобы чиновники ждали два часа, чтобы поговорить с заключённой. Этот случай был абсолютно беспрецедентным. Казалась, будто каким-то чудесным образом режим начал серьёзно опасаться того, что мы всё ещё находимся в их тюрьме. Мы не собирались менять свои показания. А они не могли казнить нас, как планировали изначально, потому что сейчас на них было устремлено слишком много пристальных взглядов со всего мира. Но если бы они освободили нас, до сих пор не отрёкшихся от своей христианской веры, то потеряли бы лицо в глазах радикалов, которые удерживали их у власти. Переломный момент приближался...

На следующее утро, после переключки и завтрака, госпожа Муджахед, одна из ответственных за отделение, приказала нам с Марзие надеть *чадры* и немедленно явиться в кабинет госпожи Резаи. Марзие потребовалось больше времени, чтобы собраться, поэтому я решила идти вперёд, чтобы избежать скандала. В кабинете меня ожидали трое мужчин — двое, которые приходили накануне, и третий мужчина постарше с седыми волосами. Сначала я предположила, что они пришли наказать меня за моё поведение при первой встрече. Когда я поздоровалась, все они ответили удивлённо.

— Это офицеры отдела безопасности тюрьмы, — пояснила госпожа Резаи. — Они здесь, чтобы поговорить с вами.

Пожилой мужчина с седыми волосами спросил:

— У вас всё в порядке?

— Да, спасибо.

Мужчина средних лет с круглым лицом сказал:

— Это та женщина, которая думает, что «допросы уже закончились».

— Да, действительно, — добавил третий посетитель, мужчина лет тридцати по имени господин Рамезани. — Это та женщина, которая вчера издевалась над нами.

Когда Марзие вошла и встала рядом со мной, мужчины предложили нам сесть.

— Вчера вы плохо себя чувствовали, не так ли? — участливо поинтересовался господин Рамезани.

— Нет, не только вчера, — ответила Марзие. — Я болею уже несколько месяцев.

Господин Рамезани повернулся к госпоже Резаи, которая нервно постукивала пальцами по своему столу:

— А разве ваша клиника не обязана заботиться о больных?

— Конечно же! — поспешила заверить его госпожа Резаи. — Мы отправляли её туда уже несколько раз!

— Тогда почему же ей не лучше?

Тут в разговор вмешалась Марзие.

— Потому что там всем больным заключённым дают одно и то же лекарство, независимо от того, чем они больны, и от лечения нет никакого эффекта. А нам не разрешается получать лекарства извне.

Пока Марзие и господин Рамезани критиковали медицинское обслуживание в тюрьме, другие представители власти покинули ка-

бинет. Закрыв эту тему, господин Рамезани начал бессвязную речь, за которой было довольно трудно уследить. Было очевидно, он нервничает и чувствует себя неловко, разговаривая с нами, и не знает, что сказать. Пока он что-то бормотал, его лицо побледнело, и он начал заикаться, глядя в пол, как испуганный мальчик, пытающийся сделать предложение руки и сердца. Теперь у нас не оставалось сомнений в том, что кто-то на кого-то давит из-за нашего дела, и правительство более чем когда-либо желает отпустить нас, но только не оправдав, а помиловав.

— Кто-то видел вас во сне, — начал он, кивая в мою сторону. — Этот человек сидел в тюрьме в другом городе, но рассказал мне об этом. Во сне Иисус сказал ему встретиться с вами. Вот почему я приходил к вам вчера.

Он перевёл взгляд на Марзие.

— К сожалению, вы, госпожа Амиризадэ, не захотели поговорить со мной, несмотря на то, что я очень вежливо пообщался с вашей подружкой. Я сказал ей, что каждый день в «Эвин» приходят десятки писем, адресованные вам, которые нам приходится читать. Вне всяких сомнений, вы получаете больше корреспонденции, чем администрация. Я слышал много репортажей о вас в новостях. Теперь вы стали известными.

Он неловко замолчал, а затем снова продолжил:

— Позвольте мне сказать, что я ничего не имею против вашей веры. На самом деле, до некоторой степени я также верю во Христа, и в Коране есть много стихов, подтверждающих то, во что вы верите относительно Него. — Он понизил голос: — Но, может быть, я не должен говорить об этом здесь. Никто не должен знать, что я сказал о своей вере во Христа. Это может подвергнуть меня опасности.

Господин Рамезани задал нам несколько вопросов о наших убеждениях, и мы пересказали ему короткую версию своего духовного пути веры.

— Мои убеждения не похожи на убеждения большинства других мусульман, — объяснил он. — Я не согласен с тем, что они делают. Но если я буду говорить об этом, у меня точно будут проблемы.

Он попросил нас прочитать суру 90 из Корана и при следующей встрече рассказать ему, как мы её понимаем.

— Я истолковываю эту суру так, что Иисус — Спаситель, — сказал он в заключение.

Мы с Марзие пообещали, что найдём его.

— Меня попросили встретиться с вами и узнать о ваших потребностях, — пробормотал он, глядя сначала в пол, а потом в потолок. — Я могу помочь вам получить извне всё, что вам необходимо — лекарства, витамины, одеяла, одежду, — просто дайте мне знать!

Мы сказали ему, что уже несколько месяцев пытаемся достать витамины. Он дал нам номер телефона.

— Передайте этот номер своим родственникам, — сказал он. — Они могут напрямую позвонить в службу безопасности и получить разрешение на передачу витаминов.

Потом Марзие рассказала об ужасной еде, слабом здоровье многих сокамерниц, включая её саму, и о глупой переключке рано-утром. Сами мы перестали выходить на улицу в холодную погоду, но получаем за это угрозы и наказания, как, впрочем, и все остальные, кто отказывается выходить.

— Тут, к сожалению, я ничем помочь не могу, — сказал господин Рамезани искренним извиняющимся тоном, — если у вас нет справки из клиники, что вы больны. Но я сделаю всё возможное, чтобы надзиратели оставили вас в покое, если вам удастся взять такую справку.

— Но в клинике нам её не дадут, — объяснила Марзие. — Врач даже не осматривает нас. А новые правила только ещё больше усугубляют ситуацию: и без того ужасная медицинская помощь в сочетании с требованием, чтобы заключённые проводили дни на улице в холодную погоду, причиняет больным ещё больше вреда, а те, кто здоров, подвергаются риску подхватить что-нибудь.

— Я прекрасно осведомлён об этой проблеме, — ответил господин Рамезани. — Однако, к сожалению, в тюрьме «Эвин» действуют особые правила. Изменения в расписании должны исходить от вышестоящих властей. Пока я могу поговорить о вас с госпожой Резаи, а вы снова попытайтесь взять в клинике справку.

Я была потрясена отношением этого человека и его готовностью помочь нам. Кем он был на самом деле? Кто его послал? Мы с Марзие поблагодарили его за визит.

— Нет, нет, это я обязан благодарить вас, — ответил он. — Я только выполняю приказ встретиться с вами. Я тоже верю в Иисуса Христа. Его пытали и распяли. Те, кто посадили вас в тюрьму, утверждают, что это не так, но они глубоко ошибаются. Иисуса били, пытали и распяли, а затем Он воскрес из мёртвых!

Слова этого человека шокировали меня ещё больше! Нас арестовали, оскорбляли, унижали и держали в тюрьме в течение семи месяцев за слова, которые этот высокопоставленный тюремный чиновник (которого, как было очевидно, все боятся и которому беспрекословно подчиняются) только что произнёс в нашем присутствии в кабинете заведующей женской частью тюрьмы. Я попросила его рассказать нам больше о том, что он знает о воскресении Христа.

— Я не могу говорить об этом здесь. Это запрещено, — ответил он запинаясь. — Мы можем поговорить об этом подробнее снаружи. Но, пожалуйста, никому не говорите, что я сказал вам об Иисусе. Это только создаст для всех нас большие проблемы.

Мы пообещали сохранить конфиденциальность нашего разговора, в реальность которого мы всё ещё верили с трудом. Потом мы вернулись в камеру, где нас, волнуясь, ожидали подруги.

Зная о визите, которого мы удостоились накануне, а теперь ещё и о вызове к этому высокопоставленному чиновнику, они боялись, что нас вот-вот казнят. Мы успокоили их и заверили, что всё в порядке и власти просто хотят узнать больше о письмах, которые мы получаем со всего мира. Мы решили не упоминать о попытке добиться разрешения на получение витаминных препаратов, поскольку подумали, что это может вызвать лишние расспросы и проблемы. Некоторые женщины уже и так завидовали вниманию, которое мы получали, будучи постоянной темой новостных репортажей на теле-, радио- и интернет-каналах. Мы не хотели давать им никаких оснований возмущаться нами. Марзие позвонила своей сестре Елене, рассказала ей о нашей встрече и передала номер телефона господина Рамезани.

Марзие

Несколько дней спустя к нам в тюрьму снова приехал наш новый адвокат, господин Агаси. Он сказал, что скоро состоится суд, и, наконец, у нас будет возможность защищать себя. Он поинтересовался, не решились ли мы за это время изменить свои показания и смягчить свою позицию в отношении своих христианских верований. Мы твёрдо стояли на своём и ответили, что уже много раз заявляли, что не собираемся и думать об этом и что мы никогда не отречёмся от нашего Спасителя Иисуса Христа и никогда не изменим своих

показаний. И попросили его вести нашу защиту в соответствии с этим нашим решением.

Мы также спросили господина Агаси, может ли он принести нам витамины и наиболее необходимые лекарства. Он ответил, что адвокат не имеет на это права, и нам всё-таки пришлось обратиться в клинику. Если наша мирская надежда на юридическую помощь теперь была возложена на господина Агаси, то надежда на улучшение здоровья была в руках таинственного господина Рамезани.

Через неделю нам с Марьям велели готовиться к суду, который должен был состояться на следующий день. Наши подруги уверяли, что на этот раз нас, наконец-то, освободят под залог. Другие женщины были уверены, что из-за широкой огласки нашего дела мы будем освобождены без каких-либо условий.

На следующее утро мы встали рано, несколько часов прождали микроавтобус, который отвёз нас, скованных наручниками, через весь город к зданию суда. За воротами тюрьмы мы увидели, что нас ждут Елена, Ширин и их друзья. Они махали нам руками и выкрикивали ободряющие слова. Все они последовали за нами до здания суда. В последний раз, когда мы были в Революционном суде, судья угрожал нам, что, если мы не изменим свою позицию, наше дело будет передано для вынесения окончательного вердикта в отделение 15. Тамошний судья, который также был судьёй по делу Ширин Алам Хули, был известен тем, что приговаривал заключённых исключительно к смертной казни и пожизненному заключению. Никаких других приговоров он не выносил. Теперь же, войдя в здание суда, по разметке мы увидели, что нас ведут в отделение 26.

— Это очень хорошо, — заметил господин Агаси. — Я знаю судью из 26-го. Раньше он вёл семейные дела. Он очень добрый человек.

Мы остановились у дверей зала суда.

— Я войду первым, — предупредил господин Агаси, — поскольку мне не предоставили возможности ознакомиться с вашим делом. Об этом заседании мне сообщили только вчера. А теперь дали всего пятнадцать минут, чтобы просмотреть документы и подготовиться. После этого я вызову вас.

Мы просидели в тюрьме уже почти восемь месяцев. Нам грозил смертный приговор. И всё же это был первый — а, возможно, будет и единственный — раз, когда мы предстали перед судьёй в присутствии

адвоката. Теперь же, как оказалось, у него было лишь пятнадцать минут, чтобы прочитать наше дело и подготовиться к защите.

Пока мы ждали, подъехали Елена и Ширин. Впервые их впустили в здание суда и позволили подойти к нам. Они принесли свежий фруктовый сок, очень-очень вкусный, а также различную еду и сладости, но их не разрешили отдать нам.

Через несколько минут сотрудник суда открыл дверь и пригласил нас. Мы помахали сёстрам на прощание и прошли через очень большой зал суда в другой зал, меньшего размера. В одном конце был сооружён небольшой подиум, на котором сидел судья. На стене позади него висела большая цветная картина с изображением весов правосудия. Судья был одет в серый костюм и выглядел так, будто не брился два-три дня. Мы сели за стол, предназначенный для защиты, а господин Агаси сел рядом. Взглянув на весы правосудия, я подумала о том, что наша вера и наши жизни сейчас висят на волоске. Однако я также знала, что нас ведёт Божья рука, которая поддерживает нас и указывает нам путь.

Признаны виновными

Марзие

Наш адвокат поприветствовал судью. Им был мужчина средних лет с седыми волосами и бородой. На нём были очки, и на лбу — знакомое красное пятно, свидетельствующее о его посвящении многочасовой мусульманской молитве.

— Нам повезло, что наш судья — господин Пираббаси, — прошептал господин Агаси, указывая на судью, пока мы с Марьям усаживались на стулья.

— Я сейчас очень занят, — важно произнёс судья. — Но со мной связался господин Лариджани и попросил рассмотреть ваше дело.

Вот это новости! Господин Лариджани возглавлял судебную систему Ирана. Наш адвокат поинтересовался у судьи, какое отношение к нашему делу имеет господин Лариджани.

— Господину Лариджани позвонили из Организации Объединённых Наций и попросили как можно быстрее разобраться в этом деле.

Со временем нам стало известно, кто довёл наше дело до сведения ООН. Чтобы защитить этого человека и сохранить его способность помогать другим, мы не будем упоминать его имя.

Судья перевёл взгляд с господина Агаси и строго посмотрел на нас с Марьям.

— Вы понимаете, что наши враги пользуются вашей упёртостью, чтобы вести негативные кампании против нашей страны? Вам, наверное, даже не известно, какие люди используют вас и ваши заявления в своих собственных целях.

Перед посольством Ирана в Лондоне прошла акция за наше освобождение — ещё одно напоминание о том, что христиане всего мира молятся за нас и сопереживают с нами. Мы ясно видели, как огласка нашего дела усложняет жизнь иранской судебной системы, и гнев правительства растёт вместе с его разочарованием

по поводу того, что они никак не могут разрешить его. Нам оставалось только очень надеяться, что их гнев не перерастёт в резкие и жестокие действия.

Судья открыл наше дело и несколько минут сидел, молча изучая документы. Когда он поднял глаза, мне показалось, что моё сердце престало биться в груди. Господин Агаси оставался невозмутимым. По его лицу нельзя было догадаться ни что он переживал, ни о чём думал.

Судья объявил:

— Обвинения в пропаганде против режима и оскорблении наших священных ценностей безосновательны. Я не вижу никаких убедительных доказательств в их поддержку.

Он наклонился вперёд и обратился к нам:

— Не думаю, что вы оскорбляли какие-либо другие религии или религиозные убеждения. Верно?

— Нет! — одновременно воскликнули мы.

— Нет, — повторил за нами господин Агаси.

Судья Пираббаси выпрямился.

— Поэтому я выношу оправдательный вердикт по обвинению в разжигании пропаганды против системы и оскорблении наших священных ценностей.

Вот так просто, без наших заявлений и изменения нами своих показаний, с нас были сняты эти серьёзные обвинения. Однако до этого мы, в течение долгих месяцев, подвергались жестоким допросам, нас унижали и лишили свободы, а сам суд зашёл в тупик.

Пока судья говорил, он делал какие-то записи. Потом он снова посмотрел на нас.

— Теперь перейдём к обвинению в вероотступничестве. Это обвинение остаётся в силе, и, как вам известно, наказание за это преступление — смертная казнь для мужчин и пожизненное заключение с исправительными работами для женщин. — Судья перевёл взгляд на нашего адвоката. — Я уверен, что вы уже проинформировали об этом своих клиентов.

— Да, ваша честь.

Нам постоянно твердили, что скорее всего нас приговорят к смертной казни. Мы были знакомы со множеством женщин, казнённых в Иране. Однако теперь мы впервые услышали, что закон не позволяет казнить нас, потому что мы женщины.

Судья Пираббаси снова обратился к нам.

— Я хочу задать вам несколько вопросов. Госпожа Амиризадэ, вы христианка? Считаете ли вы своим призванием следовать за Иисусом? Объясните: что это для вас значит?

Пока он задавал эти вопросы, я почувствовала, что у меня мурашки по телу. Это были в точности те же вопросы, какие мне задавали во время церемонии крещения в Турции. Даже заданы они были так же. Накануне вечером, когда по громкоговорителю была объявлена дата суда, Марьям напомнила мне, что сегодня, 7 октября, исполняется ровно четыре года со дня моего крещения. После того, как я стала христианкой, мои друзья убеждали меня принять крещение, потому что свидетельство о крещении облегчало получение некоторых виз, но я не хотела пользоваться своей новообретённой верой в корыстных целях. Я не хотела использовать Бога; я хотела, чтобы Бог использовал меня.

Тогда мне приснился сон, в котором Сам Иисус уже крестил меня в красивом озере. «Ты больше не принадлежишь этому миру, — сказал Он мне. — Ты принадлежишь Мне».

В то время я не думала, что «второе» крещение необходимо или даже целесообразно. Но во время поездки в Турцию, когда другие верующие принимали крещение в море, Бог побудил меня тоже вступить в завет с Ним посредством водного крещения. Я совсем не хотела, чтобы это произошло в церкви, наоборот, я желала, чтобы церемония состоялась на природе, точно так, как в моём сне. И через семь лет после того, как я обратилась к Господу, 7 октября в 19:00, я приняла крещение в море.

«Вы христианка? Считаете ли вы своим призванием следовать за Иисусом? Объясните: что это для вас значит?» Тогда, во время христианской церемонии водного крещения, находясь в кругу своих единоверцев, мне, исполненной надежды и веры в Божьи обетования, было легко ответить на эти вопросы. И хотя теперь, сидя в зале исламского суда, где решалась моя дальнейшая судьба, я была очень испугана, мне было так же легко ответить на эти вопросы твёрдым: «Да! Я охотно последую за Иисусом как к новой жизни, так и к смерти». Невзирая на то, что ситуации были полярно противоположными, Божьи обетования оставались одинаково непоколебимыми как тогда, так и сейчас.

Отвечая на вопросы судьи, я рассказала о своей вере во Христа и личных отношениях с Ним.

— Я считаю Иисуса Сыном Божиим и моим личным Спасителем, — в заключение заявила я, используя точно те же слова, что и во время крещения.

Судья был явно поражён столь смелым заявлением заключённой, свобода которой казалась такой близкой. Он начал оспаривать мои утверждения, и вскоре между нами завязался спор.

— Я христианка и возлагаю свою веру на Христа Иисуса! — заявила я.

— Так вы не верите в ислам?! — сердито воскликнул судья.

— Иисус сказал: «Свершилось!». Он говорил, что после Него больше не будет пророков.

Господин Агаси очень беспокоил такой поворот событий, и он, наконец, вмешался в ход разговора.

— Вера этой женщины во Христа не должна рассматриваться как оскорбление других религий, — сказал он так громко, что казалось, будто он кричит, желая, чтобы его слышали все.

Судья замолк. Я тоже.

— Господин Агаси, вы можете представить суду свои аргументы по делу о вероотступничестве.

— Мои клиентки уважают другие религии так же, как и свою собственную, — надеясь угасить конфликт, сказал господин Агаси. — Проповедуя христианство, они не пытались отвратить людей от религиозных убеждений, которых они уже придерживались. Они верят во Христа так же, как в Него верят и представители других религий.

Это, конечно же, было неправдой. Господин Агаси делал всё возможное, чтобы добиться нашего оправдания по обвинению в вероотступничестве несмотря на то, что мы с Марьям постоянно твердили ему, что верим в то, что только Христос — Божий Сын и ни пророки, ни другие исторические личности не могут сравниться с Ним. Чем больше господин Агаси говорил, тем больше он отклонялся от наших убеждений и христианской истины, которую мы отстаивали, в сторону совершенно чуждой нам религиозной позиции. Он больше не представлял нашу позицию; он говорил от себя.

Не желая больше молчать, какими бы ни были последствия, я прервала заявление господина Агаси.

— Ваша честь, наш адвокат неправ! — Я почувствовала, как все взгляды устремились прямо на меня. — Мы не двое детей, которые нуждаются в помощи, чтобы высказать свои убеждения. В Евангелии от Матфея написано: «...не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас». Мы верим во Христа, не как другие религии. Иисус есть Начало и Конец. Он — всё. Любая точка зрения, умаляющая Его совершенную полноту, — ложная точка зрения. Иисус — единственный истинный Спаситель мира. Ничто, что вы можете сделать с нами, не заставит нас отречься от этой истины или исказить её. Мы верим, что Господь — наш победоносный Освободитель, и ни в коем случае не желаем выйти из тюрьмы, если это предполагает отречение от Христа. Если бы мы хотели получить свободу ценой отречения от своей веры, мы могли бы выйти из тюрьмы уже несколько месяцев тому назад. Иисус — наш Спаситель отныне и вовеки!

Лицо господина Агаси покраснело от гнева и разочарования. Он думал, что проделал героическую работу, чтобы спасти наши жизни, а я только что свела на нет все его усилия!

— Значит, вы не согласны с утверждениями вашего адвоката? — удивился судья.

— Точно так, ваша честь, — ответила я. — Мы не согласны с некоторыми из его последних утверждений.

— Хорошо, — согласился судья Пираббаси. Если раньше у него всё ещё закрадывались какие-либо сомнения относительно нашей позиции, то теперь они точно были окончательно развеяны. — Не вижу проблемы в том, чтобы изменить утверждения защиты. Я повторно запишу всё, что скажете вы. Но я предупредил вас, чего ожидать, если обвинения в вероотступничестве будут доказаны. Я напишу, что вы говорите: «Я верю в Иисуса Христа».

Лицо нашего адвоката всё ещё было багровым, как свекла.

— Господин Агаси, — обратился к нашему адвокату судья, — я запишу всё, что утверждают подсудимые. А им я говорю: «Держитесь своих убеждений!» В конце концов, всё в этом мире имеет свою цену. Если они верят в то, что говорят, им придётся заплатить за это немалую цену.

Мы с Марьям вышли вперед, чтобы подписать документы, снима-

ющие с нас политические обвинения и подтверждающие нашу веру в Иисуса Христа. Когда мы вернулись на свои места, судья объявил:

— Все сегодняшние заявления запротоколированы. Я снял с вас политические обвинения, выдвинутые против вас Революционным судом. Однако, что касается обвинения в вероотступничестве, его должен рассмотреть другой суд, который ведёт подобные дела.

— А не могли бы вы решить этот вопрос сами вместо того, чтобы передавать наше дело другому судье? — заискивающе поинтересовался господин Агаси.

— Нет-нет, не думаю, — ответил господин Пираббаси. — Я уверен, что правильно снял первое обвинение, но по второму ничем помочь не могу.

Марьям спросила судью, можем ли мы получить присланные нам письма. В тюрьме нам сказали, что мы можем получить их только с разрешения судьи. К нашему удивлению и радости, судья не возражал и сказал, что распорядится, чтобы нам передали письма. Мы также спросили о своих ноутбуках, документах, удостоверяющих личность, и других вещах, конфискованных в день ареста.

— Здесь ничего из этого имущества нет, — ответил он. — Всё это, вероятно, находится в полицейском участке Гиши, который проводил арест, или в бюро безопасности № 2 Революционного суда, где раньше рассматривалось ваше дело.

Он вызвал секретаря и приказал ему узнать, есть ли в отделе-нии 26 какие-нибудь наши вещи. Секретарь покинул зал суда и через мгновение вернулся с двумя Библиями.

— Это всё, что у нас есть, — доложил он судье.

— Но не волнуйтесь, — сказал нам судья. — Вам вернут всё ваше имущество.

— А наши Библии? — спросила я.

— Ох, их, я боюсь, вернуть нельзя. Они являются доказательствами по вашему делу. Остальная литература, должно быть, уже уничтожена.

— Что же, — вздохнула я, — раз эти экземпляры остаются у вас, может, вам стоит прочитать их. Вы прочли Коран; могли бы также прочитать и Библию.

Господин Агаси вскочил на ноги.

— Неужели, — воскликнул он, — вы не можете отказаться от евангелизации даже здесь?!

Я на самом деле испугала его — перед ним стояло задание найти выход из нашей ситуации, а я не давала ему сделать это. Судья вышел из зала суда, оставив нас наедине с господином Агаси.

Марьям

После слов Марзие господин Агаси казался одновременно разочарованным, смущённым и рассерженным.

— Зачем тебе было так вести себя! — укорил он её. — Это было только вступление к моей речи! Если бы вы просто согласились подписать подготовленное мною заявление, не было бы никаких проблем. Вы — первые обвиняемые, которые отрицали слова своего адвоката. Я мог бы добиться вашего освобождения! Ну и что, если они не совсем точны? Это были мои слова, а не ваши.

— Мы не подпишемся под вашим заявлением, — запротестовала Марзие, — и вам это хорошо известно. Подписать это заявление означало бы, что мы согласны с тем, что в нём говорится.

— Судья Пираббаси — мой друг, — устало напомнил нам господин Агаси. — Его недавно перевели в Революционный суд вести политические дела. Я хотел, чтобы сегодня он так оформил ваше дело, чтобы судья по вероотступничеству мог вынести необходимое нам решение. К сожалению, теперь ваше дело будет передано в Суд справедливости...

Тут в зал вернулся судья и, к нашему удивлению, сел с нами за стол. Судья взял себя в руки и пришёл, чтобы попытаться вместе поискать решение. Он приказал секретарю принести нам чай. Господин Агаси снова начал убеждать господина Пираббаси, чтобы наше дело разрешил именно он.

— Этот суд, Революционный суд, обычно не вмешивается в серьёзные дела, которые заканчиваются приговором к пожизненному заключению или смертной казнью, — отклонил его просьбу судья. — Эти дела передаются в Суд справедливости, где заседает коллегия, состоящая из трёх судей. Боюсь, тут я ничем не могу помочь. — Судья сделал глоток чая. — Когда я пью с вами чай, то вспоминаю свою гостью из Швеции, которая также является христианкой. Чтобы доказать, что мы не считаем христиан нечистыми, я взял её недопитый чай и допил. Это произвело на неё впечатление. Я люблю христиан

и уважаю их религию и убеждения. Но вы не должны делать ничего, что могло бы сыграть на руку западным державам.

Судья снова вышел и вернулся с бутылкой. Он спросил об условиях содержания в тюрьме «Эвин», особенно о медицинском обслуживании. Затем он перелил половину содержимого бутылки в бутылку поменьше. Мы сразу же почувствовали аромат розовой воды.

— Не думаю, что у вас в тюрьме есть духи. Я отдаю это вам в подарок и надеюсь, они помогут вам с гигиеной.

Мы с Марзие обменялись удивленными взглядами и улыбнулись. Трудно было не рассмеяться при мысли о том, как мы пронесём стеклянный флакон мимо охраны.

— Спасибо, но я не думаю, что нам позволят пронести эту бутылку в камеру, — сказала я.

Судья вызвал секретаря и попросил принести канцелярские принадлежности. Затем он написал записку, в которой говорилось, что духи — это личный подарок судьи Пираббаси и их следует пропустить в тюрьму. Мы взяли бутылку и записку и вышли из зала суда в поисках сестёр, которые ждали снаружи. Господин Агаси всё ещё придирался к нам за то, что мы отвергли его заявление.

— Ну почему вы не могли промолчать о том, что не согласны с моими утверждениями? — продолжал бормотать он.

Нас прервали наши конвоиры, сказав, что нужно идти. Ширин и Елена отдали нам бутерброды, которые принесли из дома. Когда мы подошли к месту, где нам предстояло дожидаться автобуса, я спросила одного из конвоиров, можем ли мы подождать снаружи, а не в грязной комнате, воняющей как мусорная свалка. Он разрешил. Когда наши сёстры увидели, что мы вышли во двор, они направились к нам, но прежде, чем они дошли до нас, из здания суда выбежала женщина и закричала нашим конвоирам:

— Что они делают снаружи? Почему не в изоляторе?!

Она заставила нас войти в ужасную комнату ожидания, где вокруг клочков засохшей рвоты жужжали мухи. Мы использовали платки, чтобы закрыть рты и носы. Вонь чуть не заставила меня добавить к засохшей рвоте свою собственную, но каким-то образом мне удалось сдержаться. У нас пропал аппетит, и мы отдали свои бутерброды другим заключённым, которые также ожидали автобуса. Они проглотили их так, будто не ели несколько дней.

Марзие

После полуторачасового ожидания автобус отвёз нас обратно в «Эвин». Во время поездки я размышляла над тем, что только что произошло в суде.

В годовщину моего крещения Бог испытывал мою веру. Когда мне впервые задали вопросы о следовании за Иисусом, я была свободна, счастлива и окружена друзьями. Теперь мне грозила смерть. Казалось, Бог спрашивал: «Ты всё ещё христианка?» Путь ко Христу никогда не бывает лёгким. В Евангелии от Марка 8:34 Иисус сказал Своим ученикам: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною».

Сегодня я подтвердила обещание, данное Богу в этот день четыре года назад. Я снова пообещала взять свой крест и следовать за Христом. Я готова умереть за Бога и буду следовать за Ним всегда. Иногда Бог ставит нас в затруднительное положение и испытывает нас. Это настоящее испытание. «Будешь ли ты верен до конца, когда над тобой нависнет страшная угроза?» Тогда, в помещении суда, я решила оставаться верной Богу, даже под угрозой смерти. Он — моя любовь, и я останусь верна Ему при любых обстоятельствах. Без верности Богу жизнь не имеет смысла. И я счастлива, что смогла остаться верной даже при таких сложных обстоятельствах.

Когда мы пришли на обыск и показали охране записку судьи и флакон духов, они были ошеломлены.

— Ничего себе, как с вами обращается судья! — воскликнули они.

С того дня отношение к нам охранников и надзирателей мгновенно изменилось. Теперь они относились к нам с огромным уважением.

Всем в отделении 2 не терпелось узнать, что произошло в суде.

— Может, теперь вам разрешат внести залог...

Мы с Марьям договорились, что никогда не примем предложение получить освобождение под залог. Режим должен извиниться перед нами за то, что нас арестовали и необоснованно заключили в тюрьму. Мы были невиновны, и они это прекрасно знали.

— Если вам предложат освобождение под залог, вы должны благодарить Господа, — сказала одна из сокамерниц по нашей переполнен-

ной камере. — Если вы думаете, что это правительство когда-нибудь извинится перед вами, вы наверняка сошли с ума.

— Мы верим в нашего Бога, — возразила я, — и уверены, что Он может явить Свою победу даже в этой ситуации. Мы ничего не можем без Бога, но Бог может показать Свою силу!

Женщин поразил наш рассказ о том, как судья угостил нас чаем и подарил духи. Ничего подобного ни с кем из них раньше не случилось.

— Теперь, я уверена, они *точно* извинятся! — сказала одна из женщин, и все рассмеялись.

Молва о нашем выступлении в суде опередила нас самих и стала большой новостью в отделении. Мы удивлялись тому, как она могла добраться сюда раньше, чем мы сами.

Марьям

Через несколько дней нас с Марзие вызвали в здание администрации тюрьмы, где дежурила сварливая вахтёрша по имени Изади. У неё были большие очки и морщинистое лицо. Она всегда куталась в чёрную *чадру* и поэтому была похожа на ведьму. Она часто ругалась матом, особенно когда делала объявления по громкоговорителю. Она сообщила нам, что нас снова ожидает господин Рамезани.

— Разве вы слепые? — кричала госпожа Изади, идя за нами к двери в приёмную. — Разве вы не видите, что в помещении посторонний человек? Быстро наденьте *чадры* как следует!

Возможно, у нас из-под чадры виднелись несколько прядей волос, но я была почти уверена, что она просто пыталась продемонстрировать свою власть над нами.

Господин Рамезани, похоже, не возражал против того, как были одеты наши *чадры*. Он лишь усмехнулся, услышав резкие комментарии госпожи Изади. Он отдал нам витамины и лекарства, которые передали наши сёстры.

— Эти предметы предназначены для этих двух заключённых, — сказал он госпоже Изади спокойно, но авторитетно. — Они санкционированы судьей. Пожалуйста, убедитесь, чтобы они получили их все.

Отношение госпожи Изади сразу же резко изменилось. Как только она поняла, что наш посетитель был очень важным человеком, она

стала совершенно другой. Господин Рамезани сказал, что хочет поговорить с нами наедине.

— Конечно, — подчинилась госпожа Изади, ответив спокойным и вежливым тоном, которого мы никогда раньше не слышали. — Здесь есть кабинет, в котором вас никто не потревожит. Я принесу вам чай.

Мы приняли предложение перейти в свободный кабинет, но от чая отказались. Госпожа Изади оставила нас с господином Рамезани и охранником, закрыв за собой дверь. Когда мы сели, наш посетитель спросил:

— Вы прочли суру из Корана, которую я просил вас прочесть?

— Да, но мы не поняли её, — ответила Марзие. — В ней ничего не было об Иисусе. Мы думаем, что большинство аятов Корана, относящихся к Иисусу, записаны в той части, которая известна как Несса. Вы её имели в виду?

— Нет, я дал вам правильную суру. Вы внимательно прочли её?

— Мы могли прочитать только перевод на фарси, — объяснила я. — Коран написан по-арабски, и мы не понимаем.

Говорят, что чудо Корана состоит в том, что он написан на арабском языке. Истинные мусульмане должны читать его только на языке оригинала.

— Ясно, — вздохнул господин Рамезани. — Вам следовало сосредоточиться на арабском тексте, который указывает на то, что в этой суре Корана Иисус упоминается не только как Сын Божий, но и как Спаситель человечества. Кроме того, мусульмане изменили его значение на персидском, так что и на фарси он читается неточно.

Я никогда не слышала этого раньше.

— Откуда вы это знаете? — поинтересовалась я.

— Об этом мне рассказал человек, который попросил меня навестить вас.

— Кто же этот человек? Он мусульманин? Почему он хочет нам помочь?

Упоминание об этой анонимной фигуре стало неожиданным и очень загадочным поворотом событий.

— Он не мусульманин, — пояснил Рамезани. — Вообще-то он не следует никакой религии. Он может общаться со всеми пророками, и в одном из своих снов Иисус попросил его прийти и навестить вас. Ему и мне приказали помочь вам выйти из вашей ситуации.

— Этот человек говорит, что скоро вы будете свободны, а затем он лично расскажет вам о своём послании. Мы оба уверены, что вас скоро освободят.

Внезапно он сменил тему, оставив нас лишь догадываться о личности этого удивительного загадочного человека.

— Как вы думаете, когда вернётся Иисус?

— Точная дата не известна никому, — ответила Марзие. — Об этом написано в Библии.

— Возвращение Иисуса очень близко, — заверил нас господин Рамезани, а затем сделал несколько непонятных нам заявлений о датах и календаре. Когда мы попросили его объяснить более понятно, он лишь отмахнулся. — Я не могу сейчас рассказать вам всё.

Зазвонил его сотовый телефон. На мгновение он умолк.

— Угадайте, с кем я сейчас? С госпожой Ростампур и госпожой Амиризадэ! — Он поговорил ещё с минуту, прежде чем закончить разговор, а затем задумчиво произнёс: — Очень интересно. Это был человек, который послал меня сюда, чтобы передать вам это сообщение. Он не знал, что сейчас мы встречаемся, просто позвонил, чтобы спросить, как у вас дела. Когда я сказал, что сейчас разговариваю с вами, он был очень доволен и попросил передать вам свои наилучшие пожелания. Он также попросил меня сказать вам, что вы скоро выйдете из тюрьмы и что восемь месяцев, проведённые вами здесь, были благословением от Бога. Бог хотел защитить вас от того, что могло произойти с вами на воле.

Имел ли он в виду беспорядки после президентских выборов? Были бы мы осуждены по другим обвинениям? Или убиты? А может ещё что? Мы и понятия не имели.

— Теперь ваш тюремный срок заканчивается, и вскоре вас освободят, — продолжил он. — Этот человек живёт в провинциальном городе и сейчас едет в Тегеран, чтобы встретиться с вами.

— Неужели он так уверен в том, что нас освободят, что уже едет сюда? — удивилась я.

— Конечно!

Господин Рамезани приказал охраннику, который присутствовал во время нашего разговора, никому не говорить о нём, потому что у него будут проблемы.

— Будьте уверены, я никому не скажу, — заверил его охранник.

Наш посетитель вышел из комнаты на несколько минут, чтобы поговорить с другим заключённым, которого он знал и который также в это время находился в приёмной. Оставшись наедине с нами, охранник поинтересовался:

— Это вы те две заключённые христианки, которые получают всю почту?

— Да, мы. А сколько там писем? — спросила Марзие.

— Там целая комната, полная писем и открыток, и каждый день приходят десятки новых. Несколько из нас открывают и читают их, а затем сообщают об их содержании властям.

— А что написано в письмах?

— Многие из них на английском, и в большинстве написано то же самое — об овцах и Пастыре, что отправители молятся за вас и призывают вас не отчаиваться и не впадать в уныние. Вам присылают стихи из Библии и тому подобное. Некоторые присылают рисунки.

— Поскольку наши письма не отдадут нам, возможно, вам стоит также внимательно прочитать их и извлечь пользу из их содержания? — предположила Марзие.

Когда господин Рамезани вернулся, я напомнила ему о том, что, если судья разрешит, мы можем получить наши письма, и сообщила, что судья Пираббаси дал нам разрешение.

— Если это так, ему следовало отправить письменное распоряжение в тюремную канцелярию. Судья прекрасно знает, что в тюрьме слово не имеет веса; всё должно основываться на официальных письменных распоряжениях. Думаю, в любом случае он прикажет отдать вам письма после освобождения, потому что их очень много, а заключённым не разрешается получать почту.

К тому времени, когда мы вернулись в отделение 2, статьями о нашей встрече с господином Рамезани уже пестрели газеты. Некоторые из сокамерниц по-прежнему завидовали тому вниманию, которое мы получили, и все хотели знать о нашем разговоре и о том, что будет дальше. Мы спрятали витамины и лекарства в одеяло. Позже мы узнали, что после нашего ухода наш посетитель остался поговорить с несколькими другими женщинами-заключёнными, чтобы не вызывать подозрений, что он приходил только для того, чтобы увидеться с нами. От всего этого у меня шла кругом голова. Кем на самом деле

был этот Рамезани? Кем был его таинственный друг? Как они могли быть так уверены в нашем скором освобождении?

Все эти события стали шокирующими и разочаровывающими, когда в следующий раз, вызвав нас по громкоговорителю в здание администрации, нам приказали вернуться в то место, которого мы больше всего боялись и которое надеялись никогда больше не увидеть.

Надежда — только на Господа

Марьям

«*Марьям Ростампур! Марзие Амиризадэ!*» — наши имена громко звучали по громкоговорителю.

Когда мы явились в здание администрации, там нас ожидал конвоир из отделения 209, чтобы завязать нам глаза и отвезти в это страшное место. Для заключённых было очень необычным возвращаться в отделение 209 после того, как их дела были рассмотрены Революционным судом. Фереште сказала нам, что обычно это означает, что срок заключённому будет продлён или смертная казнь — приведена в исполнение.

Мы с Марзие шли к другому зданию, выглядывая из-под повязок, чтобы, как обычно, следить за ногами сопровождающего. Нас поставили ждать в коридоре лицом к стене. Вдруг мы услышали неистовый женский крик:

— Клянусь Богом, я невиновна! Это какая-то ошибка!

Меня завели в кабинет одну, а Марзие оставили стоять лицом к стене в коридоре. После того, как охранник вышел из кабинета и закрыл за собой дверь, голос приказал мне снять с глаз повязку. Передо мной за большим столом сидели двое мужчин. Один из мужчин был одет в серый костюм и имел только одну руку. Другой был намного старше, с седыми волосами. Пожилой мужчина предложил мне сесть. Он спросил, как долго я пробыла в тюрьме.

— Больше восьми месяцев, — ответила я.

— Почему вы обратились в христианство? Разве вы не знали, что тех, кто отказывается от ислама, считают вероотступниками и приговаривают к смерти?

— Я встретилась с Иисусом Христом. Моя история длинная, и я рассказывала её уже много раз с тех пор, как попала сюда. Вы хотите услышать её снова?

— Вы очень порядочные девушки, — сказал седой мужчина. — Вы какое-то время были и нашими гостями здесь, в отделении 209.

В нём было что-то знакомое — я узнала его голос! Он раньше допрашивал меня здесь, в отделении 209, однако сейчас я впервые разговаривала с ним без повязки на глазах.

Теперь заговорил молодой человек.

— Госпожа Ростампур, мы не имеем ничего против того, что вы и ваша подруга — христианки.

На самом деле! Тогда как объяснить восемь месяцев нашего заключения?!

— Каждый имеет право на личное волеизъявление. Вы приняли решение стать христианками.

Он начал говорить о том, что стать христианином в Иране так же просто, как купить буханку хлеба. *Значит, нас арестовывали и держали в тюрьме только для развлечения, а на самом деле обратившимся из ислама христианам смертная казнь не грозит?* Было очевидным, что он очень старался завуалировать возникший беспорядок по нашему делу и говорил каким-то очень уж слащавым тоном. *Кого-то действительно беспокоит, что с нами сделал режим и как он выглядит в глазах мировой общественности!*

— Что я могу сделать для вас? — поинтересовался мужчина.

Что вы можете сделать для нас? Всё, о чём мы попросим, сделает нас обязанными ему, чего, без сомнения, ему только и нужно.

— Нам от вас ничего не нужно, спасибо.

— Вы знаете, кто это? — спросил пожилой мужчина.

— Нет, не знаю.

— Это господин Джафари Долатабади, главный прокурор Тегерана. Он здесь, чтобы помочь вам.

Главный прокурор хочет нам помочь? Неужели, как интересно!

— Если вам что-нибудь нужно, только попросите. — Господин Долатабади улыбнулся и добавил: — Я имею власть выпустить вас на свободу или казнить. Вы уверены, что не хотите, чтобы я вам помог? Я могу освободить вас.

— Я искренне благодарю вас за вашу доброту, — ответила я, — но я доверяю Богу и полагаюсь только на Него. Я верю, что воля Господа состоит в том, чтобы мы с Марзие были в тюрьме и что наша свобода находится только в Его руках. Если Господь желает освободить нас,

никто не может встать на Его пути. Конечно, мы не желаем оставаться в тюрьме и предпочли бы быть свободными, но мы будем дожидаться решения Господа по этому поводу.

Меня раздражало отношение господина Долатабади и его замечание о том, что он имеет власть освободить или казнить нас. Это напомнило мне заявление Понтия Пилата об Иисусе. Мужчины переглянулись и улыбнулись.

— Хорошо, — произнёс прокурор. — Значит, вы не хотите попросить меня освободить вас. Кстати, а вы когда-нибудь бывали в Риме?

— Нет, никогда.

— Тогда почему же в ваше дело вовлечён Ватикан? Что происходит?!

— Понятия не имею. Мы сидели в тюрьме и не получали никаких известий о том, что происходит во внешнем мире. Однако для Ватикана вполне естественно вмешиваться в наше дело, потому что мы заключены в тюрьму по обвинению в том, что мы христиане и верим в Иисуса. (К сожалению, позже нам так и не удалось ничего узнать о предполагаемой причастности к нашему делу Ватикана.)

— В любом случае, — сказал господин Долатабади, — вы, должно быть, знали, что обращаться в христианство, а затем пропагандировать его так, как это делали вы, в этой стране довольно опасно и это может закончиться казнью. Вы должны быть предельно осторожны.

Вдруг дверь открылась, и в кабинет ввели Марзие. После того, как ей приказали снять с глаз повязку, она села. Нам предлагали сладости и относились к нам как к почётным гостям, а не как к заключённым, над которыми нависла угроза смерти. Было ясно, что вмешательство Ватикана способствовало огласке нашего дела на совершенно новом уровне в международном масштабе и необходимости разрешить его как можно скорее.

Господин Долатабади задавал множество вопросов об условиях содержания в тюрьме «Эвин» — о питании, медицинском обслуживании, нашем общем состоянии здоровья — как будто он, главный прокурор города, понятия не имел, что происходит в городских тюрьмах. Марзие прожужжала ему все уши о своей болезни и отсутствии достойной медицинской помощи для заключённых. Я пожаловалась на своё недавнее пищевое отравление и плохое обращение с нами.

— Как такое только возможно! — воскликнул господин Долатабади.

Я воспользовалась возможностью рассказать и о нелепом правиле, требующем, чтобы все заключённые выходили на утреннюю переключку, независимо от их физического состояния. Он снял трубку и набрал номер.

— Госпожа Резаи, у меня в кабинете находятся госпожа Амиризаде и госпожа Ростампур. Они жалуются на проблемы в вашей тюрьме. — В его голосе звучал гнев. — Прошу разобраться с этим как можно скорее!

Затем господин Долатабади завёл длинный монолог о том, что в нашей стране каждый имеет право исповедовать любую религию, которую он пожелает, но наша проблема заключается в том, что мы создали такую широкую огласку и говорим о христианстве со слишком многими людьми. Он посоветовал нам не подвергать опасности свои молодые жизни, так непреклонно защищая свои убеждения. Однако за его словами прослушивался совершенно другой лейтмотив.

Как и все, с кем мы разговаривали в последнее время, он отчаянно пытался найти способ избежать международного скандала, убедив нас изменить свою позицию и показания о том, что с нами произошло — забыть о жестоком обращении и безжалостных допросах; молчать о бесчеловечном обращении и несправедливости; считать, что жестокое обращение с нами со стороны господина Собхани, господина Хаддада, наших следователей и всех остальных было их личной виной, а не виной доброго, милосердного и уступчивого иранского режима. Именно в это они хотели, чтобы поверил мир.

После того, как господин Долатабади закончил свою речь, нам с Марзие завязали глаза и отправили обратно в камеру. Как всегда, нас окружили наши подруги, чтобы узнать, что произошло. Когда они узнали, что мы встречались с господином Долатабади, они были убеждены, что это было прелюдией к нашему освобождению и окончательному урегулированию нашего дела. Мы начали думать, что они могут быть правы, что нас действительно скоро освободят. Однако какими бы сладостными ни были мысли о скором освобождении, было грустно представить, что мы выйдем на свободу и оставим Ширин, Марджан и других своих замечательных подруг в этой тюрьме. Той ночью мы говорили о наших надеждах на будущее, предчувствуя, что это могут быть наши последние часы, проведённые вместе с ними.

Мы обещали друг другу встретиться снова, но уже свободными людьми. Мы пытались не думать о грустном, а вспоминали счастливые моменты, проведённые вместе.

Через несколько дней нам снова завязали глаза, отвели в отделение 209 и усадили перед господином Долатабади и его седым спутником.

— Я готов освободить вас под залог до начала судебного процесса, — сообщил нам главный прокурор.

Раньше мы уже слышали такое обещание от судьи Собхани, и оно оказалось ложью. Несмотря на это, слова об освобождении вселили в нас надежду.

— Вы будете освобождены после внесения залога в размере 200 миллионов томанов (около 100 000 долларов) за каждую.

— У нас нет никого, кто мог бы помочь собрать столько денег, — возразила Марзие. — Кроме того, после почти девяти месяцев заключения по этим обвинениям мы хотим, чтобы наше дело рассматривалось открыто. Мы считаем, что дело должно быть урегулировано, вместо того чтобы просто тихо выпустить нас под залог, не глядя на то, что нам даже не предъявлены окончательные обвинения.

— На самом деле вам не придётся вносить залог, — попытался успокоить нас пожилой мужчина. — В качестве ваших поручителей могут выступить ваши сёстры. Я могу позвонить им, и они придут прямо сейчас в здание суда, чтобы зарегистрироваться, и их гарантии будут служить вашим залогом.

— Я согласился дать вам свободу, — добавил господин Долатабади. — Но, пожалуйста, не давайте интервью прессе.

Мы ответили, что свяжемся с сёстрами и обсудим это предложение. Нам завязали глаза и оставили в коридоре ожидать, пока конвой отведёт нас обратно в наше отделение. Пока мы стояли, кто-то вручил каждой из нас по контейнеру с жареной курицей и рисом. Мы услышали голос седовласого мужчины:

— Ешьте. Это для вас.

Я не смогла сдержать смех.

— Но ведь мы не можем есть с завязанными глазами.

Снять повязки нам не разрешили, однако разрешили взять вкусно пахнущую пищу с собой. Вид еды поразил надзирателей в отделении 2,

которые привыкли видеть, как заключённые возвращаются из отделения 209 измученными и подавленными, с синяками и кровотечениями. Они не хотели, чтобы мы несли еду в камеру, поэтому отправили нас на кухню — съесть всё там. Вкус курицы был райский! Пища была настолько питательной, и мы так долго не ели качественных продуктов, что не могли съесть всё. Мы с Марзие разделили один контейнер с едой, а другой отдали другим заключённым из нашей камеры. Когда мы поели и шли в свою камеру, меня подозвала Амири, надзирательница, которая была жестока со мной, когда я получила пищевое отравление. Она извинилась за своё грубое поведение, а также за то, что выгоняла меня и других больных на утреннюю перекличку на улицу. Сразу же за ней пришла госпожа Резаи, которая также извинилась.

Короткий телефонный звонок господина Долатабади установил в тюрьме «Эвин» новый мир, по крайней мере, на какое-то время.

Марзие

Уже на следующий день нас снова вызвали в отделение 209. Теперь наши друзья уже не опасались за нашу безопасность, а, наоборот, были убеждены, что этот вызов приблизит нас ещё на один шаг к свободе. Парване, заключённая, которая подрабатывала, убирая нашу камеру, попросила у нас автографы в качестве доказательства, что она жила в одной камере с двумя такими известными людьми. Мы ответили, что с удовольствием сделаем запись в её дневнике, но добавили, что на самом деле мы вовсе не знаменитости и слова, которые мы ей напишем, адресованы ей одной. Другие по-доброму дразнились: «Что сегодня в меню на вынос?», «Кто сегодня прибежит извиниться?»

Нам завязали глаза и отвели в отделение 209, где поставили ждать в коридоре лицом к стене, пока нас не завели в кабинет. Знакомый голос приказал снять повязки. Это был наш старый следователь, господин Мосават. Рядом с ним молча сидел крупный мужчина средних лет с тёмными усами и каменным лицом.

— Добро пожаловать, — сказал господин Мосават так, будто бы он приветствовал двух старых друзей. — Садитесь, пожалуйста.

Очевидно, он попал в аварию. Одна сторона его шеи была красной и выглядела так, как будто он получил ожёг. Одна рука была забинтована.

— Я слышал, вас, наконец, освобождают, — сказал он. — Нам потребовалось девять месяцев, чтобы добиться этого. Вы, наверное, не поверите мне, но я хочу, чтобы вы знали, что мои коллеги, да и сам я, активно участвовали в расследовании вашего дела и сделали всё возможное для вашего освобождения. И наши усилия увенчались успехом.

Неужели?

— Не думайте, что вас защитили международное давление или церковь. Вам просто не повезло, что ваш арест совпал с праздником Навруз, а потом были выборы и их последствия. Все эти события, к сожалению, задержали рассмотрение вашего дела. Но в любом случае, когда вас выпускают? Кто внесёт залог или выступит в качестве вашего поручителя?

— Пока не ясно, — ответила Марьям. — Этим занимается наш юрист.

— Что ж, с Божьей помощью, вы скоро будете освобождены! Я узнал о вашем освобождении от господина Долатабади. Он лично попросил меня поговорить с вами, поскольку существует несколько моментов, которые нам лучше сказать вам, прежде чем вы покинете стены тюрьмы. Вы должны знать, что отныне ваша жизнь будет в центре внимания. Если в прошлом, как вы говорите, вы не знали, что такие вещи, как пропаганда послания Иисуса и его пророчеств, в этой стране являются противозаконными, то теперь вам это прекрасно известно. И если с вами случится что-то ещё, вы не сможете утверждать, что не знали об этом. Поэтому вам лучше не делать ничего, что могло бы вызвать у вас проблемы или привести к «несчастливым случаям». Не связывайтесь ни с какими источниками за пределами страны. Не проводите и не посещайте христианские собрания ни у себя дома или где-либо ещё. Кроме этого, от имени системы я прошу у вас прощения и надеюсь, что вы забудете о жестоком обращении, которому подвергались, и вернётесь к нормальной жизни. И, — добавил он, немного запнувшись, — вы должны извинить меня за то, что я не навещал вас в последние несколько месяцев. Я болел. — Господин Мосават откинулся на спинку стула. — А теперь можете говорить всё, что хотите. Можете даже ругаться на нас.

Я ответила господину Мосавату просто:

— Я могу ответить только последними словами Иисуса, который сказал: «Отче, прости им, ибо они не знают, что делают»¹.

После этого мы с Марьям одели повязки на глаза и вышли из кабинета.

— Вы уже знаете дорогу, — беззаботно крикнул нам вслед господин Мосават, когда мы двинулись по коридору одни, без сопровождения.

В тот же день нам позвонил таинственный господин Рамезани.

— Я слышал, что к вам приходил главный прокурор, и вас вот-вот освободят.

— Да. Он согласился заменить внесение залога на выход под ответственность поручителя.

— Что же, слава Богу! Я же говорил, что скоро вы будете свободны! Я звоню, чтобы поздравить вас и попросить обязательно связаться со мной после освобождения. Я должен встретиться с вами. Я также хочу, чтобы вы знали, что я очень рад вашей свободе.

Мы пообещали связаться с ним. Надзирательница, которая слушала наш разговор, поинтересовалась:

— Значит, вас освобождают?

— Да.

— А в чём заключались обвинения против вас?

— В том, что мы верим в Иисуса Христа.

— Что же, слава Богу!

Она и ещё одна её коллега так и остались стоять в изумлении, уставившись на нас. Вероятно, это было впервые за время их службы, чтобы начальник службы безопасности позвонил заключённым и поздравил их с освобождением. Когда Марьям сказала другой заключённой, что нам звонил господин Рамезани, женщина рассмеялась:

— Теперь очередь не иначе, как президента Ахмадинежада навещать вас и принести извинения!

Пока разыгрывались последние главы нашей истории, другие заключённые получали как хорошие, так и плохие новости. Дело Рейхана также находилось в отделении 26 у судьи Пираббаси, который был так добр к нам. Судья призвал её прекратить голодовку и предложил поесть в зале суда. Вскоре она была освобождена под залог и с

¹ Евангелие от Луки 23:34.

радостью вернулась к своей семье. Наша милая подруга Марджан грустила при мысли, что мы оставим её. Она впала в депрессию и постоянно спорила со всеми, что было ей совершенно не характерно. Я заверила её, что она навсегда останется в наших сердцах, и пообещала молиться за неё.

— То, что мы выходим на свободу, ни в коем случае не является концом нашей дружбы, — сказала я. — Мы никогда не забудем тебя. Пообещай, что ты свяжешься с нами, когда освободишься. Независимо от того, сколько времени пройдёт, мы будем ждать твоего звонка и вместе отпразднуем твоё освобождение.

В течение многих месяцев нашего пребывания в тюрьме «Эвин» заключённые приходили и уходили бесконечным потоком. Нашей ближайшей подругой из тех, кто остались, была Ширин Алам Хули. С тех пор, как её соседку по камере, Сильву, освободили, мы с Марьям проводили большую часть времени с ней. Она была такой нежной и доброй, но так много пережила... Ужасным ударом для неё стало известие о казни её подруги, и теперь мы, её лучшие из оставшихся подруг, также собирались выйти на свободу.

Последним большим препятствием на нашем пути было собрать необходимую сумму для внесения залога. Мы каждый день разговаривали по телефону с нашими сёстрами, чтобы выяснить ситуацию. Поскольку у них самих не было личного состояния, они нашли двух зажиточных бизнесменов, которые владели собственностью и были готовы гарантировать наше освобождение под залог. Наши сёстры вместе с этими бизнесменами пошли к господину Долатабади, чтобы договориться. Они принесли ему большой букет цветов. Однако он не смог их принять. Когда они пошли во второй раз, произошло то же самое, однако на этот раз секретарь господина Долатабади сказал им, что они могут встретиться с господином Готби, другим судьёй Революционного суда, который будет вести наше дело.

Елена и Ширин предстали перед судьёй Готби, и оба бизнесмена предложили свои гарантии. Однако из-за того, что ни судья, ни мы с Марьям не знали этих мужчин, судья отказался принять их гарантии и сказал, что они должны положить всю сумму на депозит. Он также предложил, что в качестве альтернативы подписать гарантию может наш юрист, господин Агаси. Мы уже просили его сделать это, но он отказался.

Тогда судья предположил, что поручителями могут стать сами наши сёстры. В сложившихся обстоятельствах система была готова пойти на риск, даже несмотря на то, что они не могли внести залог, если бы в этом возникла необходимость. Когда наши сёстры пошли в другой кабинет, чтобы подписать документы и снять отпечатки пальцев, судья спросил их, христианки ли они. Они ответили утвердительно.

— Конечно же, вам известно, что наш религиозный закон разрешает мне прямо сейчас рассечь вас пополам мечом, — возмутился он, повысив голос. Затем он взял себя в руки. — Но я предпочитаю оставить это на усмотрение закона.

Он объявил, что все формальности соблюдены, и теперь он отправит в «Эвин» предписание освободить нас. Обвинение в вероотступничестве всё ещё рассматривалось, но, по крайней мере, мы могли ждать суда дома. Как нам было известно на примерах дел наших друзей, иранские суды часто выпускают обвиняемых под залог, но обвинения с них так и не снимают. Таким образом, дело против них остается открытым и их могут повторно арестовать в любой момент под самым надуманным предлогом.

Каждый вечер мы задавались вопросом: будет ли это наша последняя ночь в тюрьме «Эвин»? Наша последняя ночь в этой переполненной зловонной камере, на трёхъярусных койках, без сна, лёжа и глядя в потолок или на своих, уже спящих, сокамерниц? Последняя ночь жизни на ужасных мясных консервах и другой жалкой пище, с некомпетентным и даже опасным медицинским обслуживанием? Мы задавались вопросом, будет ли это последняя ночь, которую мы проведём со своими дорогими подругами, особенно с Ширин, Марджан, Сетаре и Махтаб? Последняя ночь, когда мы можем выполнять Божье поручение за решёткой?

Мы часто слышали, что последние несколько дней перед освобождением пережить гораздо труднее, чем всё остальное время, вместе взятое. Теперь мы ощутили это на себе. Часы и даже минуты тянулись неумолимо медленно. Наши переживания усугублялись ответственностью, которую взяли на себя наши сёстры, и рисками, на которые они пошли ради нас. В разгар ожидания освобождения нас одолевало неопределимое душераздирающее чувство печали и горечи от того, что нам придётся покинуть своих драгоценных подруг. Мы знали, что никогда в жизни не испытаем такую же крепкую и обогащающую дружбу, как

та, которой Бог благословил нас за высокими и зловещими стенами тюрьмы «Эвин». Звучание слова «Эвин» больше не было для нас ни странным, ни чужим; теперь оно было нам знакомо так же, как наши собственные имена. Это был наш университет, который научил нас тому, чему мы никогда не смогли бы научиться нигде больше. Это была наша церковь, место искренней, глубокой веры и посвящения Иисусу Христу. В течение нескольких месяцев это был наш дом и наша семья. Тюрьма «Эвин» стала частью нашей жизни, которая отображала как наихудшие, так и наилучшие дни нашей жизни.

Марьям

Ширин Алам Хули до конца старалась не выдавать свои эмоции, сильные и бурлящие. Иногда она говорила: «Я буду скучать по тебе» — и всё. Ближе к вечеру мы с Ширин и Марзие пошли гулять по тюремному дворику, держась за руки.

— Я хочу помолиться за тебя! — сказала я Ширин.

Она улынулась и ответила:

— Давай!

Когда же я начала молиться, то поняла, что не могу сдерживать слёзы. Я прервала молитву и расплакалась. День был серый и холодный, моросил дождь. Как и тысячу раз прежде, Ширин взглянула на квадратный кусочек неба, всё, что мы могли видеть с внутреннего двора. Низко над головами пролетела стая птиц.

— Я бы хотела быть свободной, как эти птицы, — с тоской произнесла Ширин. — Я хотела бы быть, как они. Интересно, увижу ли я когда-нибудь снова небо всё целиком, а не только его часть, обрамлённую окном или тюремной стеной. — Она оглядела двор с грустным пнём на месте когда-то одинокого дерева, влажной землёй, ошеломляюще знакомыми стенами. — Я так устала от этого места, — думаю, я не выдержу здесь ни минуты больше. Как ты думаешь, когда я буду свободна, Марьям?

— Не знаю, — тихо вздохнула я, удивлённая и обеспокоенная мрачным тоном подруги. — Но я надеюсь, что это будет очень скоро.

— Не забывайте, что мы обещали друг другу, — напомнила Ширин, внезапно оживившись. — Вы выйдете на свободу и откроете нашу зелёную ферму, потому что, когда я освобожусь, я приеду туда к вам.

Мы часами разговаривали о мечте Ширин жить на ферме на зелёной горе, вдаль от города, в деревянном доме, в тишине и покое. Иногда это звучало настолько реально, что нам казалось, что мы уже стоим на этой горе и наслаждаемся приятным, лёгким дуновением ветерка — спокойные, безмятежные и свободные.

— Обязательно поддерживай с нами связь, чтобы мы меньше скучали друг по другу, пока не приедешь к нам, — попросила я. Говорить было трудно. Как я хотела, чтобы дело Ширин было решено до нашего отъезда! Однако только один Бог знал, когда мы увидим её снова.

Позже вечером собрались наши подруги и устроили для нас прощальную вечеринку. После отбоя мы всё продолжали петь песни. Они подарили нам с Марзие стихи, записки и небольшие подарки на память. Арефе вручила нам забавное письмо, в нем она напомнила о своём замечании, которое она сделала, когда мы только поступили в это отделение, а именно что мы были глупы, отстаивая свою веру. Она писала: «Я хочу, чтобы все в мире были такими же глупыми, как вы!» Мы все пытались скрыть свою печаль за смехом и шутками, твёрдо придерживаясь решения не плакать. Те из нас, кто были самыми близкими подругами, решили придумать тайное слово, которое поможет нам не забывать друг друга. Кроме меня и Марзие, в этот круг подруг входили Ширин, Арефе, Камила, Махтаб, Сетаре, Сусан и Марджан. Мы были очень разными женщинами, из разных слоёв общества, исповедовали разную веру. Но тюрьма «Эвин» навсегда объединила нас в борьбе против несправедливости, разрушавшей тело и душу иранского народа.

Мы пообещали друг другу, что когда-нибудь снова встретимся в свободном Иране. Нашим самым большим желанием, нашей самой заветной мечтой было то, чтобы Иран сбросил оковы своих угнетателей и чтобы народ избавился от несправедливости и диктатуры.

Уже перевалило далеко за полночь, но мы были слишком взволнованы, чтобы спать. Завтра вечером, может быть, мы окажемся уже совершенно в другом мире. Однако только Богу одному известно, закончили ли мы уже выполнять Его поручение в камере № 1, отделения 2 самой страшной и жестокой тюрьмы Ирана.

Не так, как ожидалось

Марьям

Хриплый звук громкоговорителя пробудил меня от чуткого прерывистого сна. Всем, как обычно, приказывали выйти на утреннюю переключку. Была среда, 18 ноября 2009 года (27 абана 1388 года по иранскому календарю). Этим утром мы с Марзие решили для разнообразия пойти. Погода в этот ранний час была ужасной — леденящей, влажной, серой и удручающей. После того, как нам позволили разойтись, почти все вернулись в постель, но я никак не могла снова уснуть.

Я была так взволнована, что пошла прогуляться во дворике, несмотря на холод и дождь. Я подобрала с тротуара пару мокрых листьев и небольшой камень — напоминания о месте, которое я, скорее всего, больше не увижу. Оставшись одна, я начала молиться за всех наших друзей. Я в течение часа изливала сердце Богу и рассказывала о своей любви к этим женщинам, о переживаниях за своё будущее и обо всех других мыслях, которые бередили мой разум.

После завтрака, когда сокамерницы обычно уходили в культурный центр, никто из нашей камеры не хотел идти, потому что все боялись пропустить наш отъезд. Но поскольку заключённых никогда не освобождали раньше полудня, нам удалось уговорить их пойти на утренние занятия. Те, кто остались, были необычайно напряжены и взволнованы, поэтому между ними то и дело вспыхивали ссоры то из-за пользования телефоном, то из-за небрежно брошенных слов. Даже те женщины, которые обычно вели себя спокойно и приветливо, казалось, были не в духе.

Мы с Марзие пошли навестить детей, особенно мы хотели увидеть маленького Альфи. Как мы будем очень скучать по нему! Мы пытались поиграть с ним, но он был простужен и пребывал в плохом настроении. Я легла возле мальчонки на койку и обняла его. Если бы мы только могли забрать его с собой! В мир свежего воздуха, здоровой

пищи и безопасности, в мир, где бы он мог играть в песочнице и бегать босиком по траве. В мир, которого он не знал. Что с ним будет? Что будет со всеми этими людьми, которых мы так сильно полюбили? Если бы только их освободили раньше нас.

В полдень женщины вернулись из культурного центра на обед. Ширин Алам Хули пришла в нашу камеру, чтобы есть вместе с нами.

— Что ты чувствуешь сейчас, когда тебя освобождают? — поинтересовалась она.

— Не знаю, — смущённо ответила я. — Но знаю одно: мы будем по тебе скучать!

Ширин ответила:

— Когда будешь свободна, беги к нашей горе и кричи от радости во всё горло. Радуйся своей свободе и не беспокойся обо мне. Когда-нибудь я тоже буду свободна. Тогда приходи ко мне в гости и поможешь мне уложить волосы, как ты всегда это делала.

— Хорошо, Ширин, — сказала я с улыбкой. — Но я бы хотела, чтобы мы вышли на свободу вместе. Обещай позаботиться о себе и поскорее выбираться отсюда.

— Я и сама думаю, как бы поскорее отсюда выбраться, — Ширин рассмеялась. — Я здесь уже два года, и это место мне так надоело.

Наступил час дня, потом два, минуты тянулись мучительно. Я ждала кого-то в коридоре, когда в отделение влетела госпожа Алипур, сияя и размахивая листком бумаги.

— Приказ о вашем освобождении! — кричала она, схватив меня в свои крепкие объятия. Через несколько минут были объявлены наши имена, и всё отделение наполнилось аплодисментами. Мы уже собрали свои немногочисленные пожитки. В нашу камеру начали стекаться потоки женщин со всего отделения, чтобы в последний раз обнять нас и пожелать удачи. Многие плакали. Кто-то запел «Яр-е дабестани-э ман», персидскую народную песню, которая была популярной во время протестов против исламского режима.

Затем женщины затаили песню, которую мы пели всякий раз, когда освобождался политический заключённый: «Иди и никогда сюда больше не возвращайся!» Я услышала звук разбивающейся в нашу честь тарелки.

Оставалось только пройти через коридор и выйти из камеры, но мы с Марзие с трудом могли заставить себя сделать даже шаг. Мы вынесли свои вещи из камеры в коридор, продолжая обнимать и целовать всех, до кого могли дотянуться. Теперь мы не могли больше сдерживать собственные слёзы.

В конце коридора заключённым было приказано отойти от решётки, и они не могли сопровождать нас дальше. Мы обняли их всех в последний раз, а Ширин — дольше всех. Увидев заплаканные лица друг друга, мы рассмеялись, несмотря на грусть. Чем бы только мы не пожертвовали, чтобы взять Ширин с собой и она могла пройти эти несколько последних шагов к свободе.

Мы продолжали идти, махая морю лиц, обрамленных решёткой, пока за нами не захлопнулась металлическая дверь. Мы прошли через ряд контрольно-пропускных пунктов к главным воротам тюрьмы «Эвин», подписали документы, и у нас сняли отпечатки пальцев.

Надзирательница, которая проводила нас до ворот, была знакома нам, хотя мы никогда раньше с ней не разговаривали.

— Это вы две христианки? — переспросила она.

— Да, мы.

— Я много слышала о вас и очень рада, что вас, наконец, освободили.

Она огляделась, чтобы убедиться, что поблизости никого нет.

— Можно попросить вас об одолжении?

— Конечно, — ответила я.

— Я слышала, что на ваши молитвы всегда приходит ответ. В моей жизни есть проблема. Не могли бы вы помолиться и за меня, пожалуйста?

— С удовольствием. Мы будем молиться Иисусу, чтобы Он решил вашу проблему.

Надзирательница передала нас охране. Охранник подвёл нас к главным воротам, открыл их и вывел наружу. Теперь мы были свободны!

Марзие

Первые, кого мы увидели за воротами, были наши сёстры, которые ожидали нас с широко распростёртыми объятиями. Мы обняли их так, как будто бы не собирались больше никогда отпускать,

смеясь и плача одновременно. Охранник приказал нам не шуметь и быстро покинуть территорию перед воротами. Обычно, когда освобождают заключённого, его встречают друзья и родственники. В нашем случае кто-то позаботился о том, чтобы избежать публичной встречи и празднования.

Мне не верилось, что теперь мы можем идти куда пожелаем. По дороге к нашей квартире я наблюдала за движением и городской суматохой и чувствовала себя совсем не так, как ожидалось. Я мечтала об этом в течение многих месяцев, однако теперь, когда снова оказалась на свободе, что-то со мной было не так. Хотя моё тело было свободно, душа моя и дух всё ещё находились с нашими драгоценными подругами, которые страдали от ужасной несправедливости в тюрьме «Эвин». Мысли об этом лишали меня возможности наслаждаться своей личной вновь обрётённой свободой. Я чувствовала себя на удивление безразличной к ней.

Сёстры убрали нашу квартиру, за исключением спален, и не оставили и следа от беспорядка, который устроили *басиджи* в день ареста. Наши книги, компьютеры и другое имущество нам всё ещё не вернули. Из окна квартиры вдалеке виднелись стены тюрьмы «Эвин». Теперь мы никогда уже не будем смотреть на них с таким безразличием, как раньше. Дома всё казалось до странности непривычным. Вид из окна, комнаты и наши вещи были такими чужими и незнакомыми. Мы с Марьям ходили по квартире и рассматривали всё так, будто никогда раньше не видели.

Потом мы по очереди приняли душ. Какой огромной и удобной была наша ванная комната! Ни тесноты, ни ограничения по времени, ни смрада, ни дезинфицированных удушающими химическими средствами стен!..

Мы осмотрели мебель, одежду, картины на стенах и стопки музыкальных компакт-дисков, которые не забрали *басиджи*. Как много у нас было вещей! И как непохожи они были на то, чем мы привыкли пользоваться в течение последних месяцев! Казалось, вещи насмеются над нами со всех сторон. Две девушки, которые когда-то покупали и использовали все эти предметы, ушли навсегда, а сюда вернулись два совершенно других человека с совершенно другими взглядами на жизнь. Нами обуревало чувство беспокойства. Мы расхаживали по комнатам, которые теперь казались слишком переполненными ве-

шами, сидели на полу, то плакали, то удручённо молчали. В тюрьме мы ни разу не оплакивали себя. Теперь же слёзы хлынули потоком.

Не понимая почему, мы с Марьям испытали внезапное, всепоглощающее чувство, что наши вещи подавляют нас, что наша квартира сильно захламлена, и нам просто необходимо выбросить всё, что больше не имеет отношения к нашей жизни или же что может доставить неприятности нашим друзьям-христианам. Мы начали обходить комнаты, срывая со стен фотографии и карты, разрывая их на клочки, убирать в шкафах и складывать всё ненужное в гостиной. Через час сёстры помогли нам запаковать всё это в мешки для мусора и вынести из квартиры.

Каким-то образом это облегчило наше состояние. Елена и Ширин приготовили ужин — свежую, полезную и вкусную еду — и поели вместе с нами: тушеное мясо двух видов, макароны, свежие фрукты и печенье. Каждый раз, когда мы начинали есть медленнее, они говорили: «Ешьте! Ешьте ещё!» После столь длительного отсутствия полноценной еды у нас разболелись животы. Об этом нашем любимом блюде мы мечтали в течение всего заключения, однако теперь не могли и думать о еде. Сейчас все наши мысли были с нашими подругами из отделения 2, которые в этот миг, наверное, глотают ужасные тюремные помои. Когда заключённые освобождаются, сокамерницы просят их номера телефонов, чтобы поддерживать с ними связь. Первый вопрос во время первого телефонного звонка всегда один: «Что ты ела?» Вид этой прекрасной еды пробудил в нас желание, чтобы кто-нибудь позвонил нам. Этот момент был бы намного приятнее, если бы на линии были наши подруги из «Эвина», чтобы мы могли отпраздновать это событие вместе с ними.

В тот вечер, сами не ожидая этого, мы никак не могли успокоиться. Мы были очень напуганы, хотя всё время за решёткой чувствовали себя очень уверенно. Мы понятия не имели, чего боимся. Мы попросили сестёр немного повозить нас по городу. Казалось, будто мы хотели сбежать из квартиры, в которой были арестованы и которой не видели девять месяцев.

Улицы и толпы людей на них выглядели такими же, как и раньше. Разница заключалась лишь в том, что теперь, наблюдая за людьми, мы думали об ужасном бремени, под которым они живут, независимо от того, осознают они это или нет — о безжалостной диктатуре, основанной на репрессивных законах, во мгновение ока способных лишить

любого гражданина свободы и даже жизни. Кто-то, возможно, наблюдает за ними прямо сейчас, отслеживает их движение, прослушивает телефонные разговоры, читает их электронные сообщения, чтобы поставить для них ловушку, используя самые надуманные предлоги.

Мы отчаянно пытались дать народу Тегерана альтернативу. Не для того, чтобы подстрекать их оставить ислам или критиковать мусульманский образ жизни, а только для того, чтобы они понимали, что у них есть выбор и что они заслуживают право сделать его самостоятельно, не подвергаясь угрозам или преследованиям. Неужели наша работа по благовестию в Тегеране закончилась? Опять же, ответ на этот вопрос известен только одному Богу.

Мы вернулись домой и легли спать, каждая в своей комнате, на мягкие подушки и чистые простыни. Когда я лежала в одиночестве в темноте, мой разум пульсировал мыслями о дорогих подругах, которых мы оставили в тюрьме. У меня перед глазами то и дело возникали их лица, я ощущала запах камеры и ужасную, нездоровую тюремную атмосферу — и мне так не хватало всего этого! Засыпала я, плача. Всю ночь меня мучили кошмары о *басиджи*, которые врывались в дверь нашей квартиры.

Казалось, утро не наступит никогда. Когда же оно всё-таки наступило, первым делом мы решили пойти к врачу, чтобы начать лечение длинного списка проблем со здоровьем, которые тюремная жизнь вызвала или усугубила: повреждённая барабанная перепонка в ухе и язва у Марьям, моя боль в спине, головные боли, проблемы с зубами и почками. Мы прошли тщательный медицинский осмотр и получили все лекарства, в которых нам отказывали в течение многих месяцев.

Наши физические проблемы можно было чётко идентифицировать и лечить. Дело же с сердцами и умами обстояло совсем по-другому. Хотя нас отпустили домой, наше дело о вероотступничестве всё ещё не было ни рассмотрено, ни закрыто. У нас не было сомнений, что за нами ведётся слежка и все наши телефонные звонки и письма находятся под строгим контролем. Даже не имея специальной подготовки, мы замечали сотрудников разведки, которые следовали за нами на расстоянии, куда бы мы ни шли. Наше освобождение стало предметом новостей по всему миру. Мы были в центре внимания, и

наши старые друзья боялись разделить с нами эту радость. Беспokoясь за их безопасность, мы также боялись выйти с ними на связь. Даже когда мы встречались со старыми друзьями, которые тепло приветствовали нас, разговаривать было очень сложно, потому что они понятия не имели, через что нам пришлось пройти и как тяжело было продолжать жить как раньше.

Мы проводили гораздо больше времени с нашими новыми подругами — товарищами по заключению, которые также были освобождены, и теми, кто всё ещё ждал своей участи за стенами тюрьмы «Эвин». Одной из первых мы навестили Сильву Харотонян, которая теперь жила со своей матерью. Она понимала нас, знала, что мы переживаем. Она тоже повыбрасывала всю свою старую одежду и пожитки. Она тоже всё ещё ожидала суда, и за ней также следила полиция безопасности. Они с матерью к тому же ещё находились под домашним арестом, и им было запрещено покидать пределы страны.

За два года до ареста мы с Марьям организовали две домашние церкви и раздавали в городе Новые Заветы. В течение девяти месяцев в тюрьме «Эвин» мы каждый день прославляли Иисуса и проповедовали Его Благую Весть. Теперь наша евангелизационная работа была остановлена. Иранцы, желающие больше узнать о христианстве, не осмеливались связываться с нами. Люди, которые когда-то посещали наши домашние церкви, даже не подходили к нам. Было такое ощущение, что у нас проказа и мы на карантине. Мы понимали этих людей и проводили большую часть времени дома, чтобы не вызывать у *басиджи* подозрений по отношению к нашим друзьям-христианам. Мы осознавали, что любой контакт с нами может подвергнуть их опасности. Нас очень радовало, что до нас доходило много рассказов о том, что известие о нашем аресте и нашей несибиаемости в заключении привело многих ко Христу. Когда люди узнавали, что мы готовы умереть, но не отречься от своей веры, они хотели понять, что же стоит такой жертвы. Некоторые из тех, кому мы свидетельствовали в прошлом, но кто тогда не интересовался христианством, теперь с удовольствием читали Библию и задавали по ней вопросы. Мы от всего сердца благодарили за это Господа!

Наш пожилой арендодатель как-то сказал нам: «Когда я узнал о вашем аресте и отказе отречься от своей веры, мне стало интересно, что в христианстве может быть настолько истинным, что вы скорее по-

жертвуете своей жизнью, чем откажетесь от него. Я подумал, что, если бы Иисус не был истиной, вы не смогли бы противостоять суровым тюремным условиям. Я очень заинтересовался вашей верой и начал искать экземпляр Библии, а когда нашёл, немедленно принялся за чтение».

Мы с Марьям пообещали господину Рамезани, что свяжемся с ним. Мы также хотели попросить его посодействовать в том, чтобы нам отдали письма, которые нам присылали в тюрьму. Через несколько недель после нашего освобождения, не желая пользоваться собственными телефонами, мы позвонили ему с телефона-автомата. Он был рад нашему звонку и признался, что не думал, что после освобождения мы позвоним ему, поскольку он был высокопоставленным правительственным чиновником. Он сказал, что, вопреки постановлению судьи о выдаче нам наших писем, администрация тюрьмы уничтожила их все. Все тысячи...

К нашему изумлению, господин Рамезани пригласил нас к себе домой на обед. Он сказал, что с нами хочет встретиться таинственный человек, который видел о нас сон, предсказал нашу свободу и послал его в «Эвин», чтобы помочь нам. Сначала мы не решались идти в дом влиятельного в пенитенциарной системе Ирана чиновника, особенно потому, что знали, что за нами постоянно следят. Однако мы вспомнили, что этот загадочный человек видел во сне Иисуса и получил от Него указание прийти нам на помощь. Теперь он хотел встретиться с нами. Нам было так любопытно, что мы просто вынуждены были принять приглашение господина Рамезани.

Первым сюрпризом для нас было то, насколько скромным был дом высокопоставленного чиновника. Могущественные бюрократы в Иране живут в показной роскоши. Этот же дом был небольшим и невзрачным. Наш хозяин, просто одетый, встретил нас у дверей и представил свою привлекательную молодую жену и их двоих детей. Его жена готовила еду, а он помогал ей. Мы не могли поверить, что человек, имя которого вселяло страх в сердца должностных лиц тюрьмы «Эвин» всех рангов, готовил для нас обед в своём собственном доме. Только Бог мог устроить что-то настолько фантастическое! Его жена была добродушной и спокойной, со стройной фигурой и красивой улыбкой. Поговорив с ней несколько минут, мы пришли к выводу, что её муж помог многим другим заключённым. Как ему удавалось это сделать и не потерять своё положение, до сих пор остаётся для нас загадкой.

Вскоре из провинции прибыл наш благодетель. Он приехал в Тегеран специально, чтобы пообедать с нами. Он спросил нас о том, как мы обратились в христианство, и внимательно выслушал наши свидетельства. Затем он рассказал о своих убеждениях и о том, что провёл годы в тюрьмах за противодействие исламу. Он сообщил, что он всё ещё собирается со своими единомышленниками и пригласил нас присоединиться к ним. Как бы нам ни хотелось сделать это, мы решили, что из соображений безопасности каждой из нас, а также ради безопасности семьи господина Рамезани и его положения мы не можем принять это предложение. Нашего друга несколько не обидело наше решение. Напротив, он побуждал нас твёрдо держаться своих убеждений.

Когда мы свидетельствовали о Христе, то заметили, что госпожа Рамезани тихо плачет. Наши слова произвели на неё сильное впечатление. Она попросила нас молиться за неё, и мы пообещали. Господин Рамезани и его гость призывали нас не прерывать с ними связь и поддерживать друг друга.

По дороге домой мы с Марьям решили, что будет лучше, если мы не будем поддерживать связь с господином Рамезани и его другом. Для них это было слишком рискованно. Верно, что господин Рамезани каким-то чудом выжил и не потерял свою власть, несмотря на то что оказывал помощь заключённым. Но мы всё же не могли позволить себе подвергнуть его опасности, приняв предложение оставаться на связи. Несколько недель спустя мы узнали, что его понизили в должности и перевели в провинцию. Кто знает, имел ли отношение к его переводу наш визит...

Узнав, что все наши письма уничтожены, мы ещё больше начали добиваться того, чтобы вернуть свои ноутбуки, книги, документы, удостоверяющие личность, и другую личную собственность. Сильва, которая уже прошла этот процесс, объяснила нам, что для этого нужно. Мы написали заявление в Революционный суд и лично отнесли его туда. Там нам сказали, что суд сообщит нашему адвокату, где наши вещи и как их вернуть, и рекомендовали не заниматься этим вопросом самостоятельно, потому что некоторые судебные чиновники крайне недовольны тем, что нас освободили. Теперь мы были постоянными фигурантами мировых новостей. Наше дело и неспособность режима контролировать его исход приводили их в ярость.

В конце концов господину Агаси сообщили, что наша собственность находится в полицейском участке. Мы пошли туда вместе с ним, и нас отправили вниз, к завскладом по имени господин Язди. Когда наш адвокат предъявил ему предписание суда, господин Язди взорвался гневом.

— Зачем вы притащили сюда адвоката? Мы не работаем с юристами! Зачем он здесь?!

Скорее всего, господин Язди был обеспокоен тем, что господин Агаси знает закон и не позволит ему ввести нас в заблуждение, как он обычно поступал с бывшими заключёнными, которые пытались вернуть своё имущество. Наконец он успокоился, и мы убедили его, что не собираемся создавать проблемы и что к нему нас прислали из суда. Он попросил список вещей, и мы предоставили его.

— Я поищу их и позвоню, когда найду, — отрезал он. — Но в следующий раз не приводите адвоката.

Через несколько дней нам позвонили, что мы можем забрать свою конфискованную собственность. На этот раз господин Язди вёл себя как совершенно другой человек, крайне дружелюбный и вежливый. Он нашёл всё, кроме наших документов, удостоверяющих личность, за которыми мы должны были вернуться через неделю.

Пока мы ждали господина Язди, мы случайно увидели офицера, который принимал нас под стражу в день ареста.

— Вы всё это время сидели за веру в Иисуса Христа? — поинтересовался он.

— Да, именно так, — ответила я. — Вам это должно быть известно, поскольку ваша работа — держать под стражей невинных граждан этой страны.

— И как же вас освободили? — спросил он с неподдельным интересом.

Мы объяснили, что наше дело получило международную огласку, и это заставило режим освободить нас. Всё было в руках Господа, и Он воспользовался для исполнения Своей воли необходимыми рычагами.

— Вы понятия не имеете, что здесь происходит, — пожаловался офицер. — Здесь запирают людей за пару компакт-дисков или бутылку виски. Должно быть, и вас тоже держали в тюрьме по фальшивым обвинениям. Мне не терпится как можно скорее убраться отсюда, но я служу по призыву. Теперь вы, должно быть, знамениты после всего, что с вами произошло?

— Да, — согласилась я. — Господин Расти обладает уникальным талантом подставлять своих сограждан. Но, поступив так с нами, он поспособствовал распространению вести об Иисусе среди самых нуждающихся людей — заключённых тюрьмы «Эвин» — и дал нам всемирную известность, которой мы никогда не смогли бы добиться, даже если бы захотели.

Уходя, молодой офицер только покачал головой. Мне хочется верить, что после нашего разговора он часто думал об Иисусе. Мы же, вне всяких сомнений, часто молимся о нём.

Наступит день

Марьям

Пока мы ждали решения суда, несколько наших подруг получили новости о разрешении своих собственных дел. Некоторые из этих новостей были лучше, чем ожидалось, другие же, к сожалению, — хуже. В любом случае, по крайней мере, для них закончилось ожидание.

Сетаре вместе со своим братом была приговорена к пяти годам лишения свободы. Когда она позвонила, чтобы сообщить нам эту новость, её голос казался почти совсем беззаботным. Она смеялась и была исполнена надежд на будущее. Метаре — сильная девушка, которая могла противостоять злу и вынести все тяготы тюремной жизни, теперь знала, что конец близок. Арефе, арестованная во время одной из поствыборных демонстраций протеста, где был избит её двоюродный брат, приговорена к четырём годам заключения. Она была в ужасе, когда звонила, чтобы сообщить нам об этом. Девушка не могла поверить, что за одну акцию протеста её посадят на четыре года. Судья заявил, что он уверен в её *твёрдом намерении* и дальше противодействовать режиму. Афере же была убеждена, что её наказывают за принадлежность к семье *моджахедов*, хотя сама она не была членом этой организации. Её адвокат уже обжаловал приговор, и мы с Марзие пытались вселить в неё надежду, что апелляция будет удовлетворена. К сожалению, в лучшем случае её приговор будет сокращён всего на год, а три ужасно несправедливо присуждённых ей года всё равно придётся отсидеть.

Более радостную новость сообщила нам наша подруга Фереште, которая страдала рассеянным склерозом в отделении 209 и которой грозило пожизненное заключение или смерть. Её приговорили к двум годам лишения свободы из-за проблем со здоровьем. Муж Фереште не переставал пытаться убедить судью принять во внимание болезнь жены, и, наконец, его усилия принесли замечательный плод. Более того, поскольку Фереште уже отсидела год, ей остался ещё только один.

Махтаб, Сусан и Розиту освободили, хотя их дела всё ещё не были закрыты. Известие о том, что они вышли на свободу, было лучшей новостью, которую мы услышали с момента собственного освобождения. Мы посетили каждую из них, и наши визиты ещё раз убедили нас в том, что никто не понимает нас так же хорошо, как люди, которые сами пережили тюремное заключение. Махтаб рассказала, как каждую неделю ездит со своим тестем на свидания с женихом, который всё ещё отбывает заключение в другом городе. Они до сих пор очень любят друг друга, и её поддержка имеет для него невероятное значение.

Сусан живёт с двумя дочерьми. Она борется с депрессией, но по-прежнему остаётся преданной делу борьбы с режимом, насколько это возможно в её положении. Мы посоветовали ей сосредоточиться на детях и заботиться о том, чтобы они получили хорошее образование.

Розита была очень рада вернуться к своим трём сыновьям, которые, в свою очередь, были несказанно счастливы возвращению матери. Как приятно было видеть, что семья счастлива, хотя над ними всё ещё нависала густая тень, поскольку дело Розиты до сих пор ожидало вынесения приговора.

Наши подруги, которые по-прежнему оставались в тюрьме «Эвин», постоянно жили в наших мыслях и молитвах. Они звонили, чтобы сообщить нам последние новости, а мы старались поддержать их, как могли. Внутри тюрьмы малейший подарок или проявление доброты имеют гораздо больше значения, чем на свободе. Мы вспомнили, как рады мы были, когда нам передавали новую одежду, и решили отправить своим подругам подарки в честь празднования Навруза, иранского Нового года.

Через несколько месяцев после нашего освобождения, когда приближались новогодние праздники, мы с Марзие пошли на рынок, купили целую гору одежды и передали её родственникам заключённых, чтобы они доставили её в тюрьму. В ответ мы получили множество телефонных звонков от подруг, которые сердечно благодарили нас за подарки и за то, что не забыли их. Наступление Навруза ознаменовало год с момента нашего ареста; прошлый новогодний праздник мы отмечали в «Эвине» сразу после перевода туда.

Шло время, и нас больше всего беспокоила наша подруга Ширин Алам Хули. Она позвонила и сказала, что её снова допрашивали в отделении 209. На этот раз допрос проводили два человека. Они сказали, что, если она составит им список своих друзей и единомышленников, может быть, они отменят её смертный приговор. Когда Ширин отказалась, ей пригрозили, что у неё есть только два выбора: сотрудничать или умереть и приказали записать видеопризнание, которое будет транслироваться по телевидению. Она отказалась сделать и это. Тогда ей сказали: «Это наш последний разговор. Больше мы не оставляем тебе шансов». Это заявление смутило и напугало Ширин.

Стресс от допросов усугубил её физические проблемы. Головные боли и кровотечения из носа стали более частыми, а зрение начало ухудшаться ещё быстрее; она больше не могла вязать. Мы просили её добиться приёма врача, но она ответила, ей не разрешили получить от брата даже новые очки, не то что отвести к врачу. Позже Ширин позвонила и сказала, что её брат Эса узнал, что она приговорена к пожизненному заключению.

— Я не переживу этого, — заявила Ширин совершенно нехарактерным для неё несчастным голосом. — Лучше бы меня казнили! Теперь всех политических заключённых перевели в одну камеру № 6; они постоянно спорят о политике. У меня больше нет сил выслушивать их бесполезные дискуссии. Как я устала от всего этого!

Силы Ширин исчерпывались. Письмо, которое она написала своему судье и следователям, каким-то образом попало в Интернет. Её острые слова вызвали протесты во всём мире, что немного придало ей надежды. Мы пытались ободрить её, убеждая, что уверены в отмене её приговора.

— Думаю, меня скоро освободят, — как-то сказала она. — Когда я сказала об этом другим женщинам, они рассмеялись. Но я же не останусь здесь навсегда!

Возможная замена смертного приговора Ширин на пожизненное заключение, а также резонанс, который вызвало её письмо во всём мире, вселили в нас надежду, что со временем срок её заключения может быть сокращён ещё больше. Потом нам позвонил Эса, и его звонок ранил нас, как нож в сердце. Он позвонил мне на мобильный, настолько взволнованный и расстроенный, что едва мог говорить.

— Пожалуйста, помогите! Пожалуйста, помогите! — умолял он снова и снова. — У нас с Ширин больше никого нет! Я не вынесу этого! Ради Бога, помогите!

— Что такое? Что случилось?

— Ширин скоро казнят!

— Что ты такое говоришь?! Она сказала нам, что ты сказал, что судья постановил смягчить её приговор!

— Я солгал. У меня просто не хватило духу сообщить ей правду.

Мы с Марзие договорились встретиться с Эсу, чтобы узнать все подробности. Стараясь избежать прослушивания полицией, мы подошли к площади Хафт-э-Тир и говорили в машине пока ехали.

— В апелляционном суде судья Салавати подтвердил приговор к смертной казни, — сказал он в отчаянии и дрожа от страха. — Письменная копия его решения вот-вот будет отправлена в «Эвин».

Судья Салавати, известный как «судья-убийца», был известен тем, что приговаривал всех заключённых к смертной казни. Он и выглядел соответственно: у него были густые чёрные брови, а на его упитанном квадратном лице, казалось, застыло устрашающее злое выражение.

Что мы могли сделать? Мы встретились с Сильвой и некоторыми другими женщинами, чтобы выработать план действий. Одна женщина написала господину Долатабади, главному прокурору, который приезжал к нам ближе к концу нашего срока. Она утверждала, что она мать Ширин, и умоляла его о пощаде. Мы знали, что судьям нравится, когда их умоляют. Мы подготовили краткое изложение жизни Ширин и фактов по её делу для распространения среди правозащитных организаций. Другие друзья завели блог о Ширин, чтобы её дело получило огласку и чтобы заручиться поддержкой общественности. Приговор будет приведён в исполнение примерно через месяц: это было всё время, которое у нас оставалось, чтобы спасти жизнь своей дорогой подруги.

Эса рассказал Ширин о том, что мы делаем. Когда мы с Марзие впервые разговаривали с ней после того, как она узнала правду, мы едва могли говорить. Сначала мы не знали, что сказать, а она была в ярости, что брат солгал ей. В конце концов, мы начали шутить о том, что Ширин, как она и хотела, будет «по ту сторону».

— Пообещай мне, что, только придёшь туда, то свяжешься со мной и расскажешь, как там, — сказала я, едва сдерживая слёзы.

— Замётано! — ответила Ширин. — Я буду приходить каждую ночь и пугать тебя как следует. Как только моя душа покинет тело, я улечу к вам домой, потому что ваша квартира ближе всего к «Эвину». Ты же знаешь, как я всегда хотела увидеть ваш дом, ну вот, теперь я смогу это сделать!

Мы говорили о страшных вещах, но пытались, чтобы это звучало как шутка.

— Пообещай мне, что, когда я умру, вы будете ждать моё тело за пределами «Эвина», — потребовала Ширин. — Если вы это сделаете, я обещаю открыть вам очень важный секрет.

— Мы будем там первыми, — заверила я подругу.

С того дня мы регулярно разговаривали, чтобы держать Ширин в курсе наших усилий по её делу. Мы попросили её написать письмо, в котором она объяснила бы, что её пытали и накачивали наркотиками и что видео с «признанием», которое она когда-то записала, было сделано под принуждением. Мы умоляли подругу молиться о помощи к Иисусу. Ведь Он мог сотворить чудо и спасти её жизнь. Мысль об этом очень обрадовала её, и она пообещала молиться. Мы предложили вместе помолиться по телефону. У нас не было никаких сомнений в том, что в сердце Ширин любила Иисуса, хотя никогда об этом не говорила. Она была очень рада услышать, что за неё молятся многие христиане. Мы попросили наших подруг, которые всё ещё находились в «Эвине», внимательно следить за ней и утешать её, насколько это возможно.

Марзие

После праздников Навруз мы получили известие, что наша явка в суд по обвинению в вероотступничестве назначена на 13 апреля 2010 года в 9:00 утра. К нашему удивлению, слушание должно было состояться в областном суде, где мы не были ранее. Здесь было вынесено много суровых приговоров, включая и к смертной казни.

Мы с Марьям знали, что существует возможность, что нас снова отправят в тюрьму. Мы сообщили своим подругам, что, возможно, скоро снова встретимся с ними. А ещё мы собрали чемоданы, чтобы на всякий случай взять с собой в суд.

В назначенное утро мы прибыли в здание суда. Оставив свой багаж в машине, мы вошли в огромное здание с бесконечным лабирин-

том коридоров, которое наводнили сотрудники службы безопасности. Наконец, мы нашли нужное отделение и стали дожидаться господина Агаси. Через несколько минут он, хромая, вошёл в комнату. Его мучила такая боль в ногах, что он едва ходил. Когда мы сказали ему, что привезли с собой багаж и он в машине, мы все вместе рассмеялись, чтобы снять напряжение. Он предупредил, что повсюду установлены камеры наблюдения, поэтому было бы лучше, если бы мы не выглядели такими весёлыми. Он всё ещё считал, что, возможно, в прошлый раз судья отказался принять нас, потому что мы не выглядели испуганными и смиренными. Господин Агаси объяснил, что сегодня мы предстанем перед коллегией из пяти судей, которая вынесет окончательное решение по нашему обвинению в вероотступничестве.

Мы прождали в течение часа, пока назовут наши имена. Когда же мы, наконец, вошли в зал суда — огромный зал, заполненный пустыми стульями, — у нас перехватило дыхание. Впереди на возвышении стоял длинный стол, а центральное кресло было выше остальных. Сидя на самом высоком месте, председательствовал главный судья, толстый мужчина средних лет с седыми волосами и бородой. По обе стороны сидели два младших помощника судьи, а за столом перед ними — женщина в чадре. В углу сидели двое других мужчин. Мы направились было, чтобы занять места посреди комнаты, но господин Агаси указал на стол, который стоял прямо перед судьями. Мы с Марьям так привыкли смеяться, когда нужно было успокоиться, что едва могли сдержаться, хотя и пытались изо всех сил контролировать себя. Наше вежливое приветствие присутствующих было встречено каменным молчанием. Мы сели с господином Агаси за стол.

В течение десяти минут никто не произнёс ни слова. Мы не видели, читали ли судьи документы, разложенные перед ними, просто разглядывали нас сверху вниз или, может быть, спали. Мы подумали о том, что, если каждый судья задаст по пару вопросов, нам придётся провести в этом зале несколько часов. Наконец главный судья произнес молитву к Аллаху и приказал огласить обвинения, выдвинутые против нас. Женщина в чадре встала и громким голосом прочитала обвинительный акт. Наше обвинение в вероотступничестве, пропаганде христианства, хранении Библий и нелегальных компакт-дисков было длинным и состояло из множества пунктов. Нас обвиняли в том, что мы отступники, с которыми нужно поступать согласно исламскому

закону, и призывали суд назначить «максимально возможное наказание за пропаганду христианства». Как всем присутствующим было хорошо известно, максимально возможное наказание — смертный приговор.

Главный судья внимательно посмотрел на нас.

— Госпожа Ростампур, вы признаёте себя виновной в выдвинутых против вас обвинениях?

— Нет.

— Госпожа Амиризадэ, а вы признаёте себя виновной в выдвинутых против вас обвинениях?

— Нет.

— Господин Агаси, запишите аргументы защиты ваших клиентов и передайте их суду.

Мы наблюдали, как наш юрист начал писать слова, которые сейчас определяют наше будущее. Теперь он знал, что лучше не пытаться подменять истину или пытаться преуменьшить нашу христианскую веру. Он написал, что мы никогда не оскорбляли ислам или убеждения других. Он написал, что Библии и компакт-диски принадлежат нам и что мы никогда не участвовали в пропагандистской деятельности против правительства.

Пока господин Агаси писал, один из младших судей перетасовал стопку бумаг.

— Госпожа Ростампур? — обратился он ко мне.

— Слушаю вас.

— У меня к вам несколько вопро...

Но прежде, чем он успел договорить, главный судья прервал его.

— Зададите свои вопросы позже!

— Хорошо, — покорно ответил младший судья. — Я просто хотел удовлетворить своё любопытство.

У другого помощника судьи было сердитое выражение лица и соответствующий тон голоса.

— У меня тоже есть несколько вопросов к подсудимым!

Тут встал господин Агаси и передал свои записи главному судье, который, мельком взглянув на них, перевёл взгляд на нас.

— Согласны ли подсудимые с фактами, изложенными вашим адвокатом?

Мы ответили, что согласны.

Рассерженный молодой судья вскочил на ноги:

— Пусть адвокат зачитает написанное, чтобы мы все могли услышать.

До этого времени все четверо младших судей сидели с кислыми выражениями лиц. Они пришли с множеством вопросов. Однако, было очевидно, главный судья не собирался позволить им задать их. Он подозвал нас к себе и, наклонившись, тихо произнёс:

— Подпишите эти документы о том, что вы присутствовали в суде, и можете спокойно идти домой.

Это были не оправдательные документы, а только документы, которые подтверждали, что мы явились на суд. Пыша гневом, один из молодых судей воскликнул:

— Только не думайте, что вам всегда всё будет так просто сходиться с рук! На этот раз мы позволили вам расслабиться. Но если вы когда-нибудь снова войдете в этот зал, то отсюда вы пойдёте прямо на виселицу!

После того, как мы подписали документ, главный судья объявил, что наш адвокат будет проинформирован об окончательном решении по нашему делу. Как только мы вышли из зала суда, господин Агаси перестал скрывать радость. Я думала, что сейчас он запрыгает по коридору, несмотря на свою больную ногу и всё остальное.

— Это означает, что вас оправдают! — ликовал он. — Тот, другой, судья натворил такую путаницу. Наконец-то ваше дело будет разрешено, и вы на самом деле будете свободны. Я никогда не думал, что это будет так просто!

Впервые после ареста мы почувствовали себя по-настоящему свободными. И хотя официального решения по нашему делу ещё не было, наш адвокат не сомневался, что это наша последняя явка в суд. С наших плеч упал неописуемый груз. Мы перестали испытывать давление.

После долгих размышлений, дискуссий и молитв мы решили, что как только все юридические вопросы будут решены, мы покинем Иран. Хотя теперь мы были физически свободны от тюрьмы «Эвин», мы по-прежнему находились в плену у режима, который следил за каждым нашим шагом и мог повторно арестовать нас в любое время, даже без предъявления обвинений. *Басиджи* всегда были рядом, они

постоянно наблюдали з нами. Христиане и все, кто интересуется христианством, подвергали бы себя опасности, даже просто разговаривая с нами, не говоря уже о том, чтобы навещать нас или собираться для поклонения. Из-за страха некоторые из наших друзей делали вид, что не знают нас, когда встречали на улице. Живя в Иране, они находились в таком же плену, как и мы. Теперь вся страна знала нас в лицо; и нам было невозможно спокойно проповедовать или благовествовать, как это было раньше. Если бы религиозные экстремисты взяли дело в свои руки, правительство, вероятно, тайно вознаградило бы их за наше убийство.

Более того, после всего, что произошло, мы знали, что, если дадим режиму малейший повод для своего ареста, наша жизнь окажется в серьёзной опасности. Иран был нашим домом, нашей родиной; однако нам пришлось выбирать между нашей верой и нашей страной. Мы выбрали Христа.

Фактически, до урегулирования нашего дела мы всё ещё находились под негласным домашним арестом. В то время мы не хотели покидать Иран, даже если бы могли, потому что правительство могло объявить о нашем «побеге» и заклеить нас как беглецов: «Видите?! Мы же говорили, что эти христианки имели дурные намерения!»

Официальное оправдание было бы победой Христа и поражением режима. Мы хотели видеть, как они извиваются, смиряясь перед международной общественностью и отменяя позорный смертный приговор, вынесенный людям, которые твёрдо придерживаются своих принципов. Теперь, когда мы были официально оправданы, пришло время уезжать.

Нам звонили подруги из тюрьмы «Эвин», чтобы поздравить нас и отпраздновать это событие вместе с нами. Мы также следили за делом Ширин Алам Хули. Наша самая большая надежда заключалась в том, что она будет спасена до нашего отъезда. Её дело теперь освещали четыре разные группы активистов, которые пытались оказать давление на суд и заставить его проявить снисходительность и сострадание.

Марьям

Несколько дней спустя во время завтрака зазвонил сотовый телефон Марзие. Она слушала, не проронив ни слова — ей не нужно было говорить; выражение её лица свидетельствовало само за себя:

Ширин Алам Хули была казнена в то утро, ещё до рассвета. Сусан сказала, что узнала об этом через сеть *моджахедов*.

Как это возможно! Даже садисты из иранской судебной системы не стали бы казнить женщину так быстро, не так ли?

Пока Марзие начала отслеживать историю в Интернете, я поехала на такси до тюрьмы «Эвин». За воротами не было слышно никакого шума, никакого движения, только два часовых, как обычно, стояли на посту. Я пошла в интернет-кафе, чтобы попытаться найти в сети какую-либо информацию о казни Ширин, но тщетно. Пока я была там, позвонила Марзие.

— Это правда. Ширин мертва.

Этот жестокий режим убивал её уже много раз. И теперь, по милости Божьей, она, по крайней мере, покоилась с миром. Ей было всего двадцать восемь лет. Марзие ждала меня у ворот тюрьмы. Там же стояли брат Ширин и ещё одна её подруга. Никто не был в состоянии произнести ни слова. Всё можно было прочесть по глазам. Все рыдали. Так мы проплакали до тех пор, пока не выплакали все слёзы. Затем вместе сели на обочине дороги и стали ожидать, когда тело Ширин выйдет на свободу.

Наконец-то нам удалось собрать по крупицам рассказы о последних часах жизни подруги. Ширин как будто знала, что конец уже пришёл. В субботу вечером она приняла ванну и надела новую одежду, которую мы ей прислали на Новый год. Все говорили ей, что она выглядит красивее и счастливее, чем когда-либо. Она пошла навестить заключённых в камере № 2. Там она смеялась и пила чай, когда пришли надзиратели и увели её, позапирив за собой все двери. Прошлую ночь Ширин провела в одиночной камере. Никто из её подруг не знал, что её увели на казнь. Ни у кого не было возможности попрощаться.

Ширин была оставлена наедине со своими мыслями до следующего утра, когда ей на шею затянули петлю. Кто мог выбить стул из-под ног этой тихой, добросердечной, артистичной девушки? Кто имел достаточно хладнокровия, чтобы смотреть в её безмятежные глаза, когда в них навсегда угасал свет?

Ширин была одной из пяти курдов, повешенных вместе в воскресенье, 9 мая 2010 года. Все они осуждены за принадлежность к Рабочей партии Курдистана, которая возглавляет борьбу за создание курдского государства из частей Ирана, Турции и Ирака. В последний

момент, когда с их глаз сняли повязки, они пели курдскую песню до тех пор, пока веревки не заглушили их голоса.

Мы ждали тело Ширин, надеясь в последний раз взглянуть на её красивое лицо, ведь мы обещали подруге, что будем встречать её на свободе. Наконец, брат узнал, что её тело и тела четырёх других курдов уже увезли на кладбище. Нам нужно было быстро ехать туда, но здесь, в тюрьме, нам предстояло забрать её вещи. Марзие пошла внутрь.

Сверху в одной из сумок лежала синяя футболка, которую Ширин часто носила с ожерельем, которое мы ей подарили. Мы плакали и прижимали к себе её одежду, прикладывая к себе и делая вид, что мы — это Ширин. Кто мог подумать, что так скоро после нашего прощания в коридоре тюрьмы, мы будем снова здесь, а она будет уже мертва? Мы слышали голос подруги, видели перед собой её лицо и вспоминали, как она носила эту одежду, которая всё ещё сохраняла её запах. Как это было мучительно!

Господи, почему? Почему в мире так много несправедливости? Как Ты можешь безмолвствовать перед лицом такого зла? Сколько ещё смелых и добрых невинных молодых девушек должно умереть от рук этого жестокого, злого и трусливого режима?..

Господь видит зло, которое люди делают друг другу, и это огорчает Его. Иногда, с нашей примитивной земной точки зрения невозможно полностью увидеть совершенный план Бога. Но Он любит Ширин и пострадал за неё, чтобы даровать ей прощение.

Кладбищенский сторож сказал, что трупы казнённых заключённых здесь, но их нельзя увидеть без письменного разрешения суда. Поскольку было уже слишком поздно получить разрешение, мы вернулись домой. Наша квартира была очень пустой, поскольку мы выбросили много вещей. В комнатах было холодно и уныло. Никто не мог уснуть; мы с Марзие провели ночь на полу в гостинной, плача в объятиях друг друга.

На следующее утро мы вернулись к главным воротам тюрьмы «Эвин», где собралась большая толпа. Распространилось известие о том, что режим отказывается выдать тела казнённых курдов родственникам. Студенты подали петицию об их выдаче. Толпа быстро узнала нас, и люди начали подходить и благодарить за то, что мы пришли. Охранники, которые наблюдали за людьми, собравшимися у ворот тюрьмы, по-особенному наблюдали за нами.

Около полудня приехали родственники ещё одного казнённого заключённого и рассказали, что суд отказал в выдаче тел, потому что они боятся протестов и беспорядков. Вместо этого, родственникам заключённых выдали карточки, которые они могут предъявить на кладбище, когда пройдёт угроза беспорядков и когда позже они смогут забрать тела.

Мы выразили соболезнование матери и сестре Фарзада Камангара, известного и уважаемого курдского учителя, который стал одной из жертв.

— Не плачьте, — утешали они нас. — Фарзад и другие не погибли. Они всегда живы, и мы должны ими гордиться. И хотя мы их потеряли, у нас есть вы. Братья и сёстры Фарзада, Ширин и других продолжают жить!

Адвокат казнённых курдов сам сидел в тюрьме. Он со слезами на глазах сообщил, что суд известит его, когда можно будет забрать тела, и он сообщит всем.

Мы с Марзие провели ещё одну бессонную ночь в своей квартире. На следующее утро после казни телефоны в тюрьме «Эвин» отключили. Как только связь была восстановлена, начали звонить наши подруги. Они находились в шоке и переживали невосполнимую утрату. Сообщение о казни Ширин ужаснуло их ещё больше, чем нас. Мы даже не могли разговаривать; мы плакали в трубку все пятнадцать минут, отведённые на телефонный разговор. Они узнали о судьбе Ширин, когда на следующее утро надзиратель сухо сообщила: «Она мертва». Ничего более.

На следующее утро позвонил господин Агаси и сообщил, что, хотя у него всё ещё нет письменной документации, он получил устное подтверждение того, что мы свободны и наше дело закрыто. Как смешно: нам так много раз говорили, что в иранской правовой системе нет ничего официального, пока это не оформлено в письменной форме. Трое судей уже дали письменное одобрение; а двое других были в отпуске. Мы так никогда и не получили письменного подтверждения нашего оправдания.

Тело Ширин мы тоже так и не получили, и больше никогда не видели её. Казнённых курдов похоронили тайно в безымянной братской могиле, чтобы избежать общественного протеста или реакции семей. У нас был дневник Ширин, который тайно вынесли из тюрьмы «Эвин»

и передали нам. Сделав себе копии, мы передали его общему другу, чтобы он переслал его Эсе.

22 мая 2010 года, менее чем через две недели после смерти Ширин, мы покинули Иран, не зная, ни когда вернёмся туда, ни вернёмся ли вообще. Когда наш самолёт взмывал в раннее утреннее небо и брал направление на Турцию, прощаясь, мы смотрели в иллюминатор на огни Тегерана. Мы пообещали своим подругам, которые до сих пор находились в «Эвине», что помашем им рукой, когда будем пролетать над тюрьмой. Мы направлялись в неопределённое будущее, изгнанные из страны своего рождения, своей родины, оставив позади всю прожитую в ней жизнь и все воспоминания.

Далеко внизу большая часть страны всё ещё спала — наши страждущие подруги в своих переполненных камерах, наши братья и сёстры христиане в своих домах и наши многочисленные тайные сторонники по всей стране. Наша надежда на будущее — в Господе и Его милости к нашему страдающему и преследуемому народу. Этот несправедливый и жестокий режим не может править вечно. Наступит день, когда Бог воскресит эту страну и её народ из пепла и даст ей «вместо пепла — украшение, вместо плача — елей радости, вместо унылого духа — славную одежду, и назовёт их сильными правдою, насаждением Господа во славу Его» (Книга пророка Исайи 61:3). Мы молимся, чтобы в Своём плане исполнения этой мечты Господь использовал нас!

Послесловие

Первую остановку мы сделали в Турции. Мы планировали жить в Соединённых Штатах, но, чтобы попасть туда, нам пришлось подать заявление через ООН в Турции. Мы жили в Анталии почти год, регулярно посещая офис ООН в Анкаре и составляя дневники своего заключения, которые и легли в основу этой книги. Было очень трудно вспоминать и записывать печальные, выстраданные моменты, но мы считали, что обязаны рассказать миру своё свидетельство.

Мы подверглись множеству интенсивных допросов, сначала турецкими властями, а затем людьми из ООН. Некоторые из наших респондентов сомневались в подлинности наших показаний, несмотря на то что история наша была широко освещена СМИ. Они сомневались в том, что мы — христиане, что мы были арестованы и что иранское правительство отступило и сняло обвинения против нас.

Отношение к нам турецкой полиции оказалась неожиданно жёстким, хотя и не таким жёстким, как отношение официальных лиц из ООН, которые опрашивали нас. Наши первые интервью в ООН проводили граждане Турции, которые там работали, и которые, как и полиция, были явно возмущены тем фактом, что мы «обратились» из ислама. Они могли погуглить наши имена и узнать, через что нам пришлось пройти, однако они продолжали утверждать, что мы придумали эту историю и что у нас нет надлежащей документации. Позже, когда интервью у нас брали американские чиновники ООН в Стамбуле, проблемы продолжались. Один из них сказал Марзие, что она не может быть христианкой, потому что её свидетельство о крещении было выдано христианской организацией, а не церковью.

В назначенное Богом время нам выдали визы, и мы переехали в Атланту, где у нас установились хорошие отношения с организацией «World Relief». Так началась новая жизнь. Поначалу жизнь в США напоминала пребывание на другой планете. Мы очень плохо знали английский, и каждая мелочь в повседневной жизни казалась для нас странной. Мы сразу же начали пытаться найти способ завершить книгу со своим свидетельством. Мы хотели рассказать миру о том,

как мы сами оказались в пленении в Иране, но ещё более о том, что в плену там находится целая нация.

Мы с нетерпением ждали возможности поделиться своим свидетельством. А издав эту книгу, каждая из нас занялась получением образования в местном колледже. Когда мы просматривали наши записки и собирали больше информации, нам напомнили, что каждый случай притеснения в мире уникален, и ни одно решение не подходит для всех. Мы до сих пор не знаем всех подробностей своего освобождения. Нам известно одно: для решения нашего дела требовался тонкий баланс между общественным давлением и частными переговорами, достичь которого мог только Господь!

Если бы пять лет тому назад кто-нибудь сказал нам, что к настоящему времени мы проведём более девяти месяцев в иранской тюрьме, где нам будет грозить смерть, что рассказы о нас облетят весь мир, что мы напишем книгу (тем более на английском!) и переедем в Атланту, штат Джорджия, мы бы ответили, что они — сумасшедшие. Мы и понятия не имели, что Господь задумал для нас. Несмотря на всю душевную боль, которую мы испытали во время этого путешествия, мы ни за что не отказались бы от него. Для нас честь послужить Христу таким образом, взять свой крест и верно следовать за Ним, куда бы Он ни вёл нас. Для нас также огромная честь поделиться этим свидетельством с вами.

Благодарность

Появление этой книги — чудо. Нет другого способа объяснить его. В противном случае, как могли две иранские девушки, которые всё ещё изучают английский, написать её менее чем за три года после прибытия в США?

Такая возможность могла появиться только от Господа. Мы благодарим нашего Спасителя Иисуса Христа, который благополучно провёл нас через все невзгоды, привёл в свободную Америку и дал возможность рассказать миру своё свидетельство, а также истории о других иранских женщинах.

Чтобы сделать издание этой книги возможным, Бог послал на наш путь множество людей.

Первым был Кевин Эдвардс, который стал нашим хорошим другом, а также нашим агентом, и помог нам принять множество решений и сделать множество необходимых шагов для воплощения этого проекта в жизнь.

Мы также благодарны Джен Лонг Харрис и её замечательной команде из «Tyndale Momentum»: старшему редактору Саре Аткинсон, старшему менеджеру Шэрон Ливитт и редактору нашего проекта Дэйву Линдстедту.

Благодарность Богу за этих верных Ему мужчин и женщин, которые помогли нам реализовать нашу мечту засвидетельствовать вам о нашей вере и нашем жизненном пути!

Об авторах

Марьям Ростампур и Марзие Америзадэ родились в мусульманских семьях в Иране. Марьям — в городе Керманшах, а Марзие — в Рафсанджане. Они познакомились во время изучения христианского богословия в Турции в 2005 году и выяснили, что стали христианками примерно в то же время, шесть лет назад. Решив объединить свои усилия, они вернулись в Иран и начали вместе нести служение благовестия. В течение последующих двух лет они распространили двадцать тысяч Новых Заветов в Тегеране и других городах страны. В своей квартире они основали две домашние церкви: одну для молодёжи, а другую для проституток. Они расширили своё служение благодаря миссионерским поездкам в Индию, Южную Корею и Турцию.

В марте 2009 года Марьям и Марзие были арестованы в Тегеране за пропаганду христианства — преступление, караемое в Иране смертной казнью, — и заключены на 259 дней в печально известную тюрьму «Эвин». Официальными обвинениями, выдвинутыми против них, были вероотступничество, антиправительственная деятельность и богохульство, за что их ожидала казнь через повешение. Поскольку много людей во всём мире молились за их свободу, международное давление на иранское правительство исходило от многих организаций, наиболее известными из которых являются «Amnesty International», ООН и Ватикан.

В конце концов Марьям и Марзие были освобождены из тюрьмы, а все обвинения, выдвинутые против них, — сняты. Они считают за честь хоть частично испытать страдания Христа во время своего тюремного заключения во имя Его. После освобождения они иммигрировали в США и сейчас живут недалеко от города Атланта.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1: Не о чем беспокоиться	6
Глава 2: Виновные	20
Глава 3: Дорога в «Возару»	30
Глава 4: Огромная честь	47
Глава 5: Новые друзья, старые вопросы	59
Глава 6: Свидетельство на стенах	72
Глава 7: «Эвин» — наша церковь	83
Глава 8: Дети Божьи	95
Глава 9: Накормить голодных	107
Глава 10: Испорченная репутация	118
Глава 11: Сильный дух, изнурённая плоть	130
Глава 12: «Справедливость» и «Честность»	140
Глава 13: Завязанные глаза и благословения в отделении 209	154
Глава 14: «Казните нас!»	170

Глава 15: Урок веры	180
Глава 16: Иная свобода	190
Глава 17: Мир наблюдает	203
Глава 18: В ожидании новостей.....	212
Глава 19: Превыше всякого понимания	225
Глава 20: Бог действует!	235
Глава 21: Смена времён	246
Глава 22: Таинственный посетитель.....	255
Глава 23: Признаны виновными	264
Глава 24: Надежда — только на Господа.....	278
Глава 25: Не так, как ожидалось	290
Глава 26: Наступит день	301
Послесловие	314
Благодарность.....	316
Об авторах	317

Наша квартира

*Многоквартирное
здание, где мы жили
во время ареста.*

Карта, на которой мы отмечали места нашего служения в Тегеране. Кружки и кресты указывают места распространения Новых Заветов.

Главные ворота тюрьмы «Эвин», используемые для доставки заключённых в суд и в другие инстанции. Они находятся совсем недалеко от нашей квартиры; мы жили в самой тени этой тюрьмы, неся тайное служение.

Ворота тюрьмы «Эвин», через которые входят семьи, приехавшие на свидания с заключёнными. На этом снимке вы можете увидеть приближающихся женщину с ребёнком.

*Стены тюрьмы «Эвин», которые можно
было видеть из нашей квартиры.*

Внутри стен тюрьмы «Эвин»

Существует очень мало фотографий, сделанных внутри тюрьмы «Эвин». В 2006 году правительство разрешило редкий визит в тюрьму представителям СМИ, которым продемонстрировало вычищенные и продезинфицированные помещения, очень непохожие на те, которые мы увидели несколько лет спустя. После десятилетий ограничения доступа на этот объект правительство хотело, чтобы эти фотографии были опубликованы с целью создать более позитивный имидж тюрьмы. Следующие фотографии сделаны представителями СМИ в 2006 году... Однако, вопреки желанию правительства теперь мы можем поделиться своим взглядом изнутри на то, как это было на самом деле, когда двери за журналистами закрылись, а вокруг не стало камер.

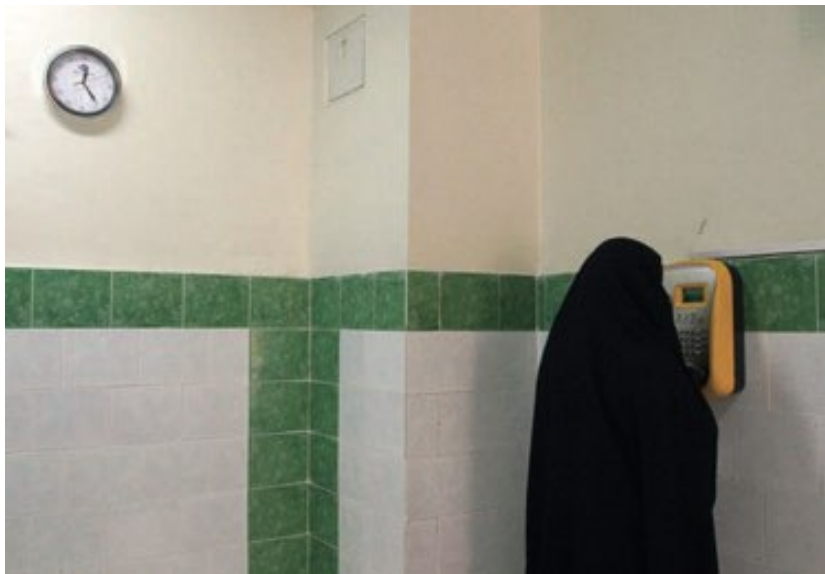
Это не наша камера из отделения 209, а фотография, сделанная в 1986 году в камере общественной тюрьмы. Наша камера в том же отделении была намного меньше, без окон и без дневного света. Вместо того, чтобы иметь возможность смотреть сквозь решётку, как на этой фотографии, мы были заперты за прочной стальной дверью.

Мы не уверены, что это за камера, но она не похожа на ту, в которой держали нас. Нам не хватало ни света, ни места, и уж тем более не было чистых простыней с цветами! Когда вокруг нет фотографов, камеры выглядят грязными, воняют потом, рвотой и затхлыми туалетами. Наша камера в общественной тюрьме также была намного больше переполнена, чем эта: женщины сидели везде, где только могли найти место.

Мы подозреваем, что эта фотография для прессы могла быть сделана в камере № 3, которую обычно демонстрируют гостям, потому что там содержится меньше заключённых. Вы видите заключённую, которая выглядывает из-за надзирателя, однако этого не произошло бы там, где были мы. Нас охраняли исключительно женщины, и никогда не молодые мужчины-надзиратели, подобные этому. Этот коридор похож на коридор в нашем отделении... но намного чище.

Этот телефон похож на тот, которым мы пользовались, но большую часть времени вокруг нас было много женщин, которые кричали, дрались и мешали разговаривать. Мы едва слышали собеседника и никогда не видели такой пустоты и уединённости, как на этой фотографии.

Ширин Алам Хули, наша лучшая подруга в общественном отделении, была казнена через повешение 9 мая 2010 года, после двух лет издевательств в тюрьме «Эвин».

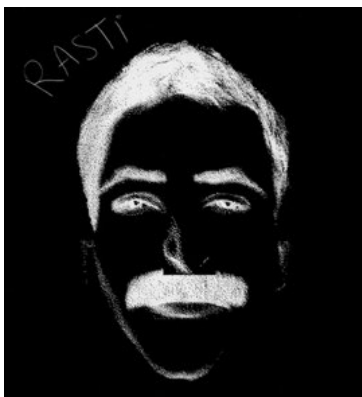

Печально известный судья Салавати, которого называют «судья-убийца». Именно он отправил на смерть Ширин.

Заклѹчѣнную, но не умолкнувшую...

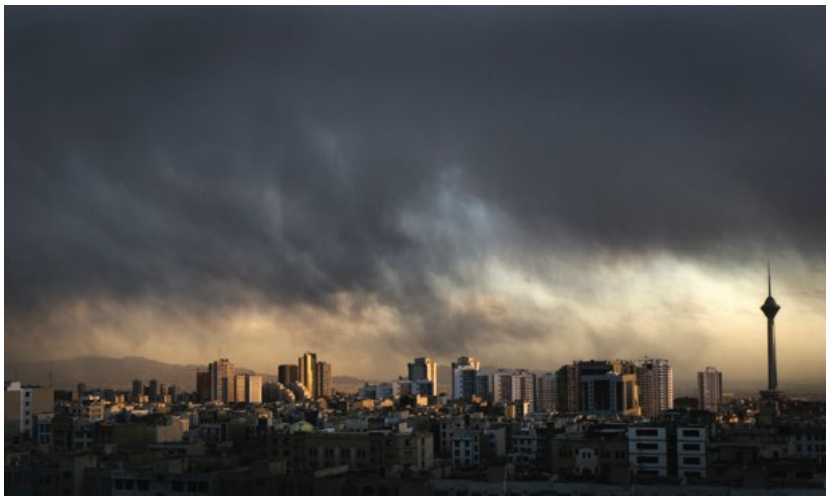
Аятолла Садег Лариджани (глава судебной системы Ирана). Судья Пираббаси сказал нам в суде, что господину Лариджани звонили представители ООН, чтобы спросить, почему мы всё ещё находимся в тюрьме.

После освобождения мы по памяти воссоздали этот образ господина Расти (нашего первого следователя), используя онлайн-программу. Результат очень похож на него, за исключением того, что он должен казаться старше и более жестоким. Мы никогда не видели настоящей улыбки господина Расти.

Марзие в детстве. Это две из немногих детских фотографий, оставшихся у нас обеих. Почему? Как только нас выпустили из тюрьмы, мы опустошили всю квартиру. Мы выбросили одежду, фотографии, сувениры и все личные вещи. Мы думали, что полиция вернётся за нами, и из страха хотели избавиться от всего, что могло бы быть использовано как доказательства против нас или против тех, кому мы служили. Опыт научил нас, что это нормальная реакция для переживших травму, хотя сегодня очень хотелось бы вернуть некоторые из этих вещей.

Над Тегераном надвигается шторм. Несмотря на то, что правительство сделало с нами, мы по-прежнему очень любим свою страну и молимся за свободу наших соотечественников-иранцев, особенно за тех, кто всё ещё несправедливо заключён в стенах тюрьмы «Эвин».

ЗАКЛЮЧЁННУЮ, НО НЕ УМОЛКНУВШУЮ...

Марьям Ростампур и Марзие Амиризадэ знали, что подвергают себя смертельному риску. Исламские законы их страны запрещают проповедовать о Христе и рассказывать окружающим о христианской вере. Несмотря на это, за три года девушки тайно передали Новые Заветы в руки более двадцати тысяч своих соотечественников и основали в своей квартире две подпольные домашние церкви: одну — для молодёжи, другую — для проституток, многие из которых — брошенные мужьями жёны, у которых не было иного способа прокормить себя и своих детей. Несколько раз Марьям и Марзие чуть было не попали в руки властей, однако каждый раз их оберегала сила свыше.

Но в 2009 году девушек арестовали и бросили в печально известную тюрьму «Эвин» в Тегеране, где заключённых регулярно подвергают пыткам, насилуют, а казни — обыденное дело. Даже пережив безжалостные допросы и унижения, находясь на грани приговора к смертной казни через повешенье, Марьям и Марзие не поддались страху, а отважились на радикальный, очень опасный шаг. Они решили свидетельствовать о своей вере внутри стен тюрьмы, которая должна была заставить их замолчать.

В книге «Пленённые в Иране» Марьям и Марзие рассказывают о том, как Бог использовал их в течение 259 дней, чтобы проливать свет в одно из самых тёмных мест мира, даруя надежду тем, кто не имеет её, и проявляя любовь к тем, кто никогда её не испытывал.

Благодаря международному давлению, после долгих месяцев допросов и унижений, **Марьям Ростампур и Марзие Амиризадэ** вышли на свободу и с них были сняты все обвинения. Теперь девушки живут в США.

RU

ISBN: 978-1414371207

9 781414 371207